АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

XVII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

XVII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1947 Ленинград

Редакционная коллегия

Ответственный редактор — член-корреспондент *А. Д. Удальцов*
Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:
С. Н. Бибиков, С. В. Киселев,
А. Л. Монгайт, С. А. Тараканова

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА
Вып. XVII 1947 год

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

С. П. ТОЛСТОВ

«ГОРОДИЩА С ЖИЛЫМИ СТЕНАМИ»

(Памятники хорезмийской культуры ахеменидского периода) [1]

Памятники ахеменидского периода истории Хорезма изучены еще очень слабо. Однако мы уже можем дать характеристику, пожалуй, важнейшей стороне древнехорезмийского быта этой эпохи — типу поселений. Ахеменидское время характеризуется здесь появлением на смену «длинным домам» амирабадского типа так называемых «городищ с жилыми стенами», представленных открытыми нами в 1939 г. развалинами Кюзели-гыр и Калалы-гыр на древнем канале Чермен-яб, в примыкающей к культурным землям Ташаузской области ТССР части Каракумской пустыни. Эти городища датируются по керамическим данным временем между VI и III вв. до н. э. [2]

Керамика Кюзели-гыра, сделанная на ручном круге, довольно груба и сопровождается находками стрел скифского типа, восходящего к VI—IV вв. до н. э., [3] что позволяет считать эти городища наиболее ранними в нашей серии. Характерна поверхность сосудов, изборожденная горизонтальными рубцами, что явно связано с технологическим процессом работы на ручном круге, еще недостаточно освоенном. Поверхность Кюзелигырской керамики близко напоминает поэтому поверхность металлических сосудов ахеменидской эпохи (где этот прием, перенесенный с керамики, имеет уже чисто декоративное значение) и керамических сосудов из Суз, относящихся к тому же времени. [4] Однако наличие значительного количества сосудов (чаш) с красным ангобом, близким к кангюйскому, [5] хотя и отличных по форме (отсутствие дисковидного поддона), не позволяет особенно завышать возраст рассматриваемых памятников, повидимому, непосредственно предшествующих кангюйским. В пользу этого говорит и форма стрел (рис. 1), среди которых отсутствуют раннескифские формы (двуперые стрелы), известные нам по подъемным материалам.

---

[1] Из материалов Хорезмской археол. эксп. АН СССР 1937—1940 гг.

[2] С. П. Толстов. Древности Верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1, стр. 178.

[3] Ср. стрелы из оренбургских скифских курганов этого времени у B. N. Grakow. Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenbourg. ESA, IV, 1929, рис. 4, стр. 173; рис. 7, стр. 175.

[4] F. Sarre. Die Kunst des alten Persiens, Berlin, 1923, табл. 46, 47.

[5] См. наши работы в ВДИ, 1938. № 4 и ВДИ, 1941, № 1.

Городища такого типа располагаются на останцовых возвышенностях довольно далеко от русла канала, чем они сильно отличаются от позднейших античных городищ, которые, вне зависимости от того, расположены ли они в низине или на возвышенности, всегда находятся непосредственно на обслуживавшей их водной магистрали.

Рис. 1. Бронзовый наконечник стрелы из Кюзели-гыра

Городища ахеменидского времени характеризуются огромными размерами, целиком занимая площадку облюбованного холма. Калалы-гыр имеет форму довольно правильного прямоугольника, Кюзели-гыр (в соответствии с очертаниями холма) — подтреугольную форму. Размер первого — 1000 × × 700 м, второго — 1000 (основание △) × 400 м (высота △). Они значительно больше самых крупных из обследованных нами городищ более поздней античности, как правило, не превышающих в длину полукилометра. Но особенно интересна их планировка. Огромная внутренняя площадь обоих городищ оказалась почти совершенно свободной от культурных остатков. С несомненностью можно утверждать, что она не использовалась под жилье. Вся жизнь была сосредоточена внутри массива мощных стен, заключающих в себе по два или три ряда параллельных узких коридорообразных жилых помещений, опоясывавших все городище. На Кюзели-гыре, «жилые стены» которого разрушены почти до основания, удалось хорошо выяснить планировку этих своеобразных жилищ.

Сопоставляя указанный тип поселений с характерным для амирабадской культуры типом глинобитного «длинного дома» из стоянки Джанбас-

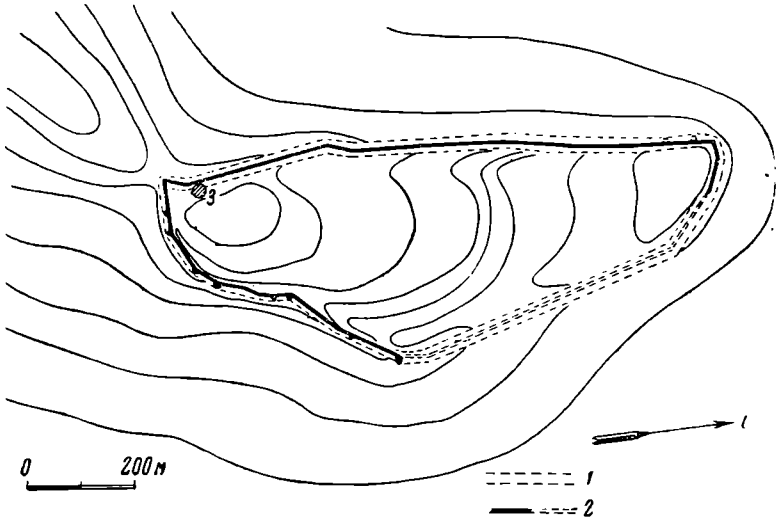


Рис. 2. План Кюзели-гыра

1 — подошва вала; *2* — стены и следы стен. Горизонталь 1.75 м

калы № 7, мы видим, что городища с «жилыми стенами» представляют собой непосредственное развитие амирабадских домов.[1] По существу — это огромной длины амирабадские дома, поставленные по краям избранного для поселения холма так, что они образуют замкнутую фигуру с

[1] Амирабадская культура относится к началу I тысячелетия до н. э. Для нее характерны длинные глинобитные дома. Дом в Джанбас-калы № 7 имеет 77 м длины, при ширине 20 м. Стены — мощностью 1.5—2 м. Вдоль дома тянутся 2 коридорообразных жилья, одно 5, другое 10 м ширины.

гигантским внутренним двором. Кроме этих домов, на городищах имеются и другие постройки, однако особого, не жилого назначения.

На Кюзели-гыре (рис. 2), недалеко от центра городища, мы обнару-

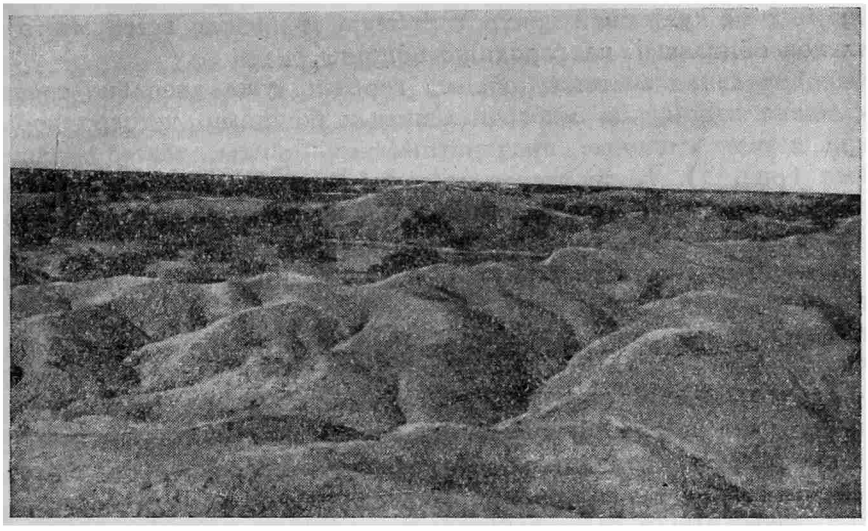


Рис. 3. Вид «жилых стен» Кюзели-гыра в современном состоянии

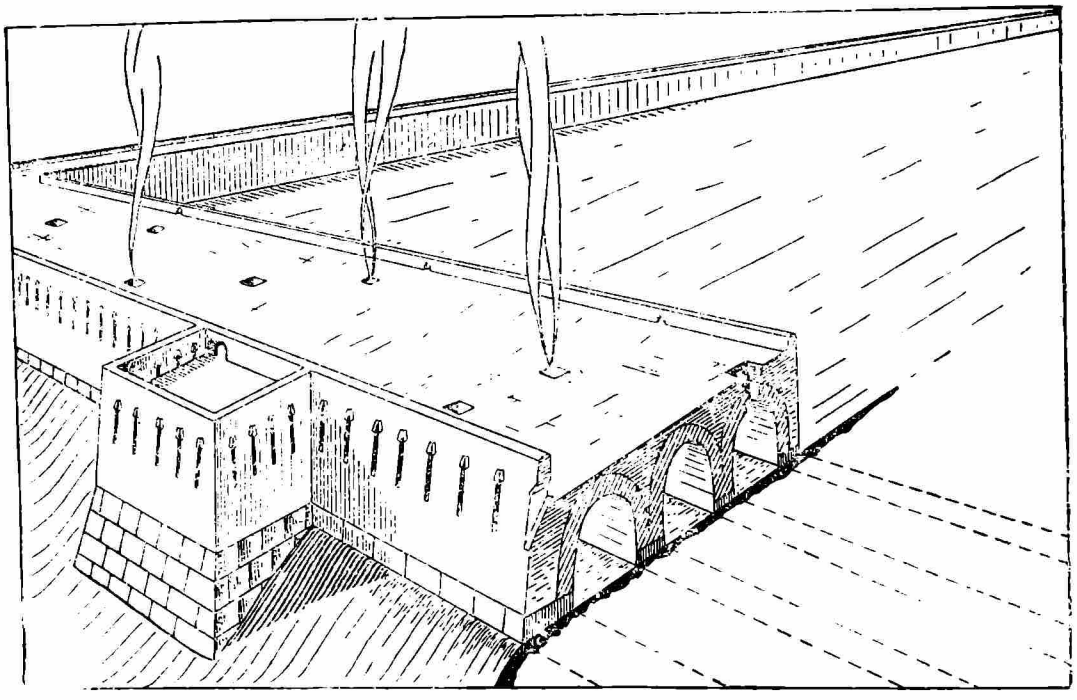


Рис. 4. Опыт реконструкции «жилых стен» Кюзели-гыра

жили три оплывших бугра построек, размерами каждая 20 × 20 м, вытянутых в ряд с промежутками в 3 м. Функцию этих построек определить пока не удалось, но их особое место в центре городища, среди огромной пустой площади не позволяет рассматривать их как обычные дома. У се-

верной стены Калалы-гыра, близ СВ угла, находится большое, сложной планировки здание из сырцового кирпича. На поверхности земли в его комнатах валялось большое количество черепков оссуариев и оссуарных хумов (погребальных корчаг). Заложенный в одном из помещений дома шурф обнаружил погребение в таком хуме. Все это заставляет видеть в описанном доме культовой центр городища и прежде всего место погребения членов обитавшей на городище общины.

Оборонительная система обоих городищ уже довольно совершенная. Стены извне защищены многочисленными башнями, четверо ворот Калалы-гыра имеют сложные предворотные лабиринты, также защищенные башнями (рис. 3). Хотя стены не сохранились до уровня бойниц, общая структурная близость конструкции стен и типа оборонительных сооружений «городищ с жилыми стенами» и позднейших хорезмийских городищ [1] позволяет почти полностью реконструировать характер этих сооружений.

Первоначальный вид домов-стен может быть восстановлен в следующем виде (рис. 4). Две или три сложенные из крупного сырцового кирпича $40 \times 40 \times 10$ см параллельные галлереи, перекрытые, вероятно, высокими и узкими эллиптическими сводами, создавали толщу стены городища. Плоская кровля из настланных поверх сводов кирпичей образовывала пол шедшей над жилыми галлереями стрелковой галлереи, откуда, вероятно, через люки, служившие одновременно световыми колодцами, можно было попасть в жилые помещения. Стрелковая галлерея была снаружи и, вероятно, изнутри защищена идущим вверх продолжением внешних стен дома-стены и открывалась наружу многочисленными (часто на расстоянии около одного метра друг от друга) высокими и узкими бойницами стреловидной формы. Была ли стрелковая галлерея перекрыта сверху плоской кровлей,— сказать трудно. Вероятнее предположение, основанное на анализе стрелковой галлереи в крепости IV в. до н. э.— I в. н. э. Джанбас-кала,— что не была. Тогда легче объяснить и условия освещения жилых галлерей.

Остается вопрос о назначении огромной внутренней площади городища. Высота ее над уровнем воды в каналах исключает возможность использования ее под поля, огороды или сады. Наиболее вероятно предположение, что это — загон для скота, видимо, основное подлежащее защите богатство древних хорезмийцев.

«Городища с жилыми стенами» очень близко воспроизводят тот тип поселения древнейшей Средней Азии, который описан в некоторых текстах Авесты. В первую очередь я имею в виду текст II фаргарда Вендидада, описывающий постройку укрепленного поселения «четырехугольной Вары» героем Авесты Йимой (Джемшид эпоса).

«33. И Йима построил Вару, длиной в лошадиный бег [2] по всем четырем сторонам и перенес туда семена быков, собак, птиц и огней, красных, пылающих. Он сделал Вару длиной в лошадиный бег по всем четырем сторонам жилищем для людей, Вару, длиной в лошадиный бег по всем четырем сторонам — загоном для скота.

34. Туда он провел воду по пути, длиной в хатр... [3] Там он построил жилища, дом, свод, двор, место, закрытое со всех сторон.

37. В широкой части постройки он сделал девять проходов, шесть в средней части, три в узкой...

---

[1] См. описание их в ВДИ, 1938, № 4 и ВДИ. 1941, № 1.
[2] По Дармстетеру, около 2 англ. миль, т. е. около 3 км.
[3] Около 1.5 км.

38. ...И сделал он вход в световой люк»...

Этот текст, содержащий много темных мест и непонятных терминов, полностью дешифрируется при сопоставлении со структурой «городищ с жилыми стенами».

Квадрат мощных сырцовых стен 12 км в окружности, имеющих в наиболее широких местах девять сводчатых проходов внутри массива стены и в наиболее узких — три прохода (как в Кюзели-гыре), перекрытых коробовыми сводами со световыми люками, служащих жилищами для людей, и окружающих двор, который являлся загоном для скота. Это точное описание «городища с жилыми стенами».

Историки походов Александра — Арриан, Курций, Плутарх — в один голос говорят об огромных размерах укрепленных поселений доэллинистической Средней Азии: «скала» Хориена — укрепленное поселение на площадке скалистой возвышенности — имела в окружности «до 60 стадий» (Арриан, IV, 21), т. е. около 9 км. «Скала» Сатибарзана (Курций, VI, 6, 25) имела окружность в 32 стадия (около 5 км). «Скала» Сизимитра (Страбон, XI, 11, 4) — 80 стадий (около 12 км). По Курцию (VII, 11, 1), «скала» Аримаза имела 150 стадий (свыше 23 км) в окружности.

По Помпею Трогу (XII, 5), Александрия на Танаиде (построенная по «Дорожнику Александра» 84 руками пленных, вероятно, по местному образцу) имела в окружности 6 миль, т. е. около 7.5 км. Мараканда, крупнейший город Согда, имела, по Курцию (VII, 6, 10), в окружности 70 стадий, т. е. около 11 км, причем, кроме внешних стен, также и внутреннюю цитадель.

Конечно, эти цифры, во всяком случае некоторые из них, видимо, преувеличены. Однако характерна общая тенденция, с несомненностью говорящая об огромных для греческого наблюдателя размерах согдийских и бактрийских «городов», вполне соответствующих размерам «квадратной Вары» Авесты (12 км в окружности) и «городищ с жилыми стенами» Хорезма (2—3 км в окружности).

Именно этот архаический тип планировки поселения и является объяснением парадоксального факта, что, как отметил Бартольд в отношении размеров Мараканды по Курцию, «таких больших городов потом не было в Туркестане до арабского завоевания». [1]

Действительно, среди археологических памятников домусульманской Средней Азии «городища с жилыми стенами» — самые большие по размеру. Крупнейшие известные нам домусульманские города Хорезма эллинистического времени (Базар-кала) не превышают 2 км в окружности, а Калалыгыр и Кюзели-гыр, несомненно, отнюдь не принадлежат к «крупным городам», а являются всего только заурядными поселениями.

Если обратиться к этнографическим параллелям, то очень близкую аналогию мы встретим в описанном Л. Г. Морганом типе поселения так называемых «строителей насыпей» в бассейне р. Миссисипи, в частности — в пуэбло «Высокой насыпи», реконструированном Дж. Кутлером. [2] Основная часть этого пуэбло составляла неправильный квадрат в 270 × 270 м, образованный семью поставленными в виде каррэ «длинными домами», поднятыми на глинобитный цоколь 3.5 м высоты и около 14 м ширины в основании.

Раскрываемый таким образом перед нами господствующий тип поселения Хорезма ахеменидской эпохи — укрепленного общинного поселения (типа пуэбло) крупных размеров, с обширным внутренним двором — загоном для скота, иногда, возможно, используемым под посевы, окончательно,

---

[1] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 2.
[2] Л. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев, Л., 1934, стр. 52

нам думается, разрешает проблему бесчисленных городов Средней Азии, о которых говорят нам почти все древние авторы.

Наиболее ранним является свидетельство Ктесия (V в. до н. э.) о Бактрии — термин, вероятно, собирательный, в смысле бактрийской сатрапии, включавшей большую часть Средней Азии. Ктесий (Диодор, II, 5, 6) говорит о «множестве неприступных укрепленных мест», о «большом количестве крупных городов в Бактриане». Трог Помпей (XII, 4) называет Диодота Бактрийского (середина III в. до н. э.) «правителем тысячи бактрийских городов». О семидесяти больших и малых городах Ферганы рассказывает для конца II в. до н. э. Чжан-цянь.

В этой связи стоит упомянуть недавно выдвинутую известным английским историком эллинизма В. В. Тарном, посвятившим истории Греко-бактрийского царства фундаментальную монографию, [1] тенденциозную гипотезу о том, что укрепленные общинные поселения появляются в Средней Азии лишь после греко-македонского завоевания, в результате мудрой социальной политики Евтидема. Им якобы предшествовали «неукрепленные поселения крепостных крестьян», сидевших на землях «согдийских баронов».

Наш материал рисует совсем иную картину общественного быта ахеменидской Средней Азии. Не «феодализм», а мощные пласты первобытно-общинного строя, сочетавшегося, вероятно, с элементами примитивного рабовладения, не «открытые поселения крепостных крестьян», а обнесенные высокими стенами укрепленные пуэбло первобытных общин выступают здесь перед нами. При этом наши данные увязываются не только с показаниями Авесты. Прямые свидетельства историков походов Александра, упомянутые нами ранее, в которых многое до открытия «городищ с жилыми стенами» оставалось непонятным, сейчас могут быть истолкованы только как свидетельства именно об этом типе укрепленных поселений. При этом, несмотря на явную преувеличенность приводимых ими цифр, из них можно сделать один, очень существенный для нас вывод: поселения ахеменидской Средней Азии располагались преимущественно на возвышенностях и отличались огромными размерами.

Более, конечно, скромные, но все же достаточно внушительные, намного превосходящие все, что мы имеем в более позднее время, размеры наших «городищ с жилыми стенами» и их расположение, позволяют с достаточной определенностью заключить, что именно такого типа поселения мы должны видеть в «скалах» согдийских и бактрийских вождей, описанных Аррианом, Курцием и Страбоном. Только принятие этого тезиса сделает понятным огромные, ни с чем, казалось бы, несообразные размеры этих поселений.

---

[1] W. W. Tarn. The Greeks in Bactria and India, Cambridge, 1938. См. нашу рецензию в ВДИ, 1940, № 4.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА
Вып. XVII 1947 год

А. Н. БЕРНШТАМ

БЕРККАРИНСКАЯ ПРЯЖКА

(О скифской традиции в сарматском искусстве)

В 1939 г. при раскопках Берккаринского могильника, относимого нами в его древнейшей части к IV—III вв. до н. э., в одном разграбленном кургане, на дне, была найдена бронзовая поясная пряжка. Пряжка плоская, подпрямоугольной формы, литая, размер 8 × 4.5 см (рис. 5). На одном краю имеется прорезь для крепления ремня. На другом—прорезь меньшего размера, куда продевался заостренный конец ремешка. В конце ремешка была петля, которой он застегивался за крючок, прикрепленный около малой прорези. Интерес представляет не конструкция пряжки, а рельефный рисунок во внешней плоскости — сочетание двух изображений животных: головы льва на всем поле пряжки, держащего в пасти птицу, изогнутая шея и голова которой служат крючком для застегивания ремня.

Рис. 5. Бронзовая поясная пряжка, найденная в Берккаринском могильнике

Голова льва сделана весьма реалистично. Она занимает половину пряжки и образует ее наиболее массивную часть. Пасть открыта, верхняя губа сморщилась, она покрыта мелкой прорисовкой усов. Глаз дан весьма рельефно, верхнее веко поднято, глазное яблоко сильно выдается вперед, характеризуя сильное напряжение хищника. Это напряжение подчеркнуто двумя моментами: рельефной передачей мышц скул в виде каплевидного рисунка, острым концом обращенного вперед, а также прижатым назад рельефно переданным ухом. Эти четыре элемента — верхняя губа, глаз, мышца и ухо — сосредоточивают в себе всю ту экспрессию, которую пытался придать художник изо-

Рис. 6. Бронзовая поясная пряжка, найденная в Берккаринском могильнике

бражению. Гораздо спокойнее, хотя в тех же реалистических тонах, дана нижняя, слегка отвислая губа, схематически оконтурен зев и заушные мышцы, изображенные в виде валика с резьбой, напоминающей жгут.

Вторую половину пряжки составляет условная передача гривы льва в виде плавных, слегка спускающихся книзу трех рельефных прядей, завивающихся на концах. Каждая прядь дополнительно прочерчена парой тонких линий. Между концом гривы и концом пряжки проходит длинная поперечная щель для крепления ремешка. Пасть, как отмечалось выше, открыта. Около самого зева малая поперечная щель для продергивания заостренного конца ремня с петлей и застежка. От нее до конца морды хищника — необработанная плоскость, как бы зажатая между верхним и нижним рядом зубов. На этой площадке укреплен крючок в виде головы и шеи птицы типа лебедя, исполненной схематично, без деталей. Высота крючка 1.5 см (рис. 6).

Описанная пряжка, несомненно, прекрасный образец изобразительного искусства в металле и по художественному значению принадлежит к первоклассным образцам своего времени. Однако наряду с художественными достоинствами она явно несет в себе уже известные элементы схематизации, например, в рисунке гривы, некоторую незаконченность во всем изображении.

Для выяснения вопроса о культурных связях и о традиции изображения обратимся к памятникам изобразительного искусства, имеющим непосредственное отношение к разбираемому сюжету.

Манера рисунка на пряжке производит впечатление, что в металле передана техника работы художника, работавшего с другим материалом. Сравнительно слабо выраженная скульптурность, приближающая изображение к плоскому рельефу, прорисовка гривы льва заставляет видеть в этом прием, более характерный для резьбы по дереву, чем для работы по металлу. Ближайшие аналогии данному сюжету, да и технике исполнения, мы находим в бляхах из богатого Шибинского кургана на Алтае, раскопанного и изученного М. П. Грязновым. [1] Особенно явно сходство в рисунке — та же голова хищника как основной сюжет украшения. Известно, что шибинские курганы, по которым для Алтая даже установлена особая стадия, относятся к II—I вв. до н. э. Эта дата отчасти соответствует и времени курганов, в которых была найдена наша пряжка. Впрочем, техника застежки широко известна для этого времени и за пределами Казахстана, например, среди сарматских погребений Северного Кавказа, где иной раз встречаются пряжки аналогичного типа с прорезным рисунком восточного происхождения, например с изображением верблюда. Такого типа аналог мне был в свое время указан Г. Подгаецким.

В рассматриваемой пряжке следует различать две манеры технического приема. В то время как морда хищника передана более скульптурно, грива изображена плоско, прорезью. Геометрически правильные три завитка гривы невольно приводят к аналогии со своеобразными крыльями животных, окаймляющих борт Семиреченского алтаря, ныне хранящегося в Отделе Востока Эрмитажа. [2] Крылья фантастических животных жертвенника переданы скульптурно, но почти в той же манере, того же рисунка. Невольно встает вопрос, не являются ли эти орнаментальные украшения на так называемых «собаках» Семиреченского алтаря теми же стилизованными львами, с той же стилизованной гривой? Наличие изображений хищников хорошо теперь известно на бронзовых предметах из Семиречья. На светильниках,

[1] М. Грязнов. Древние культуры Алтая. Материалы по изучению Сибири, вып. 2, Новосибирск, 1930; М. Ростовцев. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль, табл. IX, стр. 20—21.

[2] См. в сб. «С. Ф. Ольденбургу» статью «Большой Семиреченский алтарь».

найденных на северном берегу оз. Иссык-Куль, также изображены львицы в борьбе с горными козлами.[1] Семиреченский круг памятников из бронзового литья с изображениями животных становится таким образом сюжетно и стилистически очень тесно связанным. Разнообразные по технике выполнения, они имеют общий сюжет — образы хищников кошачьей породы. Нельзя пройти мимо того факта, что по сравнению с вышеотмеченными памятниками изображение на нашей пряжке наиболее схематично. Этим самым она попадает по сравнению с приведенными аналогиями, быть может, в наиболее поздний круг памятников этого типа. Скульптурные звериные изображения семиреченских находок входят в круг так называемых «скифских памятников искусства V—IV вв. до н. э.». Начиная со II, а особенно I в. н. э. появляется характерная сарматская ажурность, наиболее ярко представленная по каргалинским находкам.[2]

Переход от скифской скульптурности к сарматской плоскостной ажурности, естественно, проходит через изображения такого горельефного типа, каковой является наша пряжка. Естественней всего поэтому поместить ее как промежуточное звено в этом развитии изобразительных приемов и датировать веками III—II до н. э., когда хронологически и происходил этот переход от скифского к сарматскому искусству. Аналогичный процесс происходит на Енисее, Алтае, а также в Вост. Европе, у скифов и сарматов.

Следует отметить, что изобразительное искусство Семиречья имеет очень тесные связи с Алтаем. Вместе с тем, как уже показал М. П. Грязнов, еще в эпоху бронзы намечаются локальные особенности развития казахстанского очага бронзы.[3] Видимо, эти же локальные особенности продолжаются и в скифскую и сарматскую эпохи. Шибинским аналогиям нашей пряжке на Алтае предшествуют аппликации Пазырыкского кургана,[4] берккаринской пряжке предшествует бронзовая скульптура жертвенников.

Хотя вся тератологическая композиция Семиречья находит себе аналогии в южносибирских памятниках, нельзя отрицать иранского влияния на эти вещи. Саки, которые жили в Семиречье и явились создателями этих замечательных произведений, несомненно, находились под культурным влиянием иранских племен.[5] Этим влиянием объясняются, в частности, явления зороастрийского культа, чему обязаны своим появлением жертвенники. Быть может, из Ирана идет изображение льва, не известного для этих областей. Влиянием Ирана может быть объяснена и трактовка морды хищника.

Доказательством того, что западные влияния проникали в Семиречье, служат такие факты, как тиснение в золоте изображений Сатира и Медузы, найденных в усуньских погребениях III—I вв. до н. э. на Чу, что свидетельствует о влиянии грекобактрийского искусства.[6]

Резюмируя изложенное, мы можем сказать, что Берккаринская пряжка является интереснейшим предметом искусства, уходящим своими корнями в скифское искусство и стоящим близко к грани перехода (III в.) последнего в новую стадию — «сарматскую».[7]

---

[1] Б. Зимма. Иссыккульские жертвенники. Фрунзе, 1941.

[2] А. Бернштам. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карголинке. «КСИИМК», 1940, вып. V.

[3] М. Грязнов. Казахстанский очаг бронзовой культуры. Отд. отпеч.

[4] Его же. Пазырыкский курган. Л., 1937.

[5] A. Herrmann. Sakai, PW.

[6] М. Воеводский и М. Грязнов. Усуньские погребения на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3 (4).

[7] Мы не останавливаемся сейчас на функциональном значении изображения (в плане идеологическом). Возможно, что это — отражение тотемистических представлений. Впрочем, по этому вопросу мы отошлем к работе В. Гольмстен «Из области культа древней Сибири». Из истории докапиталистических формаций, ОГИЗ, 1933.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА
Вып. XVII 1947 год

А. Н. БЕРНШТАМ

ФРАГМЕНТ СЕЛАДОНОВОГО БЛЮДА С КИТАЙСКОЙ НАДПИСЬЮ

На Беловодском городище (Сталинский район, Фрунзенская обл., Кирг ССР) был найден в верхнем слое (III) фрагмент селадона — донце от блюда. Селадон — темнозеленый с тисненым растительным орнаментом.[1] Орнамент представляет собой плавно изогнутые стебли с листьями и, видимо, цветы с крупными лепестками, быть может, астры. На обороте блюда внутри поддонья через стекловидную массу селадона прорезана группа иероглифов, исполненных грубо, но четко и сравнительно грамотно (рис. 7). Линии в знаках выполнены как будто по линейке, ибо после изготовления сосуда (надпись сделана явно по готовому сосуду) резать знаки от руки было бы весьма трудно.

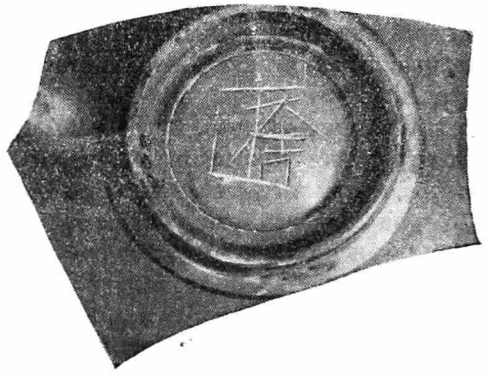


Рис. 7. Фрагмент селадонового блюда с китайской надписью

Иероглифы расположены в виде монограммы. Сначала в центре поддонья был прорезан большой знак «чжэн» 正. Затем справа от него сверху вниз знаки «да цзи» 大吉. Последние два знака образуют как бы самостоятельную строчку. Эти палеографические особенности позволяют нам читать их раздельно. Учитывая, что это надпись на сосуде, мы знак «чжэн» переводим как «залог невесте от отца жениха».[2]

Этим знаком обычно клеймились подарки от свекра невесткам, входившие в число сговорных даров. Последующие два знака «да цзи» — обычное благопожелание — «великое благо», вполне согласующееся с идеей подарка невесте.

Селадоновое блюдо, весьма типичное по технике изготовления, принадлежит к типу так называемого «Лун-цзюань»[3] и может быть отнесено к XII — самому началу XIII в.

---

[1] А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала, Фрунзе, 1943, стр. 26, табл. X, рис. 12.
[2] Словарь Попова, стр. 444, табл. II.
[3] R. Hobson. The George Eumorfopoulus Collection, Catalogue of chinese, coreen and persian pottery and porcelain, т. II, табл. XXIX

Район городища, где был обнаружен фрагмент, замечателен тем, что здесь был один из центров каракитаев. Ремесленники производили китайского типа черепицу, «коньки» на крыши, сосуды, характерные для этой эпохи. Остатки большого количества печей и могильник эпохи караханидов и каракитаев были обнаружены к востоку и северу от Александровского городища (километров в 15 от места находки), непосредственно у стен поселения. Очевидно, в составе этого поселения были и китайские ремесленники, ибо в некрополе были обнаружены захоронения по китайскому обычаю, с большим количеством нефрита. Наличие китайского поселения в Чуйской долине документировано в письменных источниках с давних времен. Китайцы были в свитах китайских царевен, выдаваемых замуж за усуньских гуньмо (II в. до н. э.). Сюань-Цзан отмечает во время своего путешествия (630), что в Чуйской долине большое количество китайских военнопленных занимается земледелием. Китайское же население отмечают и путешественники XIII в., например Чаньчунь (1220). Обилие вещей китайского происхождения не редкое явление для Чуйской долины.

В связи с этим нашу находку можно рассматривать не как случайный предмет безвестного жителя Чуйской долины, а как эпиграфическую заметку о китайских обычаях среди китайского населения древнего Киргизстана, издавна в нем обитавшего. Об этом свидетельствует врезанная грубая надпись на сосуде, явно привезенном из Китая, о чем говорит высокая и типичная техника его изготовления.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА
Вып. XVII 1947 год

М. М. ГЕРАСИМОВ

ПОРТРЕТ ТАМЕРЛАНА

(Опыт скульптурного воспроизведения на краниологической основе)

Изучение физического типа людей далекого прошлого, несомненно, является одним из элементов исторического исследования. Антропологическое изучение людей, генеалогия которых известна, помогает понять природу передачи ряда признаков по наследству, и с этой стороны оно будет интересно уже не историкам, а биологам. Новая методика создания скульптурного портрета исторического лица на краниологической основе не только объединяет общность интересов биологической и исторической науки, но и делает этот немой костный материал доступным пониманию каждого, а не только специалиста антрополога. [1]

В мае — июне 1941 г. были произведены раскопки в мавзолее Гур-Эмир, усыпальнице династии Тимуридов. Экспедиция вскрыла пять захоронений: Тимура, его сыновей Шахруха и Мираншаха, его внуков Улугбека и Мухаммад-Султана. Цель настоящей статьи дать описание процесса восстановления документального портрета Тимура.

Могила Тимура занимала центральное положение в подвальном помещении мавзолея; ее надгробье состоит из очень массивной, грубо отесанной плиты серого известняка, поверх которой на ганчевом растворе была прикреплена тонкая плита оникса, покрытая тончайшим резным узором посвятительной надписи. Под плитой был обнаружен толстый слой ганча, перекрывающий массивные поперечные блоки известняка, служившие кровельным перекрытием погребальной камеры. Погребальная камера, сложенная из массивных известняковых блоков, хорошо пригнанных между собой, представляла прямоугольник три метра на метр, при глубине около метра. Внутри этой камеры находился деревянный гроб совершенно идентичной формы ныне бытующим. Поверх гроба сохранились остатки некогда покры-

[1] Двадцать лет тому назад, начиная свою работу над реконструкциями, я не предполагал возможности портретного восстановления лица по черепу. Моя задача в то время была ограничена решением этнического портрета. Только позднее, проводя контрольные опыты, я убедился в возможности постановки и разрешения проблемы портретного восстановления лица по черепу.

В 1940 г. мне удалось осуществить ряд хорошо поставленных контрольных опытов, проведенных с помощью проф. А. Д. Григорьева в Лефортовском морге. Наконец, в начале 1941 г. два криминалистических случая, один за другим, красноречиво документировали подлинность портретного восстановления. Это дало мне возможность поставить вопрос о воспроизведении скульптурных портретов исторических лиц. Так были созданы документальные портреты Ярослава Мудрого, Андрея Боголюбского и др. (КСИИМК, 1940, вып. VII, стр. 72 и КСИИМК, 1945, вып. XI, стр. 88).

вавшего его парчевого покрывала темносинего, почти черного цвета, с вытканными на нем серебряной ниткой изречениями Корана. Гроб из арчи был сколочен массивными, четырехугольными в сечении, железными гвоздями, с большими шляпками. Все гвозди были совершенно коррозированы. При вскрытии гроба был ощущаем очень резкий, опьяняющий запах камфоры и каких-то других, вероятно, консервирующих веществ.

В гробу был обнаружен костяк, лежащий на спине, с вытянутыми, сведенными в кистях руками, вытянутыми ногами и головой, лежащей на правой щеке, лицом, обращенным в сторону Мекки. Кости кое-где были покрыты мелкими обрывками ткани. У головы, шеи, в области внутренней стороны бедер были обнаружены остатки мумифицированных мышц и кожи. Кисти рук и мелкие кости стоп были перемешаны и спутаны. Все кости были покрыты тонким отмученным лёссом; кое-где были замечены на костях тонкоигольчатые друзы гипса, выпавшие из водного раствора. Извлеченный с максимальной осторожностью череп в течение трех часов просушивался в тени на открытом воздухе, после чего представилась возможность произвести его предварительную консервацию, т. е. закрепление посредством пропитки воском. Перед пропиткой с черепа были сняты сохранившиеся волосы головы, бровей, усов и бороды.

Одной из основных задач экспедиции являлась документация подлинности захоронения Тимура. Посвятительная надпись на надгробье сама по себе еще не решала данного вопроса. Только изучение скелета могло дать исчерпывающий ответ.

Народы Востока сохранили до наших дней сотни легендарных сказаний о величайшем завоевателе XV в. Перед одним именем Железного Хромца трепетала не только Средняя Азия, но и далекие Китай и Индия, а слава о его могуществе и сказочных богатствах доходила до Европы. Биографы не жалели красок для описания его великих походов, но, к сожалению, очень мало оставили данных о его внешности, сведения противоречивы и неясны.

По словам ибн Араб-шаха, Тимур, сын Таргая, из рода Барласов (отуреченный монгольский род) родился в 1334 г. близ города Кеша, в деревне Хаджи-Ильгар. Письменные источники указывают, что в 1362 г. в битве с туркменами под Сеистаном Тимур был ранен стрелами; в результате он на всю жизнь остался хром на правую ногу и с сухой правой рукой. Кроме того, вероятно, здесь же, по данным Клавихо, Тимур лишился двух пальцев правой руки. По словам современников, Тимур был рыжебород, высок ростом и чрезвычайно силен.

72-х лет от роду Тимур вновь организует поход на Китай и погибает в самом начале этого похода. Он умер 18 февраля 1405 г.

Время не сохранило ни одного сколько-нибудь правдоподобного изображения Тимура. Многочисленные миниатюры, по преимуществу иранского и индийского происхождения, чрезвычайно несхожие между собой и к тому же датируемые значительно более поздним временем, не могут быть приняты как достоверные. Немного можно почерпнуть и из письменных источников. Однако свидетельство о том, что Тимур происходит из отуреченного монгольского рода, является таким документом, который дает право категорически отказаться от рассмотрения иранских и индийских миниатюр, наделяющих Тимура типичными чертами индо-европейца.

Обнаруженный скелет принадлежит сильному человеку, относительно высокого роста для монгола (около 170 см). Еще в момент вскрытия было обращено внимание на ряд патологических особенностей скелета. При ближайшем рассмотрении оказалось, что кости правой руки действительно срослись в локтевом суставе в несколько согнутом положении. Все три кости

образовали как бы один совершенно неделимый блок. Процесс сращения зашел так далеко, что образовавшаяся костная мозоль совершенно перекрыла суставные поверхности, образуя мощный наплыв над ними. Такая дефектность руки в локте была компенсирована сильным разращением верхнего эпифиза плечевой кости и соответствующими изменениями в лопатке. Таким образом, следует думать, что, несмотря на столь глубоко зашедший болезненный процесс, Тимур не утратил подвижности этой руки в плечевом суставе. Строение кисти руки тоже является доказательством того, что рука не только функционировала, но и была чрезвычайно сильной, чему не мешал изуродованный ранением указательный палец.

Утраченная способность правой руки сгибаться в локте, видимо, и породила легенду о сухорукости Тимура. Несмотря на тщательные исследования патолого-анатомов и хирургов-клиницистов, не удалось окончательно установить диагноза заболевания, давшего столь сильные изменения в локтевом суставе. По свидетельству всех специалистов, процесс анкилоза зашел так далеко, что болезненных ощущений к концу своей жизни Тимур не испытывал. Большинство медиков склонно думать, что данное образование связано с процессом туберкулеза. Отнюдь не считая себя вправе опровергать заключения специалистов, должен, однако, отметить, что все же летописные свидетельства о ранении Тимура стрелами прекрасно иллюстрируются сохранившимся следом на нижнем эпифизе плечевой кости с внутренней его стороны. Здесь отчетливо виден небольшой сколок кости, скрепленный спайкой, и сильно завуалированный дальнейшим процессом анкилоза. Указательный палец был изуродован ранением. Верхний эпифиз первой фаланги его в большей своей части был сбит и смещен. Кость срослась, но неправильно. Образовавшиеся добавочные суставные поверхности в нижнем эпифизе второй фаланги не вполне компенсировали полученное нарушение данного ранения. Но несмотря на то, что палец был кривым, он не утратил своей подвижности.

Приведенные данные, если не вполне, то в значительной степени подтверждают свидетельство Клавихо о ранениях Тимура. Точно так же была документирована и хромота Тимура. Правое бедро, а равно и голень совершенно патологичны. Коленная чашечка срослась с эпифизом бедра, причем в таком положении, что нога не могла быть выпрямленной. Впоследствии образовавшиеся дополнительные сочленительные площадки на коленной чашечке и на фронтальной стороне эпифиза голени отнюдь не компенсировали дефектности колена. При сравнении правой и левой ноги обнаруживается, что в своей длине кости мало отличаются, и укороченность правой ноги следует относить целиком за счет согнутости в коленном суставе. Бедро левой здоровой ноги отличается массивностью и сильным рельефом, правая же кость значительно тоньше и ослаблена. То же самое следует отметить при сравнении берцовых костей. Слабая подвижность в правом колене и не вполне завершенный процесс анкилоза свидетельствуют о том, что нога Тимура, пораженная, вероятнее всего, процессом туберкулеза, причиняла ему большие физические страдания. При рассмотрении костей стоп обращает на себя внимание ряд мелких патологических явлений в строении пяточной кости правой ноги и сращение второй плюсневой с клиновидной костью этой же ноги. Остальные кости стоп не имеют ярких следов патологических изменений. Кости таза, позвонки, ребра — несут на себе следы ряда бо́льших или меньших компенсорных явлений, как-то облегчавших сильную хромоту Тимура. При рассмотрении этих костей становится очевидным, что весь торс Тимура был перекошен, так что левое плечо было значительно выше правого, но это, однако, не отразилось на гордой посадке головы (рис. 8).

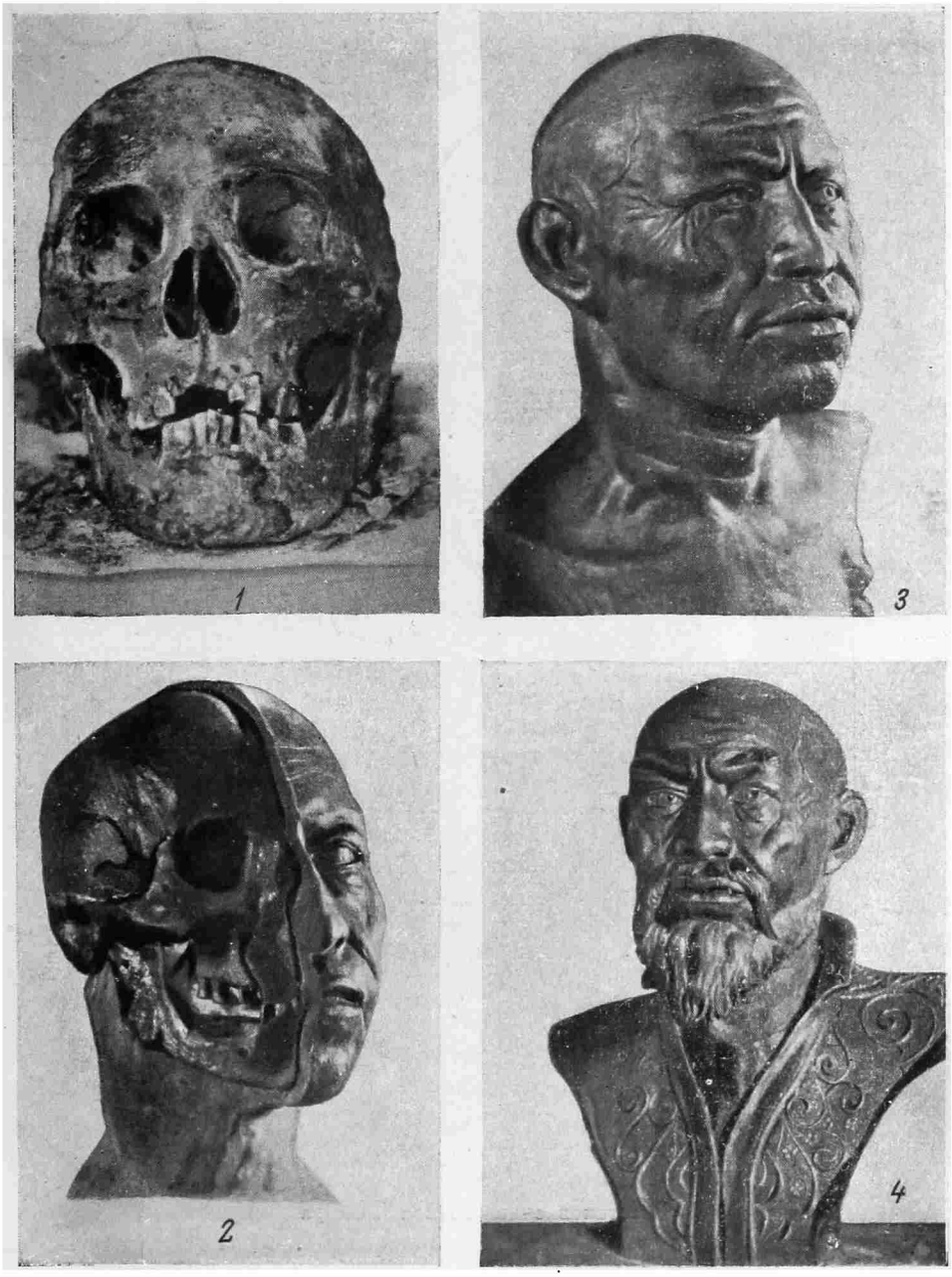


Рис. 8. Восстановление головы Тимура
1 — череп Тимура; *2 — 3* восстановление головы Тимура; *4* — Тимур

Рис. 9. Восстановленная голова Тимура

Все перечисленные патологические явления имеют характер давних образований, но, конечно, могут быть отнесены уже к зрелому возрасту, что несколько не соответствует данным письменных источников, указывавших, что хромота Тимура являлась результатом тяжелых ушибов в молодости. Но при всей застарелости патологических процессов, столь сильно изменивших скелетную основу Тимура, следует отметить, что, несмотря на 72-летний возраст, собственно старческих явлений, связанных с одряхлением организма, почти не наблюдается. Относительно незначительное к возрасту образование остеофитов подчеркивает юнальность всего скелета. Тимур любил верховую езду и по нескольку дней не слезал с седла. Не этим ли следует объяснить степень согнутости больной ноги. Очень вероятно, что на коне Тимур меньше ощущал свои физические недостатки, сохраняя величественную посадку.

Массивность здоровых костей, сильно развитый рельеф и плотность их, ширина плеч, объем грудной клетки и относительно высокий рост — все это дает право думать, что Тимур обладал чрезвычайно крепким сложением. Сильная атлетическая его мускулатура, вероятнее всего, отличалась некоторой сухостью форм, да это и естественно: жизнь в военных походах, с их трудностями и лишениями, почти постоянное пребывание в седле вряд ли могли способствовать тучности.

В плане работы автора над портретной реконструкцией Тимура наиболее важным документом является его подлинный череп. Естественно, что в данной связи он и заслуживает наиболее полного описания. Однако ошибочно предполагать, что в настоящей статье будет дан краниологический анализ данного черепа. В настоящей работе будет дано описание черепа Тимура под углом зрения восстановления внешнего облика, т. е. будет уделено бо́льшее внимание не абсолютным размерам, а описательным признакам. Прежде чем перейти к описанию формы черепа, считаю необходимым указать, что большая часть левой теменной кости была разрушена солями гипса, но это, однако, не помешало полному представлению о форме свода черепа.

Череп Тимура в горизонтальной проекции занимает промежуточное положение между сфероидальной и сфеноидальной формами. Некоторая нечеткость рисунка объясняется значительной естественной деформацией, связанной с неравномерным срастанием венечного шва. Это типическая форма так называемой левосторонней плагицефалии, в результате которой образовалось разращение черепа в правую сторону. Свод черепа правильно округлой формы, с невыступающим затылком, но слегка придавленным затылочным валом. Лоб крутой, с хорошо выраженными лобными буграми. Средне-развитые надбровные дуги едва заходят за средину орбиты. Характерно, что они лежат не параллельно краю орбиты, а выклиниваются внешними краями вверх к лобным буграм. Лицо правильной овоидной формы, с чуть выступающими скулами. Орбиты большие, округлые, с сильно выступающими, относительно тонкими, но притупленными краями. Скуловой отросток верхней челюсти, с примыкающей к нему передней частью скуловой кости образуют нижний край орбиты, сильно вынесенный вперед.

Несмотря на относительно слабое развитие надбровья, собственно надпереносье сильно выступает вперед. Корень носа высок, спинка его слегка волниста, свод округло притуплен. Носовые кости с явным перехватом в средней их части. Широкое грушевидное отверстие сердцевидно. Подносовой шип слабо развит и слегка приподнят. Точно так же приподнят острый подносовой край грушевидного отверстия. Концы носовых костей, а равно и весь край грушевидного отверстия утончен, чуть притуплен и слегка завернут вовнутрь. Верхняя челюсть очень широкая, также широка и нижняя

челюсть. Восходящая ветвь ее сильна. Подбородок крутой, выступающий, с сильно развитым рельефом.

Ранняя утрата верхних резцов и атрофия вследствие этого альвеолярных лунок привели к тому, что слабо выступающая носовая ость образовала гребень по линии межчелюстного шва. Сильно набухшие, выступающие вперед альвеолярные части клыков свидетельствуют о бывшей в молодости значительной прогнатности резцов. Несмотря на слабо выраженную верхнечелюстную выемку (собачью ямку) вследствие резкого рельефа скуловых костей в фронтальной их части, создается впечатление менее плоского лица, чем это имеет место на самом деле.

Зубы сильно стерты, со следами явного кариоза. Много зубов утрачено задолго до смерти.

Не надо быть проницательным, чтобы в черепе Тимура увидеть типичные монголоидные черты: яркая бракифалия, очевидно, уплощенное лицо, значительная его ширина и высота. Все это как нельзя лучше связывается с письменными документами, свидетельствующими о происхождении Тимура из рода барласов.

Несмотря на старческий возраст Тимура (70—72 г.), череп его, а равно и скелет, не имеют ярко выраженных, собственно старческих черт. Даже наоборот, запоздалое формирование седла черепа, незначительная облитерация швов, наличие бо́льшей части зубов, четкий рельеф костей, почти отсутствие остеофитов,— все это говорит скорее за то, что череп и скелет принадлежали человеку полному сил и здоровья, биологический возраст которого не превышал 50 лет. Рельеф затылка, сильные, крупные шейные позвонки, со специфической гордой посадкой головы, крупные ключицы и лопатки свидетельствуют о мощности шейной и грудной мускулатуры. Все это дало право при выборе стандарта толщин мягких покровов взять наибольший, с поправкой на усиление в местах наиболее сильно развитого костного рельефа.

Плотность структуры кости, четкость гребней лицевого скелета свидетельствуют об относительно слабом развитии подкожного жирового слоя. Большое лицо Тимура было сильным, мускулистым, но не жирным. Крутой широкий лоб с хорошо выраженными буграми определяет своей конфигурацией направление ряда глубоких горизонтальных морщин. Сильное выступание надпереносья, усиленное выпуклостями коротких, выклинивающихся наверх надбровий, образует над носолобным швом бугристое расширение, определяющее характер вертикальных складок между бровями. Надбровье же служит непосредственной постелью для коротких, но густых, пучкообразных монгольских бровей, волосы которых сохранились.

Утонченные края глазниц, их величина, округлость, сильное выступание нижнего края орбиты и широкое межглазничное расстояние определяют монголоидное строение глаз, подчеркнутое несколько скошенным разрезом их. Однако значительное выступание корня носа и рельеф средней части надбровья указывают, что собственно монгольская складка века выражена относительно слабо. Резко выраженный микрорельеф фронтальной части скуловых, их массивность, а также усиленный рельеф восходящей ветви нижней челюсти указывают на развитие жевательных мышц и на некоторую их сухость. Широкое грушевидное отверстие, округлость свода носовых костей дают представление о несколько уплощенном носе, ноздри которого в соответствии со строением нижней части грушевидного отверстия незначительно выходят за пределы его и четко моделированы. Нечеткость фильтрума и некоторое западение средней части верхней губы непосредственно связаны с деформацией передней части верхней челюсти, возникшей в связи с утратой резцов. Ширина небной части, сильный

рельеф альвеолярного края, величина зубов и их прикус свидетельствуют о том, что рот Тимура был широк, с толстыми, но крепкими, энергично очерченными губами. Некоторая чувственность в рисунке рта определяется значительным выступанием нижней губы, подчеркнутым, резко очерченным, энергичным подбородком. Угол восходящей ветви нижней челюсти определяет прямую посадку небольших, крепких, типично монголоидных ушей. Конфигурация внешней части скуловых, четкие контуры слухового канала, незначительный рельеф небольших сосцевидных отростков, с их спокойными, несколько округлыми формами и вершинами, обращенными вовнутрь,— все это убеждает в том, что раковина уха была плотно прижата к голове. Величина уха, по данным размера носа, невелика. Четко очерченные ноздри своим рисунком дают право предполагать характер рельефа ушной раковины, с четко очерченным завитком и хорошо моделированной, небольшой мочкой. Все это было подтверждено поздней находкой среди мумифицированных остатков мышечной ткани фрагмента сохранившегося уха.

Этими описательными данными исчерпываются наши наблюдения, но их достаточно, чтобы, пользуясь черепом, воспроизвести черты великого завоевателя Средней Азии. Это документальное воспроизведение головы достигается применением определенной и не раз уже апробированной методики (рис. 9).

Прежде всего на черепе восстанавливаются основные жевательные мускулы, гребни, прикрепления которых отчетливо видны. Затем, по данным строения основания черепа и форме шейных позвонков, определяется посадка головы, в соответствии с которой и изготовляется деревянный каркас, и на нем воспроизводится шейная мускулатура, с учетом специфических особенностей строения шеи и плеч Тимура.

Для достижения полной объективности при построении лица толщина мягких покровов наносилась механически, для чего, в соответствии с принятым стандартом толстотных отметок, на подлинный череп были нанесены высотные отметки, которые вылеплялись в виде усеченных пирамид из плотного воска. Высота каждой такой пирамиды определяла толщину мягких покровов в данной точке. По принятой шкале толщины мягких покровов головы Тимура, на его черепе были размещены следующие высотные отметки (приводятся только основные из них, в мм):

1. Венечный шов в месте пересечения сегиталей 6
2. Венечный шов на Linea temporalis inferior 7
3. Середина лобной кости . . . 6
4. Середина надбровья . . . 11
5. Носолобный шов 10
6. Середина верхнего края орбиты . 6
7. Внешний край орбиты 7
8. Середина носовых костей 6
9. Конец носовых костей 3
10. Нижний край орбиты в средине 9
11. Середина щеки 15
12. Непосредственно сбоку подносового шипа 1
13. Середина скуловой . . . . . .
14. Передний край скуловой 1
15. Перед ухом на скуловой 6
16. Нижний край верхней челюсти . 14
17. Толщина нижней губы 15
18. Середина нижней челюсти по борозде 11
19. Максимальное выступание подбородка 9
20. Ломбоидальный шов по сегитали . . 9
21. Против Protuberantia occipitalis externa. 13

Эти высотные отметки были объединены в горизонтальные и вертикальные профили тонкими гребнями из плотного воска.

По сегитальному сечению черепа был вылеплен профиль. Восстановление этого профиля по всему своду головы не представляет особого труда, но создание профиля носа и рта — одна из сложнейших и ответственных задач всей реконструкции.

Мною был разработан технический прием построения профиля мягкого носа. Пользуясь им при воспроизведении головы Тимура, я вылепил гребень, заведомо превышающий профиль носа. Затем по этому гребню я провел черту, являющуюся касательной по отношению к последней трети носовых костей. Далее была отмечена вторая линия, представляющая собой прямое продолжение основного направления подносового шипа. Вершина угла, образованного этими двумя условными прямыми, как и всегда, соответствовала вершине мягкого носа. Профиль спинки носа в верхней своей части подчинен конфигурации профиля носовых костей, а в нижней — он строится на основе учета рельефа боковых стенок грушевидного отверстия. В данном случае широкое сердцевидное грушевидное отверстие, со слабой волнистостью боковых сторон, отвечало незначительной волнистости спинки мягкого носа. Широкое основание грушевидного отверстия с мягкими очертаниями свидетельствовало о мягкой, несколько приплюснутой форме профиля конца носа. Общая уплощенность носа, связанная с широким раструбом грушевидного отверстия, с притупленными в нижней части краями, красноречиво показывала, что крылья носа Тимура были широки, толсты, но отчетливо моделированы.

Значительно проще восстановление профиля рта. Характерный прикус, отсутствие верхних резцов обеспечивали простоту построения профиля рта. Профиль подбородка воспроизведен в полном подчинении костному рельефу нижней челюсти.

По окончании воспроизведения всех гребней образовавшиеся между ними пустоты были заполнены воском. Таким образом была обеспечена объективность построения лица.

По окончании моделировки головы были вставлены глазные яблоки в орбиты и моделированы веки на основании формы края глазниц. В целях постоянного контроля вначале была вылеплена одна половина лица, затем другая.

На протяжении всей работы над созданием портрета Тимура все основные моменты фотографировались, а по окончании моделировки одной половины лица был сделан отлив, документирующий данный момент процесса работы. Второй отлив был произведен по окончании моделировки всей головы.

В обычных условиях на данном этапе кончается документальная работа. Дальнейшее оформление костюма, прически является обычно областью большей или меньшей догадки.

Совершенно особые условия сохранности праха Тимура обеспечили возможность создания его прически документально. Летописные источники указывают, что Тимур погиб в конце зимы (18 февраля), во время военного похода. Вероятно, этим и следует объяснить, что, вопреки принятому обычаю брить голову, к моменту своей смерти Тимур имел относительно длинные волосы. На висках и сзади ушей они достигали 3 см, в то время как на вершине головы были никак не длиннее 1.5 см. Волосы Тимура толсты, прямы, седо-рыжего цвета, с преобладанием темнокаштановых или рыжих. Волосы бровей сохранились хуже, но все же по этим остаткам нетрудно было представить и воспроизвести общую форму брови. Хорошо сохранившиеся отдельные волоски достигали от 12 до 14 мм длины, причем они были сильно закручены, тонки. Цвет их темнокаштановый. Усов собственно не сохранилось, но зато с правой стороны черепа, на альвеолярной части его было обнаружено пятно тлена, представляющее собой остатки уса. Это пятно с мелкими фрагментами волос отчетливо передавало всю внешнюю форму уса. Внимательный анализ этого пятна позволил с точностью воспроизвести не только общую форму уса, но и выявить одну харак-

терную особенность усов Тимура. Оказывается, Тимур носил длинные усы, а не подстриженные над губой, как это было принято правоверными последователями Шариата. Как удалось выяснить, существовало правило, позволяющее высшему военному сословию носить усы, не подрезая их над губой, и Тимур, согласно этому правилу, не стриг своих усов, и они свободно свисали над губой.

На нижней челюсти, с левой ее стороны сохранились приставшие к ней волосы бороды. Эти пряди волос находились совершенно in situ, так что отчетливо была видна линия начала бороды. Нижняя губа до подбородочной борозды и верхняя часть щеки были совершенно свободны от волос. Небольшая густая борода Тимура имела клиновидную форму. Волосы ее жесткие, почти прямые, толстые, яркокоричневого (рыжего) цвета, с значительной проседью. Даже предварительное исследование волос бороды под бинокуляром убеждает в том, что этот рыже-красноватый цвет ее натуральный, а не крашеный хной, как описывали историки. Много волос только частично обесцвечены, часть же — совсем белых, седых.

Все это дало возможность восстановить прическу Тимура с достаточной достоверностью. Костюм и головной убор были созданы на основании анализа миниатюр и подлинных вещей эпохи династии Тимуридов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА
Вып. XVII 1947 год

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ДАННЫЕ О БОСПОРСКИХ ЧЕРЕПИЧНЫХ ЭРГАСТЕРИЯХ ВРЕМЕНИ СПАРТОКИДОВ [1]

Изданный нами в 1935 г. свод клейм, встречающихся на боспорских кровельных черепицах, может быть теперь дополнен несколькими новыми клеймами, которые по различным причинам не вошли в указанную публикацию. Сделать это дополнение целесообразно не только с точки зрения количественного увеличения материала по керамическим клеймам Боспора, являющимся существенным источником его экономической истории, но и особенно потому, что приводимые ниже клейма позволяют внести несколько новых штрихов в вопрос об организации производства керамических строительных материалов (черепиц) на Боспоре в период правления Спартокидов.

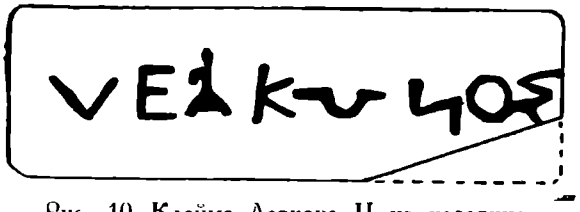


Рис. 10. Клеймо Левкона II на черепице, найденной в Мирмекие

1. Клеймо на обломке черепицы, найденном в 1934 г. в Мирмекие. На прямоугольном продолговатом поле клейма (длина 8.9 см, ширина 2.7 см, левый верхний угол его отбит) отчетливо читается имя Λεύκωνος с обратным (т. е. справа налево) расположением букв (рис. 10), что довольно часто можно видеть в клеймах на боспорских черепицах. Клеймо содержит, несомненно, имя боспорского царя [2] и, следовательно, относится к той группе клейм, которые свидетельствуют о существовании на Боспоре черепичных эргастерий, принадлежавших членам царского дома Спартокидов. [3]

Как известно, клеймение боспорских черепиц начинается во второй половине IV в. до н. э. и прекращается в первой половине II в. до н. э. По

[1] ИГАИМК, 1935, вып. 104, стр. 301 сл.

[2] Клеймо впервые было издано Е. М. Придиком (МИА СССР, 1941, вып. 4, стр. 193, № 202; клеймо воспроизведено minusculis в исправленной транскрипции, т. е. слева направо), который отнес его к Левкону II, сделав при этом следующее примечание: «Это клеймо Левкона II до сих пор не встречалось». В последнем Е. М. Придик ошибся. Тождественное клеймо с именем Левкона находилось в Херсонесском музее (инв. № 26065), куда оно поступило из известной коллекции Суручана.

[3] Этому же вопросу посвящена статья Б. Н. Гракова «Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее». ИГАИМК, 1935, вып. 104, стр. 202—210.

характеру письма клеймо Левкона никак не может быть отнесено к IV в. На сравнительно большом поле клейма надпись исполнена довольно неравномерным шрифтом, по форме букв явно относящимся к III в., и притом не к самому его началу.[1] Особенно интересно отметить, что надпись клейма встречает полную аналогию в легендах боспорских монет царя Левкона, причем наиболее ярко это сходство наблюдается на эрмитажном экземпляре, изданном Подшиваловым.[2] Сходство выражается как в общем характере надписи, так и в деталях: одинаковы K, E, буква N имеет и на клейме и на монете архаическую асимметричную форму — правая вертикальная черта выступает выше левой, в клейме эта приподнятость правой стороны буквы N более четко выражена, чем на монете. А. Н. Зограф относительно монет с именем Левкона пришел к заключению, что «наиболее вероятна принадлежность их Левкону II, правление которого предположительно относится ко второй половине III в., может быть к самому началу ее».[3] С полным основанием эту датировку можно по аналогии распространить и на издаваемое черепичное клеймо, видя, таким образом, в нем имя боспорского царя Левкона II.

Об этом боспорском правителе сохранились крайне скудные сведения,[4] недостаточные даже для вполне определенного суждения о времени его царствования, тем более поэтому важно, что клейма Левкона II на черепицах подкрепляют выводы, к которым пришли исследователи на основании изучения монет с именем того же царя.

В числе уже изданных боспорских черепичных клейм известно несколько, содержащих, очевидно, то же имя Левкона, но представленное сокращенно в виде трех первых букв (см. в нашем списке клейм под № 45). В. В. Шкорпил первый отметил существование этих клейм,[5] причем он склонен был считать их относящимися к Левкону I. Теперь возникает вопрос, не являются ли они лишь сокращенным вариантом клейм с полным начертанием имени Левкона и, стало быть, принадлежащими не первому правителю с этим именем, а второму, более позднему, царствовавшему на Боспоре в III в. К сожалению, клейма, в которых имя Левкона дано в сокращенной форме, не содержат достаточных данных, по которым можно было бы произвести вполне убедительное сопоставление с клеймами, имеющими полное имя Левкона; поэтому затруднительно по палеографическим признакам сделать окончательный вывод, одновременны они или нет. Тем не менее по общему впечатлению скорее следует признать их разновременными, причем, как нам кажется, клейма с сокращенной передачей имени Левкона стилистически значительно ближе к боспорским клеймам на черепицах более ранней группы. Тем самым, повидимому, не исключается возможность, что опубликованные прежде клейма принадлежат Левкону I и что в клеймах на черепицах представлены оба боспорских правителя с этим именем — один IV в., другой III в. до н. э. Чрезвычайно важно было бы

---

[1] Из эпиграфических памятников Северного Причерноморья сравни например, больвийскую надгробную надпись III в. Артемона, сына Еврисибия IosPE (ИАК, 1909, 31, стр. 68, № 4) и херсонесскую Аагойся, сына Парменонта IosPE, IV, 109.

[2] A. M. Podschiwalow. Monnaies des rois du Bosphore Cimmerien, M., 1887, табл. 1, № 5 — монета эрмитажного собрания, с вполне отчетливой надписью βασιλέως Λεύωνος, на лицевой стороне голова юного Геракла в львиной шкуре, на обратной — лук с палицей.

[3] А. Н. Зограф. Античные монеты (рукопись), стр. 542, ср. В. Латышев, Ποντικά, 1909, стр. 90.

[4] Minns. Scythians and Greeks, 1913 стр. 581; В. Латышев. Ук соч., стр. 86—87.

[5] В. В. Шкорпил. К вопросу о времени правления архонта Игиэнонта. Сб. ст. в честь Бобринского, 1911, стр. 33.

в дальнейшем проверить этот вывод наблюдениями над условиями находок черепиц с сокращенными клеймами Левкона в стратиграфически определенных культурных слоях или комплексах.

2. Клеймо на обломке черепицы, происходящем из Анапы, хранится в Гос. Эрмитаже. Клеймо (длина 8.9 см, ширина 3 см) двухстрочное с надписью: «βασιλική διὰ Νουμη(νίου)» (рис. 11). Впервые было издано Е. М. Придиком в его эрмитажном каталоге клейм,[1] но без указания места, откуда эта черепица поступила в Эрмитаж. На этом основании указанное клеймо не было включено нами в исследование о боспорских черепицах. Поскольку отсутствовала уверенность, что клеймо это действительно боспорское, мы ограничились тогда лишь упоминанием его при рассмотрении группы клейм с надписью βασιλική.[2] Позднее, однако, выяснилось, что настоящий фрагмент клейменой черепицы происходит из Анапы. В связи с этим мы обратились в свое время к заведующему Анапским музеем Г. Чайковскому (ныне покойному) с просьбой сообщить, какие клейма на черепицах были найдены в Анапе и представлены в коллекциях Анапского музея. В обстоятельном ответе, полученном от Чайковского, было, в частности, указано, что в Анапе и Новороссийске обнаружены черепичные клейма, представляющие собой, как увидим ниже, тот же тип, что и клеймо из Анапы эрмитажного собрания.

Рис. 11. Царское клеймо на черепице из Анапы

3. На рис. 12 воспроизведено клеймо по карандашной прорисовке (на кальке), которая была приложена к упомянутому письму Чайковского. Клеймо, сохранившееся на обломке черепицы, двойное, т. е. оттиснуто двумя штемпелями. Верхнее (сохранившаяся длина 2.4 см, ширина 3.6 см), в котором часть букв стерлась, содержит одно слово βασιλ[ική], в нижнем (длина 6.2 см, ширина 2.7—3 см) читается διὰ Βατά(χου). Вряд ли могут быть сомнения в правильности такого чтения имени собственного, данного в клейме сокращенно. Батак — имя, хотя и не очень распространенное в греческих колониях Северного Причерноморья, все же оно засвидетельствовано эпиграфическими памятниками.[3]

Рисунок клейма Чайковский сопроводил следующим пояснением: «При плантаже бывшей соборной площади гор. Новороссийска была вскрыта одна гробница из черепиц с двумя клеймами на одном и том же куске черепицы.[4] Одно из них смазано и нечетко, а другое читается. На рис. № 1 и 2 (наш рис. 12.— *В. Г.*) те же клейма, найденные мною в Анапе в том же мусоре, в котором найдены при закладке гостиницы и другие

[1] Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. П., 1917, № 26, стр. 129.

[2] ИГАИМК, вып. 104, стр. 315. Это же клеймо упоминает и Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 210.

[3] Βάταχος — ольвийский гражданин, упоминаемый в надписи III в. до н. э. IosPE, I(2), 201.

[4] В письме несколько ниже по поводу открытия этой черепичной гробницы в Новороссийске говорится, что возле гробницы «найдена раздавленная амфора с нечетким клеймом на ручке, другие новороссийские амфоры имеют клейма на горлах».

древности вместе с мраморной статуэткой Афродиты. На смазанном клейме тут можно разобрать некоторые буквы...».

Таким образом, теперь уже известны несколько клейм из Анапы, которым присущи следующие общие признаки: надписи в них гласят, что 1) черепица царская βασιλική (κεραμίς) [1] и что 2) изготовлена она в эргастерии, возглавляемой керамевсом, отсюда — διὰ Νουμηνίου, διὰ Βατάκου. Такое толкование упоминаемых в черепичных клеймах лиц подсказывается хорошо известными керамическими клеймами астиномной (синопской) группы, где с предлогом διὰ обычно называются керамевсы, т. е. владельцы гончарных мастерских (например διὰ Νουμηνίου κεραμέως, διὰ Στίχου Κεραμέως и др. [2]) Поскольку черепицы изготовлялись на предприятиях царских, ни Нумений, ни Батак, конечно, не могли быть собственниками этих черепичных эргастерий. Они были, вероятнее всего, или техни-

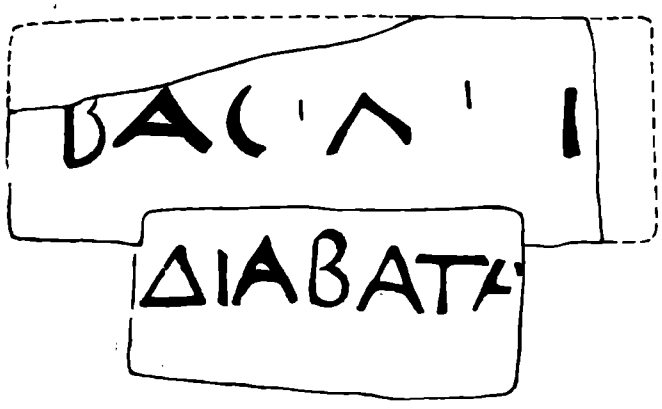


Рис. 12. Царское клеймо на черепице из Анапы

ческими руководителями, мастерами, или, что также не исключено,— арендаторами, откупщиками черепичного производства, принадлежавшего боспорскому царю. [3]

По характеру письма оба клейма № 11 и 12 должны быть отнесены, скорее всего, к самым последним десятилетиям III в. до н. э. Интересно, что такого рода клейма, какие зарегистрированы на черепицах из Анапы (наши № 11 и 12), не обнаружены до сего времени нигде в других местах Боспора. Обычный тип клейм на черепицах с надписью βασιλική, известный

[1] М. И. Ростовцев в своем последнем труде (M. Rostoftzew. The social and economic history of the hellenistic world, Оксфорд, 1941, стр. 109) принимает основные выводы, к которым пришли я и Б. Н. Граков относительно боспорских черепиц (имеются в виду статьи в ИГАИМК, вып. 104). Однако он читает клейма βασιλική несколько иначе, чем мы, дополняя их существительным πλίνθις, причем Ростовцев не указывает, что побуждает его предпочесть этот термин, кстати сказать, не засвидетельствованный, насколько нам известно, греческими строительными надписями, тогда как κεραμὶς — обычный там термин (подробнее см. в ИГАИМК, вып. 104, стр. 286—287, примеч. 3, ср. указания Уэса по поводу найденных в Спарте черепиц с клеймами δαμοσια, ABS, XIII, стр. 14).

[2] В. В. Шкорпил. Название гончарных мастеров в керамических надписях. ИАК, вып. 51, стр. 132—134.

[3] В качестве аналогии можно привести из практики римской керамической промышленности хорошо известные, в частности по эпиграфическим документам, должности: officinator — руководитель предприятия, мастер, обыкновенно раб; conductor (conductrix), иногда negotiator — откупщик, арендатор. В тех случаях, когда владелец керамического производства сам дела не вел, он поручал его своему доверенному лицу, мастеру (officinator) или же сдавал предприятие на откуп. См. Industrie und Handel, RE, Pauly-Wissowa, статья Gummerus, стб. 1485

по многочисленным находкам в Пантикапее и других боспорских городищах Керченского полуострова, а равным образом в Фанагории, ограничивается лишь этим указанием, т. е., что черепица «царская», имена собственные в эти клейма не включались.[1] Следовательно, наличие в клеймах с надписью βασιλική имен собственных, о значении которых речь была выше, является особенностью клейм, встречающихся только в районе Анапы. Очевидно, черепицы с такими клеймами изготовлялись в Горгиппии (бывшей на месте теперешней Анапы) в эргастериях боспорских царей, удовлетворявших спрос на кровельные черепицы в ближайшем к месту производства районе. Об отсутствии дальнего вывоза говорит то обстоятельство, что черепицы с клеймами βασιλική анапского варианта нигде, кроме Анапы и Новороссийска, в пределах Боспорского царства не обнаружены.

4. Энглифическое клеймо на черепице в виде тамги (рис. 13). Четыре обломка черепиц с такими тамгами, оттиснутыми разными штемпелями, были найдены в Анапе, при постройке той же гостиницы, в слое «мусора», т. е. древнего культурного слоя, в котором оказалось и вышеприведенное царское клеймо с именем Батака (№ 12), а также обломок черепицы с клеймом [Σ]παρτόκου (по нашему списку № 84).

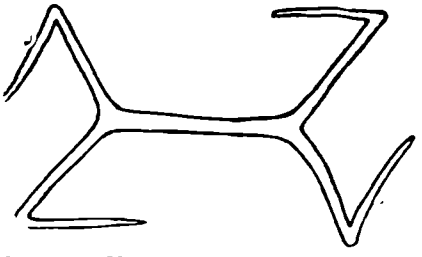


Рис. 13. Клеймо-тамга на черепице из Анапы

Судя по археологическому материалу, сопровождавшему обломки черепиц с тамгой, последние относятся к эллинистическому времени, вряд ли позднее II в. до н. э. Клеймо-тамга резко выделяется из общей массы боспорских клейм: оно не только анэпиграфное, но, что особенно интересно, это явно местная «варварская» эмблема.[2] Перед нами любопытный штрих культурной ассимиляции греческих и местных элементов. Очевидно, в Горгиппии действовало керамическое предприятие, выпускавшее черепицы принятой на Боспоре греческой формы. Но владелец этого предприятия был, как следует предполагать, коренным местным жителем — синдом или сарматом, и он клеймил свою продукцию тамгой, являвшейся, может быть, родовым знаком промышленника.

Производство клейменых черепиц в Горгиппии при Спартокидах уже и раньше подтверждалось клеймами с именем Горгиппа, которые время от времени обнаруживаются в районе Анапы — Новороссийска.[2] Но при наличии всего лишь нескольких клейм Горгиппа могло казаться, что производство черепиц в Горгиппии имело непродолжительный эпизодический характер. Теперь же, с появлением всей вышеприведенной серии клейм (№ 11—13), Горгиппию приходится считать одним из боспорских центров производства черепиц в IV—III вв. до н. э., что, несомненно,[3] стояло в связи с достаточно широко развивавшимся в это время в Горгиппии и ее округе строительством. Наличие глин, пригодных для изготовления черепиц, делало более выгодным их производство на месте, чем доставку из Пантикапея.

Как в Пантикапее и Фанагории — главных промышленных центрах Боспора, где изготовлялась основная масса керамических строительных материалов,— так и в Горгиппии черепичные эргастерии были собственностью

[1] ИГАИМК, 1934, вып. 104, стр. 312—315.
[2] Там же, стр. 302—303.
[3] Ср. тамгу на бронзовом скифском котле, изд. в The Cambridge ancient History, табл. I, 258.

или боспорских царей,[1] причем последние, повидимому, сдавали здесь свои предприятия на откуп (клейма βασιλικὴ διὰ Βατάχου и т. п.), или членов царской фамилии (клейма Горгиппа), или представителей местной варварской знати (клейма с тамгой). Доходность этой отрасли керамического производства в период оживленного городского строительства в IV—III вв. до н. э., создававшего большой спрос на кровельные черепицы, послужила основной причиной сосредоточения этого весьма экономически выгодного промышленного дела в руках правящих верхов Боспора и, прежде всего, Спартокидов,[2] которым принадлежали крупные черепичные эргастерии, как в столичных центрах, так и в больших городах периферии, например в Горгиппии. Главенствующее положение боспорских царей в производстве черепиц, несомненно, облегчалось тем, что они обладали лучшими источниками сырья — глинищами, карьерами, где добывалась глина.

---

[1] Царские черепичные эргастерии, насколько они известны по керамическим клеймам, раньше всего появились на Боспоре (вторая половина IV в. до н. э.) и, повидимому, в Македонии. Последнее подтверждается находками клейменых черепиц при раскопках в Флорине (восточная Македония), где локализуется древняя Гераклея Линкестийская. На черепицах, происходящих оттуда, имеются клейма с надписью βασιλέως Φιλίππου; по форме букв Керамопулос относит эти клейма ко времени Филиппа II (BCH, 1935, вып. 1—2, стр. 281, рис. клейма на стр. 284). Значительно позже царские черепичные предприятия стали действовать в Пергаме (со второй половины III в. до н. э.). Известны также черепичные клейма спартанского царя Набиса, 202—192 гг. (Inscr. Graecae, V, 1, № 885).

[2] Интересную параллель этому явлению в экономической жизни Боспора эпохи Спартокидов дает промышленная история Рима, где кирпично-черепичное производство, в виду его особенной доходности, явилось сферой деятельности «крупного капитала» и, что особенно важно, кирпичные заводы в Италии на протяжении I в. н. э. оказались в результате скупки, конфискаций и пр. в значительной своей части собственностью римских императоров и членов императорской фамилии и в отдельных случаях собственностью очень крупных богачей (см. ук. статью Gummerus, стб. 1462 и 1485). Картина, как видим, очень сходная с тем, что имелось в Боспорском царстве времени Спартокидов.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XVII КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1947 год

А. Л. МОНГАЙТ

ДРЕВНЕРУССКИЕ ДЕРЕВЯННЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ ПО РАСКОПКАМ В СТАРОЙ РЯЗАНИ

(Доклад, прочитанный в секторе славяно-русской археологии 15 апреля 1946 г.)

Первая попытка дать общий очерк истории русских деревянных укреплений и реконструировать их по сохранившимся памятникам и по литературным источникам была сделана Ласковским в середине прошлого века.[1] Научно добросовестная и для своего времени очень важная работа Ласковского в значительной мере была построена на догадках и предположениях, так как фактических данных в его время накопилось еще очень мало. На протяжении многих десятилетий работа Ласковского служила единственным источником знаний по истории деревянных укреплений в России, и вышедшая в 1895 г. работа Л. Фримана[2] и даже опубликованная в 1916 г. книга Мих. Красовского[3] по существу повторяют все основные положения Ласковского и значительную часть его ошибок. Правда, Красовский включил в свою работу некоторые новые данные, описав сохранившиеся деревянные крепости XVIII в.[4] Только в 1924 г. появилась работа М. А. Фриде,[5] пересматривавшая основные положения Ласковского на основании почти полной сводки литературных источников. Работа Фриде все же не исчерпала тему, так как, пользуясь лишь литературными источниками, автор почти не касается памятников археологических. Между тем за многие годы археологических исследований в России накопились сведения о деревянных конструкциях, находящихся в валах городищ. Очень редко ученым удавалось целиком проследить деревянные конструкции в раскопках, но остатки, следы дерева, обуглившиеся бревна и доски встречались часто, а следы огня на глиняных валах заставляли думать о пожаре или особом способе постройки вала с обжигом его поверхности. Следы дерева или деревянные конструкции в валах встречаются в землях восточных славян на городищах с древнейших времен.

---

[1] Д. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. I, СПб., 1858.

[2] Л. Фриман. История крепости в России, СПб., 1895.

[3] М. Красовский. Курс истории русской архитектуры, ч. I. Деревянное зодчество, II, 1916.

[4] Он воспользовался при этом интересной публикацией Н. В. Султанова «Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества в Сибири», СПб., 1907.

[5] М. А. Фриде. Русские деревянные укрепления по древним литературным источникам. Изв. РАИМК, Л., 1924, т. III, стр. 113—143.

В городищах дьякова типа и северных ранне-славянских встречаются тын (Старшее Каширское) [1] и плетень (Березники) [2]. В валах городищ роменского типа прослежены остатки деревянных укреплений. На городище «Монастырище» в валах обнаружены уголь, зола и докрасна обожженные кусочки глины [3]. Грандиозные валы Пастеровского городища (до 20 м. в вышину и 12—14 м. в толщину у основания) в верхней части покрыты сплошными слоями выжженной глины, а в насыпи часты находки толстых обугленных бревен в горизонтальном положении и остатки обугленных, торчащих из земли кольев [4]. Хвойко нашел деревянные столбики, оплетенные хворостом, в валах Шарковского городища [5]. Лявданским найдены деревянные укрепления на каменном фундаменте в валу Ковшарского городища [6]. Сергеевым был раскопан вал Гнездовского городища. В части, примыкающей к Днепру, в основании всей раскопанной насыпи шло огнище с остатками толстых бревен. Оно было расположено посредине насыпи и имело в толщину 2 саж. [7] У истоков Мсты из Мстина озера Тихомировым были исследованы валы городища, в насыпи которых найдены бревна, срубленные углом, угли, зола. [8] В урочище Липицы (близ Юрьева-Польского) в насыпи валов сохранились следы сруба в 3 бревна, сложенные в длину один над другим [9]. Лявданским обнаружены обгорелые хвойные бревна толщиной в 20—30 см в валу Понизовского городища (на р. Гайне, правом притоке р. Березины) [10].

Совершенно неожиданные подробности конструкции валов были открыты при раскопках валов Белгородки. Здесь внутри вала оказалось сложнейшее сооружение из кирпича-сырца, дерева и глины, датируемое X веком. Все это сооружение было засыпано землей и сверху обложено дерном. На гребне вала был поставлен частокол из дубовых кольев. [11]

В Белгородке открыто совершенно уникальное сооружение. Нигде ни раньше, ни позже подобного ему не было встречено.

Подробно были изучены стены детинца Райковецкого городища. Здесь обнаружены рубленые дубовые клети, засыпанные утрамбованной глиной и землей. Клети имели средние размеры 4.2 × 2.6 м. С внутренней стороны детинца к клетям укреплений непосредственно прилегали клети жилищно-хозяйственного назначения. Была создана единая жилищно-фортификационная система, засыпанная сверху глиной, взятой из рва. [12]

---

[1] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище ИГАИМК, 1934, вып. 85.

[2] П. Н. Третьяков. К истории славянских племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА СССР, 1940, т. V.

[3] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г., стр. 21.

[4] В. В. Хвойко. Городища Среднего Приднепровья. Тр. XII Археол. съезда в Харькове, 1909, т. I, стр. 94.

[5] В. Е. Козловская. Славянские курганы и городища, как исторический источник, Киев, 1914, стр. 43.

[6] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Научн. изв. Смоленск. гос. ун-та, 1926, т. III, вып. 4.

[7] А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках Сергеева. ИАК, вып. 15, стр. 69; В. С. Сизов. Гнездовский могильник, СПб., 1902, стр. 120; А. Н. Лявданский. Материалы для археолог. карты Смоленской губ. Тр. Смоленского гос. музея, 1924, т. I, стр. 83.

[8] И. А. Тихомиров. Поездка на р. Мсту. Зап. отд. русск. и слав. археологии Русск. археол. об-ва, т. V, вып. I, стр. 4.

[9] Гр. А. С. Уваров. Сб. мелких трудов, т. II, стр. 168 сл.

[10] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии.

[11] В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Приднепровья, Киев. 1913.

[12] Ф. М. Молчанівський — Матеріалы дослідної роботи Райковецької археологічної експедіції в 1944 р. Наукові записки Інст. історії матер. культ., кн. 2, 1947, Київ, стр. 35—62.

Остатки деревянных сооружений были открыты также при раскопках валов Сарского городища. Здесь в слое славянского времени были обнаружены настилы из бревен, остатки тына, срубы из тонких бревен, слагавшихся в парные стенки.[1] В насыпи древнего вала Дмитровского городища прослежены остатки свай, на которых покоились деревянные срубы. Сваи были укреплены в своем основании глинобитными площадками.[2] В валу детинца Вышгорода (под Киевом) открыт деревянный сруб, забитый глиной и являющийся одним из звеньев бревенчатой конструкции, идущей в основании всего вала.[3] Под насыпью вала Тверского кремля во всю длину его основания шел двойной настил из сосновых плах.[4] В валах Переяславля Рязанского во время раскопок в 1945 г. также найдены обгорелые бревна и доски и обнаружены следы сильного обжига глиняной насыпи и оплетенные хворостом столбики.[5] В новгородских пятинах на городищах Березовец и Стерженском валы, состоящие из глины и валунов, были укреплены деревом.[6] Наконец, деревянные сооружения, подобные обнаруженным в валах древнерусских городищ, были открыты в городищах на Чепце и в Булгарских. В Донды-Карском городище вал был с внутренней стороны облицован стеной, состоящей из 35-см бревен, закрепленных вертикальными столбами, причем по верху вала шел тын, состоящий из крупных вертикально поставленных бревен. В Идна-Карском городище вал состоял из ряда деревянных срубов, поставленных в ряд примыкавших один к другому и засыпанных землей.[7] Подобную конструкцию имели валы Билярского и Болгарского городищ и валы Сувара. В Суваре удалось проследить устройство деревянных укреплений более детально, чем в других местах. В валах были открыты срубы шириной 3.5—4 м, длиной около 5 м, поставленные впритык один к другому по окружности города. Срубы засыпаны глиной и черноземом. Стены рва укреплены деревянными слегами и кольями.[8]

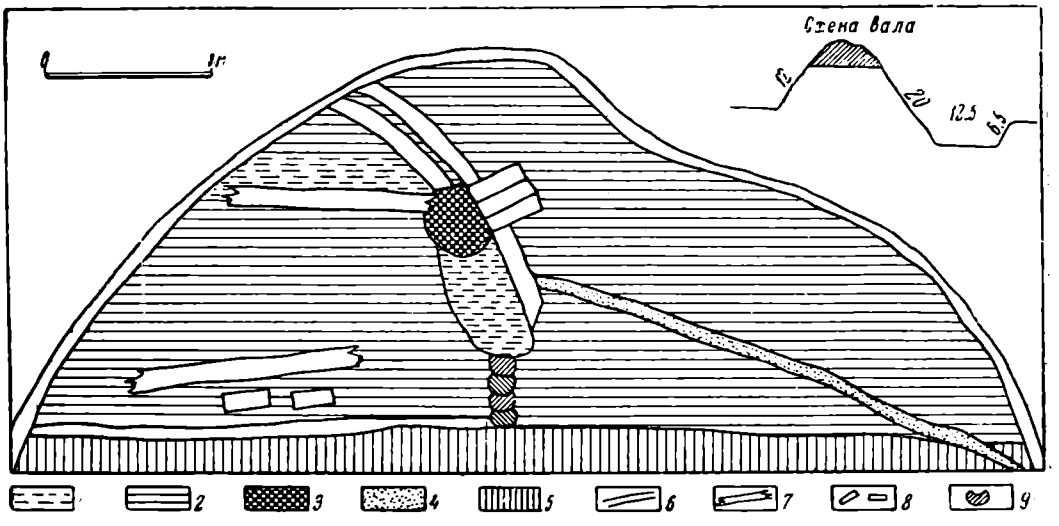
Таков перечень открытий деревянных сооружений в валах городищ, открытий, предшествовавших нашим работам в 1945 г. в Старой Рязани. Перечень этот далеко не полный, т. к. в него не вошли многочисленные открытия, до сих пор не опубликованные в печати.

Валы Старо-Рязанского городища представляют собой мощное сооружение, тянущееся теперь на протяжении 1500 м с северной и восточной напольной стороны. Высота вала 9—10 м, ширина у основания 23—24 м. ширина верхней части 3 м. Ров по глубине немного менее высоты вала Его глубина (на отдельных участках) 8 м, ширина в верхней части 20 м. в нижней части 7 м. В восточной стороне вала в настоящее время имеется трое ворот: Старые Пронские, Новые Пронские и Исадские. Двое последних прорыты сравнительно недавно. В настоящее время внешняя сторона вала стала более пологой и слилась с краями рва, в то время как прежде вал отделялся от рва полосой земли шириной в 1.5—2 м, которая была необходима, чтобы предупредить оползание насыпи. Изнутри вал был более покатым, чем снаружи, чтобы затруднить атакующему возможность взобраться на него и в то же время облегчить возможность взбираться для

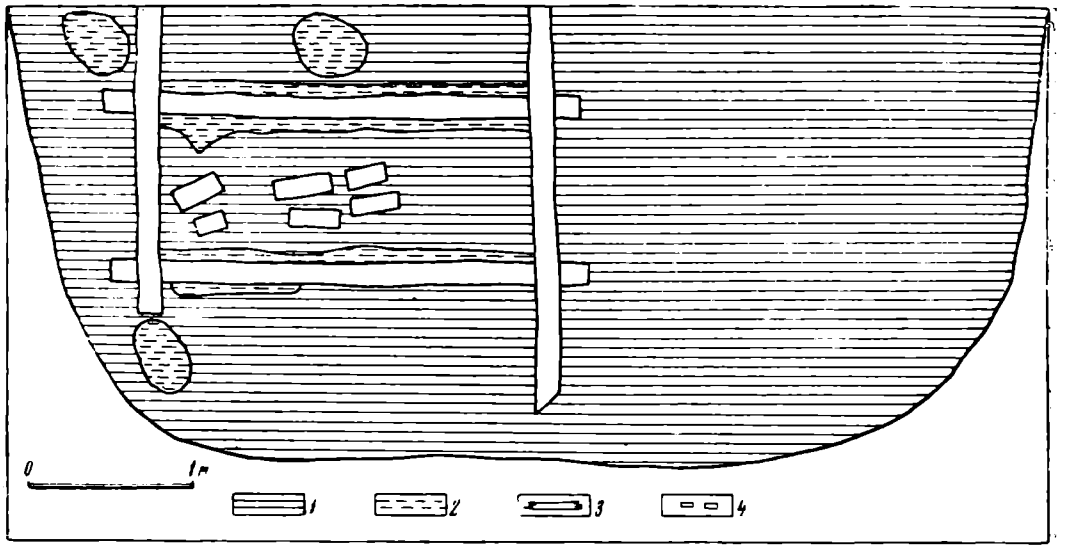
---

[1] Д. Н. Эдинг. Сарское городище, Ростов Яросл., 1928, стр. 63.
[2] Н. П. Милонов. Дмитровское городище (Кремль города Дмитрова). Сов. Археология, т. IV.
[3] ВДИ 1 (2), 1938, стр. 144.
[4] Проблемы истор. докапиталист. общ., № 9—10, 1935, стр. 147.
[5] Н. П. Милонов. Раскопки Переяславля Рязанского в 1945 г. (рукопись).
[6] С. А. Тараканова. Археол. разведки в Новгородских пятинах, КСИИМК, 1945, вып. XI, стр. 76.
[7] А. П. Смирнов. Финские феодальные города. Сб. «На удмуртские темы», 1931.
[8] А. П. Смирнов. Сувар. Тр. ГИМ, М., 1941, вып. XVI, стр. 140.

обороняющихся. Кроме наружного вала сохранился еще внутренний вал, пересекающий городище с СВ на ЮЗ и отрезающий небольшой более древний участок. Внутренний вал был сооружен, очевидно, в древнейшее время, а наружные валы позже, когда город вырос за пределы первоначального поселения.



I



II

Рис. 14. Новые Пронские ворота в Старой Рязани

I — разрез вершины вала:
1 — красная глина; *2* — желтая глина; *3* — дыра в стене; *4* — черная земля; *5* — земля; *6* — дерн; *7* — бревно в фасаде; *8* — кирпичи; *9* — бревно в разрезе;
II — план деревянных сооружений в валу:
1 — желтая глина; *2* — красная глина; *3* — дерево; *4* — кирпич

Во время археологических исследований 1945 г. был заложен раскоп на северной стороне вала у Новых Пронских ворот, на участке, частично разрушенном употреблением земли из вала для исправления дороги. Раскопом был захвачен небольшой участок вала, так, чтобы сохранить в неприкосновенности это цельное и оригинальное сооружение.

После снятия небольшого слоя дерна и черной земли (15—20 см) открылась насыпь вала из желтой плотно слежавшейся глины (рис. 14). На рисунке представлена раскопанная часть вала, заключавшая в себе деревянные сооружения, общая схема вала и рва дана на рис. 14—I справа вверху. На глубине 1.35 м, начиная с середины вала, слегка спускаясь к его внешней стороне и, наконец, выходя на поверхность, проходит полоса черной земли, четко отделяющая древнюю поверхность вала от позднейшей подсыпки. Подсыпка произведена после того, как сгорели деревянные сооружения на валу. Эти сооружения открываются в половине насыпи, выходящей внутрь городища.

Здесь встречены большие пятна красной обожженной глины, очевидно, прежде находившейся внутри или рядом с сгоревшими деревянными сооружениями Почти выходя на поверхность вала, в насыпи находится дубовое бревно, наклоненное внутрь городища под углом в 45°. Его нижний край стесан с одной стороны, и бревно заострено. Очевидно оно было вбито в вал заостренным краем. Вверху бревно изогнуто под тяжестью позднее насыпанной земли. За ним находится второе бревно, подобное первому, но отделенное от него 10-см слоем красной (обожженной) глины. К нему прилегают обгоревшие остатки других бревен и красная глина с большим количеством угля. На глубине 0.85 м (от вершины вала) было обнаружено широкое отверстие, идущее вдоль вала. Оно образовалось на месте истлевших бревен. Остатки бревен, перпендикулярных к валу, теперь видны в профиле. Они немного смещены под давлением насыпи и поэтому не вполне горизонтальны, а имеют край, слегка приподнятый к внешней стороне вала. На глубине 1.80 м, на расстоянии 2.5 м от внутренней поверхности вала, встречено обугленное бревно толщиной 20 см, идущее вдоль вала, и под ним еще 3 таких же бревна. В верхней части бревна имеют довольно глубокие выемки для плотной пригонки одного к другому. На глубине 2.25 м открылся план одного из участков раскапываемого сооружения (рис. 14 II). В плане ясно обозначился венец вязаного в обло сруба. Расстояние между поперечными (по отношению к валу) бревнами 90 см, их толщина 12—15 см; расстояние между продольными бревнами 2.20, их толщина 20 см. Продольные бревна уходят в глубь вала, составляя непрерывное продолжение найденного сооружения. Между бревнами нижнего венца сруба несколько плитчатых кирпичей как бы устилают площадку. Кирпичи и глина рядом с бревнами сильно обожжены. Под нижним венцом сруба находилась узкая полоска черной земли, как бы подстилавшая найденное сооружение. С глубины 2.40 м пошла желтая насыпная глина без находок и без следов сгоревших деревянных сооружений. В профиле вала видны несколько деревянных досок и щепок, связь которых с найденным сооружением выяснить не удалось.

Второй профиль вала нами был получен в результате зачистки вала на участке в южной части городища, лежащем напротив Шатрищенской школы (рис. 15). Насыпь вала состоит из желтой плотно слежавшейся глины. С внутренней стороны в насыпи значительный участок заполнен черной и серой землей. Почти с самой вершины вала в насыпи встречаются обгорелые куски дерева, угли и пласты красной от воздействия огня глины. На глубине 1.05 м в насыпи найдены обломки керамики славянского типа с линейным и волнистым орнаментом и отдельные кости животных. Примерно на середине вала находились какие-то сгоревшие деревянные сооружения, выходившие внутрь городища. От них остались два продольно лежащих бревна, обломки поперечных бревен и угли. В профиле видна горизонтальная площадка и две ступеньки, ведшие к деревянным сооружениям изнутри городища. По внутреннему склону вала идет накат из бревен, очевидно

служивший для укрепления вала. С глубины 2.5 и до 4 м идет насыпь из плотной желтой глины без всяких находок. Под насыпью обнаружен культурный слой толщиной в 0.70 м, содержавший следующие находки — фрагменты славянской керамики с зубчатым орнаментом, плитчатые кирпичи, кости животных, ручки большого амфоровидного сосуда с клеймами.

Пытаясь реконструировать древнерусские деревянные укрепления по данным раскопок в Старой Рязани, мы должны будем привлечь не только данные из раскопок валов в России, перечень которых дан в начале статьи, но и данные из раскопок валов на городищах западных славян.

Наиболее частым типом укреплений у славян как западных, так и восточных являются комбинированные деревянно-земляные укрепления. Многие

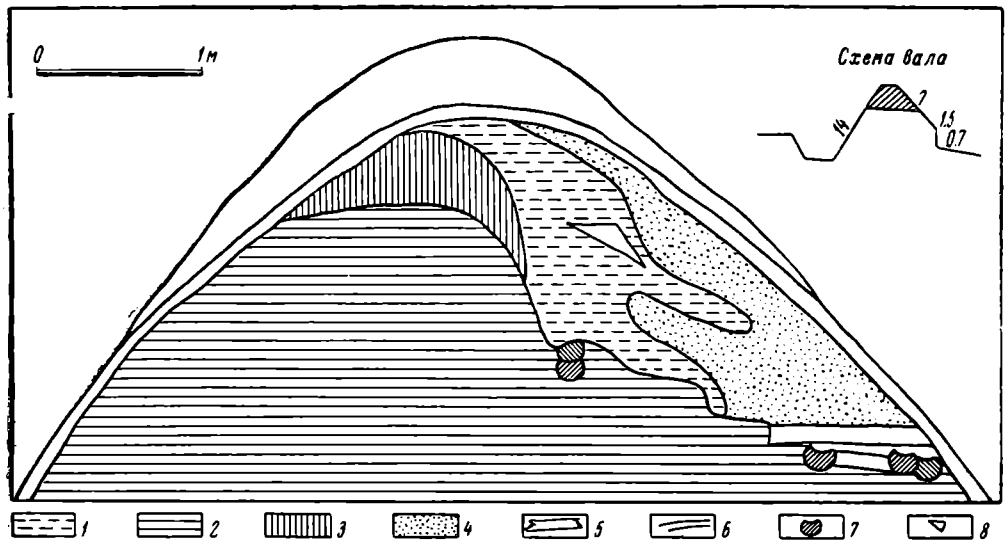


Рис. 15. Разрез вершины вала напротив Шатрищенской школы в Старой Рязани
1 —красная глина; *2* — желтая глина; *3* — земля с вкрапл. красной глины; *4* — черная земля; *5* — дерево; *6* — дерн; *7* — бревна; *8* — кусок дерева

славянские городища окружены глиняной или земляной насыпью без всяких иных конструктивных деталей, некоторые имеют каменные укрепления. Поэтому попытка определить этническую принадлежность насельников городища по конструкции укреплений, как это пытался сделать Коссина, считавший городища с каменными стенами кельтскими, с деревянной конструкцией — немецкими, а с глиняными валами — славянскими, ни на чем не основана. Материал для сооружения валов определялся наличием того или иного материала на месте сооружения и отчасти значением укрепляемого пункта. Более значительные города, княжеские центры имели и более сложные сооружения. На Балканах, где хорваты, сербы и болгары видели римские образцы, рано появились каменные укрепления (VIII—IX вв.).[1] У восточных славян мы встречаем каменные стены в XI в. в Новгороде[2] и в Старой Ладоге. Датируемая X в. стена Белгородки не может считаться собственно каменной и представляет уникальное, не типичное сооружение.

Деревянные сооружения встречаются как на поверхности, так и внутри валов. Последние совершенно не рассматриваются Ласковским (в его время они еще не были открыты) и опущены Фриде, так как, являясь основой

[1] L. Niederle, Život starých slovanů, Praha, 1925, d. III, sv. 2, стр. 628.
[2] ПСРЛ, III, 211, III, Новгор. летоп.

земляной насыпи, не могут считаться собственно деревянными укреплениями. Несмотря на то, что не всегда удается ясно установить связь между найденными в валу остатками дерева и самим валом, мы можем говорить о том, что дерево служило для одной из следующих целей: 1) бревна и балки употреблялись на внешнюю обшивку валов и рвов для предупреждения осыпей и оползания; 2) деревянные конструкции на валах — палисады или стены — увеличивали высоту вала и давали перекрытие для активной обороны; 3) деревянные конструкции внутри насыпи вала усиливали ее, позволяя придать насыпи большую прочность и крутизну. Первый из указанных случаев участия дерева в устройстве земляных оград пришлось наблюдать в Шарковском городище, в Белгородке, в Переяславле Рязанском, в Сарском городище, в Арконе и др. Здесь для укрепления вала вбивались колья, которые оплетались плетнем (в Арконе из ивовых прутьев). В позднейшее время (XVI в.) этот способ был применен в более широком размере при постройке Китай-города в Москве (1534) — вся земляная насыпь была одета с обеих сторон плетнем. Вероятно, к этому времени практика подобного устройства валов была забыта, и летописец отмечает работу мастеров как оригинальное новшество «...и устроиша хитрецы велма мудро...».

Для предупреждения расплывания при оседании валы и рвы укреплялись не только плетнем, а и деревянной обшивкой из бревен и досок. Подобное устройство наблюдалось в славянских городищах Восточной Пруссии,[1] в Суваре (возможно, что конструкции валов Сувара возникли по славянскому образцу), в Твери,[2] позже в Путивле.[3] Этот способ — древнейший и употреблялся не только для укрепления построенных валов, а еще в процессе их сооружения. По рассказу (относящемуся к западным славянам) Аль-Бекри (XI в.) со слов Ибрагима ибн Якуба, путешественника X в., славяне большую часть своих крепостей строят таким образом: «Они направляются к лугам, обильным водами и камышами, и обозначают там место круглое или четырехугольное, смотря по форме, которую желают придать крепости, и по величине ее. И выкапывают вокруг него ров и выкопанную землю сваливают в вал, укрепивши ее досками и сваями наподобие битой земли, покуда стена не дойдет до желанной высоты. И отмеряется тогда дверь с какой стороны им угодно, а к ней приходят по деревянному мосту».[4] Раскопки в Старой Рязани также обнаружили обшивку вала бревнами и плахами для предупреждения оползания. С внутренней стороны городища они, составляя обшивку вала, в то же время служили гранями ступенек, облегчавших восхождение на вал. Встреченные в насыпи отдельные камни могли служить также для укрепления валов. Для этой цели иногда употреблялись каменные обкладки,[5] но в восточнославянских городищах мы обычно внешней обкладки из камней не встречаем. Камни в валах Старой Рязани настолько бессистемно разбросаны, что трудно определить их назначение.

Деревянные крепости, поставленные на земле или на валах, в нескольких случаях дошли до нас полностью. Таковы укрепления городов Якутска, Красноярска, Коротояка и др. Почти все они относятся к XVII в.

---

[1] Praehistorische Zeitschrift, VI, S. 343.

[2] Сообщение летописи 1387 о сооружении «кожуха» у града Твери, ПСРЛ, IX, 93, Никон.

[3] «Откосы рвов прочно обложены деревом», Павел Алеппский, кн. V, гл. VI.

[4] Л. Куник и В. Розен. Изв. Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах, СПб., 1876, ч. I. Приложение к XXXII т. «Записок АН», стр. 48.

[5] Например, в Ретре — Carl Schuchhardt — Arkona, Rethra, Vineta, Berlin, 1926, S. 45.

Мы рассматривать их не будем, так как подробное описание их дано в работах Красовского, Султанова и Фриде.

Деревянные конструкции внутри насыпи вала очень часто встречаются на славянских городищах. Они служили для того, чтобы придать прочность высокому валу (достигавшему иногда 10 м высоты) и были более или менее сложны (от самых замысловатых в Белгородке до простейших на Райковецком городище). Очень распространены они и у западных славян. [1] В Старой Рязани мы имеем дело с древнейшим типом укреплений, когда деревянная конструкция, заполнявшая вал внутри, выступала над его гребнем в виде отвесной стены. Подобное устройство укреплений известно в Европе еще в древнейшие времена. [2] У славян мы его встречаем на самых ранних городищах. Наиболее подробно удалось такое сооружение проследить в валах городища «Römerschanze» в Postupime, которые были раскопаны Шухгардтом в 1908—1909 гг. [3] Оно было основано в дославянское (лужицкое) время, но укрепления были сооружены при заселении городища славянами в X—XI вв. Здесь деревянная стена в 3.5 м ширины и 6 м высоты начинается внутри глиняной насыпи и выступает на ее поверхность. Стена образована двумя рядами отвесных бревен, скрепленных поперечными бревнами. Внутри конструкция наполнена глиной, взятой на городище.

Сходны с вышеописанными укрепления Арконы, вскрытые раскопками Petzsch. [4] Земляной вал Арконы имел 6 м высоты и 15 м ширины (при основании). На 5-метровой вышине внутри насыпи вала начинались деревянные стены шириной в 5.6 м. Они состояли из больших четырехугольных ящиков, толщина стен которых равнялась 5—8 см. Между отвесно стоящими четырехугольными балками (толщиной 15—22 см) были защемлены доски, составляющие стены ящика. Ящик заполнен глиной и камнями. К сожалению, в землях восточных славян не было раскопано так хорошо сохранившихся деревянных сооружений в валах (кроме Белгородки и Райков), поэтому приходится сравнивать Старую Рязань с валами Поступима и Арконы. Это сравнение обнаруживает большое сходство в принципе устройства укреплений и различие в деталях.

Во всех трех случаях деревянные сооружения должны были помочь сделать валы более высокими и затруднить доступ на городище. Все эти укрепления частично находятся внутри насыпи, частично выступают над нею. Для придания большей прочности и большей сопротивляемости огню они засыпаны внутри землей и не имеют внутреннего хода. В Старой Рязани деревянные сооружения представляют сплошную стену из продольно-лежащих бревен, перевязанных поперечными бревнами в обло (это такое соединение бревен между собой, при котором одно бревно входит на половину своей толщины в выемку, сделанную во втором бревне, причем концы бревен выступают за поверхность стены и называются «остатком»). Высота стены доходила до 1.7 м (над поверхностью древнего вала, высота которого

---

[1] Wl. Antoniewicz. Archeologja Polski, Warszawa, 1928, J. L. Pfc. Starozitnosti zeme ceské, Praha, 1925, IV; C. Schuchhardt. Arkona, Rethra, Vineta, Berlin, 1926; J. Schranil. Die Vorgeschichte Böhmens und Mährns, Berlin, 1928, R. Beltz-Slaven (in Max Ebert-Reallexikon der Vorgeschichte, Bd. XIII, 1928, S. 267—271; M. M. Lienau. Der Burgwall an der Steilen Wand bei Lossow, Mannus, Bd. XX, S. 212; C. Schuchhardt. Rede. Zeitschrift für Ethnologie, Berlin, 1919, S. 285; Niederle. Zivot starych slovanu, d. III, sv. 2, Praha, 1925; Niederle. Rukovêt slovanske archeologie, 1931, Cervinka. Slované na Morave, Brno, 1928.

[2] Dechelette. Manuel, vol. II, p. 985.

[3] Praehistorische Zeitschrift, Bd. I, S. 209.

[4] W. Petzsch und G. Martiny. Wall und Tor der Tempelfesie Arkona, Praehistorische Zeitschrift, Berlin, 1930; Bd. XXI, S. 237—264.

была 7.4 м). С внешней стороны стена была присыпана землей до половины своей высоты, с внутренней — обнажена до фундамента. Стена служила опорой для наклонных, забитых в насыпь бревен, которые составляли нечто среднее между обычным тыном и брустверо́м. Нижние края бревен заострены. Бревна соединены между собой поперечными балками, которые проходят в специально вырубленных пазах внизу и посредине бревен. По

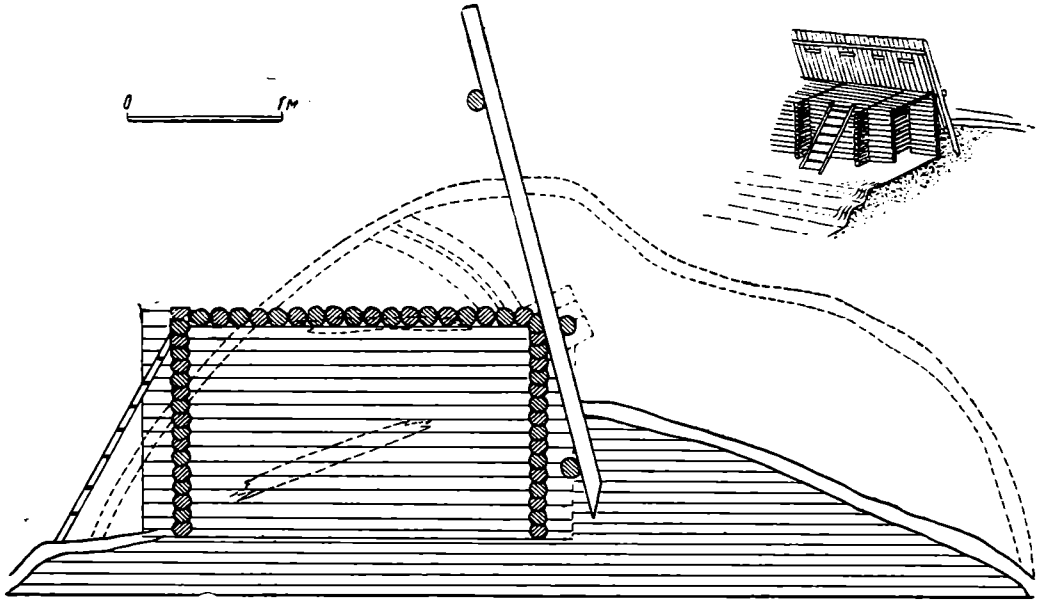


Рис. 16. Реконструкция деревянных сооружений на валу у Новых Пронских ворот

верху деревянной стены был сделан ход, по которому передвигались защитники крепости. В верхней части бревен, составлявших брустве́р, были прорезаны амбразуры для наблюдения за противником и стрельбы. На вал изнутри вели ступени, сделанные в его насыпи, а на деревянную стену подымались с помощью приставных лестниц. Все деревянные сооружения смещены к внутренней поверхности вала.

Через рвы, вероятно, вели подъемные мосты. Над воротами могли быть поставлены башни. В Арконе, Поступиме и других местах были открыты башни и мощеные дороги через ворота, в Райках бревенчатый ход, но в Старой Рязани мы можем лишь предполагать подобные сооружения у Старых Пронских ворот, где пока раскопок не было.

Время постройки старорязанских укреплений летописно неизвестно. Приблизительно мы можем датировать их не позднее чем XII в. Наличие на территории, окруженной валами, больших храмов, сооружение которых относится к XI — началу XII в., наличие здесь довольно значительного населения к моменту татарского нашествия и то значение, которое приобрела Старая Рязань накануне своего падения, заставляют предполагать сооружение основной массы валов не позже XII в., когда город разросся за пределы северного участка и понадобилось укрепить его новыми валами и рвами. Вряд ли валы были сооружены ранее второй половины XI в., так как раскопками 1945 г. обнаружено, что вал лежит на культурном слое, датируемом X—XI вв. Уничтожены были деревянные сооружения пожаром в XIII в. Это могло произойти либо в 1208 г., когда Рязань была сожжена великим князем Владимирским Всеволодом Юрьевичем, либо в 1237 г.,

когда после пятидневной осады (с 16 по 21 декабря) город был взят и сожжен Батыем. Однако после пожара валы были вновь насыпаны. Это произошло, вероятно, после того, как татарские полчища прокатились через Рязанскую землю и началось восстановление разоренных городов, и Ингварь Ингваревич, придя в Рязань «и церкви постави и монастыри согради и пришельцы утеши и люди собра».[1] В это время не были восстановлены деревянные укрепления. Была лишь увеличена земляная насыпь, которая, повысив прежний уровень валов до 9 м, прикрыла сгоревшие остатки древней деревянной крепости.

Пожар деревянных сооружений повлиял и на вал, по всей поверхности которого идут большие пятна красной от воздействия огня глины. Между прочим, это наблюдение в Старой Рязани служит еще одним опровержением высказанного некоторыми учеными предположения, якобы красная от воздействия огня глина, найденная в насыпях валов, появилась там в результате своеобразного способа укрепления валов путем обжига.

Как назывались укрепления, подобные Старо-Рязанским?

В литературе распространены два названия для деревянных укреплений — городни и тарасы. Ласковский считал, что стена, построенная городнями, состояла из ряда продолговатых срубов, плотно прилегающих друг к другу. Стена, рубленная тарасами, состояла из двух параллельных бревенчатых стен, соединенных между собой короткими поперечными стенками. Эти поперечные стенки сделаны также из бревен, концы которых были пропущены через продольные стены и выступали на их поверхность. Фриде предполагает, что тарасы появились в XVI в. Несомненно, что укрепления Старой Рязани, датируемые XII в., в точности совпадают с описанием тарас, а не городен. Укрепления, именуемые Ласковским — Фриде тарасами, были уже в XII в. В XVI в. тарасы появляются не как тип укреплений, а как новый термин.

Сопоставление укреплений Старой Рязани с другими восточно- и западнославянскими показывает, что система комбинированных земляных и деревянных укреплений была наиболее распространенной в землях славян и может служить одним из признаков единства славянской культуры в Средние века. У булгар и финнов подобные укрепления возникли под культурным воздействием славян. Эволюция деревянных укреплений протекала от простого плетня и тына в ранне-славянских городищах до сложных сооружений типа Белгородки и Старой Рязани.

---

[1] Повесть о разорении Рязани Батыем, Сб. Отд. русск. яз. и слов., СПб., 1867. т. I, стр. 90.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XVII КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1947 год

Л. И. Якунина

НОВГОРОДСКАЯ ОБУВЬ XII—XIV ВЕКОВ

(Доклад, прочитанный в секторе славяно-русской археологии 15 марта 1946 г.)

Раскопки в Новгороде, давшие ценный материал к истории древнерусской одежды, позволили частично восстановить формы обуви населения этого города в XII—XIV вв.

В 1934 г. археологической экспедицией под руководством А. В. Арциховского на Славенском холме была открыта изба XII в., принадлежавшая, видимо, сапожнику. [1]

Наблюдения, сделанные над примыкавшим к избе (в южной части западной стены извне) зольником, в виде прямоугольного ящика, показали, что его дно было покрыто слоем шерсти и извести. Несомненно, сооружение это служило для удаления волос со шкуры. Под зольником были найдены и железные ножницы, употреблявшиеся для стрижки шкур.

А. В. Арциховский и Б. А. Рыбаков предполагают, что живший в этой избе сапожник совмещал и другую специальность — кожевника. [2] Необходимо отметить, что уже в XIII в. в Новгороде Великом кожевники встречаются как мастера самостоятельной отрасли ремесла. Так, Новгородская летопись, сообщая имена новгородцев, убитых в битве со шведами в 1240 г., указывает «Дручилу Нездыловича кожевника». [3]

В 1937 и 1938 гг. археологические раскопки в Новгороде проводились на Ярославовом дворище, где А. В. Арциховскому удалось собрать новые материалы, дополняющие наши представления о покрое обуви новгородского населения XII—XIV вв.

Среди массы найденных на месте раскопок обрезков и обрывков кожи встречаются иногда и цельные вырезки разных частей обуви: заготовки, задники сапога, чаще с высоким мысом, разнообразные головки разных покроев сапог, а главное — подошвы, различные по форме и разных сортов кожи.

Одна из таких подошв, например, подбита тремя массивными железными шипами, [4] Руководители раскопок предполагают, что обувь, возмож-

---

[1] А. В. Арциховский и Б. А. Рыбаков. Раскопки на Славне в Новгороде Великом. Сов. археол., 1937, т. III, стр. 179.
[2] А. В. Арциховский и Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 183.
[3] Новг. IV летопись (под 6148 г.), стр. 225.
[4] А. В. Арциховский и Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 189.

но, подбивалась так для хождения по льду, ссылаясь при этом на В. И. Сизова [1] и Т. Арне, [2] державшихся подобного же взгляда.

Среди новгородского раскопочного материала встречаются иногда и цельные образцы обуви. Сюда можно отнести кожаную обувь (очень похожую покроем на лапоть) (рис. 17, *1*), типа смоленских поршней. Этот небольшого размера кожаный лапоток, видимо, с левой ноги женщины или подростка, является двуслойной обувью. Выкроена она из цельного куска кожи, сложенного вдвое, причем перегиб приходится на передней части обуви, что использовано сапожником, как можно думать, в целях украшения. Спереди, по краю к голени, по коже сделаны частые надрезы, и в образовавшиеся отверстия вдет узкий ремешок, что создает впечатление очень густой сборки. Ремешок проходил вокруг обуви по верхнему краю и, видимо, обвивал и ногу, так как длина сохранившейся половины ремешка 86 см. Обувь такого же типа, относящаяся к концу XII — началу XIII в., имеется среди коллекций Новгородского музея. Один из ее экземпляров экспонирован в колоде посадника Мирошки, или Мирона Нездинича (1203). Затем такая же обувь (поршни), хранящаяся в Новгородском музее, выставлена с инвентарем погребения посадника Семена Борисовича, убитого новгородцами в 1230 г., о чем читаем в летописи: «А заутра оубиша Смена Борисовича, а домъ его разграбиша всь и села, а жену его яша, а самого оу святаго Георгіа положиша в монастырѣ ». [3]

Подобные двуслойные поршни, относящиеся к XII в., хранились до последнего времени в музее г. Смоленска. Они были экспонированы в дубовой колоде среди находок из погребения XII в. Покрой этой обуви в Смоленске сохранялся до конца XIX в., о чем можно судить по богатому материалу поршней, представленному в музее г. Смоленска. Одна пара смоленских поршней XVI в. находится в Московском музее кожевенной промышленности.

Надо отметить, что описываемый нами образец обуви из вскрытой раскопками 1934 г. избы новгородского сапожника наряднее смоленских поршней. Смоленские поршни без сбор впереди и сзади на пятке. Надо указать еще, что поршни обычно бывают многослойные, чаще всего двуслойные, т. е. при их пошивке одна кожа для прочности накладывается на другую. Такая многослойность подошвы встречается в античном мире. При раскопках на юге в Крыму в 1872 г. в Керчи на Митридатовой горе в погребении III в. до н. э. найдена женская кожаная сандалия с правой ноги. Подошва этой сандалии составлена из 10—12 тонких слоев кожи, наложенных один на другой. [4] Подобную двуслойность мы встречаем и в подошвенном материале, добытом в 1934—1938 гг. раскопками в Новгороде. Сшивка подошв из двух или трех слоев кожи легко заметна при обследовании их краев. Этот способ пошивки подметки вызвал у А. В. Арцихозского и Б. А. Рыбакова предположение об отсутствии в Новгороде Великом быков, [5] из толстой кожи которых можно делать сплошные толстые подошвы,— предположение, с которым не вполне можно согласиться. Так, Г. Поварнин [6] указывает, что задолго до XIII в. новгородцы и суздальцы выделывали полувал —

---

[1] В. И. Сизов. Гнездовский могильник, СПб., 1902, стр. 74—75, табл. IX, рис. 20—23.

[2] T. Arne. Das Bootgräberfeld von Tuna, Stockholm, 1934, стр. 67, табл. VI, XIII, XVII.

[3] ПСРЛ, Новг. IV летопись, ч. I, вып. 1, 6738 г.

[4] Эрмитаж оп. А — 143. Изд. археол. комиссии за 1878—1879 гг., стр. 143.

[5] А. В. Арцихозский и Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 79.

[6] Г. Поварнин. Очерки мелкого кожевенного производства в России, СПб., 1912, стр. 181 и 183.

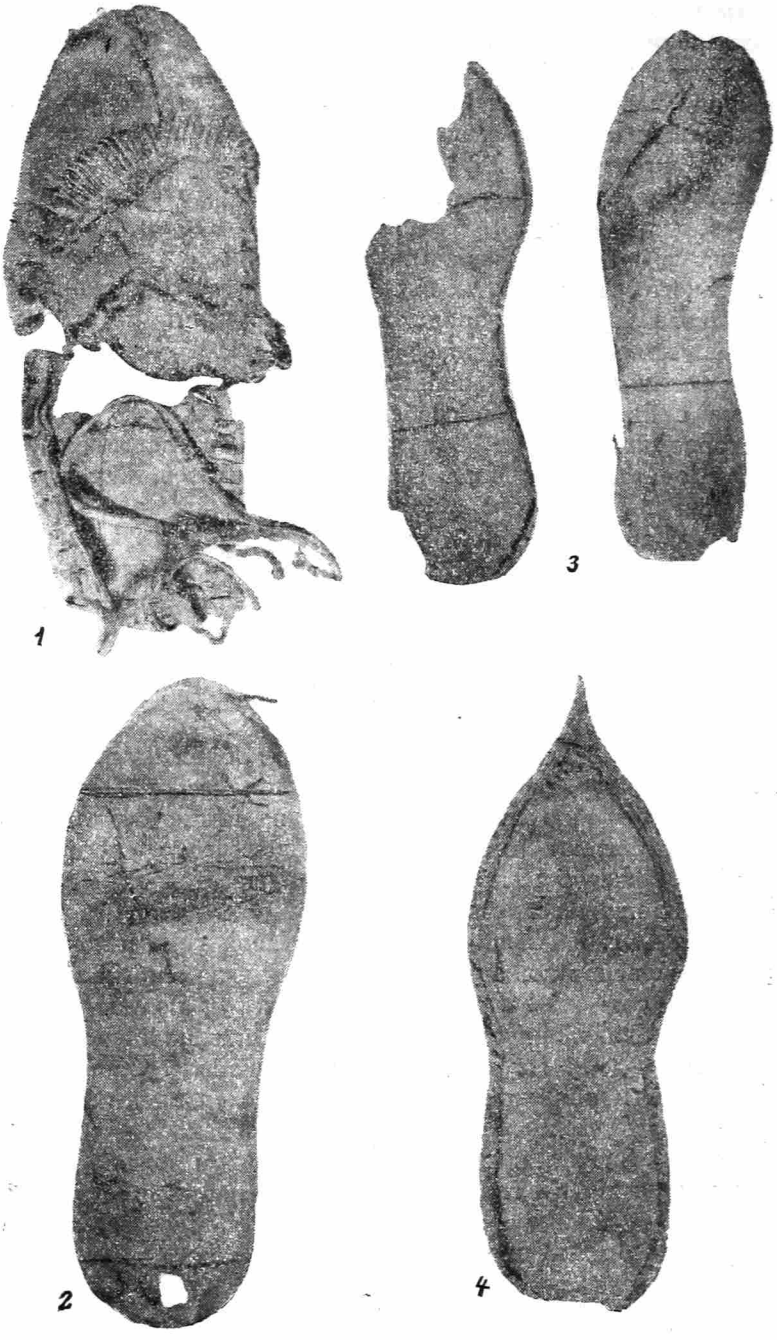


Рис. 17. Образцы подошв и обуви из раскопок в Новгороде
1 — кожаная обувь типа лаптя; *2* — подошва прямая; *3* — подошва с изгибом по ноге; *4* — подошва с острым поднятым кверху носом

подошвы, соковую (древнюю) и хлебную. На выделку таких подошв идет кожа крупного рогатого скота, и думать, что на это употребляли только привозные шкуры, конечно, не приходится, тем более, что в те времена на Руси водились даже туры.[1] Многослойные подошвы были, конечно, дешевле; кроме того, внимательно всматриваясь в материал, добытый новгородскими раскопками, можно отметить, что цельные подошвы имеют характер покроя более щегольской обуви. В большинстве это обувь с острым, иногда приподнятым носом. Слоистые же подошвы из более тонкой кожи принадлежали более простой обуви, спокойной, по ноге, тупоносой. Для определения покроя обуви XII в. эти подошвы представляют большой подсобный материал. Встречается и прямая подошва,[2] т. е. такая, которая могла быть и на левую и на правую ногу (рис. 17, *2*). Но больше подошв с изгибом по ноге, т. е. шитых на определенную — правую или левую — ногу (рис. 17, *3*). Такой покрой подошвы, как известно, встречается еще в Египте в IX веке до н. э. Среди описываемого материала имеются подошвы с разными носами, форма которых также определяет покрой обуви.[3] Напр., подошва с округлым тупым носом (рис. 17, *2*) показывает, что в XII в. в Новгороде были сапоги тупоносые. По покрою нескольких подошв видно, что носили тогда сапоги и с острыми носами, и с острыми же загнутыми кверху носами (рис. 17, *4*). Эти носы бывали иногда приподняты очень сильно; нос одной подошвы загнут кверху на 4 см (28 × 10 см). Таков же нос на подошве, которую можно отнести к женской обуви или обуви подростка. О покрое сапог можно судить и по нескольким сохранившимся головкам сапог. На одной из головок остроносого сапога остались следы от прокола иглы (поперек всей головки на расстоянии 2 см от носа). Проколы можно рассматривать как украшение, но это может быть и след починки носка сапога нашивкой какого-то материала. Мы знаем, что сапоги остроносые, с загнутыми кверху носами, в русском быту были приняты очень рано. Так, в «Изборнике» Святослава (1073) встречаем впервые изображение таких сапог. Остроносые, с загнутыми кверху носами, синеватые сапоги надеты на Святославе, а на сыне его Ярославе такие же по форме сапоги, но красные по раскраске.

Обратимся к другому древнерусскому живописному материалу, к иконописи. Материал этот при внимательном исследовании дает нам большое разнообразие видов обуви. Так, например, обувь типа «поршней» можно привести из Сковородского монастыря (Новгород) на фреске XIV в.[4]

На изображении Иоанна или, как значится на самом памятнике, «Еван XII», начало XIII в.,[5] находим обувь в виде сандалий. Очень схожую, тоже типа сандалии обувь встречаем на фреске в церкви св. Николы на Липне (близ Новгорода Великого) на изображении Бориса и Глеба.[6]

Высокие сапожки, как бы из мягкого материала со строгими линиями и прямыми носами по ноге, видим на изображении Георгия из Юрьевского монастыря XII в. и обувь такого же типа на фреске, изображающей князя Ярослава Владимировича, строителя Спасо-Нередицкой церкви в Новгороде Великом (1199).[7] Обувь Ярослава украшена нашитым жемчугом узором в виде полнолуния.

---

[1] Е. А. Богданов. Происхождение домашних животных, М., 1913, стр. 183—185.
[2] ГИМ, № 79783.
[3] ГИМ, № 79783/18347.
[4] Зарисовки (8, 9, 10) любезно сделаны, по моей просьбе, ученым реставратором древнерусской живописи Е. А. Домбровской в Новгороде в 1940 г.
[5] Хранилось в Третьяковской галлерее, в настоящее время — в Русском музее.
[6] Третьяковская галлерея, 7405.
[7] Воспроизведено в «Материалах по истории русских одежд и обстановки жизни народной», изд. В. Прохоровым (СПб., 1881), стр. 78.

Высокие же сапожки несколько другого покроя — пошире кверху, как бы с отворотами и, повидимому, тоже расшитые и низанные жемчугом, имеются на изображении Дмитрия Солунского (XII в.).[1] Сапог, близкий к сапогу Дмитрия Солунского, наблюдается также на фреске XII в. в Новгороде, в Нередице, на изображении воинов (рис. 18 б). Затем мягкие сапоги по форме вроде чулок, но с вырезными украшениями у колена, видим на новгородской фреске XIV в. из Ковалева (рис. 18 б).

Рис. 18а. Болванка сапога из раскопок в Новгороде

Среди материала, добытого археологическими раскопками в Новгороде, имеются и сапоги с узорчатым украшением, но сделанным не шитьем, а нанесенным путем тиснения. Таким узором украшена головка одного остроносого сапога, где вытиснен орнамент в виде поперечных полосок (на 1 см 2 полосы)[2] (рис. 18а). Г. Поварнин, говоря об украшении кожи узорами при помощи тиснения, дает указания, как наводились эти узоры на кожу, но ничего не сообщает о времени возникновения на Руси этого мастерства.[3] Более раннего образца русской обуви с узором, выполненным при помощи тиснения, нам не удалось встретить. По архивным сведениям известно, что, помимо тиснения, обувь того времени украшалась и шитьем золотой нитью и разноцветными шелками. Вспомним красочное описание внешнего вида Даниила Галицкого (1252), в частности его одежды: «кожюхъ же Оловира Грецького и круживы златыми плоскими ошить, и сапози зеленого хъза[4] шити золотомъ...».[5]

Сапоги в XII—XIII вв. были уже массовой обувью у новгородцев. Летописные сведения это подтверждают, упоминая сапоги, в которые было обуто конное войско в 1216 г. «Новгородци же, съсѣдавъше съ конь и порты съметавъше, боси сопоги съметавъше поскочиша...».[6] Сапоги в летописи упоминаются много раньше — о них говорится уже в X в.; правда,

---

[1] Третьяковская галлерея.
[2] ГИМ, № 79783.
[3] Г. Поварнин. Ук. соч., стр. 88.
[4] Слово «хоз», по Г. Поварнину, до XIII в. могло значить недубленую конскую шкуру, а после XIII в. дубленую конскую кожу, похожую на сафьян, или, вернее, на шегрень (Ук. соч., стр. 142).
[5] Ипат. летопись (6760 л.), стр. 814.
[6] ПСРЛ, 1-я Новгор. (6724 л.), стр. 34—35.

Рис. 18 б. Изображение обуви на новгородских фресках *1* — Нередица (XII в.) слева — сапог Ярослава, справа — сапоги воинов; *2* — Ковалево (XIV в.) сапоги воинов; *3* — Сковородский монастырь (XIV в.)

здесь они указываются, как обувь не русская, а болгарская. Приведем известное обращение Добрыни к князю Владимиру после победы над болгарами (987): «Рече Добрына Володимеру: «съглядахъ колодникъ, оже суть вси в сапозѣхъ; симъдани нам не даяти, поидемъ искатъ лапотниковъ». [1]

Надо отметить, что наиболее древними по времени являются сапоги, добытые в результате раскопок Пантикапеи (Керчь) в Павловском кургане в 1859 г. [2] Раскопанная могила относится к IV в. до н. э. и принадлежала молодой пантикапеянке, происходившей, видимо, из знатной и богатой фамилии. Эта женская обувь из очень тонкой кожи в настоящее время темно-коричневого цвета. Она прекрасно сохранилась, один сапог почти совершенно целый. Высота их 26 см, длина стопы 17 см. Судя по величине стопы, нога обладательницы сапога была необычайно мала. [3]

Об окраске обуви, найденной при раскопках в Новгороде, говорить трудно, так как в настоящее время вся кожа темноземлистого цвета, свойственного вещам, пролежавшим известное время в земле, но вполне возможно предположить, что новгородская обувь была и из неокрашенной кожи и цветная, крашеная. Окраска кожи в это время была уже распространена и производилась при помощи разных минеральных и растительных красителей. Для наиболее ранней окраски кож могли служить цветные глины, которыми кожи натирались со стороны бахтармы. До последнего времени кустари в России обычно натирали кожи охрой (в старину: «вохра»); на Украине делают это до сих пор, натирают охрой разных оттенков, начиная с желтого и доходящего до красного (иногда даже кирпичом тертым).

Новгород Великий с его областью изобиловал почвами, содержащими различные красители. Важным красителем в народном обиходе, дававшим тоже красный, «червленный» цвет коже, был также и «червец». В. А. Шавинский [4] считает, что уже в XII в. червец имел значение в русском красильном искусстве. В «Слове о полку Игореве» есть указания на окрашивание червецом кожи: «Русичи великая поля чрвлеными щиты прегородиша...». [5] Красный цвет коже давали и растительные красители — ольха и полярный подмаренник; применением ольхи достигался черный цвет кожи. Растительными же красками окрашивались кожи так: в желтый цвет — листьями березы, в темножелтый — карликовой березой, а в серый и коричневый — ивовой корой. Зеленый цвет кожа приобретала в результате употребления медного купороса, дававшего разные оттенки, в зависимости от разных соединений: с корнем барбариса и жестером (светлым или желтым) — зеленую окраску, а с галлами чернильных орешков — черно-зеленую. [6] При археологических раскопках иногда наблюдается окраска лежащей в земле возле металлических предметов кожи в красивый зеленый цвет. Что цветная обувь была принята в русском быту у высших классов общества, видно по летописному и живописному материалу. В ряде источников имеются указания на «червленные» (красные), а также зеленые сапоги. «Лучше бы ми нога своя видети в лыченицы в дому твоем, нежели в

---

[1] Лаврент. летопись (6493), ПСРЛ, СПб., 1846, т. I, стр. 37.

[2] Хранятся в Эрмитаже. Отчет Археол. комиссии за 1859 г., № 1862; руковод. раск. Люценко, стр. 30—31.

[3] 26 октября 1945 г. при вскрытии усыпальницы семьи Годуновых (Загорск, б. Троице-Сергиевская лавра) в могиле Ксении Борисовны найдена подошва от ее обуви, длина стопы тоже 17 см.

[4] В. А. Шавинский. Очерки по истории техники живописи и технологии красок в древней Руси, Соцэкгиз, М.— Л., 1935, стр. 11 и 17.

[5] «Слово о полку Игореве», Сабашниковы, М., 1920, стр. 10.

[6] Г. Поварнин. Ук. соч., стр. 46 и 75.

черлене сапоѣ в боярстем дворе»,[1] пишет в своем молении Даниил Заточник (1182—1199). Или вспомним вышеприведенную выпись из летописи о сапогах князя Даниила Галицкого «зеленого хъза». Из живописного материала укажем на изображение русского князя (миниатюра из рукописи XII в. об антихристе Ипполита Папы Римского).[2] У князя на ногах красные узорчатые сапоги. Отметим затем изображение на миниатюре Трирской псалтыри: «Апостол Петр и семья князя Ярополка»,[3] где на князе и княгине красные сапожки, а также фреску XII в. на стене Дмитриевского собора во Владимире,[4] где изображены женщины в мягкой, облегающей ногу обуви лиловато-розовых тонов. Лиловые сапоги видим также на изображении Ярослава Владимировича на фреске Нередицы (XII в.), а также на воинах на фреске XIV в. из Ковалева. У других воинов на фресках этого храма цветная обувь и других цветов — голубая и желтая. Цветная обувь являлась дополнением общей пестрой красочной одежды древнерусского человека, в частности воина-конника.

Рис. 19. Сапог из собрания ГИМ

Среди материалов Новгородской экспедиции имеются любопытные детали обуви. К ним нужно отнести дважды встреченные фрагменты каблуков. В материалах экспедиции 1934 г. обнаружена часть каблука, по которой еще трудно судить о его высоте, тогда как из раскопок 1937—1938 гг. имеется каблук настолько сохранившийся, что его форма дает возможность утверждать, что в XII—XIV вв. сапоги носились на высоких каблуках. Эта найденная часть представляет основу многослойного кожаного высокого каблука, у основания 5 × 6 см и состоит из слоев толстой кожи, сбитой железными гвоздями.[5]

Употребление высокого каблука подтверждается раскопками в Старой Рязани, где в 1926 г. В. А. Городцову удалось найти погребение ребенка, отнесенное им к XIII или XIV вв. На ногах ребенка были надеты сапожки на высоком каблуке и с поднятыми

---

[1] «Слово Даниила заточника» по Чудовскому списку. Памятники древнерусск. литературы, вып. 3, Л., 1932 (Н. Н. Зарубин).

[2] Рисунок приведен в «Материалах по истории русских одежд» В. Прохоровым, т. I, стр. 70. Рукопись издана в 1866 г. Невоструевым.

[3] Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века Н. П. Кондакова, СПб., 1906, табл. VI.

[4] Воспроизв. у В. Прохорова, т. II, табл. XXIV.

[5] Видимо, обувь вообще в это время либо сшивалась дратвой, либо употреблялись железные гвозди. Употребление деревянных гвоздей не удалось проследить.

узкими носами.[1] Затем в музее Новгорода до последнего времени хранился сапог, доставленный со дна Ильмень-озера. Сапог этот зеленой кожи, на очень высоком каблуке, заканчивающемся железной набойкой, возможно, рассчитанной для верховой езды, как замена шпоры. Трудно сказать, к какому времени относится этот новгородский сапог. Значится он в Новгородском музее условно как экспонат XVI—XVII вв. Очень схожий сапог и по цвету и по форме хранится в Отделе тканей и одежды ГИМ.[2] куда поступил из собрания П. И. Щукина. Сапог зеленой кожи, на высоком каблуке, каблук заканчивается металлической набойкой (рис. 19). Откуда в Россию был занесен этот покрой сапога? Можно предполагать, что с Востока. Аналогией сапогу, хранящемуся в Новгородском музее (даже по цвету — зеленый), является изображение сапога на иранской миниатюре XV в. (1428). В этой миниатюре показательно, что конник обут в зеленые сапоги на высоком каблуке, а стоящие возле него в обуви без каблуков, что подтверждает высказанные предположения о высоком каблуке как необходимом дополнении одежды конника Востока.[3] Из данных иконографических можно указать на обувь детей на иконе «О тебе радуемся» XVI в. из Анзерского скита на Соловецких островах. Здесь мы видим обувь с загнутыми носами и высокими каблуками.

В Этнографическом музее в Ленинграде хранятся совершенно схожие по покрою с сапогом, хранящимся в Гос. историч. музее в Москве, и лишь разные по расцветке темнокоричневые сапоги из Бухары. Иностранец, представитель венецианских торговых кругов, Иосафат Барбаро, посетил нашу страну в 1436 г. Описывая одежду Грузии, он отмечает обувь — длинные сапоги, поразившие его тем, что «только носок и каблук касаются пола, а подошва так далеко от него, что легко может пройти под нею кулак».[4]

Древнерусский фольклор сохранил сведения о таком сапоге на высоком каблуке. Мы встречаем во многих старинах и былинах указания на высокий щеголеватый каблук. Причем иногда, желая подчеркнуть его высоту, стройность и тонкость, каблук сравнивается с шилом и, кроме того, желая подчеркнуть его высоту, в былине говорится о возможности пролететь под пятой — соловью или воробью, либо прокатить под ним яйцо, что можно проделать также под поднятым и загнутым кверху носом сапога. Так, например, старины или былины про Дюка Степановича рисуют нам такой высокий каблук:

«Говорит-то им матушка родимая:
Уж ты гой еси, Михайлушко Петрович!
Свези Осударю Ив Муромцу
Сапожки ободочки
Под пяты пяты, хоть яйцо кати,
Под носки воробей полети:
То Дюковы ободочки».[5]

Такие же сапожки на высоком каблуке и из зеленого сафьяна встречаем и на другом богатыре русских былин:

---

[1] Личное сообщение сына В. А. Городцова — М. В. Городцова, принимавшего участие в раскопках.

[2] ГИМ, № Ж 66/36493.

[3] Persian Art an illustrated Souvenir of the exhidition of persian art at Burlington House, London, 1931.

[4] Общ. истор. и древн. российских, кн. 4, 1864, стр. 233. Иосафат Барбаро.

[5] Тр. Этнограф. отдела Об-ва любит. естеств., антропол. и этногр. К. V, вып. II, М., 1878, стр. 19.

«Премладый Чурило сын Пленкович
Обул сапожки — ты зелен сафьян,
Носы —шило, а пята́ — востра,
Под пяту хоть соловей лети,
А кругом пяты хоть яйцо кати» [1]

Наконец, в Новгородском былинном цикле в былине «Вольга и Микула» читаем:

«У оратая сапожки зелен сафьян,
—
Вот шилом пяты, носы востры,
Вот под пяту воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати». [2]

Эту былину М. Н. Сперанский относит по времени к XV в. и считает, что особенно важно, местом сложения былины — Великий Новгород. [3] Эти сведения из древнерусской литературы определенно подтверждают существование в древнем Новгороде обуви на высоком каблуке.

В этом же цикле новгородских былин, в противовес нарядным зеленым сапожкам на высоком каблуке, приводится и другая древнерусская обувь — лапотцы:

«А молодой боярский Дюк Степанович
Да по Киеву он не снаряден шол:
Обуты-то у него лапо́тцы — ты семи шелков
И в этыи ла́потцы были вплетаны
Каменья все яхонты».

Видимо, что «лапотцы» делались не только из лыка, но и из других материалов. В данном случае на выработку их шел шелк, стоивший в то время очень дорого, как привозный, иноземный материал. Стало быть, эта обувь, хотя и противопоставляется в былине сапожкам зеленого сафьяна, но была не дешева, а тем более, что украшена она была вплетенными каменьями — «все яхонты...».

Изучение новгородской обуви, таким образом, выявляет несколько ее типов: обувь с высоким каблуком, обувь с шипами, обувь крестьянина-землепашца и т. д. В XII—XIV вв. в Новгороде создается ряд типов производственной обуви. Несомненно, в Великом Новгороде сапожное дело в XII—XIV вв. стояло высоко. Мы не знаем всего ассортимента обуви, но можно сказать, что наряду с простыми, обыкновенными лычными лаптями «лапотцами», «лычницами» в быту был род низкой, открытой обуви — сандалии. [4]

По покрою лаптей плелись обувки и из других материалов, более нарядные, например, плетеные из шелка, как сказано в былине, «семи шелков», с вплетенными в них цветными каменьями. [5] Из невысокой обуви носились также в Великом Новгороде кожаные поршни (название, принятое в настоящее время и условное для XII—XIV вв.) — обувь, по покрою

---

[1] Русская устная словесность. Былины, т. I. Под ред. М. Н. Сперанского, М., 1916, «Дюк», стр. 277.

[2] Русская устная словесность. Былины, т. II. Под ред. М. Н. Сперанского, М., 1919. «Вольга и Микула», стр. 9.

[3] Ук. соч., стр. 5—6.

[4] Помимо иконографического материала, встречаем упоминания о них в летописях, правда, в более позднее время, например, под 1530 г. «Касиан, зовомый Босый... обувенъ просто въ сандалейцо лычно...» (Никонов. летопись, ПСРЛ, СПб., 1904, т. 13, первая половина, стр. 50).

[5] Такое украшение обуви, т. е. украшение ее драгоценными камнями и жемчугом, существовало в России вплоть до XVIII в.

близкая к лаптю. Затем, как сказано выше, были в древнем быту Новгорода Великого сапоги. Сапоги выделывались как кожаные, сафьяновые, хоза и т. п., так и из более мягкого материала, вероятно, тканей, возможно и бархата. Новгородские сапоги этого времени различны как по сорту, так и по покрою, в зависимости от занятий обладателя обуви. Сапоги обыкновенные по ноге, с широким тупым носом, с высоким задником — сапог земледельца; наряду с этим — сапоги с острым носом, иногда поднятым кверху — сапог щегольской. Сапог либо гладкий, простой, без всяких украшений, либо украшенный шитьем золотной ниткой, шелком, либо вышитый жемчугом, дорогими каменьями; наконец, с узором, нанесенным тиснением.

Различна была обувь и по цветам — некрашенные и окрашенные: «червчатые», т. е. красные, разных оттенков, зеленые, синие, желтые и пр. Обувь шьется без каблука, но в это же время в XII—XIV вв. в Новгороде Великом делается обувь на высоком кожаном каблуке в несколько слоев. Такой каблук, как шпора, необходим коннику. Следует отметить, что в это время на Западе каблук еще отсутствует и появление его в Западной Европе можно отнести только к XVI в. Поэтому название высокого слоистого кожаного каблука «английский» — неправильно, по справедливости, он должен быть назван «русским», как впервые появившийся в Европе у нас в России.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

Вып. XVII 1947 год

В. К. ЛУКОМСКИЙ

ГЕРБ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

(Доклад, прочитанный в секторе вспомогательных дисциплин 22 ноября 1945 г.)

Геральдика как вспомогательная историческая дисциплина предметом своего изучения имеет герб.

Под гербом, в более широком толковании этого слова, разумеют всякое графическое изображение, так или иначе символизирующее отдельную территорию (страну или поселение), юридическую организацию, целый род или отдельное лицо, как члена его, а также и собственность, принадлежащую названным субъектам владения. При таком понимании слова «герб» многие историки склонны видеть прототипы гербов во всякого рода отличительных знаках, появляющихся на заре человеческой культуры и имеющих отчасти культовое, отчасти правовое имущественное значение: тотемах, тамгах и т. д. [1]

В настоящей статье мы коснемся гербов в более прямом и узком смысле этого слова, — как графических изображений, имеющих определенную композицию, состоящую из ряда принятых элементов и выраженную на основе некоторых установленных, хотя и условных правил.

Как известно, происхождение гербов (в этом именно понимании) относится ко времени крестовых походов, когда закованный в шлем и латы рыцарь, дабы отличить себя от других подобным же образом вооруженных рыцарей и быть опознанным, прибегал к своеобразному способу расцветки и отличной отметки своего личного вооружения от вооружения своего сотоварища. Отличия эти заключались в пестрой раскраске щита и в помещении над шлемом простейших предметов — страусовых перьев, крыльев птиц или изображений фантастических животных и частей их.

Щит с его делениями на отдельные части, с различной расцветкой их, и шлем с фигурными изображениями на нем и составили материальную основу герба. В дальнейшем, при развитии рыцарских гербов не только во время военных походов, но и в мирном быту военных игрищ, так называемых турниров, эти два основных элемента герба — изображения на щите и над шлемом — все более и более разнообразятся и одновременно дополняются новыми элементами: наметом (плащом), опускающимся со

[1] Ю. В. Арсеньев. Геральдика, М., 1908, стр. 3; И. И. Мещанинов. Загадочные знаки Причерноморья. ИГАИМК, Л., 1932, вып. 62; Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. Сов. археол., 1940, т. VI, стр. 227—257.

шлема, коронами на шлеме или на щите, щитодержателями по сторонам щита, девизом — личным, а позднее родовым лозунгом рыцаря.

С течением времени созданные рыцарским классом гербы, сначала как личные, а затем как родовые знаки, переходят из поколения в поколение и выходят за пределы военного быта с его вооружением, на предметы, вообще бытовавшие в эту эпоху. Особенно тщательно (в целях охраны) отмечались гербами изделия из так называемых благородных металлов (столовое серебро), фарфора и стекла; ткани и вышивки; мебель, экипажи конская сбруя; гербами украшались архитектурные памятники — здания и надгробия, живописные портреты и скульптурные бюсты; гербовыми золотыми тиснениями отмечались кожаные переплеты книг, на них же наклеивались и гербовые экслибрисы; гербами снабжались бумажные филиграни и штамповались документы. [1]

Но особенно широко применялся герб на печатях-матрицах, оттиски с которых прикладывались к документу, а иногда и к вещам, так как здесь герб в условиях феодальной формации в основном и прежде всего использовался как утверждение своего «я» и как знак частной собственности.

Во всех случаях, находясь на «немых» предметах, не имеющих надписей, герб вскрывает их принадлежность к имуществу того или иного лица, семьи, рода. Благодаря гербу вещественный или документальный памятник получает более широкое значение в качестве исторического источника, так как герб раздвигает пределы научного исследования и прибавляет к изучению вещи ряд новых и очень существенных данных: указания на национальность и социальное положение ее владельца, место изготовления и бытования вещи, ее датировку и т. д.

Очень часто на отдельных примерах приложения гербов в быту можно видеть, как геральдика путем «паспортизации» тех или иных вещественных памятников дает новые показатели для изучения вопросов в области экономики частновладельческого хозяйства, трансформации тех или иных хозяйственных комплексов путем распада отдельных фамильных имуществ, перехода их из одних рук в другие и т. п.

Являясь особым видом исторического источника, герб путем определения его вскрывает новые ценные данные, а гербовая экспертиза, как необходимая составная часть комплекса исторического исследования, может дать и новые решения проблем социально-экономической истории. [2]

Специфика герба заключается в том, что он паспортирует и датирует определенный предмет, сообщая ему наименование владельца и хронологическую дату владения, и тем превращает «немой» материальный памятник прошлого в «говорящий» исторический источник. Раскрывая и заостряя классовое значение материала, имеющего на себе изображение герба, он дает этим возможность ввести данный объект в научный оборот исследований и выводов в области общей истории материальной культуры.

Наши государственные музеи Ленинграда (особенно Эрмитаж) и Москвы (Исторический музей), музеи Киева, Минска и других украинских и белорусских городов переполнены предметами художественной и бытовой

---

[1] О широком применении гербов в феодальном быту Западной Европы см. E. A. Stückelberg. Das Wappen in Kunst und Gewerbe, Leipzig, 1906.

[2] Указания о значении геральдики, располагающей методами исторического исследования, имеются у А. М. Большакова. Вспомогательные исторические дисциплины, 4 изд., П., 1924, стр. 161—162; у Г. П. Саара. Источники и методы исторического исследования, изд. АЗГНИИ, Баку, 1930, стр. 52—53; у Ф. Гегеля. Роль вещевого материала в музейной экспозиции в сб. «Методика музейной работы», изд. Музея революции СССР, М., 1935, стр. 54—55; у В. К. Лукомского. Гербовая экспертиза, в журн. «Архивное дело», 1939, вып. 49 (1), стр. 46—48.

старины, имеющими на себе изображения гербов, столь красноречиво вскрывающих исторические данные этих предметов. В подавляющем большинстве предметы эти, однако, остаются нерасшифрованными, а значит, недоступными для всестороннего их исследования и изучения.

Кроме изделий из металлов (золота и серебра), в наших музеях имеются значительные собрания фарфора и стекла, изображения на которых герба очень часты. Кроме определения заказчика сервиза, герб дает возможность еще и датировать изделие. Известен, например, чайный сервиз Аракчеева, отличных форм с гербами двух видов: в одном случае гербовой щит поддерживают конь и рыцарь, в другом — щитодержатели два солдата-артиллериста подшефного Аракчееву полка (рис. 20). В первом случае сервиз датируется временем между 1800 и 1816 гг., во втором — после 1816 г. и не позднее года смерти владельца — 1834, что разрешает вопрос и об оформлении самого сервиза в стиле времени.

Рис. 20. Чашки с гербами А. А. Аракчеева

Особенно существенны для датировки фарфора и стекла часто встречающиеся на этого рода предметах парные гербы, т. е. два герба, составляющие брачные гербы мужа и жены, обычно помещаемые на приданом невесты и датируемые годом, следующим после бракосочетания. Примеры гербов на фарфоре Татьяны Петровны Каблуковой, рожд. гр. Завадовской (дат. 20-ми годами XIX в.), Наталии Владимировны Салтыковой, рожд. кн. Долгоруковой (нач. 70-х годов XVIII в.). Дарии Александровны Миклашевской, рожд. Олсуфьевой (1838) и т. п.

Нередко гербы вышивались на диванных подушках, предкаминных экранах; ткались на коврах, развешиваемых по стенам.

Любопытный случай расшифровки гербовладельца и датировки ковра могу указать на экспонате Исторического музея. Герб (рис. 21) выткан почти во весь ковер (265 × 185 см) и представляет собою сложный герб, состоящий из четверочастного щита с гербом в середине и скомпанованный по системе так называемой quatre quartiers, дающей возможность не только определить родовую фамилию, но и поколение данного рода, к ко-

Рис. 21. Ковер с гербами Михаила-Казимира Паца, каштеляна Виленского, гетмана великого Великого княжества Литовского (1662—1682)

торому принадлежал гербовладелец. В данном случае изображены следующие литовско-польские гербы: Gozdawa (Гоздава), помещенный в центре, указывает на известную литовскую фамилию Пацов (Pac), а гербы, последовательно расположенные в большом щите: Zabed , Boqorya, Kosciecza и Pogon Litewska, указывают фамилии Шемиот (Лебедь), из которой происходила мать определяемого лица; Волковичей (Богория), к которой принадлежала его бабка по отцу; Ходкевичей (Косцеша) — его бабка со стороны матери, и, наконец, князей Ольшанских (Погоня) — прабабка по отцу. Вся комбинация этих гербов могла принадлежать только определенному поколению рода Пацов, а именно — Михаилу-Казимиру Пацу, что и подтверждается расположенными вокруг герба буквами M. K. P. K. W. H. W. W. X. L.,— что значит Michal Kazimierz Pac Kasztelan Wilenski, Hetman Wielki Wieliego Xiqstwa Litewskieqo.

Указанные его должностные звания дают еще возможность датировать изготовление ковра временем между 1666 и 1682 гг., т. е. годом, с которого он пользовался обоими этими званиями, и годом его смерти.

Как я уже упомянул, наибольшее применение герб имел в области сфрагистики, т. е. на печатях-матрицах, представляющих собой подтверждение своего «я» в символической форме графического изображения этого «я». Гербы на печатях известны уже с XI в. и, получив свое максимальное развитие в эпоху феодализма, сохраняли до самой Великой Октябрьской социалистической революции широкое приложение в дворянском быту России. В Западной Европе гербовые печати, являющиеся неотъемлемой принадлежностью каждого дворянина, получили широкое распространение и в бюргерской среде, только со своеобразным упрощением композиции рыцарского герба и с исключением короны.

Наши музеи (Эрмитаж и Гос. историч. музей) располагают весьма значительными собраниями печатей-матриц, представляющих собою интерес нередко и как художественно-бытовые памятники определенной классовой культуры и часто как исторические памятники, принадлежащие конкретным историческим лицам.[1] Так, в коллекциях, поступивших от частных собирателей — Ю. Ю. Иверсена, Н. Ф. Романченко, известного Плюшкина и др.,— и в наиболее значительном собрании Гербового музея, находящемся ныне также в Эрмитаже, только геральдист сумеет найти подлинные печати многих крупнейших сподвижников Петра I и Екатерины II, первых министров Александра I и последних — Николая II, а также представителей аристократии и бюрократии дореволюционной России. Не меньшее, по-видимому, собрание имеется и в Гос. историч. музее, но оно пока еще не исследовано, хотя в нем имеются интересные и спорные объекты.

Особую область применения гербов, привлекавшую исключительное внимание коллекционера, составляет область супер-экслибрисов и экслибрисов, т. е. тех книжных знаков, которые по обычаю XVII—XVIII вв. изображались в виде рисунков гербов, тисненных золотом на верхней стороне досок кожаных переплетов книг (рис. 22), а позднее, для XVIII и XIX вв., наклеиваемых в виде ярлыков на внутренней стороне крышек тех же переплетов. Кроме художественно-композиционного и любительски-коллекционного интереса к этим знакам, значение их может быть и более глубоко, когда эти анонимные знаки выявляют владельца книги, иногда очень существенное, исторически известное лицо, которому принадлежало объединенное общим экслибрисом книжное собрание, а еще более, когда в книге

[1] В. К. Лукомский. Гербовая экспертиза. Архивное дело, 1939, № 49 (1), стр. 59—60.

имеются маргиналии, свидетельствующие о том или ином восприятии владельцем книги ее текста.

Благодаря супер-экслибрисам и экслибрисам удалось выявить комплекс книжного собрания известного сподвижника Петра I Якова Вилимовича Брюса, завещанного им Академии Наук, но впоследствии рассеянного в Библиотеке по ее тематическим отделам; удалось обнаружить книги, принадлежавшие лейб-медику Петра I — Аресскину (Эрскину), Ивану Ивановичу Шувалову, гр. Никите Ивановичу Панину и многим другим. Супер-экслибрис помог установить хранившийся в Александровском дворце в Пушкине (Царском Селе) альбом замечательных рисунков, оказавшихся работами Чарльза Камерона, а гербовый экслибрис указал путь к выявле-

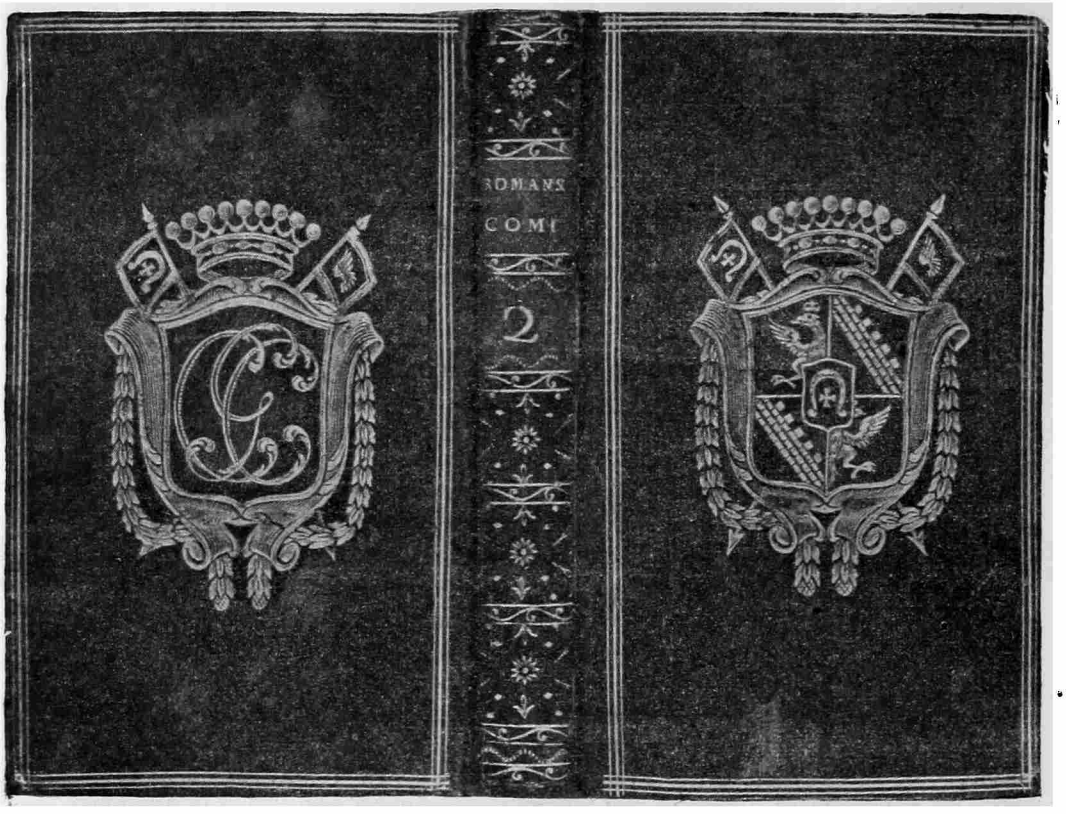


Рис. 22. Переплет книги с гербом гр. Г. И. Чернышева (конец XVIII в.)

нию сотен анонимных книжных знаков, представлявших несомненный художественно-исторический интерес в области палеографии XVIII и начала XIX вв. [2]

Большое значение имеет герб на документальном материале, где гербовая печать, сопровождающая неразборчивую подпись или приложенная к конверту, дает возможность расшифровать автограф или установить неизвестного корреспондента. Мне довелось уже указывать в печати случай определения автора четырех писем к декабристу И. Д. Якушкину; и еще более разительный пример установления трех различных корреспондентов,

[2] В. К. Лукомский. Ук. соч., 1939, стр. 60—64; его же, Указатель анонимных гербовых книжных знаков в Сб. «Тр. Ленинградского общества экслибрисистов», вып. VI—VII (Л., 1926), стр. 25—46; вып. VIII—IX (Л., 1927), стр. 26—32.

подписывавших свои письма именем «Alix» и приписанные одному лицу — жене Николая II Александре Федоровне и оказавшиеся на самом деле принадлежащими хотя и родственным, но трем разным Эликс, а именно: 1) королеве английской, рожденной принцессе датской, жене Эдуарда VII; 2) великой герцогине Мекленбург-Шверинской и лишь 3) действительно Александре Федоровне. Критерием для установления этих трех различных лиц послужили изображенные на почтовой бумаге их три совершенно отличные одна от другой короны, присвоенные указанным коронованным лицам. [1]

Немаловажное значение имеют гербы на памятниках монументальной архитектуры, на частновладельческих домах, очень часто украшавшихся в тимпане фронтона их лепными изображениями гербов, датирующих время строительства их или владения ими в известный период, что, в свою очередь, дает ценный материал для паспортизации зданий.

Еще более существенно определение гербов на надгробных памятниках, часто анонимных, а потому не дающих указаний о погребенном лице. Только герб в таком случае может открыть тайну погребения.

Приведу, наконец, пример из области полевой археологии.

В 1920-х годах Минское общество любителей древностей обратилось ко мне с просьбой высказать свое мнение относительно изображений, помещенных на двух осколках изразца, найденных среди строительного мусора в окрестностях местечка Изяславля. В результате кропотливых изысканий удалось точно установить, что на осколках едва сохранились три четверти четверочастного герба, принадлежавшего известному литовскому вельможе Николаю Ивановичу Глебовичу, умершему в 1632 г., родная бабка которого была последней в роду князей Заславских, уделом которых был Изяславль, перешедший после угасшего рода к Глебовичам. Осколки изразцов, обнаруженные на почти метровой глубине, указывают как раз истинное местонахождение старинного замка, положение которого было утрачено и позднее забыто. [2]

Все перечисленные примеры и случаи применения гербовой экспертизы указывают, какое значение может иметь герб, когда он, расшифрованный как исторический источник, способствует раскрытию и самого памятника, вещественного или документального, на котором герб красноречиво и убедительно говорит о его происхождении, принадлежности и датировке.

Такое именно использование герба и составляет задачу современной научной геральдики как вспомогательной в истории дисциплины. Геральдика феодальная имела своей классовой задачей составление гербов, как знаков, графически выражающих владения суверенов и их вассалов или изображающих условными символами и эмблемами родовые прозвания феодалов и отдельных их представителей. Геральдика буржуазная (капиталистической формации), расширив рамки своего интереса к гербовым знакам, поставила задачей еще и историческое их изучение, т. е. сделала целью своей изучение происхождения гербов вообще и отдельных их видов в частности. Геральдика нашего времени, и особенно советская геральдика, пошла дальше. Объектом ее также является герб, но задачей ее изучения является не герб как самоцель, но освоение герба как исторического источника.

В связи с изложенным в задачу современного советского геральдиста входит прежде всего определение (аттрибуция) герба.

---

[1] В. К. Лукомский. Ук. соч., 1939, стр. 56—58.

[2] А. М. Большаков. Вспомогательные исторические дисциплины, П., 1924, стр. 161—162.

Но как определить герб и что для этого надо знать?

Во-первых, необходимо изучить теорию геральдики, т. е. выработанную многими столетиями систему составления гербов. Хотя многое в этой системе кажется теперь условным и архаичным, но необходимо знать, по каким правилам составлялись геральдические композиции, в каких странах и когда; необходимо уметь определить: 1) особые, отличительные признаки герба; 2) его составные части — элементы герба; 3) характер этих элементов: а) по национальности, б) по категориям, рангам и типам, в) по времени составления герба.

Во-вторых, необходимо знать историю происхождения и развития гербов.

В-третьих, на основе знаний теории и истории геральдики необходимо освоить методику гербовой экспертизы, т. е. приемы конкретного определения герба, используя для этого все данные, которыми располагает историческая наука в целом и ее вспомогательные дисциплины: генеалогию, сфрагистику, дипломатику, искусствоведение и т. д.

Современное состояние геральдики в Западной Европе, хотя и не стоит на высшем уровне знания, в указанном нами смысле тех требований, которые предъявляет сейчас историческая наука к своим вспомогательным дисциплинам, однако литература по геральдике в странах Западной Европы весьма обильна. Еще 100 лет назад общая библиография по геральдике насчитывала свыше 5000 названий отдельных изданий,[1] число которых к настоящему времени значительно возросло. Правда, все эти публикации посвящены в большем числе теоретическим учебникам, курсам и пособиям, или истории происхождения гербов у отдельных национальностей, но наряду с этим издано немало и гербовников по отдельным странам и отдельным местностям, дающих воспроизведение и описание громадного репертуара гербов (до 300 000 приблизительно).[2] Имеются и эмблематические справочники, дающие возможность, что очень важно, находить по эмблемам гербы искомого гербовладельца, но их немного — несколько изданий наперечет и далеко не по всем странам Европы.[3]

Исследований же того методологического порядка, связанного с экспертизой гербов на памятниках материальной культуры, о которых я говорил выше, и опыты исследований каковых имеются в нашей советской литературе, в западной литературе совершенно не наблюдается. А между тем именно в этом направлении геральдика и должна развиваться.

Чтобы советская историческая геральдика (я не имею здесь в виду современной нашей государственной геральдики как советской эмблематики) развивалась далее в намеченном выше направлении, необходимо следующее.

Во-первых, опубликование первоисточников русской геральдики. Общее количество русских гербов, бытовавших среди феодального и буржуазного классов России, далеко не так значительно, как в странах Западной Европы. Цифра их составляется из:

а) гербов феодальных родов, официально зарегистрированных в так именуемом «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи» (20 частей по 150 гербов в каждой и 60 гербов, утвержденных при Временном правительстве в 1917 г.);

---

[1] Ch. S. T. Bernd. Allgemeine Schriftenkunde der gesammten Wappenwissenchaft, 4 Teil, Bonn, 1830—1941.

[2] Самый полный общий список гербовладельцев стран Западной Европы опубликован в издании I. Rietstap, Armorial Général, 2-е изд. которого (Gouda, 1884) заключает в себе описания около 200 000 гербов.

[3] Наиболее полный эмблематический справочник, составленный по 2 изд. Rietstap (см. примеч. 9), изд. T. Renesse, Dictionnaire de figures Héraldiques, vol. VII, Bruxelles, 1894—1902.

б) гербов, жалованных российскими императорами в дипломах XVIII—XX вв. (до 1917 г.), не вошедших в общий гербовник — немногим более 1500 гербов, а всего официально утвержденных гербов — 4679;

в) национальных гербов Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии за время зависимости Польши от России и прибалтийских стран от Швеции и учтенных гербовниками этих стран в количестве около 2000;

г) гербов самобытных, т. е. гербов, созданных бытом феодальных родов, как русских родов, так и народов, населяющих СССР — украинских, белорусских, кавказских и других, учтенных в свое время кропотливой работой отдельных геральдистов,— около 2500.

Из этого общего числа 10 000 гербов, бытовавших в России, доступна в настоящее время исследователю геральдики только одна треть:

1) 1500 гербов, изданных в 10 частях «Общего гербовника» в 1799—1840 гг.;

2) около 1500, опубликованных в «Гербовнике Царства Польского» (2 части из 8) и в гербовниках Прибалтийского края и Финляндии.

Все остальное, хотя учтено официальными источниками, но хранится в уникальном рукописном виде в наших государственных архивах, или, хотя было учтено научной работой геральдистов уже в советское время, но погибло в период блокады Ленинграда в 1942 г. и требует восстановления заново.

Вот эти-то две трети гербов, т. е. около 6000 недоступных сейчас историку-геральдисту, подлежат сбору и пуску их в научный оборот, хотя бы небольшими раздельными, но систематизированными сериями.

Во-вторых, необходимо составление и издание справочников по геральдике:

а) переиздание списков гербовладельцев указанных выше категорий, частично хотя и изданных (указатели к «Общему гербовнику» и дипломным гербам), но в количестве экземпляров, явно недостаточном, и ставших библиографической редкостью;

б) составление эмблематических гербовников, т. е. сборников гербов, расположенных в систематизированном по эмблемам порядке и тем облегчающих нахождение и определение исследуемого герба.

В-третьих, без подготовки соответственных кадров, которые могли бы продолжать научную работу в области геральдики, без подготовки необходимой смены дальнейшая работа в этом направлении будет отставать от других исторических дисциплин. Придется вновь, подобно Шампольону, открывшему чтение иероглифов, трудиться над раскрытием смысла гербов, чтобы не дать погибнуть ценнейшему историческому источнику, могущему так много раскрыть квалифицированному историку-геральдисту.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

Вып. XVII 1947 год

II. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Я. БРЮСОВ

КРАТКИЙ ОТЧЕТ О РАБОТАХ СЕВЕРНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1945 г. В ЧАРОЗЕРСКОМ РАЙОНЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1945 г. экспедиция работала на средства Института истории материальной культуры АН СССР, Гос. историч. музея и Череповецкого краеведческого музея. Задачей ее было продолжить раскопки свайного поселения на р. Модлоне в Чарозерском р-не Вологодской обл. и произвести предварительное обследование торфа, с которым связаны многочисленные неолитические стоянки в бассейне той же р. Модлоны. Размеры работ пришлось значительно уменьшить сравнительно с предварительными предположениями. Археологической частью работ руководил А. Я. Брюсов; обследование торфа производил С. Н. Тюремнов; в экспедиции принял участие директор Череповецкого музея К. К. Морозов.

На месте древнего свайного поселения, продолжая начатый раскоп к югу от уже вскрытых в 1937—1940 гг. участков, было обследовано 14 м^2 — участки № 49—56, размером по 2 м^2 каждый. Все это пространство пришлось на промежуток между остатками свайных домов. Только при раскопках последнего (№ 49) участка у западной стенки его обнаружены были следы расположенного еще западнее дома. Исследование этого дома потребовало бы трехнедельной работы, а уже начинались заморозки, потому было решено вскрытие этого участка отложить до следующего сезона.

На вскрытой площади, приближавшейся к берегу р. Перечной, стратиграфия оставалась той же, что и ранее: до глубины 1 м шел слой желтой супеси без находок от 1 до 1.35 м — темная, почти черная супесь с находками в нижней ее части предметов верхнего культурного слоя (рис. 23). Ниже, в слое торфа до глубины 1.56 м, находились остатки свайного поселения и вещи нижнего культурного слоя, причем, как и ранее, отдельные предметы верхнего культурного слоя встречались в самом верху торфа. Ниже торфа начинается слой сапропели. Необходимо отметить, что на вскрытых участках, особенно в восточной части (№ 54—55), торфяная почва под супесью была особенно жидкой и вязкой.

В этой восточной части в нижнем культурном слое свайного поселения меньше всего было остатков от каких-либо сооружений: были обнаружены только 2 отдельно стоявшие сваи. Найденные же здесь предметы явно целиком были отбросами или выброшенными вещами. Но именно здесь в небольшой кучке отбросов в виде мелких костей птиц и рыб, лежавшей вблизи некоторого количества больших костей лося (очевидно, от одной

особи), были найдены 4 льняных семени. Как кости лося, так и кучка мелких костей и среди них семена льна находились ниже поверхности торфа.

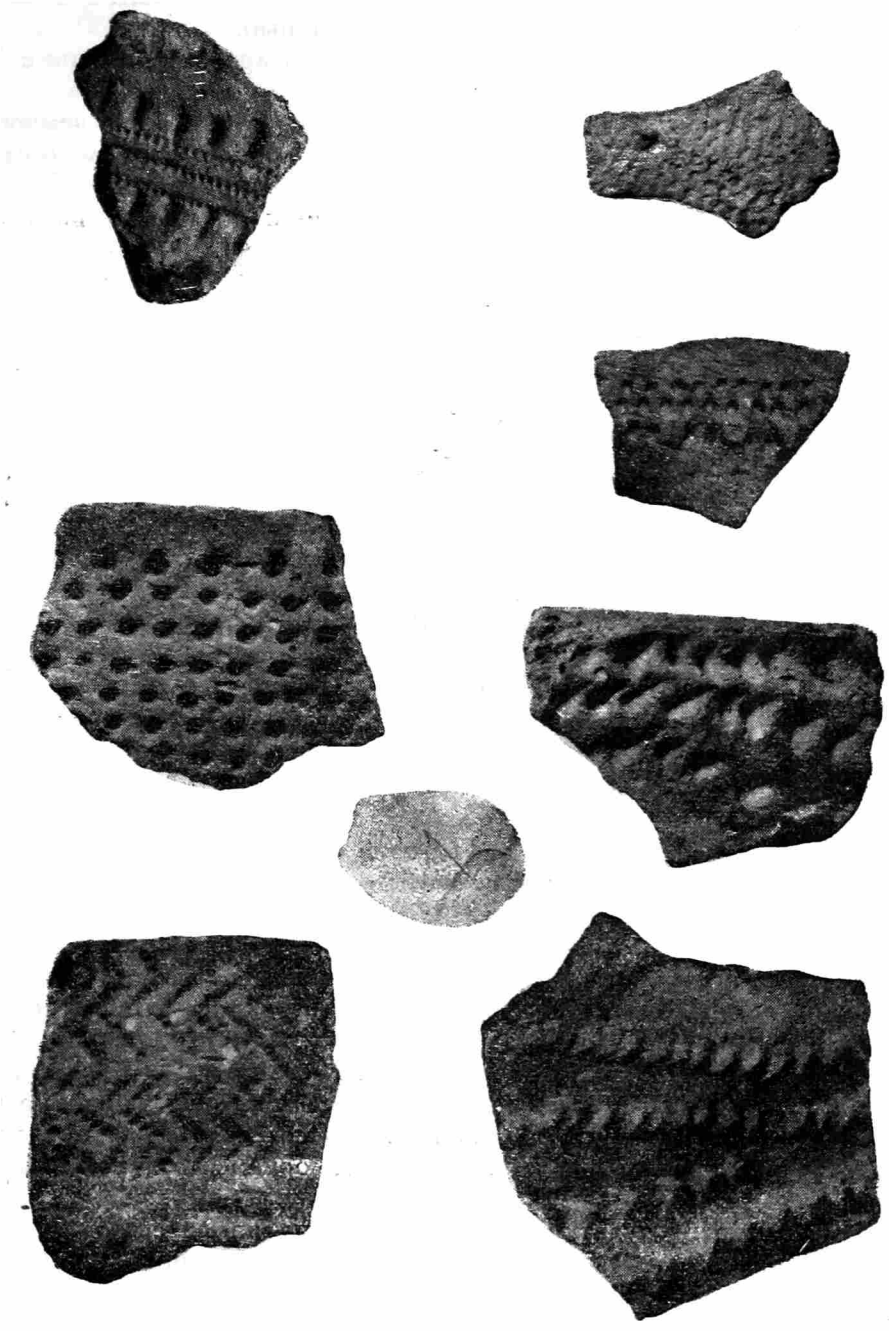


Рис. 23. Керамика с устья р. Перечной. Слева — нижний культурный слой (свайное поселение); справа — верхний культурный слой

Кроме того, здесь было найдено небольшое количество кремневых нуклеусов, отщепов, небольших скребков, два грубых листовидных наконечника стрел и немного керамики.

Западнее, на участках № 49—52 были обнаружены глубоко вбитые в почву несколько свай и остатки узкого перехода — кладки от дома. Около

одной такой кладки, у южной стенки участка № 52, была найдена лежавшая в верхней части торфа часть деревянной прялки. Вещи, найденные на участках № 49—52, также состояли из кремневых отбросов, небольших скребков, обломков наконечников стрел, несколько большего количества обломков глиняных сосудов, костей животных и рыб.

На участке № 51 была найдена половина янтарной пуговицы с V-образным отверстием.

Вещи, найденные в верхнем культурном слое, также были немногочисленны, особенно в восточной части раскопа, и состояли преимущественно из отбросов той же категории, что и в нижнем культурном слое. Но среди них на участке № 49 была найдена в слое супеси прекрасно выделанная из крупного розоватого камня фигурка утки (рис. 24).

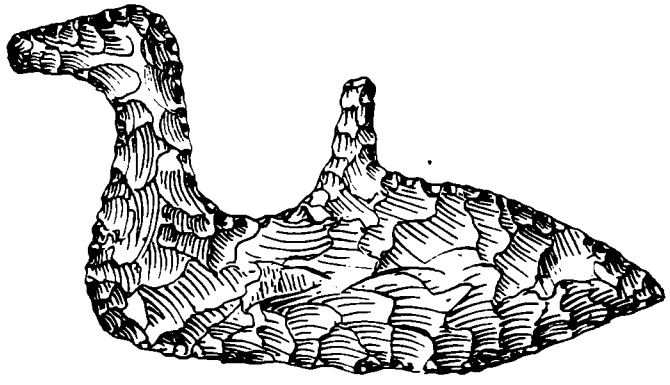


Рис. 24. Кремневая фигурка утки из верхнего слоя стоянки на р. Модлоне

Керамика обоих культурных слоев резко отличалась друг от друга как по составу глины, так и по форме сосудов и их орнаментации. Керамика верхнего культурного слоя представлена была черепками из хорошо обожженной глины желтого (изредка черного) цвета, с примесью толченой дресвы и кварца. Некоторые сосуды имели сложный профиль в виде слегка отогнутого наружу горла и сильно выпуклых боков; часть этой керамики не орнаментирована, часть покрыта отпечатком грубой ткани. Вдавления на орнаментированных сосудах поверхностны и состоят из оттисков зубчатого штампа и по большей части неправильных ямок, образующих крупный узор, повидимому, чаще всего только по верху сосуда. Есть, впрочем, немного черепков с правильным круглоямочным орнаментом, покрывающим весь сосуд.

Керамика нижнего культурного слоя сделана из синеватой пористой глины с примесью толченых раковин. Профили сосудов прямые. Орнамент состоит почти исключительно из вертикального зигзагового узора, нанесенного зубчатым штампом и покрывающего весь сосуд.

Результаты раскопок 1945 г. подтверждают наличие на свайном поселении культуры льна. Еще в 1933 г. там же были найдены три льняных семени. Их принадлежность к культурному слою поселения вызвала тогда у многих сомнение, так как при исследовании этих семян проф. Мурашнинским последнему удалось одно из них прорастить (семя дало росток в 10 см длины и затем погибло). Семена льна, найденные в 1945 г. при условиях, исключающих возможность их случайного попадания, и положенные в металлическую коробку вместе с небольшим количе-

ством почвы из слоя, где они были найдены, также проросли через несколько дней. Одно из таких семян, давших росток, было посажено в землю в Череповецкой лаборатории Гос. инспекции по семенному контролю. В ноябре 1945 г. выращенный из него лен зацвел.

Косвенным, но весьма убедительным доказательством культуры волокнистых растений на свайном поселении на р. Модлоне является находка деревянной прялки (рис. 25).

Рис. 25. Прялка (донце) деревянная. Из нижнего слоя стоянки на р. Модлоне

Свайное поселение на р. Модлоне по находкам в предыдущие годы на полах домов многочисленных янтарных украшений восточно-балтийского типа, датируется временем не позднее начала II тысячелетия до н. э.[1] Предполагать очень долгое бытование этих украшений у жителей поселения невозможно: в каждом доме было найдено по нескольку таких украшений и притом разнообразных — симметрические и асимметрические подвески, пуговицы с V-образным отверстием, обломки колец, длинные пронизи. Украшения эти, очевидно, были обычными и многочисленными в конце существования поселения.

Помимо раскопок свайного поселения на р. Модлоне, в целях получения для пыльцевого анализа почвенных проб с места расположения нескольких других стоянок по р. Модлоне, были произведены небольшие раскопочные работы.

Чуть ниже места свайного поселения, на том же правом берегу р. Модлоны, за сливающимися устьями впадающих в Модлону р. Перечной и Плоского ручья, было вскрыто 7 м^2 на площади стоянки, культурный слой которой находится непосредственно в торфе. С глубины в 0.5 м в торфе встречается значительная примесь железистых веществ. На глубине 1.0 м начинается слой сапропели. Находки в виде кремневых орудий и осколков, шлифованых сланцевых орудий и обломков классической ямочно-зубчатой керамики Каргопольской культуры встречаются во всей толще торфа.

В 10 км ниже по течению р. Модлоны, на левом ее берегу, против о-ва Гагатмина, с той же целью был заложен шурф в 4 м^2. В этом месте между топким берегом и несколько отступающим вглубь заболоченным лесом находится довольно большая приподнятая сухая площадка, носящая название «Селище». Шурф был заложен около разведочной траншеи 1939 г., при помощи которой была обнаружена стоянка. Слой разложившегося торфа подстилается здесь на глубине 0.75 м бело-желтой глиной с большим количеством известковых журавчиков. Находки встречаются непосредственно под дерном до глубины в 0.5 м, причем в верхней части торфа они попадаются единицами. Находки эти состоят главным образом из обломков глиняных сосудов, частью неорнаментированных, частью орнаментированных только ниже венчика, единичных черепков с классическим ямочно-зубчатым орнаментом (керамика поздней стадии Каргопольской культуры); большого количества небольших, разбросанных в беспорядке камней; осколков кремня и редких мелких косточек; единичных каменных орудий. Из последних в

[1] Например, по частым находкам таких украшений в каменных гробницах культуры шаровидных амфор.

1945 г. найден только один маленький кремневый наконечник стрелы из ножевидной пластинки с ретушированным острием и коротким черешком.

Пунктом, где был произведен раскоп для выемки образцов почвы был левый берег р. Модлоны на окраинах дер. Погостище в 6 км выше бывшего места свайного поселения. На небольшом расстоянии друг от друга у западного края деревни были заложены два шурфа по 4 м^2, один около места раскопок 1937—1938 гг., другой — за повышением берега, уже в самой деревне. Здесь под растительным слоем до глубины в 0.6 м находится бурый торф, переходящий ниже в торф черного цвета, который подстилается на глубине в 1.0 м слоем песка. Культурный слой лежит в верхней части этого песка под торфом. Керамики, как и раньше, не было обнаружено. Найдено несколько костей лося и костяной наконечник стрелы с утолщенным концом (так называемый «шигирский» тип) и коротким черешком.

За южным концом деревни, на расстоянии около 200 м от берега реки, на краю небольшого повышения берега, заложенными здесь двумя шурфами по 4 м^2, была обнаружена новая стоянка. Культурный слой находился здесь непосредственно под растительным, в слое торфяно-песчаной почвы, которая подстилается на глубине в 0.25 м известковой щебенкой. Найдены осколки кремня и два черепка с ямочно-зубчатым орнаментом.

Помимо образцов почвы, взятых из этих раскопов, в различных местах по р. Модлоне, от дер. Погостище до устья впадающей в нее слева р. Молы, и по р. Моле, взяты были проф. С. Н. Тюремновым образцы почвы при помощи бура и собрана значительная ботаническая коллекция. Камеральная обработка этого материала производится в Гос. институте торфа.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА
Вып. XVII 1947 год

М. Е. ФОСС

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ В РАЙОНЕ ГАЛИЧСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(Раскопки Галичской экспедиции 1945 г.) [1]

В 1945 г. в районе Галичского озера были произведены раскопки в двух пунктах, в которых В. И. Смирнов в 1927 г. открыл остатки древних поселений. Результаты его обследования остались неопубликованными, материалы же раскопок поступили частью в Галичский музей, частью в Костромской. [2] В литературе имеется лишь краткое упоминание о стоянках в местности «Пески» — в книге П. Н. Третьякова «К истории племен Верхнего Поволжья» [3] и в путеводителе Галичского музея [4] — о стоянке «Пески» и селище «Пуп».

Оба эти пункта находятся неподалеку (в 7—8 км) от местонахождения Галичского клада и Галичской стоянки (на Заячьей Горке). Исследование новых памятников, находящихся в области Галичской культуры, [5] сообщало работе особенный интерес. Первый пункт исследования находится на самом берегу Галичского озера, на невысокой дюнной гряде, известной среди местного населения под названием «Пески», или «Грачи». Двойное название стоянки мне представляется неудобным, поэтому я называю стоянку «Умилением», что совершенно точно определяет местоположение ее поблизости от с. Умиления, расположенного к северо-востоку от стоянки на высокой моренной гряде, и вместе с тем около самой пристани дома отдыха «Умиление», принадлежащего Московскому педагогическому институту.

Дюна со стоянкой «Умиление» с одной стороны омывается водами Галичского озера, с трех других окружена низиной, занятой огородами и покосами, за которыми виднеются моренные всхолмления. Низина в весеннее половодье затопляется водой, и дюна тогда имеет вид острова. Повидимому, она и была островом во время существования стоянки, о чем можно судить не только на основании рельефа местности, но и по тому, что за пределами дюны, на низине, находки отсутствуют. Южный конец дюны отделяется от остальной части руслом высохшего ручья. Интересно

---

[1] Галичская экспедиция была организована ИИМК АН СССР совместно с ГИМ и Московским гор. пед. ин-том. В состав экспедиции входило 8 человек: И. К. Цветкова, Бурштейн, Голубкова, Зазыкина, Израилович, Каданер, Комаркова и В. Фосс.

[2] По сведениям, полученным от П. Н. Третьякова.

[3] М.— Л., 1941, стр. 16.

[4] Краткое описание Галичского музея местного края. Сост. П. Царев, Галич, 1939, стр. 9—10.

[5] В. А. Городцов. Галичские клады и стоянка. Тр. Секции археологии, 1928, III, РАНИОН.

отметить, что здесь найдена керамика более архаичного вида по сравнению с северной, о чем речь ниже.

О протяженности стоянки можно судить по местонахождению предметов, вымытых озером из культурного слоя и рассеянных на песчаной отмели вдоль берега. Особенно много их найдено у северной части дюны, где и произведены были раскопки. Для выяснения стратиграфии была проведена траншея поперек дюны длиною в 20 м (расширенная затем в обе стороны так, что в общей сложности раскопки составили 26 м^2), установившая не только залегание культурного слоя под дерновым покровом, представляющего собой песок серого цвета, толщиною в 25—40 см, но открывшая ряд ям различного размера, профили которых отчетливо вырисовывались в стенках траншей. Одна из ям оказалась землянкой овальной формы, небольшого размера (3.2 × 1.6) и глубиною в 0.60 м. Внутри ее обнаружена неглубокая очажная яма, диаметром в 0.40 м, глубиною в 0.20 м; другая очажная яма была рядом с землянкой, диаметром тоже в 0.40 м и глубиною в 0.30 м. Неподалеку от этой землянки открыт самостоятельный очаг в виде глубокой (до 0.80 м) полушарной ямы, заполненной пережженным рассыпающимся песком красноватого цвета, с примесью золы и углей. В песке найдено большое количество (до 60) камней, обожженных огнем, и много фрагментов керамики, находившихся среди них, под и над ними. Между фрагментами обнаружена половина небольшого сосуда с «сетчатым» орнаментом, с округлым дном (рис. 26), лежавшего на камне. Основная часть керамики в этом очаге была «сетчатой», с редкими ямками, нанесенными через ткань.

Судя по концентрации находок поблизости от этого пункта, можно предполагать о наличии еще одной землянки, разрушенной случайным раскопом, произведенным во время практических работ Географического факультета Педагогического института. Здесь найдено огромное количество керамики, а в яме пола предполагаемой землянки был обнаружен кремневый нож.

Керамика, составляющая основную часть материала раскопок в «Умилении», отличается хрупкостью и сохранилась плохо. Дно сосудов имело округлую форму, иногда было плоским; горло было слегка суженным, реже прямым, а иногда наблюдались хорошо выраженные шейка и плечики. Среди массы «сетчатой» керамики выделяется несколько фрагментов иного вида, принадлежавших тонкостенным сосудам. Один из них, со следами лощения, имеет орнамент, нанесенный гладким штампом, в виде зигзага, составленный из коротких полос, поставленных под углом (рис. 27, *15*). Подобный орнамент можно видеть в материалах стоянки на р. Модлоне,[1] тоже среди единичных находок. Близкие этому орнаменту можно указать на стоянках у сел. Нармы и Алеканово в Рязанской обл., где в отличие от «Умиления» и Модлоны узор нанесен гребенчатым штампом.

В керамике «Умиления» обращает также на себя внимание фрагмент с отпечатками гребенчатого штампа, с необычайно мелкими и четкими зубцами, заставляющими вспомнить о металле (рис. 27, *16*). Полную аналогию этому можно указать в керамике стоянки на р. Юге в Чухломском районе,[2] находящейся около 60 км от «Умиления». В «сетчатой» керамике необходимо выделить своеобразную узорчатость «сетчатого» орнамента, что отмечается также среди находок в Лягалином Бору,[3] и орнамент,

---

[1] А. Я. Брюсов. Отчет о раскопках 1938—1939 гг. Тр. ГИМ, 1941, вып. XII, стр. 14, рис. 10, третий ряд сверху.

[2] А. В. Збруева. Стоянка на р. Юге, Чухломского уезда, Костромской губернии. Тр. Секции археол., 1925, т. IV, РАНИОН.

[3] Материалы ГИМ.

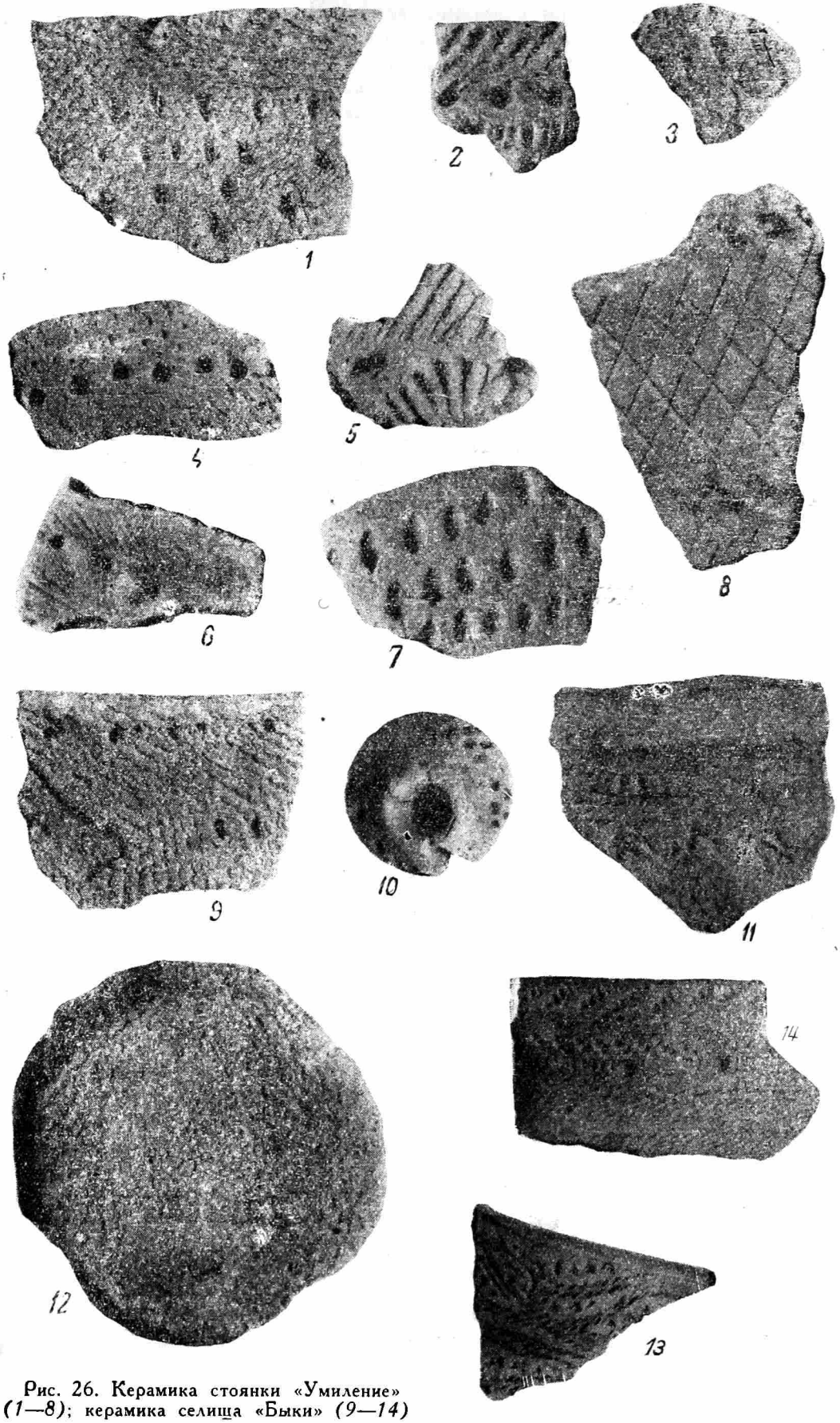


Рис. 26. Керамика стоянки «Умиление» *(1—8)*; керамика селища «Быки» *(9—14)*

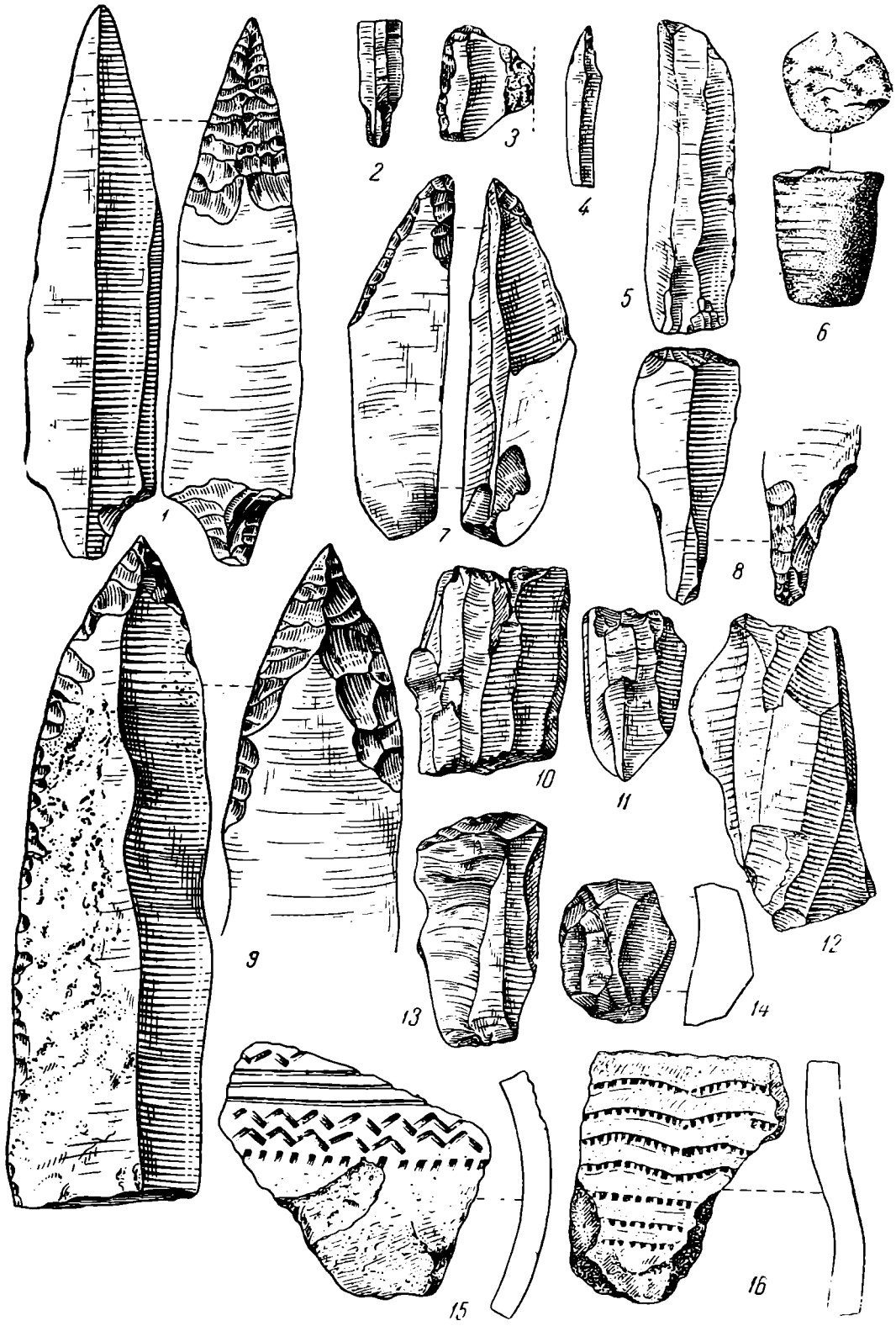


Рис. 27. Кремневые орудия и керамика стоянки «Умиление»: *1, 4, 8, 12*— из раскопок; *2—3, 5—7, 9—11, 13—16*— подъемный материал

подражающий «сетчатому», произведенному зубцами гребенчатого штампа. Наряду с этим имеется керамика со штриховой поверхностью, широко распространившаяся на поздних стоянках среднерусской полосы и Севера, а затем и на селищах и ранних городищах Верхнего Поволжья. Среди подобного вида керамики обращают на себя внимание фрагменты шеек сосудов, украшенные нанесенными изнутри ямками так, что снаружи получались круглые бугорки (рис. 26, *6*). Подобный орнамент прослеживается на определенной стадии развития керамики позднего неолита и отмечается на стоянках Поздняковской культуры, у с. Нармы и др., а также на р. Модлоне. В «Умилении» следует еще отметить редко встречающийся кружковый орнамент (рис. 26, *3*). Аналогии ему можно указать тоже в «сетчатой» керамике в Младшем Волосовском могильнике [1] и гладкой — в Галичской стоянке. [2]

Каменных орудий при раскопках «Умиления» найдено не много, основная часть их собрана на песчаной отмели озера. Здесь важно отметить, что и те и другие обнаруживают одинаковую технику изготовления, что дает основание к заключению об их одновременности. Нахождение подъемного материала в непосредственной близости от стоянки, а также отсутствие в «Умилении» какого-либо другого слоя, с более древними или более поздними культурными остатками, приводит нас также к выводу о связи его с раскапываемым культурным наслоением в «Умилении». Среди находок, особенно интересен фрагмент ножевидной пластинки и нуклеус, характеризующие технику кремня. Как и на р. Юге, [3] где обнаружен в комплексе с «сетчатой» керамикой микролит трапецевидной формы, так и здесь эти находки указывают на бытование в «Умилении» традиций микролитической техники наряду с полированным камнем и «сетчатой» керамикой. В «Умилении» найден обломок полированного топора (из диорита), судя по форме — сверленого, что подтверждается и находкой неподалеку от него отходов сверления из того же материала (рис. 27, *6*). Найдена половина прекрасного полировального камня тоже из твердой породы.

Многочисленный материал, собранный на песчаной отмели озера вдоль стоянки (число находок превышает 200), дополняет общую картину. Кремень характеризуется микролитоидным обликом: конические и призматические нуклеусы небольшого размера, с тонкими гранями (сопровождающиеся массой мелких ножевидных пластинок), наконечники стрел и орудия, изготовленные из ножевидных пластин. Часть их обнаруживает сходство с мезолитическим кремнем, что дает обычно основание заключать о пережиточных явлениях в технике камня. «Умиление» в этом отношении не является исключением: архаичные формы и техника кремня наблюдаются на некоторых стоянках Верхнего Поволжья — с «сетчатой» керамикой, наблюдаются и на юге — на стоянках бронзового века (на р. Осколе, [4] в Поднепровье и других местах), в сопровождении керамики катакомбного типа.

Кроме раскопок, произведенных в северной части «Умиления», был заложен шурф в южной части стоянки, за руслом высохшего ручья, в месте находок керамики с ямочным орнаментом. Здесь была обнаружена очажная яма, заполненная пережженным песком и золой. На дне ее резко вырисовывалось углистое пятно, оказавшееся тоже ямой (диамстром в 0.20, глубиною в 0.10 м), заполненной какими-то перегнившими органическими остатками, жирными на ощупь. Найденная в шурфе керамика была галич-

---

[1] Материалы ГИМ.
[2] В. А. Городцов. Ук. соч.
[3] А. В. Збруева. Ук. соч.
[4] М. Е. Фосс. Раскопки стоянки на р. Осколе. Тр. ГИМ, 1941, вып. XII.

ского типа,[1] причем совершенно аналогичная происходящей из раскопок В. И. Смирнова в «Умилении», что позволяет предполагать, что В. И. Смирнов копал именно в этой части стоянки. В шурфе, в очаге, найдена вместе с керамикой галичского типа и «сетчатая», полностью совпадающая по своему виду с найденной в северной части «Умиления». Подобное сочетание наблюдается также в материалах В. И. Смирнова и в Галичской стоянке, но здесь отмечается небольшое количество «сетчатой» керамики.

На основании находок в южной части «Умиления», керамики галичского типа, более древней, чем «сетчатая», можно заключить, во-первых, что эта часть стоянки, за высохшим ручьем, заселилась раньше, чем северная, где керамика представлена исключительно поздней — «сетчатой», и, во-вторых, что стоянка «Умиление» генетически связывается с Галичской, представляя второй этап в развитии галичской культуры, на котором «сетчатая» керамика вытеснила «галичскую».

Сопоставление стоянки «Умиление» с рядом памятников позднего неолита — стоянками: на р. Юге (Чухломском р-не), Младшим Волосовским могильником, у сел. Нармы, Алеканова (Рязанская обл.), на р. Модлоне (верхн. сл.), р. Томице (Карелия), стоянками поздняковской культуры, определяет место «Умиления» среди памятников последней стадии развития позднего неолита, сопровождающихся «сетчатой» керамикой, которая затем переходит в более поздние по времени памятники — селища и городища. Примером в этом отношении служат селища и городища Верхнего Поволжья, датируемые П. Н. Третьяковым I тысячелетием до н. э. В связи с этим «Умиление» может быть отнесено к концу II тысячелетия до н. э., приблизительно к XII—XI вв. до н. э.,— тогда Галичская стоянка, непосредственно предшествующая «Умилению», должна относиться к несколько более раннему времени — к XIII в. до н. э., чему не противоречит ни инвентарь Галичской стоянки, ни клад, связанный со стоянкой и территориально и хронологически.

Вторым памятником, исследованным Галичской экспедицией, было селище, находящееся на моренном холме, приблизительно в 1.5 км от стоянки «Умиление», в самом конце (западном) с. Быки. В этом месте моренное всхолмление под разрушительным действием вод, некогда стекавших потоками и ручьями с лежащих выше всхолмлений, о чем свидетельствует глубокий овраг, идущий от селища к северу, приобрело вид грандиозного кургана, с крутыми склонами, достигающего в высоту 7 м. В Галичском районе подобные возвышения встречаются и в других местах и обычно известны среди местного населения под названием «курганов». Здесь же этот холм имеет еще второе название — «Пуп». По местонахождению селища, в самом с. Быки, мне представляется правильным назвать этот памятник «селищем Быки», точно определяющим его положение, вместо двойного местного названия. Трудно представить, как располагалось на таком «кургане» поселение — настолько круты его склоны. Самый верх его, покрытый тощим дерновым слоем, под которым непосредственно находится морена, не имеет культурного наслоения. Во время раскопок было установлено, посредством траншеи, проведенной по северному склону, залегание культурного слоя по средней части холма. За пределами этого пояса отмечается прекращение культурного слоя. Раскопками не удалось выяснить причины этого, но мне представляются правильными соображения, высказанные по этому поводу С. В. Киселевым, что селище было огорожено плетнем или тыном, тем более, что в селище найдены кости домашних жи-

[1] В. А. Городцов. Ук. соч.

вотных, а скотоводческие поселения обычно сопровождаются ограждением. На селище были произведены раскопки в двух пунктах. Установлено, что культурный слой, насыщенный находками, залегал под растительным и представлял собою песок черного цвета, переходящий в темножелтый, под которым шел песок с галькой без находок, а ниже — морена.

В первом пункте траншеей, расширенной к западу, так что раскопанная площадь в общем составила 20 м^2, была открыта землянка до 0.70 м глубины. В плане контуры ее не удалось точно проследить, и размеры были намечены приблизительно, главным образом по признаку насыщенности культурного слоя керамикой. Таким образом, ориентируясь на профиль землянки в стенах траншеи и на степень насыщенности слоя находками, ширина землянки наметилась в 2 м, длина же ее осталась невыясненной, так как один из концов ее был разрушен ямой случайного происхождения.

Во втором пункте раскопок — по западному склону холма — траншея, проложенная по среднему поясу холма (в 5 м длины), дала также насыщенный культурный слой и остатки очага с золой, кусками углей и камнями.

Основную массу находок в селище Быки составляет керамика; камень здесь представлен единичными кремневыми орудиями (скребками и наконечниками стрел). Найдено значительное количество костей, принадлежавших домашним животным, и рыбья чешуя. Из костяных изделий сохранились лишь фрагменты гарпунов. Один из них — однозубый, аналогичный найденному у с. Городища около гор. Калязина.[1] Керамика селища Быки интересна сочетанием «сетчатой» — типа «Умиления» и другого вида, характеризуемого орнаментом из оттисков крученой веревочки, среди которых можно отметить местные узоры и узоры ананьинского типа.

Полную аналогию последнему орнаменту можно указать на стоянках беломорской культуры, в последней стадии ее развития (например, у с. Красная Гора), датируемой второй четвертью I тысячелетия до н. э. В керамике селища Быки следует отметить дальнейшее развитие формы сосудов: вырабатывается высокая шейка, подчеркивающаяся специальным орнаментом, и плоское дно (рис. 26, *11—14*). «Сетчатая» керамика селища Быки дает основание к установлению генетической связи этого памятника со стоянкой «Умиление», но вместе с тем различие в остальной части комплекса, особенно наличие костей домашних животных,[2] свидетельствующих о больших изменениях, происшедших в хозяйстве, указывает, что между этими двумя памятниками существовал какой-то промежуток во времени, что между ними недостает еще переходного звена. Обнаружение в керамике селища Быки таких элементов, как орнамент ананьинского типа, а также орнаментов, близких к имеющимся в городищах Верхнего Поволжья, например у с. Городок,[3] где найдено также совершенно аналогичное прясло (рис. 26, *10*) от веретена, позволяет рассматривать селище Быки в одном ряду с древнейшими городищами и относить его к первой половине I тысячелетия до н. э.

---

[1] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 21, рис. 8.
[2] По предварительному определению, кости лошади, коровы, овцы и свиньи.
[3] П. Н. Третьяков. Ук. соч., рис. 9—10.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА
Вып. XVII 1947 год

И. К. ЦВЕТКОВА

ГАВРИЛОВСКАЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА С МОГИЛЬНИКОМ

(По материалам раскопок 1945 г.)

Гавриловская стоянка находится в Дзержинском р-не Горьковской обл., на расстоянии около 2 км к ЮЗЗ от дер. Гавриловка, на незаливаемой песчаной дюне, на левом берегу рч. Волосанихи.

В 1942 г. на дюне были выкопаны три траншеи и окопы. Летом 1943 г. директор Дзержинского музея Б. А. Сафонов обнаружил в стенке боковой траншеи человеческий череп, который был доставлен в Дзержинский музей вместе с довольно большим количеством керамики и кремня. В сентябре 1945 г. Гос. историч. музеем, при участии Дзержинского музея, были организованы разведки и исследование стоянки.

Зачистка стенок траншеи выяснила стратиграфию дюны и культурное наслоение. Под довольно мощным дерновым слоем (30—40 см) был обнаружен темносерый песок, представляющий собой культурный слой. Под этим слоем шел подстилающий его белый песок, не содержащий никаких находок. Зачисткой были обнаружены 3 ямы (небольшие землянки).

В результате раскопок, которыми была вскрыта площадь около 80 м^2, на стоянке были обнаружены 3 землянки и 6 погребений (рис. 28).

Землянка № 1 (рис. 28). Эта землянка была обнаружена при раскопках в пункте 1 на глубине 0.60 м от современной поверхности, в виде округлого темного пятна, хорошо заметного на фоне светлого подстилающего песка. Землянка имела неправильно-округлую форму, размером в 2.5 × 2 м; глубина ее от современной поверхности 1.30 м, а от нижней границы культурного слоя 0.70 м. В разрезе землянка, стенки которой удалось проследить только в подстилающем культурный слой грунте, была чашеобразной формы (рис. 29). На полу землянки, немного в стороне от центра, был обнаружен очаг в виде округлого интенсивно-черного пятна, диаметром в 0.95 и глубиной в 0.28 м. При расчистке землянки[1] было найдено довольно много обломков глиняных сосудов, 3 кремневых ножа, 3 скребка, обломки орудий и осколки кремня.

---

[1] Раскопки всех трех землянок проводились следующим образом: слои почвы внутри землянок снимались последовательно, каждый раз на глубину 10—15 см, после чего производилась зачистка; и так до дна землянки.

Землянка № 2 была обнаружена в профиле восточной стенки боковой траншеи. Западная часть землянки оказалась полностью разрушенной. Землянка имела округлую форму; размер по линии $A — B$ 3.30 м, глубина от современной поверхности 1.50 м, от нижней границы культурного слоя 0.80 м. Профиль землянки тоже чашеобразный. На дне землянки была обнаружена очажная яма с золой и угольками. Диаметр ямы 1.40 м, глубина 0.30 м. У очага с южной стороны было найдено большое количество лежащих кучей фрагментов одного сосуда с ямочным орнаментом. При расчистке обнаружено сравнительно мало обломков керамики, кремневый нож, осколки кремня (рис. 31).

Землянка № 3 находилась на расстоянии около 1 м от землянки № 2. Землянка имела неправильно-округлую форму диаметром в 3.60 м и глубиной от современной поверхности 1.30 м, а от нижней границы культурного слоя 0.70 м. Стенки удалось частично проследить не только в грунте, но и в культурном слое. В восточной части землянки была обнаружена очажная яма в виде округлого черного пятна с включением углей; диаметр ее 1.30 м, глубина 0.20 м. (рис. 32).

Очень небольшая раскопанная часть стоянки дает слишком мало материала, чтобы говорить как о реконструкции землянок, так и о реконструкции поселения в целом. Наши землянки отличаются прежде всего небольшими размерами. Наибольшая из них имеет площадь около 9.5 м², а наименьшая около 5 м², при глубине от нижней границы культурного слоя 0.70—0.80 м. Землянки, конечно, могли быть глубже, но в культурном слое в большинстве случаев их очертаний не удалось проследить. П. Н. Третьяков в работе «К истории доклассового общества Верхнего Поволжья», приводя ряд примеров неолитических жилищ, намечает 2 их вида. «Во-первых,— пишет он,— полуземлянки, т. е. жилища с основанием, углубленным в землю, и, во-вторых, жилища в

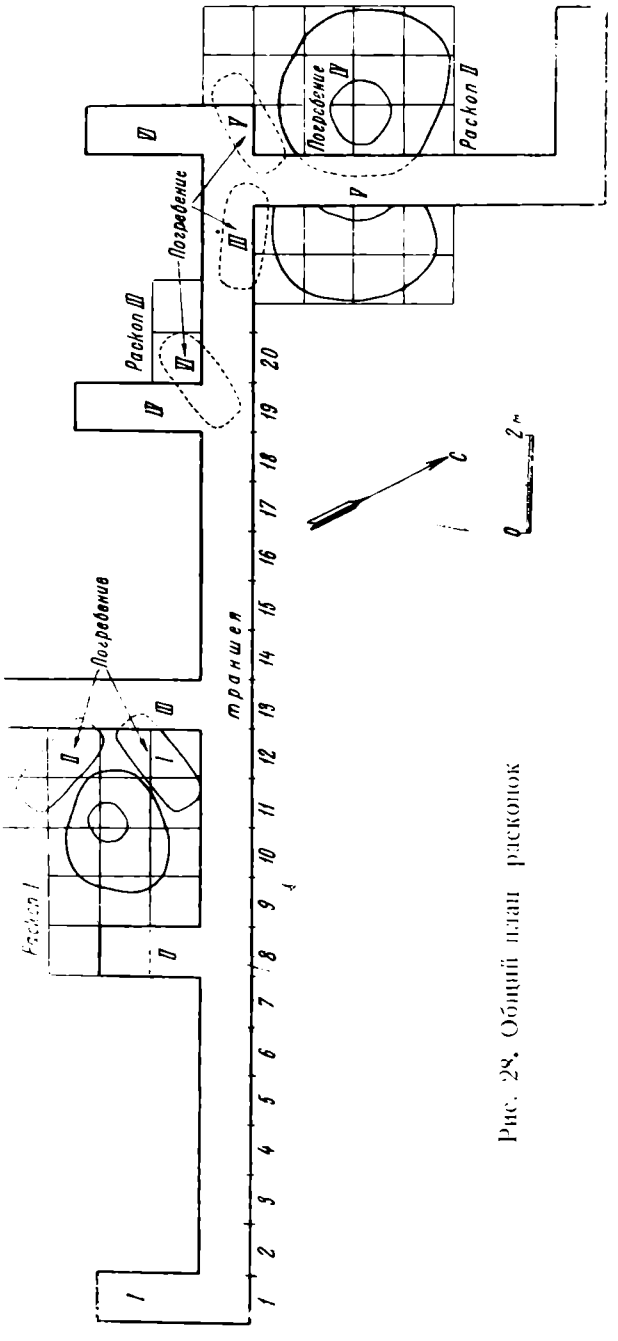


Рис. 28. Общий план раскопок

основном наземные, с углублением в середине».[1] Размер, форма и глубина наших землянок совпадают со многими неолитическими землянками, обнаруженными на территории Советского Союза. Таковы, например: землянки Федоровской стоянки[2] (диаметр 4.10 и 5.5 м, глубина 0.45—0.90 м); стоянки Дубровичи[3] (диаметр 2.84 и 4.60 м, глубина 1 и 1.60 м); стоянки у дер. Сониной на р. Теше[4] (диаметр 2 и 3 м, глубина 1 м); Балахнинской стоянки[5] (диаметр 2.13 и 2.50 м, глубина 0.70 м); стоянки Малое Окулово[6] (диаметр 3.50 м, глубина 1.50 м) и т. д.

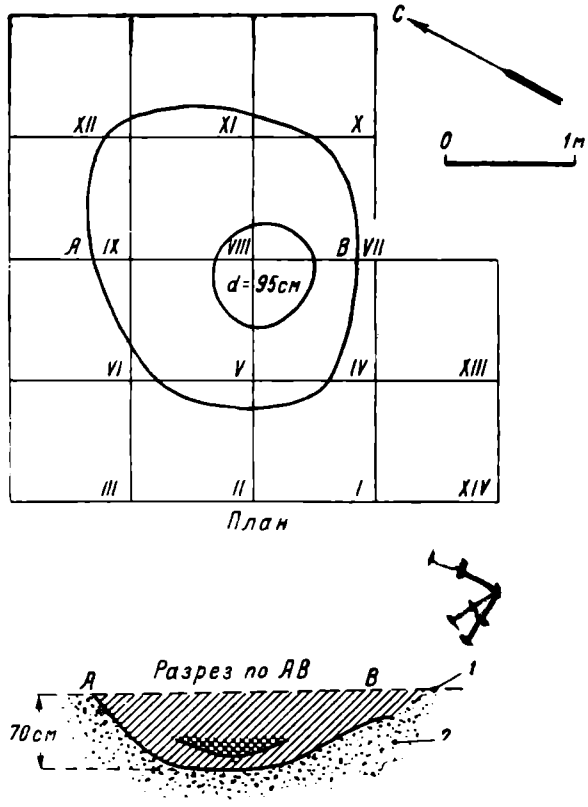


Рис. 29. Землянка № 1 Гавриловской стоянки
1 — граница культурного слоя; *2* — белый подстилающий песок; *3* — глубина очажной ямы 28 см

Площадь некоторых из этих землянок, а также площадь наших землянок кажется несколько малой для жилища. Но предположить, что гавриловские землянки были в основном наземными, нельзя на том основании, что расстояние между ними очень мало (например, расстояние между землянками № 2 и 3 всего около 0.80 м). Внутри каждой землянки имеется очаг несколько в стороне от центра. Возможно, что в самом центре стоял столб, поддерживавший крышу. Можно предположить, что стоянка была обитаема продолжительное время: об этом свидетельствует достаточно мощный культурный слой. Следовательно, жилища должны были быть постоянными, а не временными, легкими шалашами. Небольшая глубина заставляет предполагать, что землянки имели довольно высокое перекрытие.

Количество имеющихся на стоянке землянок не ограничивается раскопанными нами тремя землянками. Благодаря окопам, разбросанным по всей дюне, можно наметить площадь, занятую стоянкой. Она приблизительно равна 500 м² (предполагаемые границы намечены на плане прерывистой линией с точками).

---

[1] П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. ИГАИМК, 1934, вып. 106; О. Н. Бадер, М. В. Воеводский и др. Из истории родового общества на территории СССР. М.— Л., 1935, стр. 108.

[2] А. Я. Брюсов. Федоровская стоянка. Тр. Секции археол., 1927, т. III, РАНИОН.

[3] В. А. Городцов. Жилище неолитической эпохи в долине р. Оки. Тр. VIII Археол. съезда, 1890, т. I.

[4] Ф. Я. Селезнев. Приокские древнейшие поселения. Тр. Владимирского музея, 1928, т. III.

[5] А. А. Спицын и В. Каменский. Стоянки близ гор. Балахны. Записки Отд. русск. и славянской археологии, т. VII, вып. 1.

[6] Ф. Я. Селезнев. Приокские древнейшие поселения. Тр. Владимирского музея, 1928, т. III.

Как было отмечено выше, на стоянке, кроме землянок, раскопками было обнаружено 6 погребений. 5 из них около землянок, и шестое внутри землянки № 3 у очага (рис. 28).

Погребение № 1 было обнаружено у северной стенки землянки № 1 на глубине 0.80 м от современной поверхности, под культурным слоем. На светлом подстилающем песке ярко очерчивалось темное овальное могильное пятно длиной в 2 метра и шириной в 0.90 м. Западный конец ямы оказался разрушенным траншеей. Глубина могильной ямы от нижней границы культурного слоя 0.30 м. Покойник лежал на белом песке, головой на ЮЗЗ, на спине, с вытянутыми ногами, согнутыми в локтях руками, так, что кисти находились на тазовых костях. Скелет сохранился плохо: лицевая часть черепа раздавлена, значительная часть костей разрушена. Никаких вещей при покойнике не оказалось. В засыпке могилы, состоящей из культурного слоя, найдены отдельные фрагменты керамики и осколки кремня.

Погребение № 2 находилось у южной стенки землянки № 1. Могильная яма была обнаружена лишь частично на глубине 0.80 м от современной поверхности. Положение покойника на белом песке головой на СЗЗ было точно таким же, как и положение покойника в погребении № 1. Никаких вещей при покойнике не найдено.

Погребение № 3 обнаружено у южной стенки землянки № 2 на глубине 0.90 м от современной поверхности. Погребение это оказалось совершенно разрушенным траншеей. Уцелела только длинная кость руки, лежащая в первоначальном положении на белом песке. Можно установить, что покойник лежал головой на СЗЗ.

Погребение № 4 находилось внутри землянки № 3, в ее юго-восточном краю, в 0.40 м от очага, на глубине 1.30 м от современной поверхности. Очертаний могильной ямы в культурном слое землянки обнаружить не удалось. Покойник лежал на белом подстилающем культурный слой песке, на спине, с вытянутыми ногами и вытянутыми вдоль туловища руками, головой на ЮЗЗ. Скелет сохранился плохо: лицевая часть черепа оказалась раздавленной, большинство костей разрушено, никаких вещей при покойнике не обнаружено.

Погребение № 5 находилось у южной стенки землянки № 3, на глубине 0.80 м от современной поверхности. Положение покойника, лежавшего на белом песке головой на ЮЗ, было точно таким же, как положение покойника в погребении № 4.

Погребение № 6 было обнаружено при зачистке южной стенки красноармейской траншеи на глубине 0.90 м от современной поверхности. Очертаний могильной ямы обнаружить не удалось. Вытянутое положение покойника, лежавшего головой на ЮЗ, ничем не отличалось от положения покойников в погребениях № 4 и 5.

Вопрос о датировании погребений затрудняется отсутствием вещей при покойниках. Однако все шесть погребений обнаружены под ничем не нарушенным культурным слоем, что доказывается вертикальными разрезами, сделанными нами непосредственно над погребениями. Жизнь на этих местах после захоронения не прекращалась. Культурный слой нарастал равномерно на всей площади стоянки. Безусловно, захоронения совершались не одновременно, а в различное время существования стоянки. Могилы могли быть вырыты на разном уровне культурного слоя, где оказалось невозможным проследить их очертаний. Покойников всегда клали на белый подстилающий песок.

Кроме того, поразительная правильность расположения могил по бокам землянок заставляет предполагать, что захоронения связаны с землянками и были совершены во время существования стоянки.

М. Е. Фосс в своей работе «Погребения на стоянке Кубенино», приводя примеры древних захоронений на местах стоянок, отмечает, что такие погребения, как языковские и кубенинские, «могут считаться наиболее древними, известными нам в эпоху неолита на территории Союза погребениями».[1] К таким же древним погребениям, по всей вероятности, следует отнести и гавриловские погребения.

Таким образом, отнести наши погребения к более позднему времени оказывается невозможным. Древность их доказывается также и антропологическими данными на основании реконструкции, выполненной М. М. Герасимовым по женскому черепу из погребения № 2.

Материал, добытый при раскопках стоянки, не велик. Он состоит, главным образом, из фрагментов глиняных сосудов и осколков кремня. Наибольшее количество находок было сосредоточено в землянках.

Большую часть керамики удалось сгруппировать по сосудам. Всего получилось 7 сосудов, но, к сожалению, склеить их не удалось, так как количество фрагментов оказалось недостаточным.

Керамика делится на две совершенно определенные группы. К первой группе относятся сосуды с ямочно-гребенчатым орнаментом. Сосуды эти сделаны из глины с очень небольшой примесью толченой дресвы. Обжиг довольно хороший; поверхности сглажены, штриховки нет. Можно предположить наличие круглого дна, судя по одному имеющемуся фрагменту. Толщина стенок 0.4—0.9 см. Края прямые или чуть отогнуты внутрь. Венчики округлые или округло уплощенные. Орнамент распространяется по всей поверхности либо в виде чередующихся зон ямочного и гребенчатого орнамента, либо одного ямочного. Элементов орнамента не много. Ямки в большинстве случаев конические (рис. 30, *1—6*).

Вторая группа керамики резко отличается от первой. Глина, из которой сделаны эти сосуды, рыхлая, пористая, с примесью шамота. На некоторых фрагментах с внутренней стороны видна заглаженная крупная штриховка. Края сосудов прямые или слегка скошенные внутрь; шейка и плечики отсутствуют; толщина стенок 0.3—1 см. Орнамент имеется почти на всех фрагментах, но он совершенно отличен от орнамента на сосудах первой группы. Прежде всего бросается в глаза расплывчатость, нечеткость орнаментальных линий, благодаря сглаживанию поверхности после нанесения орнамента. Вторым характерным признаком является разреженность орнамента, редкое заполнение орнаментального поля. Иногда орнамент нанесен только на верхнюю часть сосуда. Наиболее распространенными являются зубчатые элементы орнамента (рис. 30, *7—12*). Другим, менее распространенным элементом является нарезка (рис. 30, *13—15*).

Обе эти керамические группы безусловно одновременны, так как они встречались на всей площади раскопок на одинаковом уровне, в одних и тех же местах. Ничем не нарушенный совершенно ровный культурный слой свидетельствует о том, что здесь не могло быть никакого смешения двух разновременных культур. Несомненно, что первая группа имеет более древние черты, вторая, с несколько более поздними чертами, является основной для стоянки. Количественно она преобладает над первой.

Кремневый инвентарь стоянки очень немногочисленен, вероятно, вследствие небольшой площади раскопок.

---

[1] М. Е. Фосс. Погребения на стоянке Кубенино. Сб. статей по археологии СССР, Тр. ГИМ, вып. VIII, 1939, стр. 91.

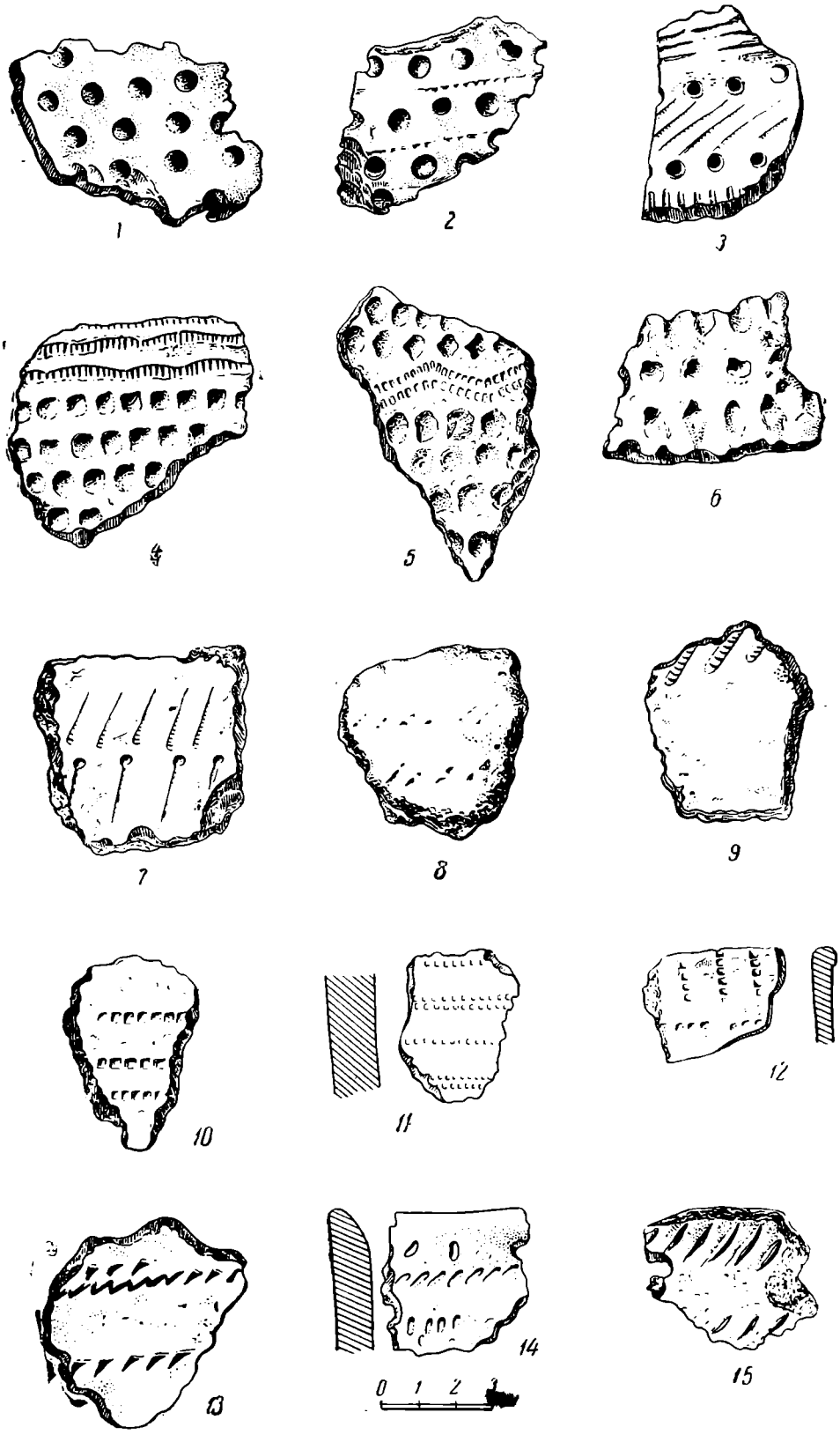


Рис. 30. Образцы керамики Гавриловской стоянки

Всего законченных орудий найдено 18 и около 150 осколков кремня. На некоторых из них заметны следы употребления. Большинство орудий сделано из отщепов.

Скребки (рис. 28, 5) по большей части небольшие, сделанные из массивных отщепов и сколов, с крутой ретушью по рабочему краю.

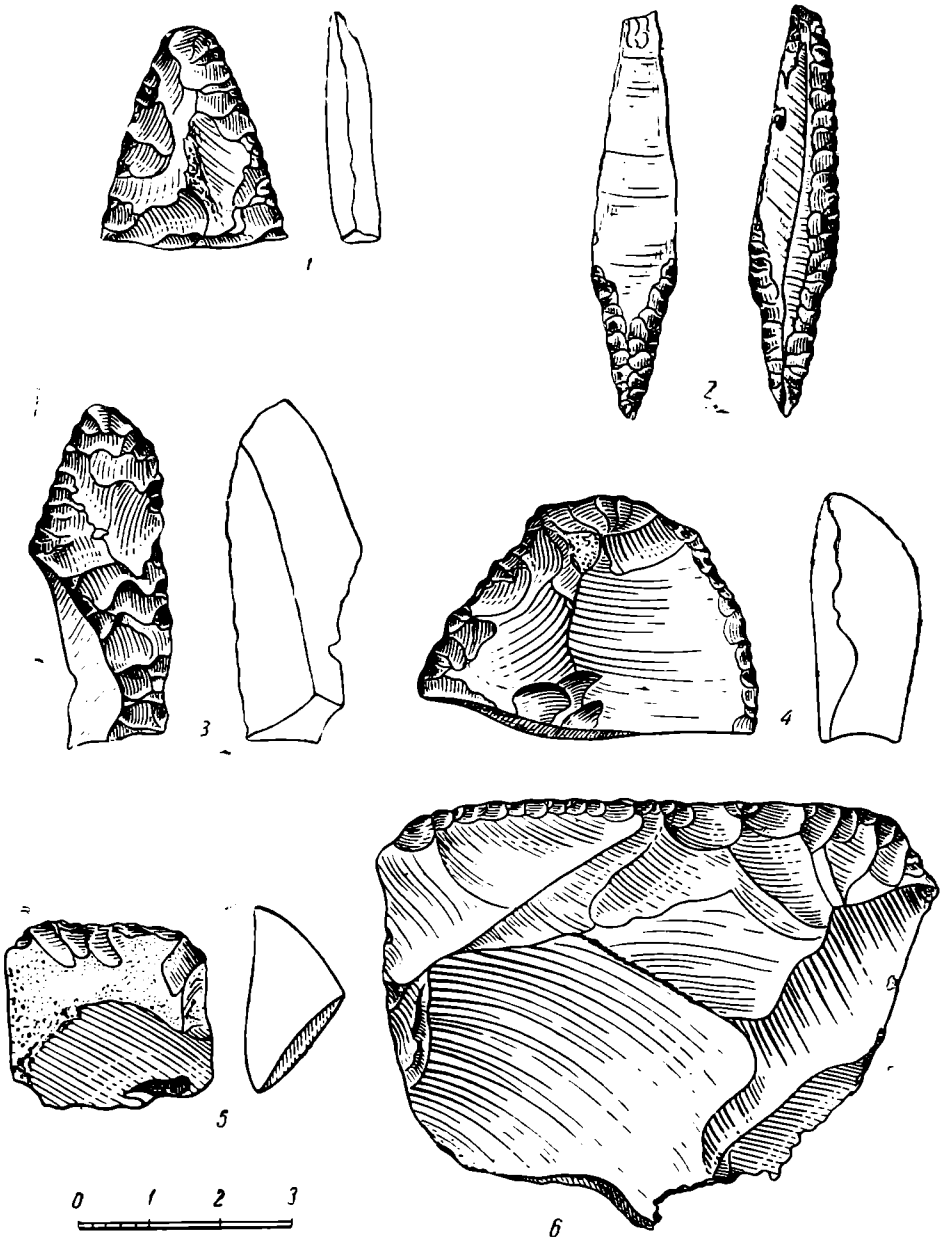


Рис. 31. Кремневые орудия Гавриловской стоянки

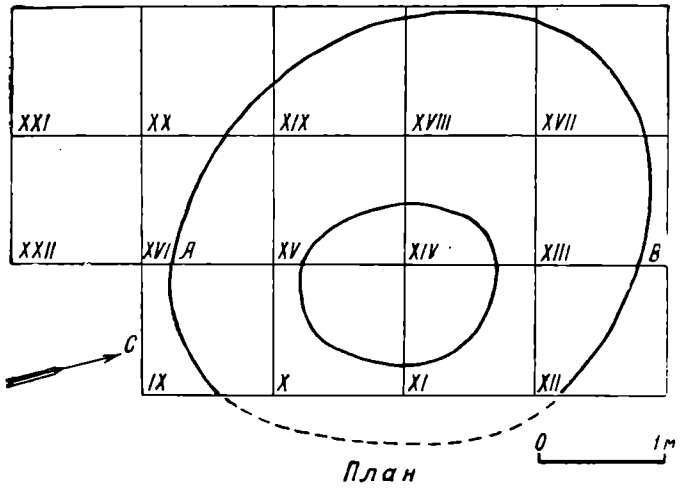
Кремневых ножей найдено 3 целых и 2 обломка. Один из них небольшой, подтреугольной формы, из массивного отщепа, с плоской ретушью по всей поверхности (рис. 28, 3). Другой нож из широкого пластинчатого отщепа, с тонкой ретушью по рабочему краю (рис. 31, 6). Кроме таких законченных ножей, найдено несколько ножевидных пластин и пластинчатых отщепов со следами сработанности. Наконечник стрелы найден только

один. Он сделан из тонкой ножевидной пластины с треугольным черешком, с односторонней ретушью на пере и двусторонней ретушью на черешке (рис. 31, *2*).

Наконечник дротика тоже один (обломок). Он напоминает по форме листовидные наконечники дротиков Большекозинской стоянки [1] (рис. 31, *1*).

Кроме описанных орудий найдено 4 ретушера. Один из них сделан из крупного массивного скребка (рис. 31, *4*).

Есть одно шлифованное долото и 11 обломков шлифованных орудий. Долото — желобчатое, шлифованное по всей поверхности, с овальным, сильно сработанным рабочим лезвием.



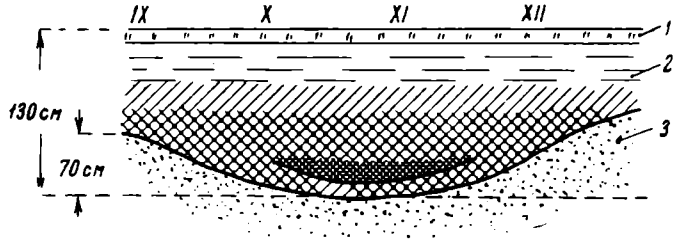


Рис. 32. Землянка № 3 Гавриловской стоянки

1 — почвенный слой; *2* — культурный слой; *3* — белый подстилающий песок; *4* — глубина очажной ямы 70 см.

Остается сказать о предмете, назначение которого неясно. Это камень (галька) с распилом, найденный в засыпке погребения № 2. Предметы, несколько напоминающие эту вещь, найдены во многих местах. Например: предмет овальной формы с распилом, с мелким нарезным орнаментом по краям, сделанный из талька, найден на стоянке Волчок на Днепровских порогах, в раскопках Добровольского 1929 г.; подобные вещи из песчаника найдены в Области Войска Донского в погребениях кургана Гиреева могила, раскопанного Тизенгаузеном в 1865 г., и т. д. [2] Все эти вещи не дают, конечно, полной аналогии с нашим предметом, но все же стоят близко к нему.

[1] О. Н. Бадер, М. В. Воеводский и др. Из истории родового общества на территории СССР. М.—Л., 1935. Стоянки Балахнинской низины, стр. 338, табл. 62, рис. 2.

[2] Рисунки этих вещей находятся в архиве О. А. Граковой.

Материал, добытый при раскопках, настолько мал, что не дает возможности сделать окончательных выводов о принадлежности стоянки к той или иной культуре. Расположение Гавриловской стоянки на расстоянии около 70 км от Балахнинской и Большекозинской стоянок заставляет предполагать возможность сношения обитателей Гавриловской стоянки с обитателями стоянок Балахнинской группы. О сходстве и отличии этих стоянок сейчас еще говорить трудно, но, во всяком случае, между ними намечаются некоторые сходные черты и в технике изготовления кремневых орудий и в орнаменте некоторых сосудов.

Однако несомненно, что Гавриловская стоянка имеет в основном собственные локальные черты. В дальнейшем, при подробном изучении других стоянок южной половины Волго-Окской Балахнинской низины, возможно, удастся выделить определенный круг стоянок, куда будет отнесена и Гавриловская.

Что касается датировки, то, не делая преждевременно окончательных выводов, можно указать, что Гавриловская стоянка относится ко времени позднего неолита, приблизительно к середине II тысячелетия до н. э. Дальнейшая работа по изучению памятников района, конечно, даст возможность относительно точно датировать стоянку.

Имеющийся в Дзержинском музее материал, собранный Б. А. Сафоновым с 42 неолитических стоянок, расположенных вокруг гор. Дзержинска, свидетельствует о том, что этот район представляет большой научный интерес и требует детального изучения.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

Вып. XVII 1947 год

В. Н. ЧЕРНЕЦОВ

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

(Работы Северобарабинской экспедиции 1945 г.)

Омская обл. в археологическом отношении почти не исследована. Из старых публикаций можно указать лишь на несколько кратких заметок, помещенных главным образом в изданиях Зап.-сиб. РГО, касающихся тех или иных случайных находок.

В 1926—1927 гг. Гос. зап.-сиб. музей предпринял, наконец, археологическое изучение края. За два года было разведано и частично раскопано довольно большое количество памятников, давших, повидимому, значительный материал, оставшийся, однако, для нас неизвестным. Более или менее подробно опубликовано лишь описание Вознесенского городища,[1] тогда как «Предварительное сообщение о работах музея» представляет собой, к сожалению, немногим больше, чем перечень памятников.[2] Мало дают нам и материалы Омского музея. Бывшая экспозиция, судя по путеводителю, составленному В. П. Левашовой,[3] интересная и содержательная, теперь не сохранилась, и даже лучшая часть Музея занята посторонними организациями.

Исходя из изложенного положения, в 1945 г. экспедиция наметила следующие цели общерекогносцировочного порядка: 1) ознакомиться с находящимися в музеях и у частных лиц неопубликованными материалами; 2) ознакомиться с состоянием учета и выявления памятников; 3) произвести разведку близ Омска и в Тарском р-не; 4) по возможности наметить проблематику и план дальнейших работ.

По приезде в Омск и ознакомлении с материалами Омского обл. краеведческого музея нами была предпринята разведка Омской стоянки. Имея в виду дать описание этой стоянки отдельным сообщением, ограничимся здесь лишь самыми краткими указаниями.[4] Стоянка была открыта в

---

[1] В. П. Левашова. Вознесенское городище Барабинского округа. Изв. Гос. зап.-сиб. музея. Омск, 1928, № 1.

[2] Ее же. Предварительное сообщение об археол. исслед. музея за 1926—1927 гг. Там же.

[3] В. П. Левашова. Путеводитель по археол. отделам. Там же, со стр. 192—4.

[4] Приношу здесь глубокую благодарность проф. П. Л. Драверту, любезно предоставившему в наше распоряжение не только собранные им материалы, но и записанные им наблюдения, что позволило нам относительно полно ознакомиться с культурой стоянки.

1918 г. д-ром С. А. Ковнером. С 1923 г. на ней начались систематические сборы материала, производившиеся главным образом проф. П. Д. Драверт ом и отчасти другими сотрудниками Омского музея. Благодаря этим работам к настоящему времени накопилось несколько ящиков подъемного материала. Летом 1927 г. на стоянке производила раскопки Е. Н. Липеровская, результаты работы которой остались, однако, неизвестными. Лишь в «Предварительном сообщении о работах Музея» В. П. Левашова, упоминая о них, говорит, что «стоянка дала каменные орудия и осколки, очень разнообразный керамический материал и обломки железных предметов». Материал обрабатывается Е. Н. Липеровской, по мнению которой стоянка может датироваться началом железной эпохи, т. е. временем около 1000 лет н. э.[1]

Несмотря на интерес, проявляемый к стоянке, стратиграфия ее не была установлена, без чего не мог быть использован и собранный материал. Поэтому при разведке основное внимание было уделено именно стратиграфии памятника.

Стоянка расположена на пойменной террасе левого берега Иртыша против гор. Омска. Терраса, имеющая здесь до 1 км ширины, близ коренного берега частично заболочена и пересекается рч. Замарайкой. Болото и речка представляют собой следы некогда пролегавшего здесь русла Иртыша или его протоки. К реке высота террасы несколько повышается, достигая у берега 6 м над уровнем меженных вод, образуя, таким образом, гряду, не затопляемую в половодье. Судя по береговому обнажению, эта гряда в прошлом являлась островом, на котором находилось поселение. Расположено оно было на нижнем конце острова, среди песчаных дюн, постепенно переходивших в отмель. Наибольшее количество остатков наблюдается во впадинах между дюнами, где углисто-зольные линзы достигают мощности 0.5 см. В современном ее виде стоянка занимает около 50—60 м по берегу и, насколько можно судить, 30—40 м в глубь берега. Тем не менее отдельные фрагменты керамики встречаются метров около 100 выше стоянки, а проф. П. Л. Драверт находил остатки каменной мастерской и в 250 м выше стоянки, что, повидимому, соответствует верхнему концу древнего острова. Уменьшение сохранившейся площади стоянки происходит довольно интенсивно как вследствие размывания берега вешними водами, так и вследствие разрушения его при устройстве взвозов, причалов, разгрузке дров и т. д.

Насыщенность слоя культурными остатками невелика, и лишь местами керамика попадается в изобилии. Среди просмотренных нами фрагментов пока, видимо, возможно установить три основные группы сосудов:

1) Большей частью грубые, толстостенные, яйцеобразной формы, изготовленные, по крайней мере, в ряде случаев выбиванием лопаточкой и имеющие тогда характерную рубчато-шероховатую поверхность, несколько напоминающую текстильный орнамент. Наиболее типичным для этой группы является гребенчатый штамп, образующий вертикальную или горизонтальную елочку или зонально расположенные полосы из горизонтально, косо или вертикально поставленной гребенки. Иногда гребенка сочетается с небольшим количеством ямок. В общем этот тип сосудов весьма напоминает афанасьевский и охватывает 60—70% всей керамики.

2) Несравненно более тщательно изготовленные сосуды, по форме и орнаменту совершенно андроновского характера, составляют 20—30%.

3) Сосуды, по орнаменту и отчасти по форме приближающиеся к карасукскому типу,— около 5% к общему числу.

Все три типа встречаются как будто вперемежку. Во всяком случае,

---

[1] В. П. Левашова. Предварительное сообщение..., стр. 160.

фрагменты с андроновской орнаментацией обнаружены как в самом нижнем подочажном слое, так и непосредственно под современной почвой (последнее хотя и в стороне от основной площади стоянки). Возможно, что при более полном ознакомлении с памятником и будут выяснены здесь какие-либо разграничения.

Кроме керамики, на стоянке собрано значительное количество каменных поделок, изготовленных из кремня, кремнистого сланца, кварцита и других пород. Среди них отщепов свыше 60, скребков разных типов около 100. Наконечников стрел разных типов (трехугольных с вогнутым, прямым и закругленным основанием, миндалевидных с выемкой и закругленных в основании, ромбических) — свыше 60, наконечников для дротиков — 3, копье — 1, несколько шлифованных из сланцев тесел и сверленый топор из кристаллической породы. Из бронзовых поделок можно упомянуть стержни и шилья, квадратного и трехгранного сечения обломки ножей, втульчатые двуперые, кованые наконечники стрел и дротиков, крупные литые «серпы», лапчатые подвески карасукского типа и другие предметы.

Конец существования Омской стоянки определяется керамикой карасукского типа и лапчатыми подвесками. Однако необходимо учесть и количественное преобладание андроновской керамики, не говоря уже о более архаических формах. Поэтому, пожалуй, более правильным будет отнести ее к концу андроновского — началу карасукского периода. Правда, для нас пока неизвестно, в какой степени и как долго архаические черты могли сохраняться здесь — в стороне от основных ареалов распространения андроновской и карасукской культур, и, возможно, что впоследствии датировку придется несколько изменить. Из расположения стоянки и незначительного возвышения культурного слоя (3 м) над уровнем меженных вод следует заключить, что здесь не было постоянного поселения, обитаемого в течение всего года. Скорее всего оно использовалось лишь летом.

Метров 100—150 ниже Омской стоянки установлены следы некогда бывшей здесь другой стоянки или селища, относящегося уже, как можно судить по немногочисленным фрагментам керамики, ко второй половине I тысячелетия до н. э. Этот памятник находился за пределами древнего острова и залегал в более поздних пойменных отложениях. Смешением материала этого селища и Омской стоянки и можно объяснить указание Е. Н. Липеровской о нахождении ею железных поделок в культурных остатках Омской стоянки и отнесение последней к эпохе раннего железа.

Одновременно с разведкой Омской стоянки была проведена рекогносцировка по краю верхней террасы левого берега. Находка фрагмента сосуда с орнаментом андроновского типа указывает на вероятность существования стоянки или, что скорее всего, могильника. Однако не исключена возможность, что он в большей или меньшей своей части разрушен при устройстве теплиц и овощехранилищ расположенного здесь совхоза. Несколько выше совхоза, на высоком мысочке, рядом с дорогой, обнаружен могильник, состоящий из десяти или более курганов. Курганы 5—7 м в диаметре едва возвышаются над поверхностью и окружены приметными канавками. Вскрытие одного из них обнаружило на глубине 1 м ниже уровня почвы погребение. Хорошо сохранившийся костяк молодой женщины лежал на спине в вытянутой позе, обращенный головой на север. Он был положен в камере, перекрытой на уровне 70 см накатом из березовых бревен, диаметром 100—150 мм. Никакого инвентаря при костяке не было, что не дало возможности определить время погребения и принадлежность его к той или иной культуре.

По окончании разведки Омской стоянки работы были перенесены в окрестности города Тары. Район этот по своим географическим условиям

представлялся нам заслуживающим большого внимания, что и оправдалось. Начиная от устья р. Тары, к правому берегу р. Иртыша подходят урманы, которые уже без перерыва тянутся на север от Оби. В то же время от левого берега Иртыша на юг простирается лесостепь, и, таким образом, граница между лесной и лесостепной зонами в этом месте очень резка, что и обусловливает большое разнообразие ландшафта. Поэтому животный мир и теперь еще очень богат. Посевы левобережья страдают в иные годы от нападения диких коз. Пойма Иртыша достаточно обильна озерами и протоками, чтобы обеспечить рыболовство, особенно запорного типа. Все это вместе взятое дает достаточно большую уверенность в том, что здесь, в местах столь удобных для поселения, да еще на стыке ареалов распространения степных и лесных культур, следует ожидать нахождения большого количества и разнообразия памятников.

В маршруте по Тарскому р-ну принял участие директор Омского обл. музея А. Ф. Палашенков, собравший за годы своей работы в Омске богатый материал для составления археологической карты, значительно облегчившей разведки. [1]

Екатерининская стоянка. Расположена при устье р. Абросимовки, близ с. Екатерининского Тарского р-на. Первая надпойменная терраса (в большинстве мест не сохранившаяся на правом берегу Иртыша) подходит к самому берегу на протяжении около 250 м вниз от устья Абросимовки. В нижнем конце обнажения, под небольшим почвенным слоем залегает пласт, мощностью около 30 см, состоящий из темноокрашенного песка с примазками угля, содержащий керамику и в небольшом количестве кости животных и каменные поделки.

Большая часть стоянки, повидимому, смыта, а изучение оставшейся площади встретит немалые затруднения вследствие расположенных почти у самого берега построек.

Керамика Екатерининской стоянки близка к архаической группе Омской. Она характеризуется довольно крупными сосудами с остро закругленной линией дна (рис 33, *6, 7*) и прямыми или слегка суживающимися кверху стенками (рис. 33, *1, 2, 5*). Срез верхнего края закруглен или уплощен и нередко насечен крупной гребенкой. Вся поверхность сосудов, а иногда и внутренняя сторона дна (рис. 33, *7а*) орнаментированы. Преобладающий орнамент — гребенчатый с зональным расположением полос, состоящих из елочки и вертикально или косо поставленной гребенки (рис. 33, *5*), иногда в сочетании с рядами овальных ямок. Нередки полосы из «отступающей лопаточки» (рис. 33, *1, 3, 7а*), зигзаги («пляшущая гребенка»). сделанные как зубчатой, так и гладкой накаткой (рис. 33, *4*); в нескольких случаях встречена крупная ромбическая сетка из прочерченных или нанесенных гребенкой линий (рис. 33, *2*).

Из каменных орудий можно указать кремневые наконечники стрел миндалевидной и иво-листной формы. Последние с плоским и с закругленным основанием (рис. 34, *1*) Скребки округлой формы (плоские и высокие), полученные, по всей вероятности, в результате авиважа нуклеуса (рис. 34, *6*). Кремневое долотце удлиненно подтрехугольчой формы (рис. 34, *3*).

Из шлифованных орудий найдено: небольшой клювовидный ножичек (рис. 34, *7*), три долотца или, что скорее, ножи, напоминающие тип «ulo» и тесла. Два из них обычной для Западной Сибири формы, с округ-

---

[1] Тяжелые транспортные условия сильно затрудняли работу. Передвигаться приходилось исключительно пешком по сильно пересеченной и болотистой местности, вследствие чего и охватить удалось район значительно меньший, чем предполагалось.

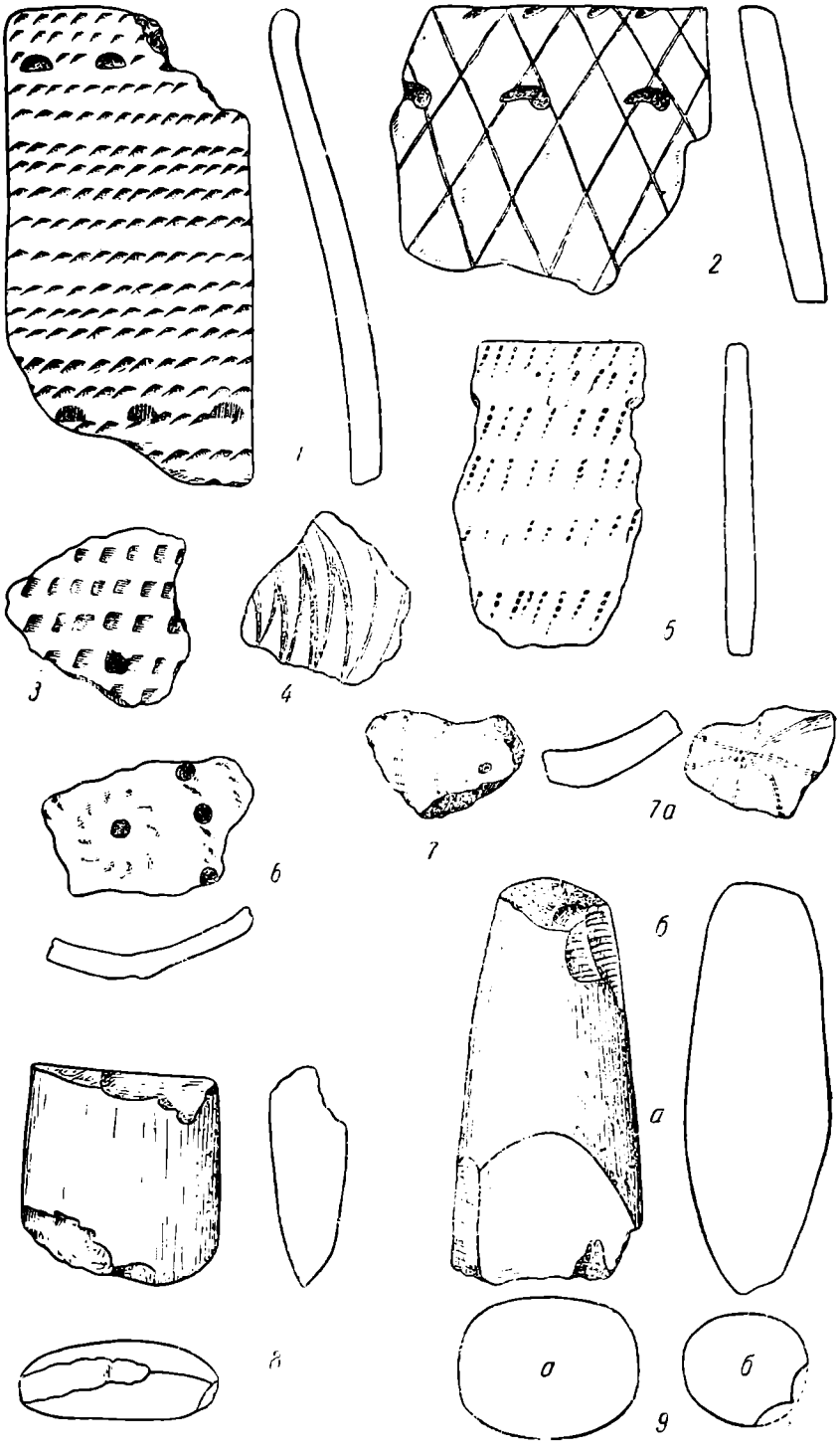


Рис. 33. Керамика и шлифованные орудия из Екатерининской стоянки близ с. Екатерининского Тарского р-на Омской обл.

1 — 7а — фрагменты керамики, 8 — 9 — орудия

ло-прямоугольным сечением (рис. 34, 8) (оба в обломках). Третий — пестообразной формы, овальный в сечении, с заточенным на две плоскости лезвием (рис. 34, 9).

Металлические изделия представлены бронзовым ножом карасукского типа (рис. 34, *10*), которым и датируется Екатерининская стоянка.

Городище у Ананьевского озера. Расположено на верхней террасе правого берега Иртыша, около 4 км вверх от с. Екатерининского (на мысу, образованном рч. Ананьевской и весенним разливом оз. Ананьевского, представляющего собой старицу некогда пролегавшего здесь русла Иртыша). Городище по форме приближается к равнобедренному треугольнику. Сторона, обращенная к озеру, имеет 65 м в длину, другая, к ручью — 50 м. От материка городище защищено валом и рвом, разность высот которых местами превышает 2 м. Обрывы к речке и озеру, естественно, крутые, достигают 10—12 м высоты.

Были заложены три небольшие траншеи. Одна — через вал и ров, показавшая двукратную подсыпку вала и конструкцию палисада. Последний сделан из заостренных снизу бревен, диаметром около 20 см, вкопанных вертикально на глубину 60 см по самому гребню вала. В траншее было найдено лишь немного мелких фрагментов керамики. Другим раскопом, сделанным на самом мыске, был обнаружен культурный слой, мощностью 20 см, залегающий непосредственно под дерном; третий прошел через квадратную 5 × 5 м впадину, которыми изобилует поверхность городища, оказавшуюся землянкой с очагом, расположенным в центре.

Культурный слой городища состоит из перегноя, костей и фрагментов керамики. Последние — мелкие и не дают полного представления о сосудах, частью которых они являются. Насколько можно судить, сосуды были двух типов. Одни — без шейки, с несколькими сужающимися кверху стенками и отогнутым краем яйцевидной или круглодонной формы. Изготовление довольно грубое. Орнаментированы крупной гребенкой, расположенной елочкой или ямками различной формы. Другие, по всей вероятности, круглодонные, с хорошо выраженными плечиками и высокой шейкой. О датировке этого городища говорить пока затруднительно.

Устье рч. Медовщиковой (на правом берегу Иртыша, в 2.5 км ниже устья Абросимовки). На левом берегу речки, при выходе ее в пойму Иртыша, в борту карьера, сделанного для лесовозной дороги, найден фрагмент сосуда с гребенчатым орнаментом и скребок из кварцита. Ниже почвенного слоя здесь залегает пласт темноокрашенного песка, с тонкими прослойками угля и линзами красной пережженной земли. Никаких других находок при зачистке обнажения обнаружено не было. На самом мысу шурфовка без достаточной рабочей силы оказалась невозможной вследствие тяжелой подзолистой почвы, мощностью около метра, проросшей многочисленными корнями деревьев.

Место это, однако, для дальнейших исследований представляет несомненный интерес. На этом же мысу встречены многочисленные квадратные ямы от землянок, размерами около 6 × 6 м, расположенные по краю склона. Выше их обнаружены неглубокие заплывшие круглые ямы до 3 м в диаметре. В культурном слое этих землянок и между ними найдены фрагменты керамики, сделанной на гончарном круге, и железные шлаки.

Метров 200 ниже устья р. Медовщиковой и на таком же расстоянии от Иртыша, среди болотистой поймы, заросшей мелким березняком и осинником, расположен сухой песчаный островок — остаток первой надпойменной террасы, поросшей сосновым лесом. На островке находится могильник, содержащий свыше 20 курганов, большей частью разрушенных. Одни — ради устройства в них землянок, видимо, лет 50 назад, другие разрыты грабителями, и некоторые вскрыты траншеями, что, быть может, следует приписать работам Малахова, производившимся в 60-х годах. Курганы в диаметре

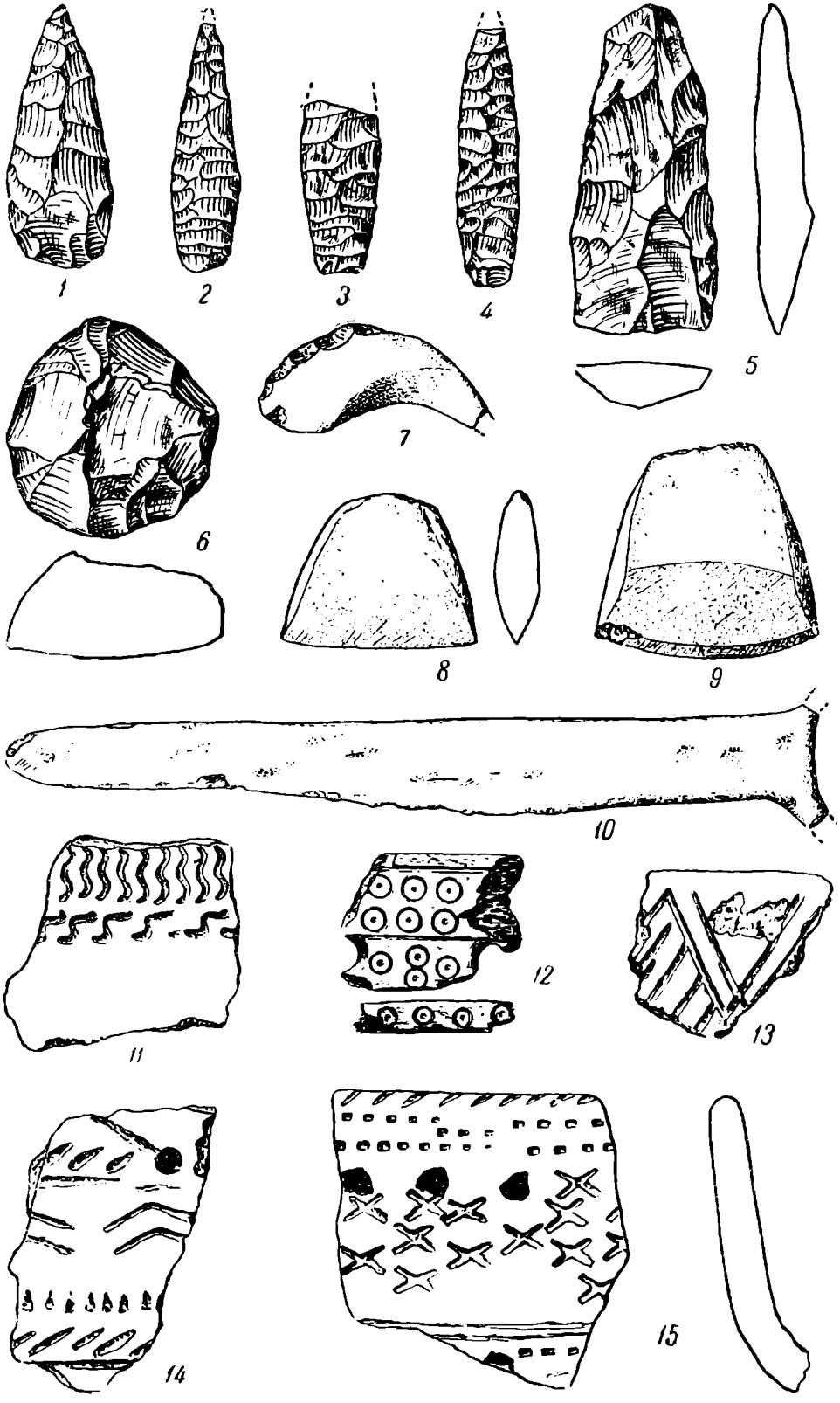


Рис. 34. Орудия и керамика из Екатерининской стоянки.

1 — 9 — каменные орудия; *10* — бронзовый нож; *11* — фрагмент сосуда из землянки с городища II Безымянного; *12* — фрагмент поделки из кости; *13, 14, 15* — фрагменты сосудов из городища Краснозерского

около 5 м, высотой метр и немногим более. В центре группы находится невысокая, расплывшаяся насыпь, неправильно-округлой формы, около 30 м в поперечнике. На ней расположен разрытый курган 10 м в диаметре и 2.5 м в высоту. Рядом с насыпью другой курган таких же размеров и тоже разрытый. Было вскрыто два кургана. Один дал женское погребение, расположенное на грунте. Костяк, хорошо сохранившийся, лежал на спине, головой на запад. Голова слегка повернута влево, левая нога согнута в колене. Никакого инвентаря при погребении не было, за исключением одной круглой, слабо выпуклой стеклянной бляшки диаметром 55 мм, толщиной 1.6 мм, лежавшей на грудной кости. Никаких отверстий для привязывания бляшка не имеет. Другой курган оказался ограбленным, очевидно, еще в древнее время. Никаких вещей не найдено.

Устье р. Сыщиковой (2 км ниже р. Медовщиковой). В 1.5 км от Иртыша на мысу, по левую сторону речки, при выходе ее в пойму обнаружено поселение в землянках такого же типа, как при устье р. Медовщиковой. Три землянки 6 × 6 м, глубиной 1—1.5 м, остальные меньших размеров. Найдена черная лощеная керамика, сделанная на гончарном круге. По всей вероятности, это ранние русские поселения XVII в. Аналогичные ямы расположены и на правом берегу речки.

1.5 км ниже по правому берегу Иртыша, на левом берегу Безымянного ручья, при выходе его в пойму, на высоком (20—25 м) мысу обнаружено городище, состоящее из внутреннего, среднего и внешнего городков, огражденных валами и рвами. Своеобразие укреплений этого городища заключается в выступах валов по обе стороны ворот внешнего и среднего колец укреплений, допускавших фланговый обстрел вдоль рвов, имеющих до 1.5 м глубины. Особенно мощно укреплен внутренний городок. Ров его имеет 6 м ширины и 3 м глубины, причем постоянного перехода через него, повидимому, не было. Поверхность всего городища неровна.

В среднем городке хорошо различимы квадратные (5 × 5 м) углубления от землянок, менее отчетливые во внешнем городке. Шурфовка показала здесь лишь тонкую темную прослойку под дерном, содержащую отдельные угольки и кости. Поверхность внутреннего городка сильно всхолмлена, но неровности эти не сохранили каких-либо правильных очертаний. На самой стрелке мыса склон искусственно обрыт, так что образуется 4-метровый, очень крутой уступ, препятствующий подъему по гребню мыса. Шурф на стрелке выявил культурный слой, мощностью от 30 до 70 см, насыщенный обломками костей и содержащий фрагменты керамики. Местами большие зольно-угольные линзы — следы кострищ.

Траншея, заложенная во внутреннем городке, обнаружила землянку, в слое которой найдена керамика, костяной наконечник копья, железное острие, обломки костей животных (лось, дикая коза) и череп лисицы в самом нижнем горизонте. Керамика представлена большей частью круглодонными сосудами с хорошо выраженными плечиками и прямой, несколько сужающейся кверху шейкой (рис. 35).

В трех случаях встречены обломки сосудов, имеющих вид чашек или мисок. По общей форме описанные сосуды весьма напоминают ананьинские. Изготовлены они выбивной техникой, из тонкой, без заметных на-глаз примесей глины. Обжиг — средний. Орнамент располагается зонально лишь по шейке и по плечикам. Основным его элементом является короткий зубчатый штамп или рубчатая лопаточка. Чаще всего встречается горизонтальная елочка, реже — полосы из вертикально или наклонно поставленного зубчатого штампа и отступающей лопаточки. На некоторых сосудах полоса орнамента завершается снизу рядом треугольников, сделанных той же

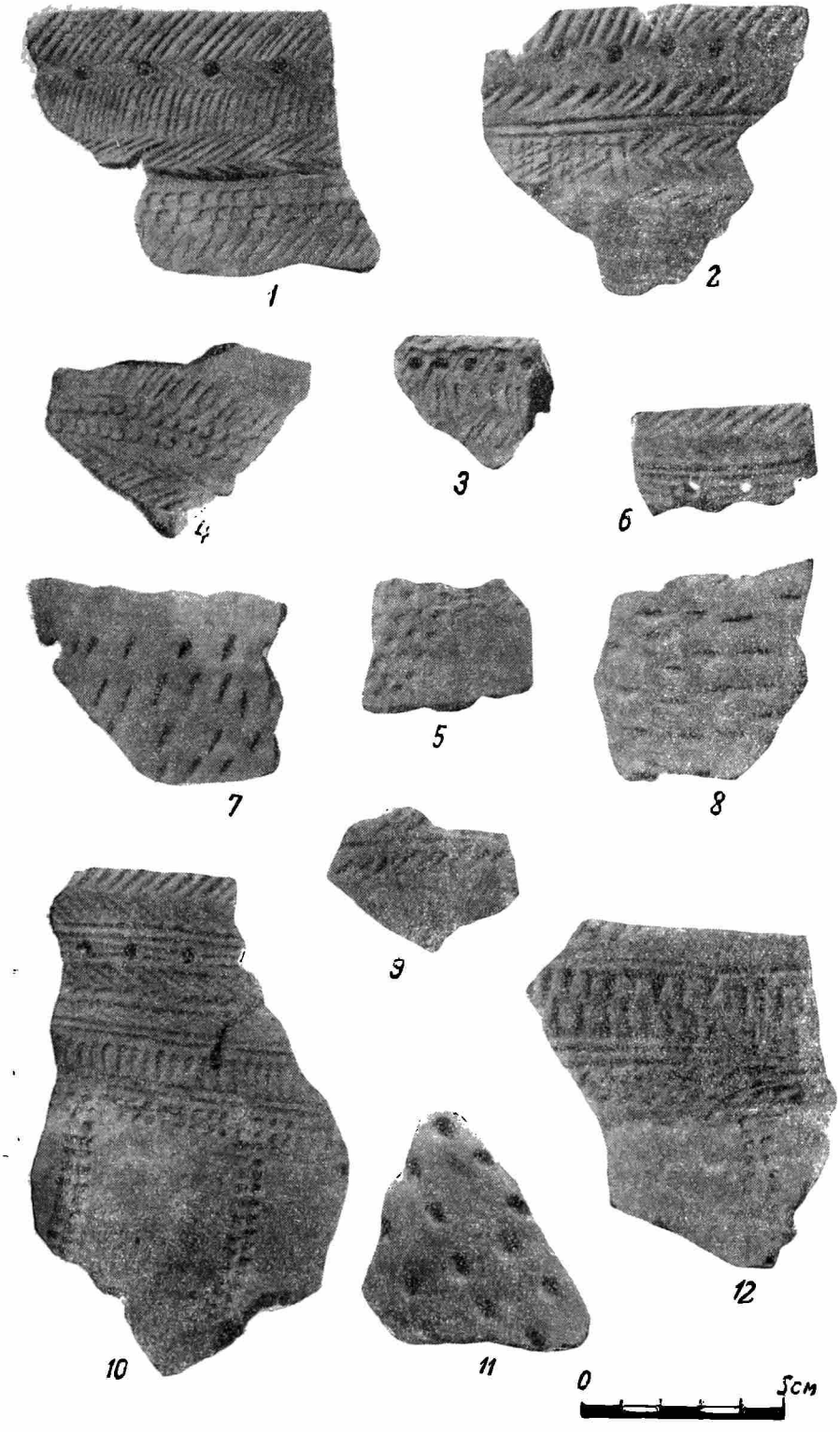


Рис. 35. Фрагменты керамики из I Безымянного городища

гребенкой или вертикальными лентами, спускающимися до средины высоты сосуда (рис. 35, *10*, *12*).

В двух случаях встречены фрагменты со сплошным ямочным орнаментом, оттиснутым уголком лопаточки и овальной палочкой с вырезанным в

ней зубцом. Датировку Безымянного городища можно дать лишь предположительно, основываясь на близости его керамики к керамике Барсова городка как по форме сосудов, так и по характеру орнаментации, в частности по спускающимся книзу лентам. [1]

Отличия в орнаменте заключаются в том, что в Барсовом городке значительно больше распространен мотив отступающей лопаточки и нередки заштрихованные в разных направлениях треугольники, как будто отсутствующие здесь. В этом к Барсову городку ближе стоят городища типа Голой сопки, около Усть-Ишима Учитывая же, что мотив отступающей лопаточки и заштрихованные треугольники появляются в Приобье очень рано, едва ли даже не в позднюю бронзу, Безымянное городище, пожалуй, следует считать моложе Барсова городка и ориентировочно отнести к началу II тысячелетия н. э.

По правую сторону Безымянного ручья, на протяжении 1.5—2 км расположены три городища: Безымянное II, Безымянное III и «у Сухого Лога».

Безымянное II очень невелико, всего 20 × 25 м, считая по внутренней стороне вала. Оно овальной формы, устроено на мысочке, образованном двумя крутыми ложками, вершины которых соединены рвом глубиной до 2 м. В средней части рва находится переход, защищенный с обеих сторон выступами вала, подобно тому как мы видели на Безымянном, хотя они и не достигают здесь такого развития. На городище ясно заметны 6 подквадратных впадин от примыкающих одна к другой и расположенных в два ряда землянок. В средней землянке с левой стороны от середины к внешней стенке заложена траншея, показавшая на глубине 55 см очажный слой, расположенный в центре землянки. От очага до задней стенки пол землянки приподнят на 20 см, образуя, таким образом, земляные нары. Около очага и отчасти на нарах собрано некоторое количество мелко фрагментированной керамики и обломок поделки из кости, украшенной кружковым орнаментом.

О керамике II Безымянного городища трудно получить достаточно полное представление из-за ее сильной фрагментированности. Сосуды по формам как будто были близки таковым с первого городища, но отличались своим орнаментом. Ведущую роль здесь имеет не мелкозубчатый штамп, а свойственная более ранним памятникам гребенка с квадратными и, видимо, длинными зубьями, не оставляющая при своем оттискивании параллельных линий. Из этой гребенки и оттисков заостренной лопаточкой компануются горизонтальные полосы в виде елочки, ромбической сетки и наклонных штрихов.

Оба они хорошо известны как по нижнеприобской керамике, так и по берестяным изделиям хантов и манси. Один из них (нижний на фрагменте) изображает утку, другой (взятый изолированно) — змею, а будучи повторенным, как здесь — воду. Этот мотив появляется в Нижнем Приобье, видимо, уже в эпоху раннего железа, в период распространения фигурных штампов, изображающих следы различных животных. Однако, не имея других указаний, основывать датировку городища на этом мотиве невозможно, поскольку в керамике он живет очень долго, а на бересте в некоторых местах не исчез и по сей день. Поэтому вопрос о времени городища приходится пока оставить открытым.

Городище Безымянное III. Находится в 0.5 км от предыдущего. Имеет форму прямоугольника со скошенным СВ углом. Наибольшая протяженность по обрыву — 32 м, в глубину — 25—26 м. Характерной особенностью

---

[1] T. I. Arne. Barsoff Gorodok. Stockholm, 1935, рис. 59, 72, 82, 125, 148, 163, 171.

этого городища являются наугольные выступы вала, подобные виденным на городище Безымянном I, что позволяет сближать оба эти памятника. Разведки на городище не производились.

Городище «у Сухого Лога». Находится в 0.5 км от предыдущего. Расположено на мысу по левую сторону глубокого лога. По очертаниям и характеру валов напоминает Ананьинское городище. Разведки на нем не производились.

Городище и курганы у оз. Красного. В 0.5 км от берега Иртыша против города Тары, на северном берегу оз. Красного, среди болотистой поймы протянулась сухая песчаная гряда — остаток надпойменной террасы. По всей гряде разбросаны курганы, частично распаханные и разрушенные огородами и строениями дер. Красноозерка, частично сохранившие свою форму. Всего на протяжении 1.5—2 км их насчитывается около сотни. На западном конце грива образует небольшой холм, поросший соснами, на котором расположена группа в 50 курганов. Курганы различной величины — от 2.5 до 10 м в диаметре, сообразно с чем и высота их варьирует от 0.5 до 2.5 м. Большинство курганов имеет более или менее глубокую впадину на вершине и, вероятно, разграблено. Вскрыт был один курган диаметром 5 м, высотой 1 м, казавшийся, однако, более высоким, так как земля между курганами выбрана для их насыпки. На вершине кургана заметна впадина около 0.5 м глубины. На 70 см (не считая впадины) обнаружена угольная прослойка, в центре оказавшаяся нарушенной, что заставило предположить курган ограбленным. Действительно, костяк, лежавший на глубине 1 м, был сильно потревожен. Таз, кости рук и правой ноги, ребра и позвонки оказались отброшенными к ЮВ углу.

По положению костей очевидно, что курган был потревожен еще тогда, когда хоть частично сохранялись связки. Сохранность костей хорошая, но череп совершенно раздавлен. У левого ушного отверстия найдено незамкнутое колечко из бронзовой проволоки (№ 6), возможно — серьга. В области левой части таза обнаружено несколько железных наконечников стрел, большей частью совершенно деформированных (№ 2), и рядом с ними бронзовое литое кольцо с сохранившимися на нем двумя ременными петлями. Такое же кольцо нашлось на расстоянии 70 см от первого, и рядом с ним обломок железной пряжки (№ 4). Повидимому, это остатки колчана. У левой стопы костяка находился раздавленный сосуд, обломки которого были рассеяны на пространстве 50—70 см. Сосуд по форме близок к найденному на Безымянном городище, отличаясь от него лишь относительно большей глубиной. Орнаментирован по шейке мелкими круглыми ямками и двумя рядами елочки, оттиснутой зубчатым штампом. Ниже плечиков расположен ряд двойных защипок (рис. 36). Диаметр сосуда по венчику около 180 мм, на уровне плечиков — около 200 мм. Изготовлен сосуд выбиванием.

На насыпи кургана найдено еще несколько мелких фрагментов керамики, явно не относящихся к данному погребению. Датировка кургана может быть основана на сходстве сосуда из погребения с керамикой Безымянного городища и, подобно последней, на близости с сосудами Барсова городка, особенно с № 109,[1] имеющим аналогичный нашему защипный орнамент.

Наконечники стрел, найденные в кургане, весьма напоминая по форме изображенные у Т. Arne № 70/a и № 128, также подкрепляют это сближение. Можно допустить, что Красноозерская курганная группа если и не была непосредственно связана с Безымянным городищем, то, видимо, синхронична ему и относится к той же культуре.

---

[1] T. I. Arne. Ук. соч.

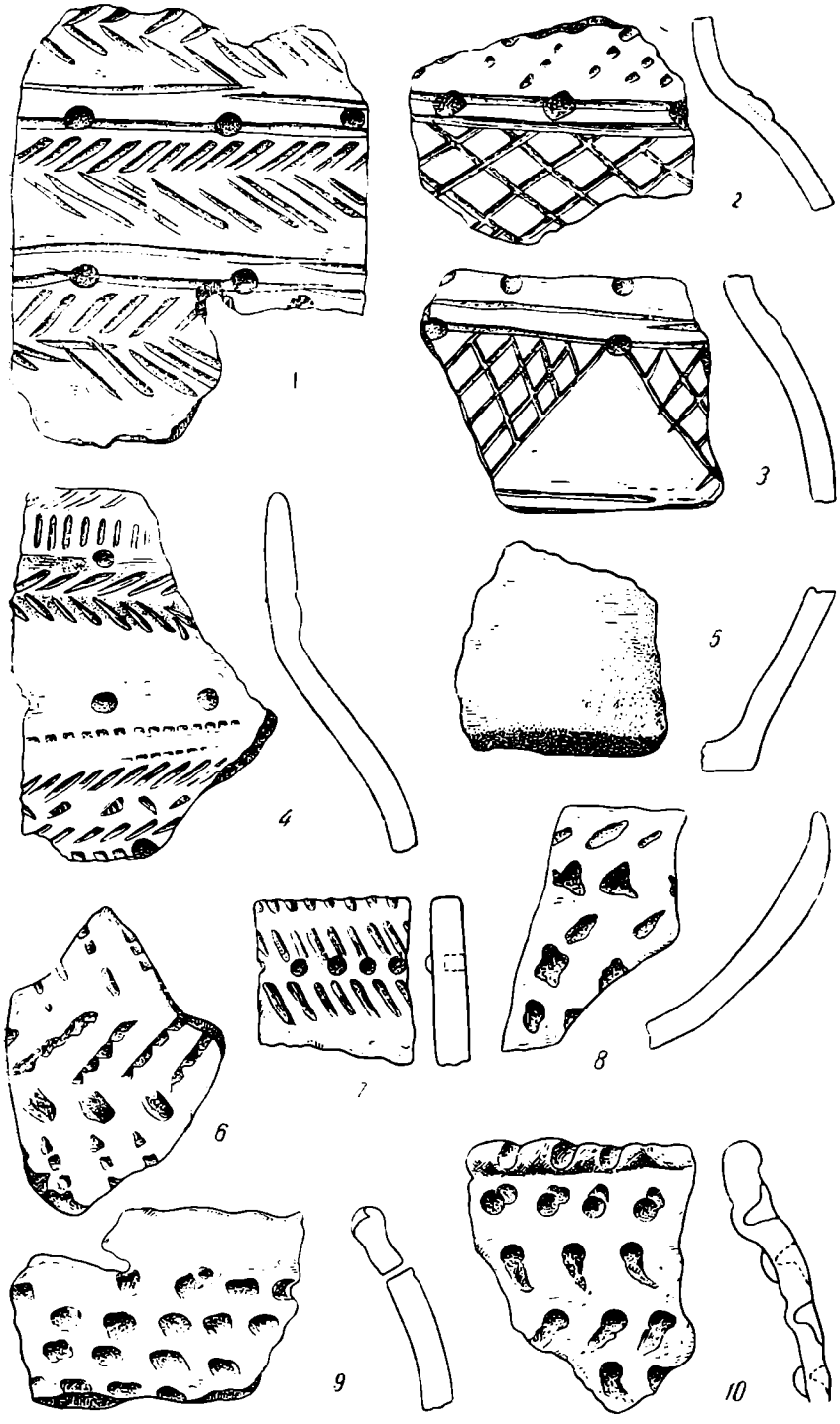


Рис. 36. Фрагменты керамики из городища Красноозерского

На восточном конце гряды, на невысоком мыске, образованном озерами Красным и Ржавцем, находится городище размером 20 × 25 м; защищено оно рвом глубиной до 1.5 м. Городище занято современным кладбищем, так что о характере его поверхности судить невозможно. На одном из склонов мыса вырыта яма, зачистка стенок которой дала возможность собрать керамику.

Красноозерская курганная группа в наших сборах представлена обломками крупных толстостенных сосудов, нередко довольно хорошо обожженных. Если не все, то, по крайней мере, частично сосуды имеют типично андроновский профиль. Они плоскодонны, с прямой или слегка отогнутой шейкой, плавно переходящей в тулово. Орнаментирована большая часть поверхности, но орнамент резко отличается от андроновского. Преобладающим мотивом является, видимо, горизонтальная елочка, нанесенная плоской лопаточкой, полосы которой перемежаются с горизонтальными линиями и ямками. Встречается также крупнозубчатая гребенка и штамп в виде андреевского креста.

Вместе с тем нередки крупная ромбическая решетка, треугольники заштрихованные и заполненные ромбами и параллельными канелюрами на перегибе от шейки к плечикам. Последние мотивы имеют, несомненно, карасукский характер. Указанные андроновские и карасукские элементы, несомненно, пережиточного порядка, однако они не позволяют датировать Красноозерское городище слишком поздними этапами, и скорее всего его следует отнести к раннему железу.

Проделанная в 1945 г. работа дает возможность наметить для дальнейшего исследования некоторые вопросы. Основной из них — это вопрос о заселении территории по Иртышу в районе Барабинской и Ишимской степей. Несмотря на обилие находок четвертичной фауны, предположить наличие памятников, относящихся не только к палеолиту, но и к неолиту, почти невозможно из-за отсутствия камня и, в частности, кремня на указанной территории. В статьях по минералогии Зап. Сибири проф. П. Д. Драверт отмечает, что «кремень, совместно с некоторыми другими минералами и горными породами», служившими для поделок, находимых в стоянках в пределах быв. Омского, Тюкалинского и Тарского уездов, был привозным и «вывозился главным образом из Киргизской степи». [1] Предполагать развитие местных неолитических культур на привозном материале очень трудно. Остается допустить, что заселение территории Омской обл. происходило не ранее конца неолита, а скорее всего уже в эпоху бронзы и шло с юга, чем и объясняется присутствие такого количества андроновских и карасукских элементов в местных культурах.

---

[1] П. Драверт. К минералогии кайнозойских отложений Обь-Иртышского бассейна. Изв. Зап.-сиб. РГО, 1925—1926 гг., т. V, Омск, 1926, стр. 134; его же. К минералогии осадочных отложений Западно-сибирской низменности. Тр. Сиб. ин-та сел. хоз-ва и лесоводства, Омск, 1929—1930, т. XIII, вып. 1—2.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА
Вып. XVII 1947 год

О. А. КРИВЦОВА-ГРАКОВА

АБАШЕВСКИЙ МОГИЛЬНИК

(Раскопки 1945 г.)

В 1945 г. были возобновлены раскопки Абашевского могильника в Чебоксарском р-не Чувашской АССР, впервые исследованного В. Ф. Смолиным в 1925 г.[1] Два кургана, выбранные для раскопок (по нумерации В. Ф. Смолина № 3 и 9),[2] представляли собой относительно невысокие насыпи с сильно пологими полами. Обе насыпи запахивались в течение многих лет, что привело к значительному изменению их первоначальных очертаний. В настоящее время высота первого из них 1.15 м, при диаметре в 20 м; высота второго — 1.70 м, при диаметре около 38 м. Каждый из этих курганов сливался с сильно распаханными и едва заметными насыпями, может быть, присыпанными к ним с северной стороны. Та из этих насыпей, которая находилась около кургана № 9, была В. Ф. Смолиным нанесена на план как самостоятельный курган № 7. Другая, расположенная возле кургана № 3, вовсе не была им отмечена. Исследования курганов № 3 и 9, насыпи которых были сняты полностью, показали, что они оба были насыпаны в один прием, никаких присыпок в их разрезах не было замечено. В самых насыпях попадались только редкие угольки.

По снятии насыпей в кургане № 3 было найдено два грунтовых погребения, в кургане № 9 — 15 погребений. Все погребения были совершены до насыпки курганов, о чем прежде всего свидетельствуют выкиды земли, лежавшие на горизонте и обнаруженные возле каждой могильной ямы. Большинство этих выкидов расплющены, как бы растоптаны, что свидетельствует об их продолжительном пребывании на поверхности земли.

Интересны разнородные выкиды обоих погребений кургана № 3. Около центрального погребения взрослого человека (женское погребение № 1) лежали две кучи глины, частично перемешанной с землей, выброшенной из могилы, полностью сохранившие свои первоначальные очертания, комковатую неровность поверхности и гребни. Ясно, что в таком ненарушенном виде выкид мог сохраниться только в случае немедленной засыпки его землей насыпи. Очевидно, что курган был насыпан для центрального погребения и лишь своей полой покрыл другое детское погребение № 2, расположенное от первого к северо-западу.

Изучение выкида этого погребения приводит к заключению, что оно было совершено раньше центрального и долгое время оставалось на поверхности земли, не покрытым курганной насыпью. Выкид был сильно

[1] В. Ф. Смолин. Абашевский могильник в Чувашской республике. Тр. Об-ва изучения Чувашского края, 1924, т. I, вып. 1.
[2] Там же, стр. 39, рис. 2.

утрамбован, как бы сглажен или затоптан. Он имел аккуратно заровненные края и почти геометрически правильные очертания (рис. 37); вероятно, его неоднократно подправляли. Часть глины из этого выкида пошла на засыпку перекрытия могилы, которое со временем опустилось, о чем свидетельствует провисший слой глины. Возможно, что и другие могильные

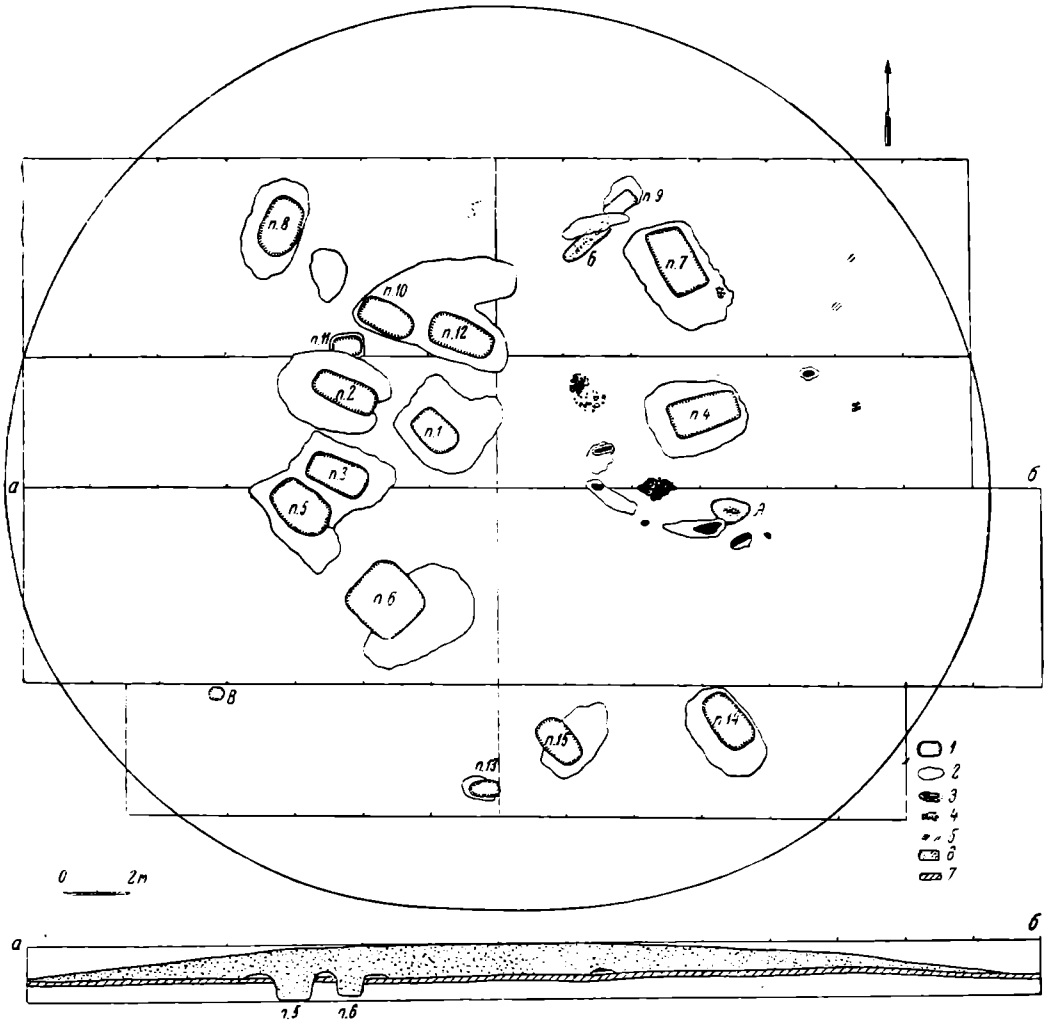


Рис. 37. План и профиль кургана № 9. Абашево

1—ямы; *2* — глина; *3* — угли; *4* — черепки; *5* — кости животных; *6* — насыпь; *7* — растительный слой

ямы исследованных курганов тоже были заложены какими-то перекрытиями и только с течением времени заполнились землей, проникшей в них из курганной насыпи. В кургане № 9 большинство выкидов было примято и уплощено, некоторые же сохранили почти ненарушенные очертания.

Эти наблюдения приводят к заключению, что отдельные группы могил более или менее продолжительное время оставались без насыпей и представляли собой обыкновенный грунтовой могильник, вероятно, аналогичный фатьяновским могильникам. Лишь по прошествии известного времени производилась насыпка курганов, причем в первом случае насыпью было покрыто два, а во втором —15 погребений. Чем стимулировалась эта насыпка и по какой причине на данном участке были прекращены захоронения покойников, при существующих данных решить невозможно.

О том, что отдельные небольшие участки кладбища могли некоторое время оставаться открытыми, свидетельствуют и следы тризны или неоднократно повторявшихся поминок, найденные на уровне горизонта и хорошо сохранившиеся под курганными насыпями. В кургане № 3 они были обнаружены в трех местах: под северо-западной полой в виде двух кучек угля, под восточной полой, где уголь лежал в неглубокой ямке, недалеко от костей овцы, и под южной полой кургана. Здесь находки представляли собой массивную гряду угля простирающуюся с севера на юг. В южной ее части была насыпана овальная возвышенность из глины, может быть жертвенник, с углублением на верхней плоскости. На дне этого углубления лежал густой углистый слой.

Рис. 38. Сосуды из кургана № 9. Абашево

Еще разнообразнее и многочисленнее остатки поминок или жертвоприношений, обнаруженные на древней поверхности под курганом № 9 (рис. 37). Они состояли из отдельных небольших групп находок, представлявших собой или ямы, заполненные углистой землею, или кучи угля, по большей части лежавшие на возвышениях из глины, обычно бесформенных, но иногда довольно правильных овальных очертаний. Среди них отдельными группами были найдены черепки больших толстостенных горшков, значительно превышающих размерами могильные сосудики. Тут же лежали кости домашних животных. Стратиграфически определяется, что все эти находки относятся не к одному ритуальному процессу, а к многократно повторявшимся тризнам или поминкам, связанным, быть может, с отдельными захоронениями или определенными поминальными днями.

Все 17 могильных ям имели в плане форму, приближающуюся к прямоугольной, реже — к овальной. В большинстве случаев стенки были почти отвесны или слегка наклонны, а дно плоско. Исключением является яма детского погребения № 2 из кургана № 3, которая имела со всех сторон более или менее углубленные подбои. Положение покойников было прослежено не во всех случаях. Из них некоторые, особенно в погребении № 2 из кургана № 3 и в погребениях № 1 и 5 из кургана № 9, были или сильно потревожены, или совершенно уничтожены грызунами. В других же могилах, особенно детских, кости истлели полностью или почти полностью (курган № 9, погребения № 7, 9, 11, 12, 13 и 14). Общая сохранность костей очень низкая. От черепов в большинстве случаев сохранились

лишь незначительные фрагменты. Удалось извлечь только один относительно сохранившийся мужской череп из погребения № 2 кургана № 9, в настоящее время восстановленный М. М. Герасимовым.

Все покойники лежали в скорченном положении на спине и были ориентированы преимущественно на ЮВ. Более подробные данные об их ориентировке, о наличии в могилах керамики и о размерах могильных ям даны в прилагаемой таблице. У пяти покойников (курган № 3, погребение № 1; курган № 9, погребение № 2, вероятно, № 4, 8 и 15) руки были согнуты в локтях так, что кисти рук лежали на тазу или на пояснице.

Никаких подстилок или следов кошмы в абашевских могилах замечено не было. Три раза (курган № 9, погребения № 2, 6 и 8) был прослежен обычай засыпки покойников слоем песка, перемешанного с глиной, который достигал 20—25 см толщины. В двух могилах на покойниках лежали кучки угля. В первом случае (к. 9, п. 4) его было довольно много насыпано на коленях и голени покойника, а также на сосуде, стоявшем тут же в ногах. Уголь был рассыпан и около головы покойника. Во втором случае (к. 9, п. 8) куча угольков лежала у ступней ног покойника. Один раз уголь был рассыпан по гребню выкида могилы № 7. Вероятно, следствием того же погребального обряда является жаровня, поставленная на колени покойницы в погребении № 1 кургана № 3. Эта жаровня представляла собой деревянный прямоугольный ящик (дерево сохранилось в виде небольших фрагментов и тлена), заполненный землей, перемешанной с песком. В середине жаровни было сделано округлое углубление, достигавшее почти ее дна. На дне углубления лежали сильно обугленные кости животных, а над ними прокаленный песок. Два обломка крупных трубчатых костей лежали на краю жаровни.

Во всех могилах было положено по одному покойнику. Только в кургане № 9, в большой почти квадратной могиле № 6, было обнаружено два погребения. У одного из покойников, лежавшего в восточной части могилы, при относительно хорошей сохранности костей полностью отсутствовала голова; не сохранились также и коронки зубов, обычно находимые на месте истлевших черепов. В правом боку покойника между ребрами лежал наконечник стрелы. От другого покойника в западной части могилы были найдены только кости ног без ступней. Никаких признаков других костей на дне могильной ямы не было обнаружено.

В большинстве случаев при покойниках стояли небольшие сосудики — остроребериые, колоколообразные и один чашеобразный (рис. 38). Все они, кроме круглодонного чашеобразного (к. 9, п. 4), были покрыты орнаментом. Из горшков особое внимание обращают на себя два, орнамент и отчасти форма которых напоминают керамику фатьяновских могильников, особенно — Балановского. Первый из них (к. 9, п. 13), диаметром 7.5 см, высотой 5 см со сведенным на конус, слегка уплощенным дном, по профилю приближается к остроребериым абашевским сосудам, хотя ребро его выражено не так отчетливо, как на других горшках подобного типа. От его слегка отогнутой шейки спускается узор в виде трех лопастей, одна из которых состоит из двух, вторая из трех и третья из четырех вертикальных полос с горизонтальной заштриховкой. На конце каждая полоса украшена короткой бахромкой. Как известно, лопастные узоры широко применялись при орнаментации фатьяновской посуды. Еще большее сходство с нею наблюдается в орнаменте, заполняющем пространства между лопастями. Это — обычный елочный орнамент, а под ним двойной ряд зигзагов, нанесенных коротким незубчатым штампом. Другой сосудик (диаметр около 9.5 см, высота около 7 см) напоминает по форме предыдущий, хотя здесь боковое ребро отсутствует полностью. Как по

форме, так и по шашечному узору в особенности он близок посуде позднефатьяновской культуры.

Как в курганах абашевского кладбища, исследованных В. Ф. Смолиным, так и в курганах № 3 и 9 в 1945 г., преимущественно в женских погребениях, были обнаружены серебряные и разнообразные бронзовые украшения. Серебряные сводятся к двум спиральным височным кольцам, же-

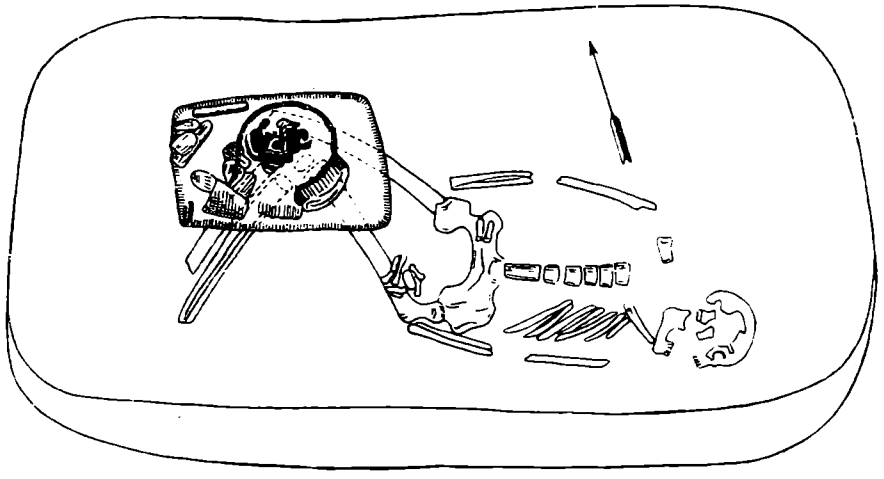


Рис. 39. Погребение № 1 кургана № 9. Абашево

лобчатым в поперечном разрезе, которые в двух могилах лежали на черепе и в области черепа (к. 3, п. 1 и к. 9, п. 12). К бронзовым украшениям относятся перстни, из которых два (к. 3, п. 1) согнуты из тонкой проволоки в один оборот, три согнуты из более толстой проволоки, круглой в сечении, в четыре и пять оборотов (к. 9, п. 6 — один перстень, к. 9, п. 15 — два перстня). В четырех могилах были найдены браслеты с незамкнутыми концами; из них два из толстой проволоки, круглой в сечении (к. 9, п. 8—15), один — такой же, но овальный в сечении (к. 9, п. 1), и один трехгранный в сечении с рядом насечек по внешнему ребру. На некоторых черепах женских погребений (к. 9, п. 8, 10, 15) лежали пронизи в виде трубочек из тонкой проволоки, свитой в спираль, а на погребении № 15, кроме того, лежала пронизь в виде трубочки, согнутой из бронзовой пластинки. На темени костяков из № 8 и 15 (курган № 9) были найдены две совершенно одинаковые круглые литые бляхи в виде цветков с лепестками и двумя дырочками на одном из лепестков, служившими для нашивки этих блях. Очевидно, и пронизи и эти круглые бляхи украшали собой шапочки или головные повязки.

Все описанные типы украшений (рис. 40) уже известны из раскопок В. Ф. Смолина. Новым типом является шейное украшение из погребения № 8, представляющее собой очкообразную привеску с закрученными в спирали концами. Она лежала несколько ниже черепа на груди покойницы. Оба конца шнурка, на котором висело это украшение, были продеты в трубочку из согнутой в спираль проволоки, о чем можно судить по ее положению около петли привески. В погребении № 12 тоже могло быть такое же украшение, на что указывает найденный там обломок в виде кружочка из согнутой в спираль проволоки. Кроме украшений, в погребении № 15 в маленьком горшочке, поставленном в ногах, лежало четырехгранное шило.

В погребении № 3 кургана № 9 (рис. 39) вдоль черепа с левой стороны был положен костяной предмет, назначение которого неясно. Он представлял

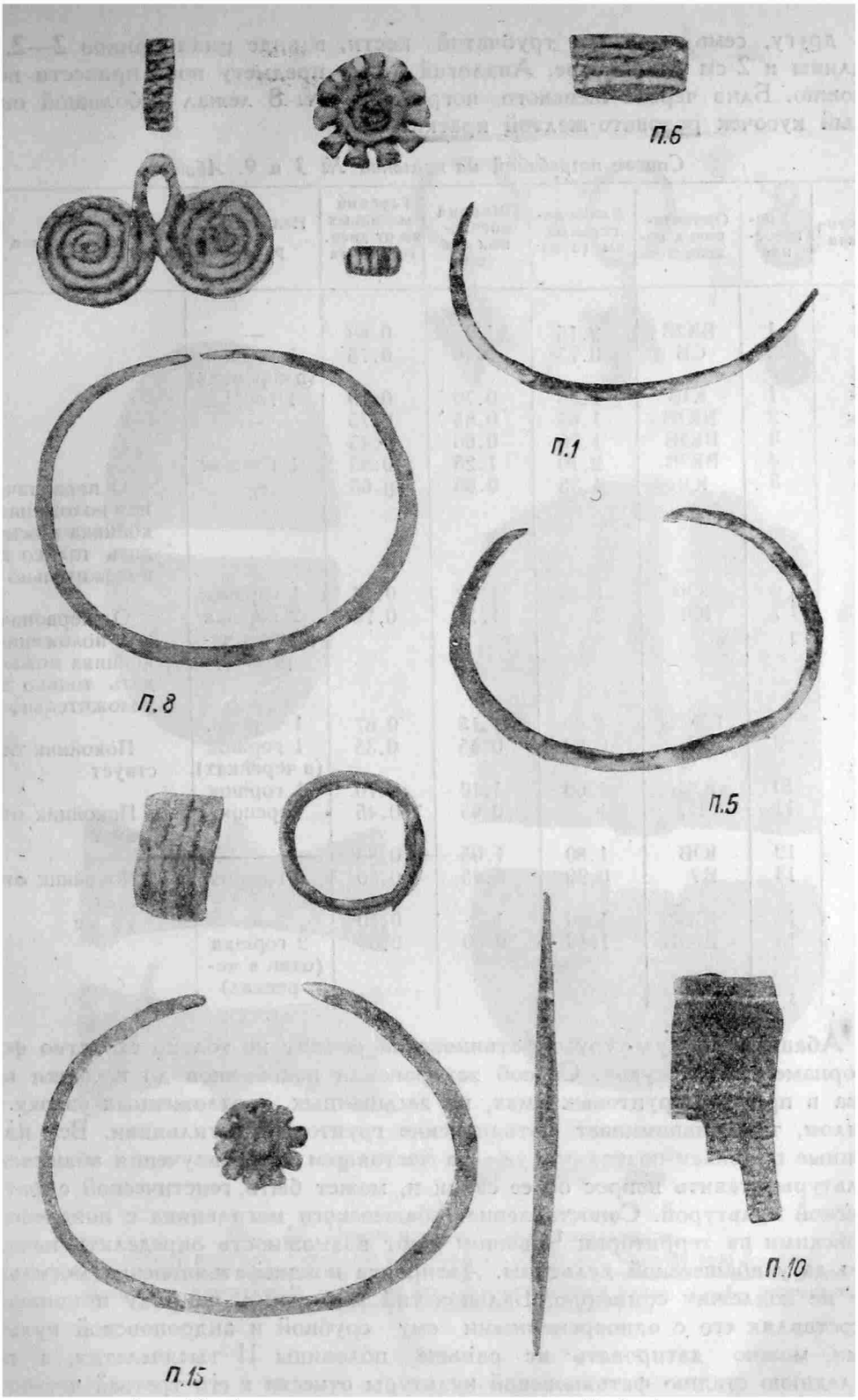


Рис. 40. Бронзовые украшения из кургана № 9. Абашево

собой пластинку, вырезанную из трубчатой кости с закругленными концами. Выпуклой стороной пластинка была повернута вниз, вогнутой — вверх. На жолобе этой пластинки лежали в ряд, плотно примыкая отверстиями друг

к другу, семь отрезков трубчатой кости, в виде цилиндриков 2—2.5 см длины и 2 см в диаметре. Аналогий этому предмету пока привести невозможно. Близ черепа женского погребения № 8 лежал небольшой округлый кусочек розовато-желтой краски.

Список погребений из курганов № 3 и 9. Абашево

№ кургана	№ погребения	Ориентировка покойников	Длина могильных ям (в м)	Ширина могильных ям (в м)	Глубина могильных ям от древ. горизонта (в м)	Наличие керамики	Примечания
»	1	ВЮВ	2.15	1.15	0.68	—	
	2	СВ	0.75	0.40	0.75	1 горшок (в черепках)	
3							
9	1	ЮВ	1.35	0.70	0.70	1 горшок	
»	2	ВЮВ	1.65	0.85	0.75	—	
»	3	ВЮВ	1.70	0.66	0.45	—	
»	4	ВЮВ	2.10	1.25	0.85	1 горшок	
»	5	ЮВ	1.35	0.65	0.65	—	О первоначальном положении покойника можно судить только предположительно
»	6	ЮВ	1.40	1.52	0.75	1 горшок	
»	7	ЮВ	2	1.17	0.75	2 горшка (один в черепках)	О первоначальном положении покойника можно судить только предположительно
»	8	ЮЮВ	1.85	1.15	0.67	1 горшок	
»	9	СВ?	0.80	0.45	0.35	1 горшок (в черепках)	Покойник отсутствует
»	10	ЮВ	1.60	1.10	0.70	1 горшок	
»	11	В?	1	0.65	0.45	Черепок	Покойник отсутствует
»	12	ЮВ	1.80	1.05	0.80	—	
»	13	В?	0.90	0.45	0.30	1 горшок	Покойник отсутствует
»	14	ЮВ?	1.80	1	0.70	—	То же
»	15	ВЮВ	1.40	0.90	0.65	2 горшка (один в черепках)	

Абашевскую культуру с фатьяновской роднит не только сходство форм и орнаментики сосудов. Способ захоронения покойников до насыпки кургана в простых грунтовых ямах, не засыпанных, а заложенных сверху настилом, тоже напоминает фатьяновские грунтовые могильники. Все изложенные признаки позволяют уже на настоящем этапе изучения абашевской культуры ставить вопрос об ее связи и, может быть, генетической с фатьяновской культурой. Сопоставление Абашевского могильника с позднефатьяновскими на территории Чувашии дают возможность определить начальную дату абашевской культуры. Датировка позднефатьяновских могильников не подлежит сомнению. Балановский могильник, по ряду признаков [1] сопоставляя его с одновременными ему срубной и андроновской культурами, можно датировать не раньше половины II тысячелетия, а всю последнюю стадию фатьяновской культуры отнести к его третьей четверти. В таком случае можно предполагать, что возникновение абашевской культуры относится к началу четвертой четверти II тысячелетия до н. э.

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Хронология фатьяновской культуры. КСИИМК, 1947, вып. XVI.

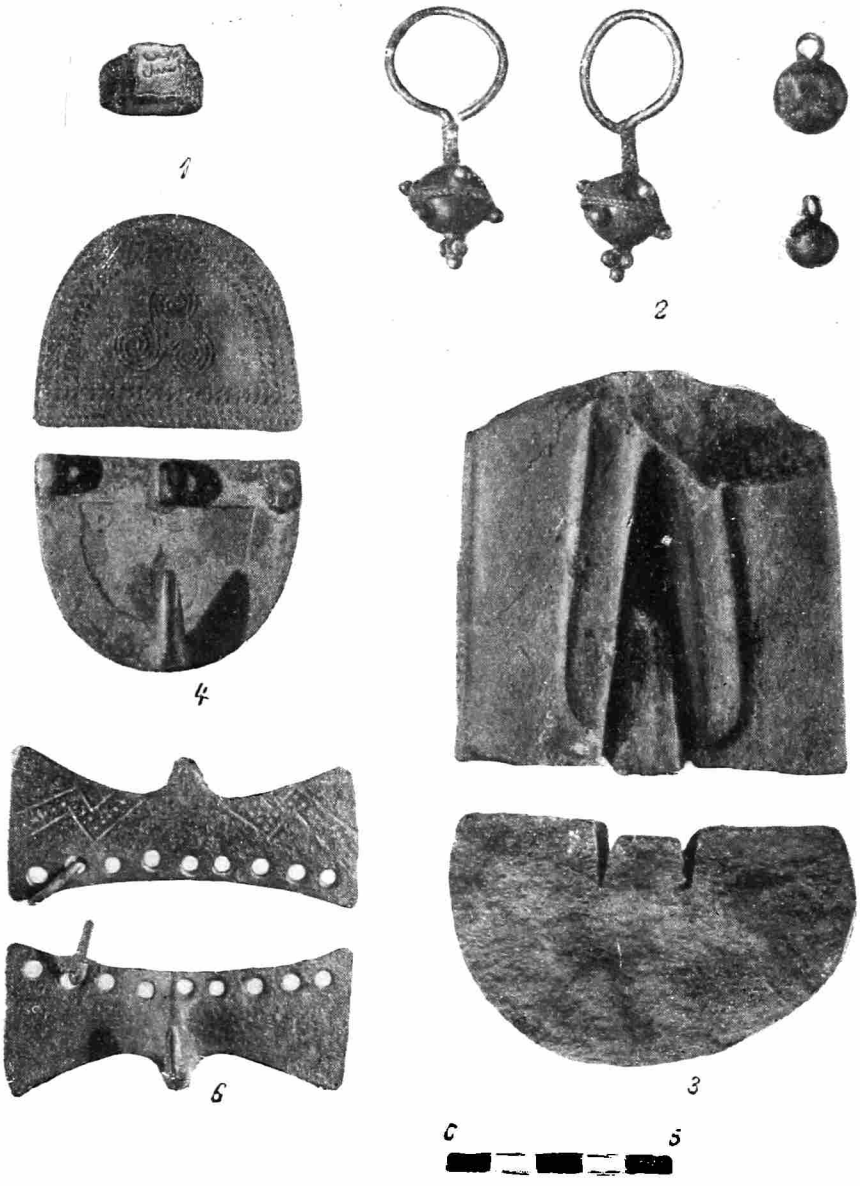


Рис. 42. Инвентарь дигорских могильников

1 — медный перстень с арабской надписью из склепа в с. Стур-Дигора; *2* — серебряные серьги и пуговицы из погребения в с. Аксау; *3* — каменная литейная форма для отливки наконечника копья из могильника Верхняя Рутха; *4 — 5* — бронзовые поясные пряжки из могильника Верхняя Рутха

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XVII КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1947 год

Е. И. КРУПНОВ

СЕВЕРОКАВКАЗСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Северокавказская археологическая экспедиция 1940 г. была организована ИИМК АН СССР и Гос. историческим музеем и осуществлена при участии Североосетинского научно-исследовательского ин-та, Североосетинского музея краеведения и Антирелигиозного музея б. гор. Владикавказа (ныне гор. Дзауджикау).[1]

Работы в продолжение 1½ мес. (с 10.VIII по 25.IX 1940 г.) были проведены на территории Грозненской обл. и Северо-Осетинской АССР.

Основными задачами экспедиции являлись: по Грозненской обл.— продолжение исследования целого комплекса памятников материальной культуры вблизи станицы Нестеровской, начатого еще в предыдущие годы; по Северо-Осетинской АССР — детальное археологическое обследование Стур-Дигорского ущелья в Махческом районе республики.

Исключительно богатая памятниками древности Дигория, являющаяся одним из основных древних культурных очагов Северного Кавказа, до последнего времени оставалась все же не полностью изученной. Хранящиеся в музеях СССР ценнейшие коллекции археологических материалов были получены с памятников, расположенных по Уаллакомскому ущелью (ущелье рек Сонгути-Дона и частично Уруха). Как известно, это ущелье было прославлено в археологических кругах богатейшим содержанием таких могильников, как «Фаскау», и другими галиатскими, камунтскими и кумбултскими погребальными полями.

Верхнее же течение Уруха, собственно Стур-Дигорское ущелье, оставалось археологически почти неизвестным (рис. 41, *1*). Придавая же огромное научное значение всему Дигорскому комплексу древностей (древнейшему в Северной Осетии), некоторые археологи без достаточных оснований склонны были и Стур-Дигорское ущелье полагать заселенным в очень отдаленную эпоху (эпоха бронзы).

Детально обследовать Стур-Дигорское ущелье и дать ему археологическую характеристику — такую задачу, применительно к Северной Осетии, и поставила перед собой Северокавказская экспедиция 1940 г. Проведенным обследованием было установлено, что Стур-Дигорское ущелье было заселено много позднее, чем соседнее Уаллакомское; причем было выявлено, что заселение ущелья осуществлялось с востока на запад, вверх по течению

[1] Состав экспедиции: ст. научный сотр. ГИМ и ИИМК Е. И. Крупнов (руководитель экспедиции), директор Североосетинского музея краеведения — А. Г. Хамицаев, научные сотр.— Н. В. Трубникова, О. В. Милорадович и фотограф — И. Ф. Мутовин. Кроме того, в экспедиции приняли участие студентки Историко-архивного ин-та НКВД, а также учащиеся 10-го класса грозненской средней школы.

р. Уруха. В ряде мест (от урочища «Мацута» до истоков р. Уруха) были произведены раскопки. Данные раскопок и послужили главным основанием для заключения о времени и характере заселения Стур-Дигорского ущелья.

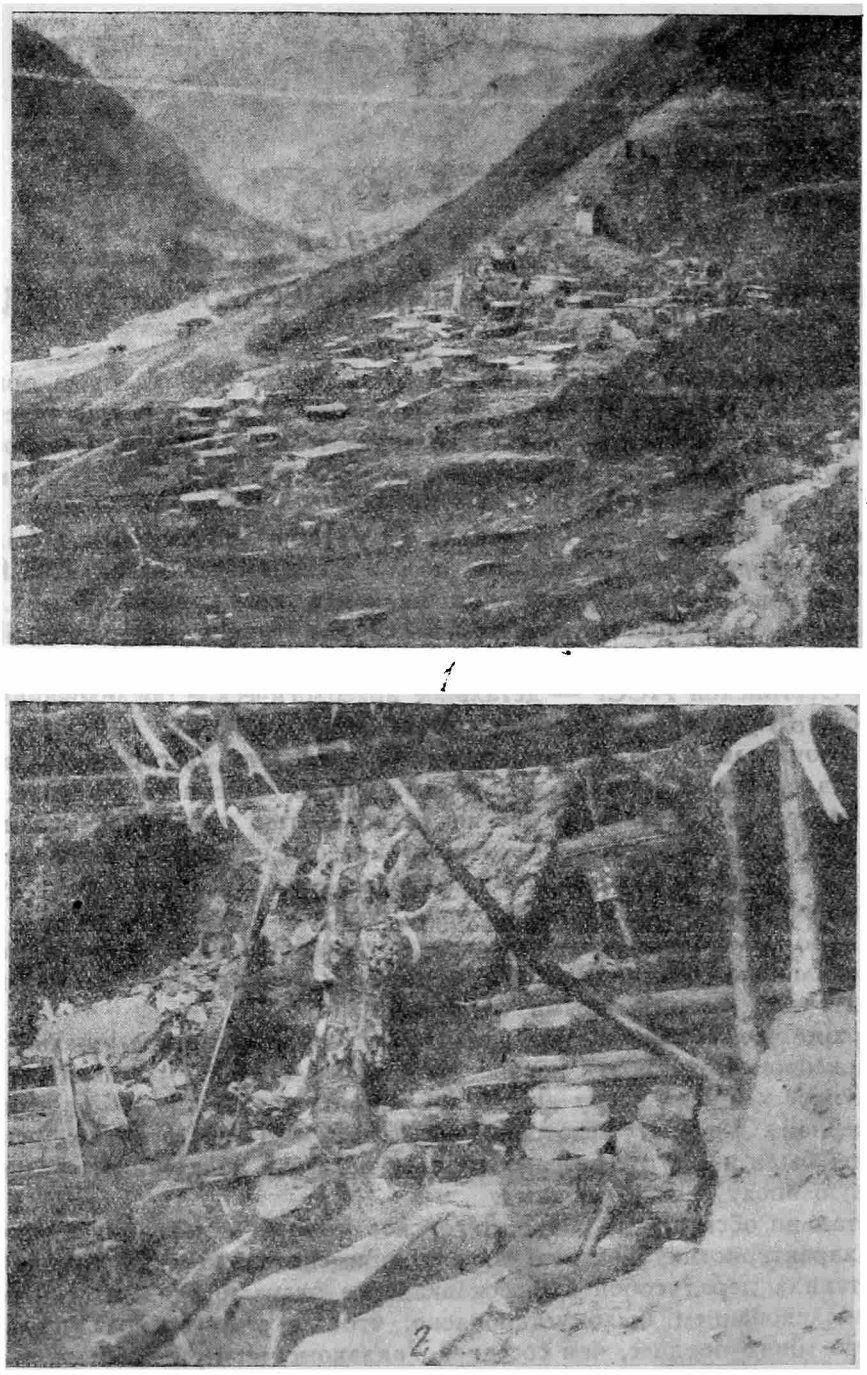


Рис. 41. *1* — Стур-Дигорское ущелье, сел. Куссу; *2* — пещерное святилище Морги-Лагат, близ с. Задалеска (Дигория)

Древнейшим памятником, расположенным у входа в ущелье, является известный могильник Верхняя Рутха, близ с. Кумбулта. Он связывается с основным комплексом дигорских памятников, во главе с галиатским мо-

гильником Фаскау (в русском переводе — «Край села»). На могильнике Верхняя Рутха было воскрыто несколько комплексов вещей, составляющих могильные инвентари кобанской культуры и относящихся к разным стадиям ее развития (рис. 42, *4*, *5*).

Из многочисленных находок, сделанных на могильнике и являющихся остатками ранее хищнически вскрытых погребений, исключительно интересными оказались три предмета: обломок половины каменной литейной формы для отливки наконечника копья (рис. 42, *3*) и два железных топора типа «б» и «г» по Уваровской классификации кобанских топоров (один обломан) (рис. 43, *1*, *2*).

В самой же Стур-Дигории наиболее древний материал был добыт на могильнике в сел. Аксау. Погребенные лежали в деревянных гробах. При женщинах найдены: серебряные и золотые серьги и височные привески, бронзовые кольца и перстни, стеклянные бусы, серебряные пуговицы и другие украшения (рис. 42, *2*). Мужской инвентарь составляли остатки поясов, ножи, пряжки, бляшки поясного набора и пр. Один железный нож был украшен золотой инкрустацией.

Обнаруженные серебряные украшения свидетельствуют о довольно высоком развитии ювелирного ремесла. Подобные украшения были широко распространены на Северном Кавказе в эпоху XII—XIV вв.

Далее, у сел Дзинага и Ногкау в каменных ящиках был встречен еще более поздний материал. Наконец, в сел. Стур-Дигора на обширных кладбищах открыты могилы-склепы XVII—XVIII вв. В одном склепе при погребенном найден медный массивный перстень с арабской надписью: «Асад» или «Асал» (имя) и «Лимv» или «Льмук» (прозвище) [1] (рис. 42, *1*). Эта находка позволяет определять время распространения мусульманства в высокогорных районах Северной Осетии.

Немногочисленные надземные сооружения Стур-Дигорского ущелья (башни, склепы) не отличаются архаичностью и являются производными от типов этих сооружений, богато представленных в соседнем ущелье.

Любопытно, что напрашивающемуся выводу о следах столь поздней колонизационной волны предков осетин в Стур-Дигорском ущелье (не ранее XI—XII вв.) не противоречит и местный фольклорный материал, связанный с изучаемыми памятниками.

Необычное же для других районов Дигории отсутствие здесь случайного подъемного материала с более древних памятников еще более подкрепляет вывод о позднем заселении Стур-Дигорского ущелья. Главными причинами планомерного заселения высокогорных (лесистых в древности) районов, каким было это ущелье, очевидно, являлись: развитие скотоводства и перенаселенность основного Дигорского ущелья (Уаллакомского). Изобилие разновременных памятников материальной культуры, особенно эпохи позднего средневековья, наблюдаемых в этом ущелье, свидетельствует о значительном населении, постепенно осваивающем новые пастбищные земли в соседних ущельях.

Экспедицией 1940 г. были также обследованы все культовые места изучаемого района (священные деревья, святилища «дзуары»). Этот материал имеет большое значение для историков-первобытников как помогающий правильно осмысливать религиозные представления древних племен Кавказа, известных нам по археологическим данным.

Самым замечательным из этой серии объектов является пещерное святилище близ сел. Задалеска, известное в местных кругах под названием

---

[1] По определению сотрудника ГИМ т. Булатова, надпись весьма позднего происхождения, возможно, даже начала XIX в.

«Олисай-дом» или «Морги-лагат» (рис. 41, 2). Содержимое пещеры (скопление рогов и черепов диких животных) представляет интерес не только для историков, но и для зоологов. Обследованием этой пещеры были закончены полевые исследования в Дигории.

В Грозненской обл. работы экспедиции были сконцентрированы у входа в Ассинское ущелье, в окрестностях станицы Нестеровской. Выбор этого ущелья для экспедиционных изысканий не случаен. Предыдущими археоло-

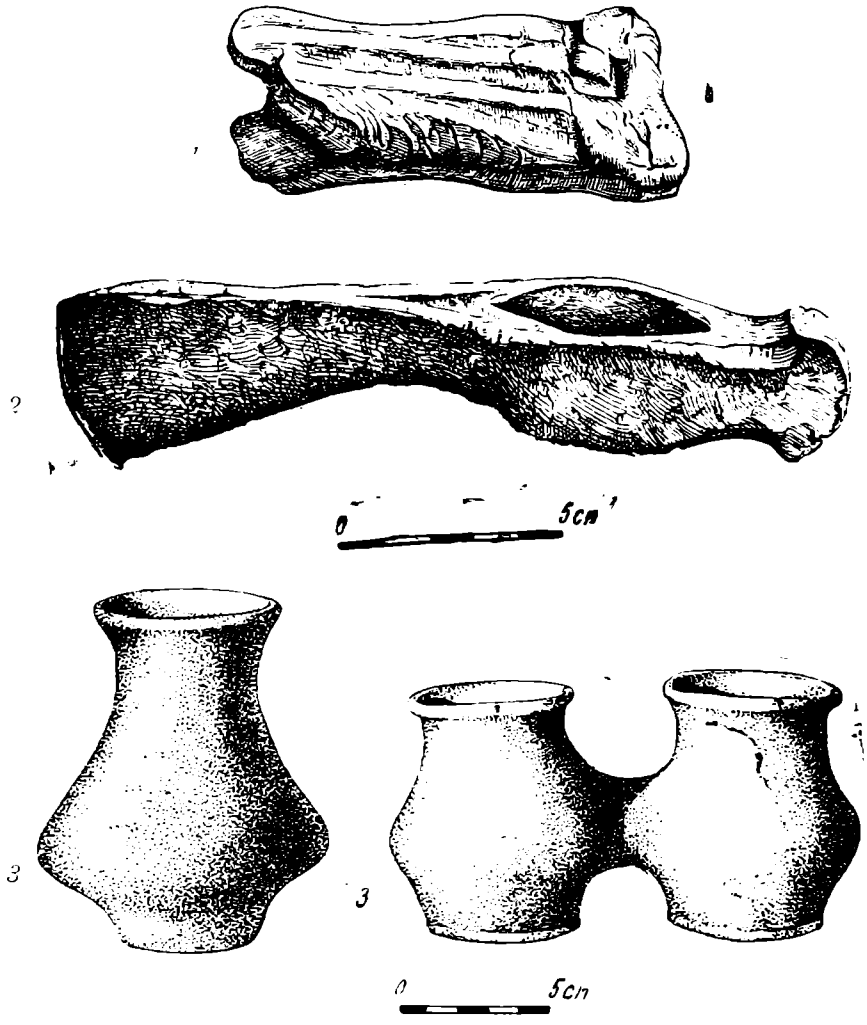


Рис. 43. Инвентарь дигорских могильников

1 — обломок железного топора кобанского типа из могильника Верхняя Рутха со скульптурным изображением животного; *2* — железный топор кобанского типа из могильника Верхняя Рутха; *3* — глиняные сосуды из Нестеровского могильника

гическими работами было установлено, что в Ассинском ущелье встречен крупнейший археологический комплекс. Здесь находятся памятники, научное значение которых очень велико. Это — Алхастинское поселение, Нестеровский могильник и другие памятники доскифского и скифского времени.

В 1940 г. на Нестеровском могильнике было вскрыто 15 погребений (всего вскрыто уже 40 погребений), некоторые из них были коллективными. Все погребенные лежали в сильно скорченном положении на правом,

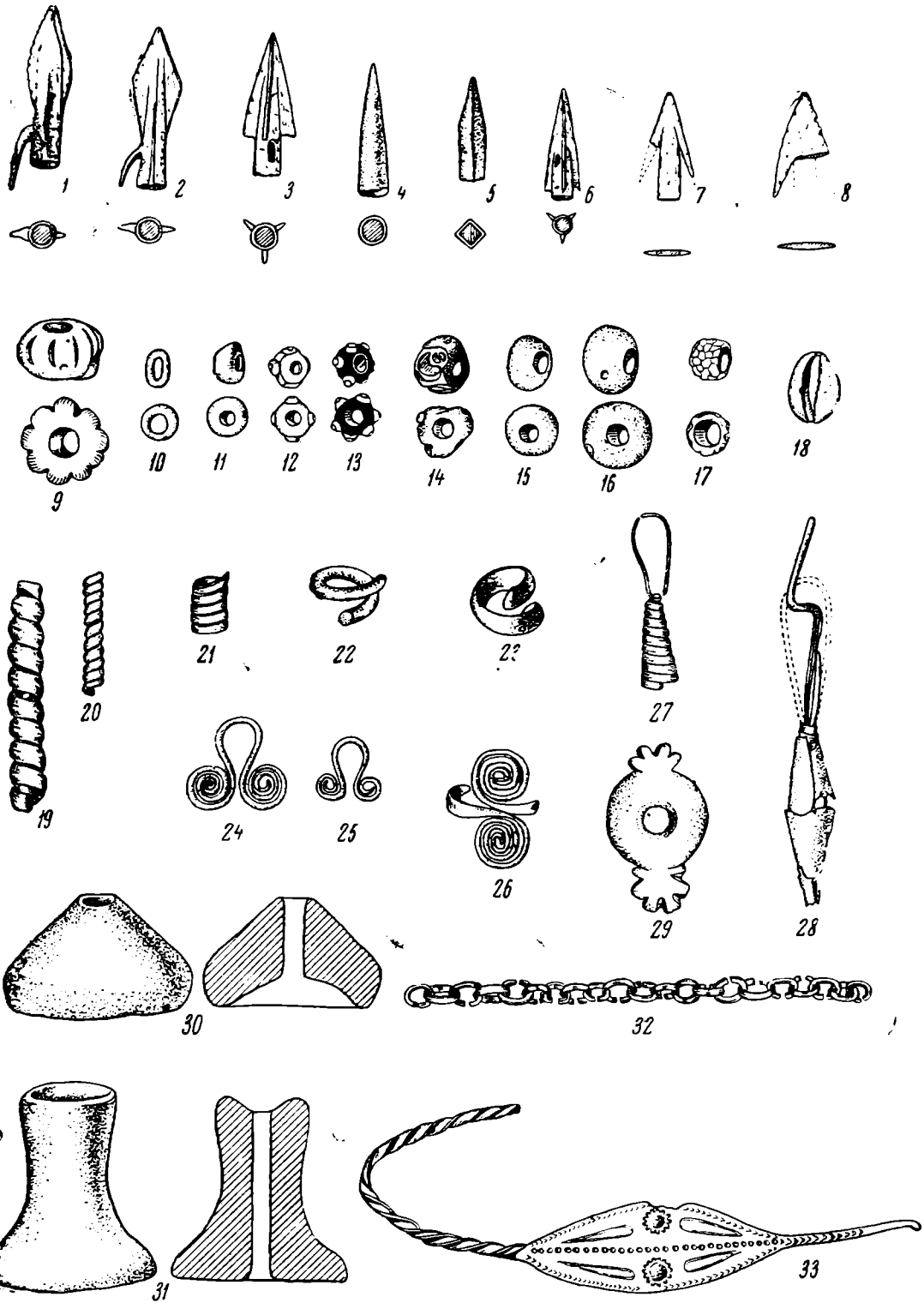


Рис. 44. Инвентарь Нестеровского могильника

1 — 8 — наконечники стрел (*1 — 3, 6* — бронзовые, *4 — 5* — костяные и *7 — 8* — железные); *9 — 17* — бусы; *18* — раковина каури; *19 — 28, 32* — бронзовые украшения; *29* — каменная подвеска; *30, 31* — глиняные прясла; *33* — бронзовая гривна

реже на левом боку. Многие были сверху завалены булыжником. Часть могил находилась под слоем булыжного камня, образующего курганную насыпь. Остальные находились прямо в грунте засыпанными землей.

При погребенных найдены домашняя утварь, оружие, украшения (рис. 43). Особенно интересной оказалась одна могила, содержащая останки старой женщины. Голову женщины украшали бронзовые привески и серьги, шею — стеклянные бусы и раковины «каури», родиной которых считается Индийский океан. На руках — браслеты и перстни, на платье — пуговицы и бронзовые цепочки.

Могильный инвентарь Нестеровского могильника имеет большое сходство с типами вещей местной горной, кобанской культуры сравнительно поздней стадии ее развития (привески, перстни, кольца). На связь с Кобанью указывают и некоторые черты погребального обряда. Это — скорченность погребенных и захоронение их в ямах, обложенных булыжником. Инвентарь повторяет типичнейшие образцы подлинно степной скифской культуры, культуры «номадов» (стрелы, копья, кинжалы, посуда) (рис. 44, *1*—*8*).

Наконец, среди всего инвентаря Нестеровского могильника выделилась одна небольшая группа предметов (витая шейная гривна, бронзовые спиральные серьги, биконические височные привески, пастовые цветные бусы и другие вещи), имеющая прямые и поразительно точные аналогии в материале из таврских каменных ящиков Байдарской долины Нагорного Крыма (рис. 44, *12, 13, 24, 25, 27, 28, 33*). Перечисленные аналогии определяют время существования могильника (VI—V вв. до н. э.).

Наблюдаемое смешение культурных элементов прослеживается и по другим памятникам центральной полосы Северного Кавказа (могильники у Кисловодска, Кескема, Пседахи, Моздока, Исти-Су и др.), но Нестеровский могильник из всей этой группы особенно выделяется выразительностью скифских черт и наличием элементов, указывающих на какую-то связь с таврской культурой горного Крыма.

Большой интерес представляет одно поселение, открытое экспедицией вблизи от Нестеровского могильника. Как показали раскопки, на этом поселении жили те древние обитатели района, которые хоронили своих умерших сородичей на Нестеровском могильнике. Сравнительно мощный культурный слой (около 0.60) был насыщен обломками керамических изделий (пряслиц, горшков, чарок, мисок, блюд) таких же, какие встречались в соседних могилах. На обнаруженном на поселении зольнике было встречено большое количество костей диких и домашних животных, куски глиняной обмазки и другие находки. Особо следует отметить найденные глиняные льячки для литья металла и куски железного шлака, обломки зернотерок, глиняных сит «цедилок», очевидно, для изготовления творога, и другие предметы.

Материал поселения также характеризуется чертами, типическими для памятников скифской культуры VI—IV вв. до н. э.

И в свете других данных выясняется, что этот период истории Северного Кавказа характеризуется заметным проникновением скифских элементов в предгорья и даже высокогорные районы Кавказа, которые в дальнейшем участвуют в материальном оформлении местной культуры конца I тысячелетия до н. э.

Выявление удельного веса этих элементов и их роли в формировании древних культур есть то новое, что дают археологические работы последних лет на Северном Кавказе. В этом и заключается научное значение памятников, исследуемых экспедицией 1940 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА
Вып. XVII 1947 год

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

РАСКОПКИ ПАНТИКАПЕЯ В 1945 г.

Обследования, произведенные в Керчи летом 1944 г.[1] с целью выяснения размера ущерба, причиненного немецкими оккупантами памятникам древнего Пантикапея, показали, что перед советскими археологами встает ряд неотложных задач. Так, новая планировка при восстановлении, разрушенной немцами Керчи вызвала в первую очередь необходимость уточнения границ заповедника по северному и южному склонам горы Митридат; кроме того, нужно было произвести на городище обследования траншей военного времени.

Для решения этих задач и для раскопок Пантикапея в 1945 г. ИИМК им. Н. Я. Марра АН СССР и Гос. музеем изобр. искусств им. А. С. Пушкина была организована специальная экспедиция.[2]

По плану работ экспедиции было намечено произвести исследование южного склона Долгой скалы, обследовать траншеи военного времени, которыми гора Митридат сильно изрезана на всем пространстве от Первого Кресла до Золотого Кургана и произвести раскопки восточной покатости Митридата и на северном склоне той же горы в районе Эспланадной улицы.

По проекту новой планировки Керчи, равнина, расстилающаяся у подошвы южного склона Долгой скалы, должна быть предназначена для района индивидуального жилищного строительства. Обследование этого урочища, произведенное с учетом топографических данных и наблюдений над почвенными отложениями в обрезах многочисленных воронок от взрывов, наглядно показало, что застройка может быть допущена (за исключением прилежащих к данной местности трех больших курганов). При этой застройке, как и при любой земляной работе в Керчи, необходим надлежащий археологический надзор.

---

[1] Материалы к I Всес. археол. совещанию. М., 1945, стр. 148 сл.

[2] Кроме того, в экспедиции принимали участие следующие научные учреждения и высшие учебные заведения, командировавшие своих сотрудников и студентов: Гл. упр. охраны памятников архитектуры при Комитете по делам архитектуры СНК СССР, МГУ, Керченский музей, Моск. архитектурный ин-т, Моск. гор. пед. ин-т.

Состав экспедиции: начальник — В. Д. Блаватский, его заместитель и начальник восточных раскопов — М. М. Кобылина; начальник западных раскопок — И. Б. Зеест; руководитель группы, обследовавшей траншеи военного времени — И. Д. Марченко; старшие на площадях: Т. В. Бороздина, М. Г. Воробьева, А. В. Давыдова, Б. А. Жеребцов, А. К. Коровина, Н. О. Онайко, Д. Б. Шелов; их ассистенты — И. Т. Кругликова, В. И. Мошинская, И. Я. Мерперт, А. П. Иванова, Е. М. Линде, Ю. Е. Чистяков. Архитектурные обмеры производили: И. Гнусина и М. Старченко, фотографическую съемку — В. Я. Михайлов, А. Горохова, Л. А. Мухина, топографические работы — Ф. В. Клименко.

Обследование траншей военного времени было произведено в 25 пунктах, расположенных между Первым Креслом Митридата и Долгой скалой, преимущественно над южным склоном горы. При зачистке стенок траншей в районе Первого Кресла обнаружены остатки богатых городских напластований римского времени. Далее на запад, ближе ко Второму Креслу и непосредственно за ним, городские остатки (того же времени) сначала становились менее мощными, затем они постепенно исчезли в районе между Вторым Креслом и Сахарной Головой. Этот район в древнее время был занят могильником, который простирался на запад на значительном протяжении.

Вверху северной покатости горы Митридат, на восток от Второго Кресла, при обследовании обреза стенок траншеи была вскрыта площадь значительно бо́льшая (24 м^2), чем в других пунктах. При этом работы были доведены в глубину до 3 м. В западной части раскопа, на глубине 0.70—1.70 м обнаружено скопление (скорее всего сброс) рваного камня, простиравшегося на 2.60 м в длину. Этот сброс должен быть датирован позднеримским временем (III—IV вв. н. э.). Архитектурные остатки, обнаруженные ниже на рассматриваемой площади, относятся к двум слоям. К первому верхнему слою, примерно III в. н. э., относится кладка (№ 3) из уложенного «елочкой» рваного камня, достигающая 3 м длины. Глубина подошвы этой кладки 1.80 м, а верхней части 1.10 м. На север от кладки № 3 обнаружена вымостка № 4 из рваного камня; на запад от той же кладки, на глубине 1.80—2 м, выявилась группа камней № 5, возможно, остатки разрушенной вымостки.

Ко второму слою, примерно I в. н. э., относятся остатки дома, погибшего от пожара. Кладка № 7 из рваного камня дошла до нас в сильно поврежденном виде; глубина подошвы ее 2.87 м, верхней части 2.34 м. К кладке примыкает глинобитный пол глубиной 2.73 м. Над полом залегал мощный слой пожарища — сажи, местами смешанной с золой и углем. Над этим слоем и частично в нем найдены большие фрагменты кровельной черепицы: соленов и желобчатых калиптеров. В их числе целый солен 0.56 м длиной и 0.33—0.40 м шириной.

В 2 м на восток от кладки № 7 траншея задела стену, сложенную из тщательно отделанных квадров. Эта стена, видимо, не была связана с кладкой № 7. Вверху южного склона горы Митридат, к востоку от Второго Кресла, на дне одного окопа был обнаружен большой пифос, от которого сохранилось несколько менее половины, остальное уничтожили немцы при земляных работах. Сохранность сосуда плохая, он был разбит на много кусков, а отдельные фрагменты его расслаивались на небольшие части. Как показывают семь свинцовых скреп, расположенных в ряд одна над другой, еще в древности в пифосе появилась большая трещина, и он был подвергнут ремонту.

Основные раскопочные работы экспедиция производила на восточном и северном склонах Митридата.

Раскопки верхней части покатости восточного склона Митридата велись в двух местах: 1) недалеко от развалин памятника Стемпковского, у самого подножья наружного обрамления монумента героям, павшим в боях за освобождение Крыма, и 2) над старым зданием музея. Эти раскопки затронули одну из главнейших частей Пантикапея — акрополь.

На первом участке в немецких траншеях были откопаны пять барабанов баз колонн ионийского ордера, высеченных из плотного известняка. Три из них представляют плинты (рис. 45), и два — торусы. Один торус разбит на несколько частей. Размеры барабанов довольно велики: диаметр плинтов 0.865 м при высоте 0.223, 0.227 и 0.228 м; диаметр торуса 0.83 м при вы-

соте 0.175 м. Раскопки на данном участке вскрыли площадь около 76 м² на глубину до 5.56 м.

Соблюдая требования техники безопасности, работу пришлось вести таким образом, чтобы стенки раскопа (имевшего вид открытого котлована) были не отвесными, а наклонными и шли уступами. Верхняя часть раскопанного культурного слоя (до глубины 0.76 м) относится к римскому вре-

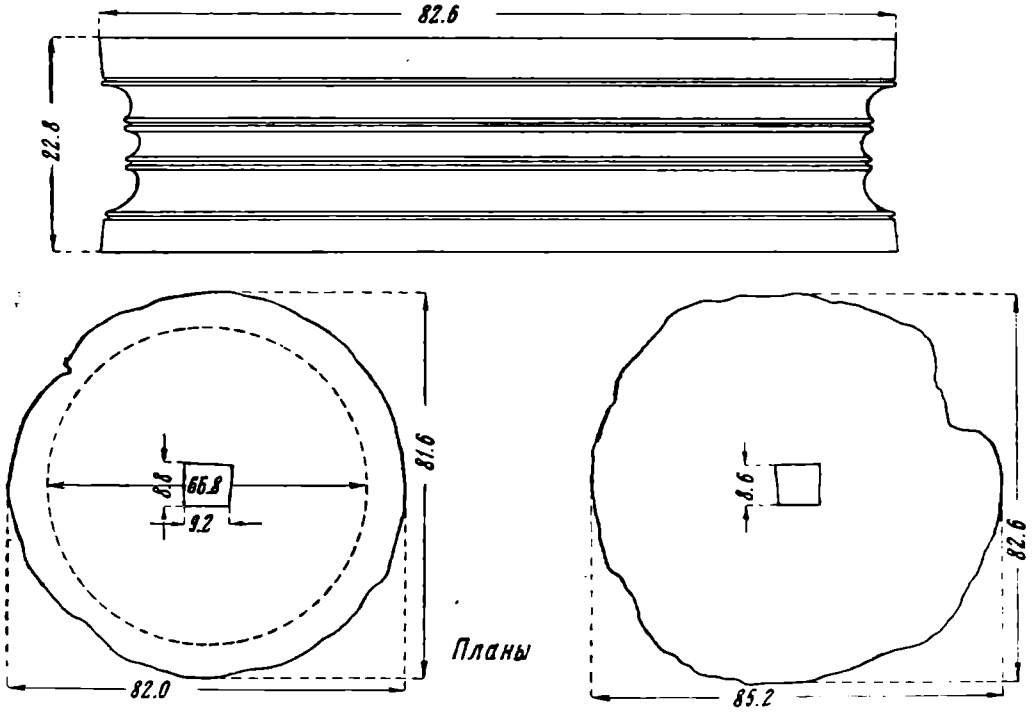


Рис. 45. Ионийский плинт

мени; она представляет осыпь с верхней площадки горы. Помимо находок римской эпохи, она заключала значительное количество фрагментов более раннего времени — эллинистических, классических и архаических до первой половины VI в. до н. э. включительно.

Ниже залегал мощный культурный слой позднеэллинистического времени (примерно I в. до н. э.), в котором обнаружено несколько слоев рваного камня, лежащего довольно ровными пластами.

№	Глубина (м)	Размер (м)
2	0.80—0.90	3.30×2.30
4	1.40—1.60	4×2.50
5	1.70—1.80	2.75×2
6	1.90	
7	2.05	

Ниже была обнаружена невысокая кладка (№ 9), сложенная из трех рядов каменных блоков. Глубина ее подошвы 3 м, верхней части 2.60 м. Кладка достигает 0.70 м в ширину; она тянется с востока на запад и была раскрыта на 2.60 м в длину. Кладка, по всей вероятности, представляет собой подпорную стену: к ней с внутренней стороны прилегает каменный бут. В числе камней кладки обнаружен большой блок — часть ионийского архитрава, расчлененного на три фасции и увенчанного профильком. Высота архитрава 0.683 м, наибольшая длина блока 0.77 м, ширина его 0.248 м.

Архитектурные фрагменты, найденные на раскопе у памятника Стемпковскому, имеют исключительное значение. Вполне допустимо предположение, что части баз колонн и архитрава относятся к одному и тому же возведенному в ионийском ордере монументальному зданию, возможно—храму. Это здание, вероятно, стояло где-то недалеко от того места, где были найдены его части. Здание перестало существовать уже в I в. до н. э., когда один из блоков архитрава был использован при строительстве подпорной стены. Ниже горизонта подошвы подпорной стены лежал культурный слой

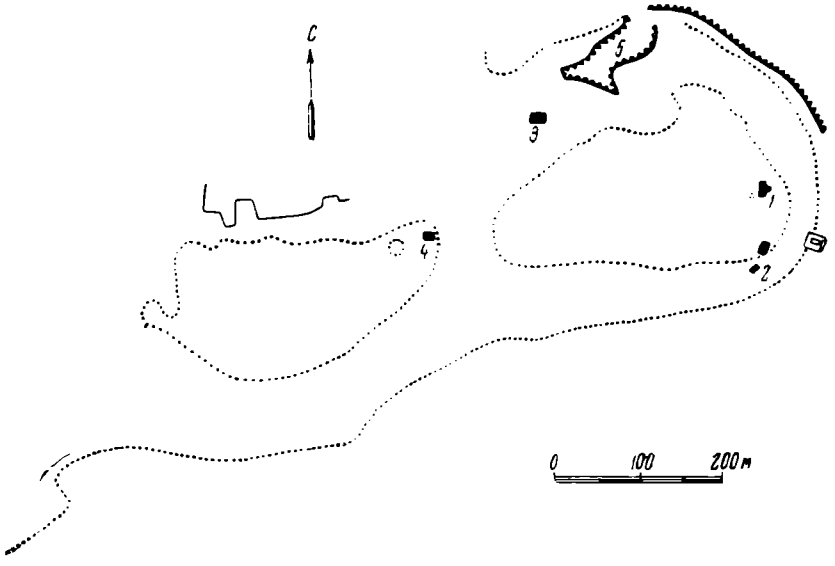


Рис. 46. Генеральный план раскопок Пантикапея
Раскопы 1945 г.: *1* — у памятника Стемпковского; *2* — у старого музея; *3* — около Эспланадной улицы; *4* — у Второго кресла; *5* — раскопы Думберга (конца XIX в.)

эллинистического времени. Необходимость копать уступами и невозможность раздвинуть границы раскопа к югу (ибо там находилось обрамление монумента) не позволяли довести работы до материка.

Чтобы получить более полную картину культурных напластований на восточном склоне Митридата, был разбит второй раскоп на верхней части покатости над старым зданием музея. Площадь раскопа достигала 180 м². В южной части раскопа был обнаружен главным образом культурный слой (I) римского времени, 0.30—1 м глубиной. К этому слою относилась только одна вымостка из рваного камня (№ 2). Ниже залегал мощный слой (II) позднеэллинистического времени (I в. до н. э.). Он достигал 3 м в глубину от поверхности и покоился на материке. В этом слое была обнаружена тянущаяся с востока на запад монументальная кладка № 7, видимо, представлявшая подпорную стену 0.65—0.70 м шириной. Лежит она на материке, глубина ее подошвы 2.90 м. К кладке с внутренней (южной) стороны примыкает мощный пласт каменного бута, обнаруженный на 1.30 м в ширину. Стена раскопана на протяжении 11 м и сохранилась до 1.60 м в высоту. Характер кладки явно хищнический: очень хорошие квадры чередуются с небрежно отесанными блоками и даже полигональными камнями. Между большими блоками местами применена прокладка мелких рваных камней. Число рядов камней достигает шести, чередование их соблюдается не очень точно.

На юг от описанной стены № 7 была вскрыта небольшая площадь; там, под упоминавшимся нами римским слоем, было обнаружено продолжение позднеэллинистического слоя и названной стены (кладки № 6 и 10).

Кладка № 10 состоит из двух рядов камней: подошва ее находится на глубине 1.50 м; в высоту она сохранилась на 0.45 м. К кладке № 10 примыкает вымостка № 11 из плоских известняковых камней; длина ее 2.40 м, ширина 1.20 м.

Сильно поврежденная кладка № 10 прерывается; продолжением ее является кладка № 6, имеющая 0.61 м в ширину и сохранившаяся на 1.25 м в длину, 0.30 м в ширину; глубина ее подошвы 1.60 м. Под кладкой сильно расширяющийся вниз фундамент из рваного камня, уходящий в землю на 0.80 м. Подобно тому как к стене № 10 примыкает вымостка № 11, так же и к кладке № 6 прилегает вымостка № 3 длиной 2.68 м и шириной 0.98 м.

На 0.70 м ниже вымостки № 3 обнаружена вымостка № 4, лежащая в слое (III) эллинистического времени. Культурные напластования в южной части раскопа над старым зданием музея также отличались большой мощностью. Материк здесь обнаружен на глубине 3.60 м.

Исследования, произведенные на восточной покатости горы над старым зданием музея, рисуют нам такую картину жизни этого участка акрополя в древности. Значительное количество найденных в этом месте фрагментов посуды VI—II вв. до н. э. свидетельствуют о том, что жизнь здесь непрерывно развивалась в течение всего этого времени. Однако раскопки 1945 г. не обнаружили неповрежденных культурных слоев раннего времени. Видимо, эти слои были перерыты при больших планировочных работах I в. до н. э., когда была сооружена подпорная стена № 7. Значительно менее интенсивной была деятельность на данном участке в последующую римскую эпоху.

Вещевые находки были обильны и разнообразны. Обнаружено значительное количество фрагментов черепиц и остродонных амфор (в том числе клейменых), чернолаковых, росписных и рельефных ваз, посуды из грубой, коричневой и серой глины, а также простой тонкостенной, глиняных грузил пирамидальной формы, классических и эллинистических светильников,[1] терракотовых статуэток, кусков цветной штукатурки и пр. Среди находок упомянем: мраморное яйцо, тщательно выточенную из кости маленькую руку, обломки ваз ориентализирующего, чернофигурного и краснофигурного стиля и миниатюрную, очень тщательно исполненную солонку IV в. до н. э., на которой выцарапана надпись, упоминающая о победе двух греков: Гигента и Патайка,[2] по всей вероятности, одержанной в исполнении эпических поэм.

Интересен также небольшой тонкостенный обломок, позволяющий полностью восстановить форму неглубокой кастрюли с округло-выпуклым дном и небольшой закраиной для крышки: диаметр этой кастрюли около 0.15 м.

Архитектурные украшения были немногочисленны, но довольно любопытны. Найден небольшой антефикс из синопской глины очень тонкой работы, обломок ствола колонны дорийского ордера (ширина канеллюры 0.10 м, а глубина 0.016 м) и незначительная часть ствола очень большой ионийской колонны (ширина дорожки 0.025 м). От канеллюр сохранились лишь небольшие куски, позволяющие, однако, заключить, что ширина их была не менее 0.08 м.

---

[1] Среди найденных в 1945 г. светильников имеются типы, характерные для Северного Причерноморья эллинистического времени. (О. Вальдгауер. Античные глиняные светильники. СПб., 1914, стр. 24, № 57, табл. V; стр. 26, № 77, табл. VII).

[2] Отметим, что среди изданных В. В. Латышевым пантикапейских надписей имя Патайка упоминается в качестве отчества жреца Сатирона в посвятительной надписи Аполлону Врачу, датированной временем Перисада (сына Левкона), IosPE, II, (см. прим. 9), изд. Renesse T. Dictionnaire de figures hèraldiques, vol. VII, Bruxelles, стр. 9 и сл. № 10.

Особо нужно отметить, что среди обломков посуды, найденных в раскопе, значительное количество относится к очень ранней эпохе — первой половине VI в. до н. э. Это обстоятельство побуждает выдвинуть вопрос о времени возникновения Пантикапея. Вопреки традиционному мнению,[1] относящему основание Пантикапея ко второй половине VI в. до н. э., нужно думать, что поселение на Митридате существовало уже на полстолетия раньше. Тем самым мы приходим к выводу, что столица Боспора древнее других эллинских городов, основанных на обоих берегах Керченского пролива.

Весьма примечательно также другое явление, наблюдаемое на обоих раскопах на восточном склоне Митридата,— наличие подпорных стен I в. до н. э. и связанной с ними насыпи, в которой перемешаны культурные слои VI—II вв. до н. э. При этом при сооружении подпорной стены, обнаруженной на раскопе у памятника Стемпковскому, были использованы части ионийского храма, вероятно, незадолго до этого разрушенного. Примечательно время, когда производились эти большие планировочные работы на акрополе древнего Пантикапея. Это I в. до н. э., т. е. эпоха, последовавшая за бурными событиями[2] конца II в. до н. э., когда поднявшие восстание скифские рабы во главе с Савмаком свергли и убили боспорского царя Перисада, захватив в свои руки города европейского Боспора. Этот переворот, а также и последовавшее затем завоевание Феодосии и Пантикапея полководцем Митридата Евпатора Диофантом вряд ли могли обойтись без опустошений и разорений. Не исключена возможность, что при этом был разрушен акрополь Пантикапея или хотя бы некоторые постройки на нем, в том числе большой храм ионийского ордера. Это привело в дальнейшем к обширным восстановительным работам — сооружению подпорной стены I в. до н. э. и перепланировке верхней террасы акрополя, затронувшей древние культурные напластования.

Раскоп, разбитый на северном склоне Митридата, несколько выше Эспланадной улицы, имел площадь 160 м^2. Работы здесь были доведены до глубины 3.40 м, причем обнаружено семь культурных напластований, заключавших семь зерновых ям и многочисленные вымостки; время их от II в. до н. э. и примерно до IV в. н. э. Зерновые ямы[3] служили пантикапейцам римского времени своеобразной заменой глиняных бочек — пифосов; они имели размеры и очертания, близкие последним. Зернохранилища были грушевидной формы, глубина их была, примерно, 2 м. Такую

[1] С. А. Жебелев. Народы Северного Причерноморья в античную эпоху. ВДИ. 1938, № 1(2), стр. 155.

[2] Его же. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. ВДИ, 1938, № 3 (4), стр. 49 сл.

[3] Зерновые ямы неоднократно встречались в Пантикапее при прежних раскопках, однако эти находки до сего времени не получили надлежащего освещения в литературе. Такие ямы были обнаружены в юго-западной части городского кладбища (Отч. Арх. комиссии 1865 г., стр. VII—VIII), возле ограды городского кладбища (Журнал археол. разысканий 1874 г. № 1а в Архиве Керченского музея и ИИМК), на северном склоне Митридата на раскопе Думбергa (Отч. Арх. комиссии, 1898 г., стр. 14), на южном склоне Митридата в 1907 г. (В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. ИАК, вып. 35, стр. 29).

Несколько подробнее описана зерновая яма, обнаруженная в 1904 г. на Госпитальной улице. Особое внимание к ней, нужно думать, было вызвано тем обстоятельством, что эта яма в последующее время была использована в качестве погребальной камеры: в ней был найден деревянный гроб. Приводим описание отчета: «Это огромная яма, напоминающая своей формой пифос с усеченным дном; нижняя часть ее высечена в материке, а верхняя в древней насыпи, которая состоит из земли, смешанной с мелкими камнями, черепками посуды, амфорными ручками, обломками больших черепиц, разными костями и проч. Вверху ямы виднеется круглое отверстие, закрытое гладкою плитою. Высота ямы 2.28 м, диаметр дна 2.35 м» (В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. ИАК, вып. 25, стр. 26, № 113, рис. 7).

выкопанную в земле грушевидную яму обрамляли нависавшие над ней плоские плиты, образуя горловину, иной раз столь узкую, что человек может протиснуться через нее лишь с большим трудом. Горловину окружал воронкообразный обклад небрежно отесанных камней. Когда яма была засыпана зерном, ее закрывали крышкой, т. е. плоской каменной плитой с закругленными углами. Все раскопанные нами ямы вырыты в культурном слое, поэтому из стен их выступают многочисленные обломки посуды, костей животных, раковины моллюсков и пр. В иных местах это каменные плиты вымосток; на дне одной ямы обнаружена монументальная кладка, другая яма перерезала довольно толстый пласт земляного пола.

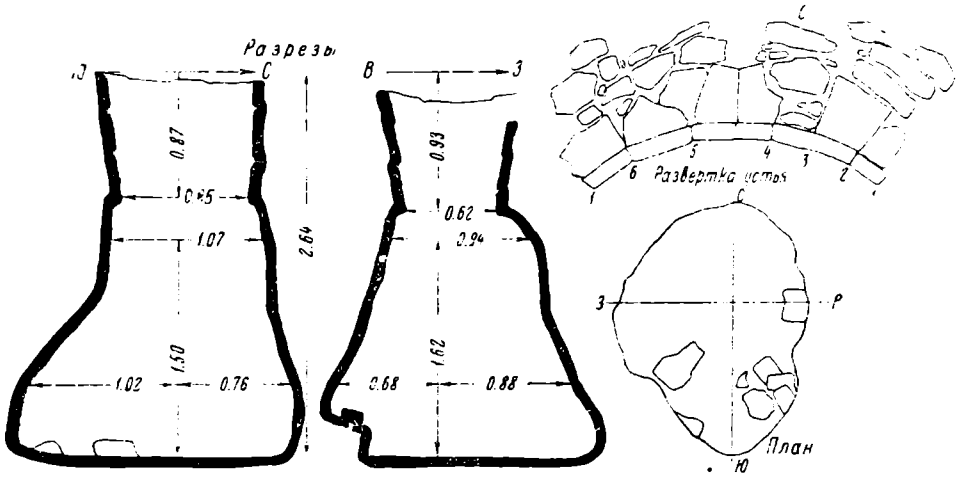


Рис. 47. Зерновая яма № 11

Как мы уже говорили, в раскопе над Эспланадной улицей обнаружено семь лежащих одно под другим культурных напластований.

I слой залегал совсем неглубоко под поверхностью земли. К нему относятся вымостки из рваного камня: № 1 (глубина 0.16—0.28 м) и 18, а также зерновая яма № 11. Глубина верхней части каменного венца последней всего лишь 0.11 м, а дна ямы 2.74 м от поверхности (рис. 47).

Ко II слою относятся несколько сильно поврежденных вымосток (№ 2, 20, 21, 22), две хорошо сохранившиеся зерновые ямы (№ 3 и 4) и, по всей вероятности, одна зерновая яма со снесенным каменным венцом (№ 19). Глубина верхней поверхности вымостки № 2 — 0.57 м, а ее подошвы 0.66 м.

Глубина зерновых ям (в м)

№	Верх венца	Дно
3	0.46	2.86
4	0.48	3.40
19	Не сохранился	3.40

Между горизонтом вымосток II и III слоев залегает черепяная (черепичная) вымостка № 7 (на глубине 0.75—0.90 м), которую вряд ли можно отнести к самостоятельному слою. Скорее всего эта вымостка может быть последним строительным периодом III слоя.

III слой представлен наиболее монументальными остатками: это вымостки № 7, 10, 14, 17, зерновая яма № 8, и; вероятно; к тому же слою относятся ямы № 15 и 23.

Наиболее солидная из вымосток — № 17, состоящая из больших камней, лежит на глубине 0.85—1.13 м; продолжением ее служит вымостка № 9. Хорошо сохранившаяся яма № 8 имеет очень узкую горловину и высокий венец, верхняя часть которого находится на глубине 0.85 м. Внутри этой ямы обнаружена монументальная кладка № 12 (VI слоя), ниже по дну ямы (на глубине 3.26 м) проходит каменная вымостка № 27 (VII слоя) (рис. 48).

Зерновая яма № 23 перекрыта черепяной вымосткой № 7, при сооружении которой, вероятно, был снесен каменный венец ямы. Глубина дна ямы 3.75 м.

Более обширная по размерам, чем другие, зерновая яма № 15 дошла до нас в сильно поврежденном виде. Каменный венец рухнул внутрь ямы и был обнаружен в ней в виде груды камней, верхняя часть которых залегала на глубине 1.50 м. Дно ямы имеет 2.80 м в глубину.

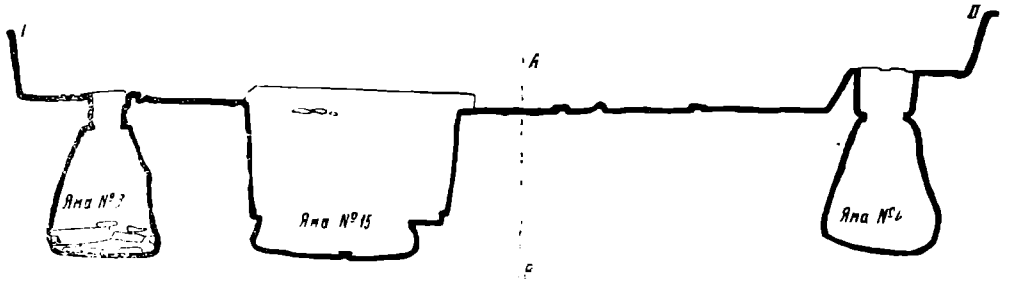


Рис. 48. Эспланадный раскоп (план)

Яма № 15 перерезала ряд архитектурных остатков, четко заметных на ее стенках.

Вероятно к следующему (IV) культурному слою относится черепяная вымостка № 16, пересеченная ямой № 15 на глубине 1.45 (верх) — 1.51 м (подошва). Под нею, на глубине 1.89—1.95 м, залегает каменная вымостка № 24 — V слоя.

Еще ниже яма № 15 врезалась в монументальный цемянковый пол № 25, залегающий на глубине 2.45—2.73 м. К какому сооружению мог принадлежать этот пол, сказать в настоящее время крайне трудно, ввиду того, что вскрыта лишь незначительная часть последнего; не исключена возможность, что это часть давильной площадки винодельни. Цемянковый пол следует отнести к VI слою; к тому же слою, по всей вероятности, принадлежит солидная кладка № 12, обнаруженная на глубине 2.75 (верх) — 3.15 м (подошва) внутри зерновой ямы № 8.

Наконец, на дне ямы была обнаружена каменная вымостка № 26, лежащая на глубине 2.91—3.05 м и относящаяся к VII слою. К этому слою, видимо, относится также каменная вымостка № 27, обнаруженная на дне ямы № 8, на глубине 3.15 м.

Ниже залегал слой эллинистического времени. Работы велись в прорыве вымостки № 26 и были доведены до глубины 3.40 м.

Уточнение датировки культурных слоев Эспланадного раскопа в настоящее время, когда находки еще не подверглись надлежащей обработке, не представляется вполне надежным, поэтому мы можем говорить лишь предположительно, что I—II и III слои приходятся на III—IV вв. н. э. и, может быть, на несколько более позднее время: слои IV—V — примерно на I—II вв. н. э.; VI слой на I вв. до н. э.— I в. н. э.; а слой VII — II вв. до н. э. (рис. 49).

В отличие от богатых находок на восточном склоне горы Митридат, находки из раскопа на Эспланадной имеют более скромный характер. Там

почти не встречалось обломков парадной, разукрашенной утвари,— преобладали фрагменты черепиц и стенок остродонных амфор, реберчатых и рифленых сосудов, кухонной посуды. Попадались обломки краснолаковых чашек, в том числе с клеймами (ΔΕΙΟΣ) и сосудов из прозрачного стекла. Из находок, заслуживающих особого упоминания, отметим фрагмент сосуда из полупрозрачного темносинего стекла с глазками желтого, красного, белого и черного цветов и обломок сероглиняной миски, покрытой коричневым лаком, несомненно местной работы (керамический брак).

Примечательно, что отдельные художественные изделия и их фрагменты, найденные на этом раскопе, относятся главным образом не к римскому, а к эллинистическому времени.

Как видно из сказанного, в позднеримскую эпоху раскопанный участок был занят хозяйственными комплексами, от которых сохранились зерновые ямы. В раннеримский период в этом месте, возможно, находилась давильня. Откопанные остатки более раннего времени слишком ничтожны, чтобы было возможно с уверенностью делать заключение о характере жизни на исследованном участке в эллинистический период. Однако обилие фрагментов росписной [1] и раскрашенной штукатурки, вероятно, принадлежавшей богатым эллинистическим постройкам, а также многочисленные фрагменты эллинистической художественной керамики позволяют предполагать, что исследованный район Пантикапея, раньше чем его заняли хозяйственные сооружения римского времени, в эллинистическую эпоху был застроен богатыми зданиями, возможно, жилыми домами. Аналогичное явление — смена эллинистических богатых домов более поздними хозяйственными постройками — наблюдалось по другую сторону Керченского пролива при раскопках Фанагории (1939 г.). [2]

На крутом склоне горы, к югу от Эспланадного раскопа были обнаружены два больших мраморных блока. Один из них представляет архитектурную часть, украшенную резным орнаментом: крестообразным мэандром и двумя розетками. Характер порезки орнамента очень своеобразен; мастер, видимо, следовал не высеченным в мраморе, а живописным образцам. О подобных образцах мы можем получить представление по обломкам штукатурки, украшенной фресковой росписью, [3] которые были найдены в Керчи при раскопках в конце прошлого столетия.

Другой мрамор представляет большой фрагмент верхней части постамента статуи. Он украшен сложной профилировкой, характер которой допускает предположение, что статуя стояла возле стены или в нише: профили передней и боковой сторон не совпадают. На левой стороне постамента высечена надпись, сохранившаяся частично; в ней упоминается имя боспорского царя Тиберия Юлия. На верхней поверхности фрагмента четкое углубление, выдолбленное в мраморе для закрепления правой ноги статуи.

Таковы результаты работ экспедиции 1945 г., проводившихся на южном склоне Долгой Скалы, в траншеях военного времени, расположенных вдоль хребта горы Митридат и особенно в верхней части восточной покатости и на северном склоне названной горы. Ввиду того, что добытые материалы еще не получили надлежащей обработки, наши выводы могут быть только предварительными. В дальнейшем вполне возможны существенные дополнения к ним. Тем не менее можно утверждать, что небольшие по масштабу

---

[1] Среди кусков штукатурки отметим фрагменты профилированных частей, украшенные горизонтальным поясом плетенки (М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, стр. 120, табл. XLI).

[2] В. Д. Блаватский. Раскопки в Фанагории в 1938—1939 гг. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 295—298.

[3] М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 120, табл. XL, № 1; табл. XLI, № 1.

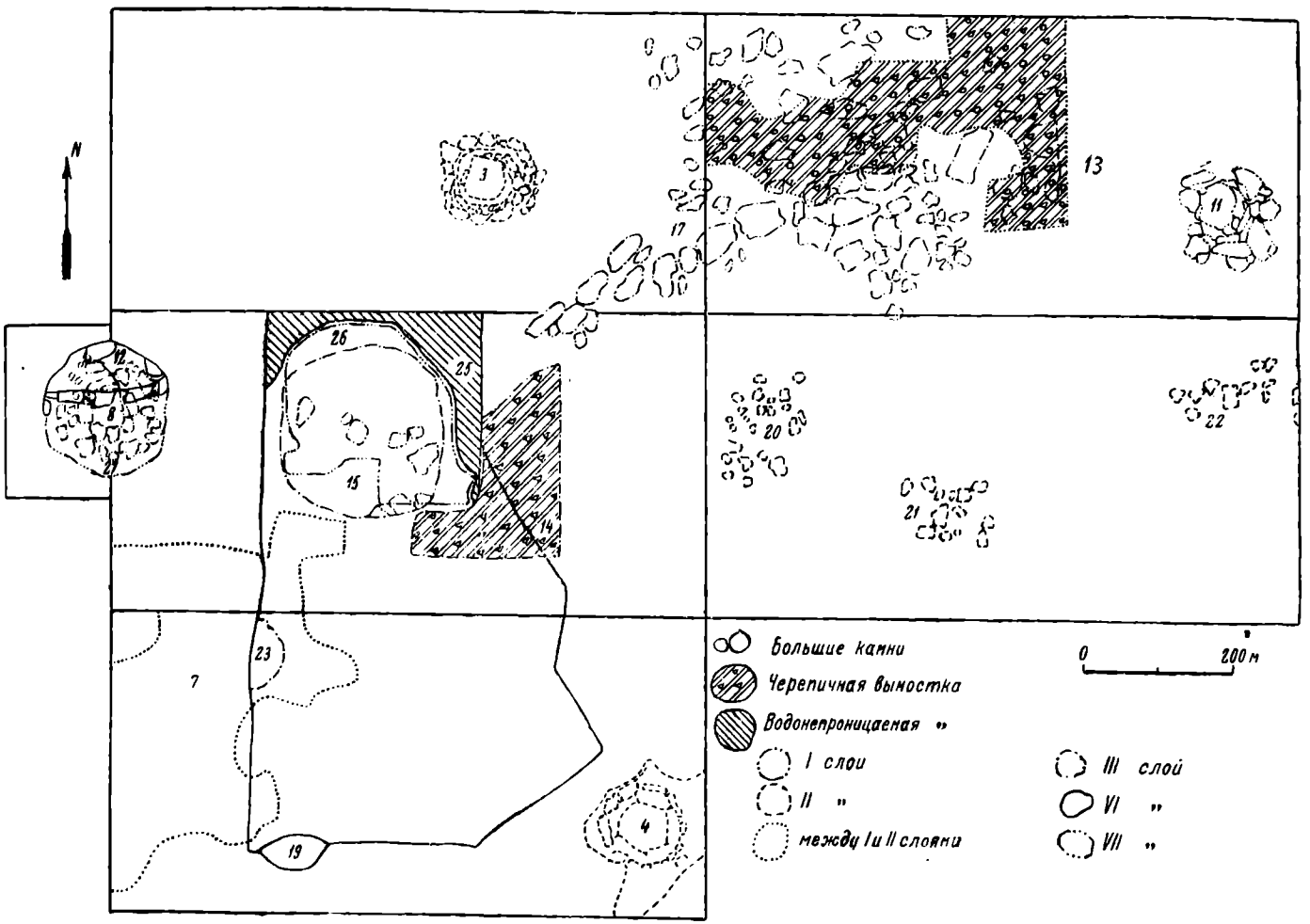


Рис. 49. Эспланадный раскоп

3, 4, 8, 11, 15, 19, 23 — зерновые ямы; *7* — черепяно-каменная трамбовка; *12* — каменная кладка; *13* — черепяно-каменная вымостка ;*14* — черепяная вымостка; *17, 26, 27* — каменные вымостки; *20, 22* — остатки каменной вымостки; *25* — целянка (водонепроницаемая вымостка)

работы 1945 г. дополняют ту картину, которая была результатом ранее[1] производившихся раскопок XIX—XX вв., и могут стать началом дальнейшего систематического исследования Пантикапея. Основными задачами его являются исследование археологической топографии города, установление его границ и изменений их в различные эпохи, изучение характера и истории жизни различных частей города, в том числе и прежде всего его акрополя. С выяснением этих вопросов неразрывно связано исследование соседних с городом урочищ, занятых некрополем, свалками и пр. Работа над всеми этими проблемами должна стать задачей ближайших лет для археологов-исследователей Пантикапея.

Помимо раскопок, экспедицией были выполнены еще некоторые работы. Была оказана помощь разгромленному фашистскими оккупантами Керченскому музею в разборке и определении коллекций. Представители экспедиции участвовали в обследовании «склепа Деметры», была оказана помощь реставрационным работам, которые производило Главн. Упр. Охраны Памятников Комитета по делам архитектуры, по укреплению грозивших падением фресок в названном склепе; произведены архитектурные обмеры склепа Мелек-Чесменского кургана.

---

[1] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, 1925, стр. 146, примеч. 1; стр. 147, примеч. 1.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XVII КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1947 год

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА НА ГОРОДИЩЕ АФРАСИАБ В 1945 г.

С 14 ноября по 7 декабря 1945 г. была проведена археологическая разведка городища Афрасиаб, представляющего собой остатки шахристана гор. Самарканда, покинутого жителями после монгольского нашествия в 1220 г. [1]

Материальная культура Самарканда послеарабского времени довольно подробно, с точки зрения разведки, описана в работе В. Л. Вяткина «Афрасиаб — городище былого Самарканда». [2] Ввиду этого наше основное внимание было направлено на отыскание и обследование наиболее ранних следов жизни на Афрасиабе.

Городище Афрасиаб имеет в плане вид треугольника, обращенного на север одной стороной, вдоль которой проходит большой арык Сиаб. Над арыком Сиаб, в центре северной стороны, возвышается холм цитадели; к цитадели с западной стороны прилегают остатки первого укрепления. Вал второго укрепления обнимает пространство, включающее цитадель, первое укрепление и значительную площадь в центре городища; ко второму укреплению в центре городища, с юга, прилегает сравнительно небольшой участок, охваченный валом третьего укрепления. Вдоль всего внешнего края городища, ограниченного крутыми склонами и обрывами лёссовых холмов, тянется вал последнего, четвертого, укрепления Афрасиаба. Поперечник городища с севера на юг равен 1.5 км, такую же протяженность имеет оно и с востока на запад.

Городище Афрасиаб, отличаясь сложностью рельефа местности — мелкорасчлененные лёссовые холмы,— на которой оно расположено, имеет весьма своеобразную стратиграфию культурных наслоений. Толщина их на участках с спокойным рельефом обычно 4—6 м. В тех же местах, на которых можно предполагать наличие древних промоин, заполненных культурными остатками и отходами производств из ремесленных мастерских (гончарных, по обжигу ганча или алебастра, и пр.), мощность наслоений достигает 10—12 м. Кроме того, несомненно мощность наслоений весьма значительна еще в тех пунктах древнего Самарканда, в которых жизнь протекала особенно интенсивно или они являлись местами большой строи-

[1] Работы проведены мною в составе объединенной экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН УзССР и Узкомстарис в гор. Самарканде.

[2] О ходе археологического изучения городища Афрасиаб см. работу А. Ю. Якубовского «Из истории археологического изучения Самарканда». Труды Отдела истории культуры и искусства Востока, Л., т. II, 1940.

тельной деятельности, например, в районе, непосредственно примыкающем к цитадели с востока, запада и юга.

Наиболее ранние культурные слои на городище, установленные разведкой, как это будет видно из дальнейшего, восходят к первым векам до нашей эры. Весьма важно то обстоятельство, что они далеко не всюду скрываются под глубокими толщами позднейших культурных остатков, а в ряде мест, особенно в северной половине города, выходят непосредственно на дневную поверхность.

Замечательно, что эти ранние слои обнаруживаются на всей обширной площади городища. В северной части его они мощнее и более насыщены культурными остатками. На основании этих данных можно определенно говорить о том, что город Самарканд после завоевания Александра Македонского являлся большим городом, каким и следовало представлять себе центр Согда, передовой и культурнейшей провинции древней Средней Азии.

Приведем краткое описание наиболее интересных пунктов с наслоениями раннего времени, которые нам удалось обследовать.

На восточном склоне холмов в центре городища, обращенных к шоссе Самарканд — Ташкент, были обнаружены на 5—6 м ниже вершины на протяжении до 100 м горизонтально залегающие слои глины и золы с культурными остатками раннего времени. Под ними лежит чистая лёссовая глина. В двух пунктах при зачистке внешнего края культурного слоя были найдены следующие предметы: средней величины железный трехлопастный черешковый (без порожка) наконечник стрелы (рис. 50), глиняный бокал (рис. 51, *1*), фрагменты бокалов, хумов и кувшинов, часть глиняной крышки для хума, зернотерки, кости коров, овец, лошадей.

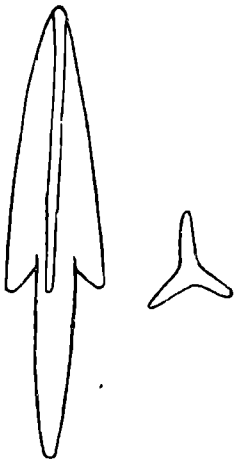


Рис. 50. Железный наконечник стрелы

На площадке у восточного стыка вала третьего укрепления с валом второго укрепления ранний культурный слой выходит непосредственно на поверхность. Короткая промоина, падающая здесь с холма, разрезала место свалки отходов из печей по обжигу алебастра (ганча), толщина которых достигает 5 м. В них оказались тонкие, но насыщенные культурными остатками прослойки. При осмотре обнажения в нем были найдены следующие предметы: головка крупной терракотовой статуэтки (рис. 51, *2*), хорошей работы бокал с обломанной ножкой, фрагменты хумов и кувшинов. На поверхности поля в пашне была подобрана верхняя часть культового изображения барана.

В обрывах оврага с мавзолеем Ходжа Даньяра у арыка Сиаб были обследованы гончарные печи. Топка одной из них была заполнена отходами гончарного производства в виде кусков необожженной глиняной посуды, бракованной обожженной посуды и кусков шлаков.

Среди них были найдены два необожженных культовых изображения баранов, три глиняные игрушки, из которых определяются фигурка всадника на коне (рис. 51, *3*) и фигурка верблюда, части глиняных кубков, кувшинов и пр.

Западнее места соборной мечети, к западу от цитадели, исследованной в 1904 и 1905 гг. В. В. Бартольдом и В. Л. Вяткиным, ранние культурные слои выходят на поверхность на площади до 200 м в поперечнике. Здесь на небольшом холме нами был заложен для изучения стратиграфии наслоений шурф размерами 4 × 4 м. В нем на глубине 1 м от поверхности от-

крылась часть здания, повидимому, имеющего большие размеры. Оно было сложено из крупных квадратных сырцовых кирпичей (36 × 36 × ? см) и имело стены до 1 м 20 см толщины. В открытой части помещения, кроме рядовых фрагментов глиняной посуды и костей животных, были найдены целый (в обломках) бокал хорошей работы (рис. 51), железный наконеч-

Рис. 51. Находки на городище Афрасиаб

1 — бокал; *2* — головка терракотовой статуэтки; *3* — детская игрушка — «всадник на коне»; *4* — бокал; *5* — фрагмент хума с оттисками печати

ник стрелы, подобный описанному, и несколько фрагментов чернолаковых сосудов (бокала, кувшина). Ниже горизонта с постройкой залегала зола с культурными остатками, заполнявшими яму. Шурф был углублен до 3 м от поверхности, но вся толща культурного слоя им не пройдена.

Наиболее типичной особенностью всех описанных местонахождений является присутствие такой специфической формы сосудов, какую представляют бокалы. Глиняные сосуды, особенно небольших размеров, обыч-

но бывают покрыты красным ангобом или иногда лаком. Кубки встречаются двух основных типов. Одни из них близки к рюмковидному кубку, изданному В. Л. Вяткиным,[1] другие представлены типом кубков Тали-Барзу.[2] Прямая общность этой ранней культуры Афрасиаба с Тали-Барзу I подтверждается и рядом других находок. Так, прежде всего следует отметить находки культовых изображений баранов.[3] Далее, очень интересны в этом отношении игрушки в виде всадников на конях. В слоях Тали-Барзу I целых таких же фигурок не было найдено, но и изданная Г. В. Григорьевым головка коня довольно выразительна.[4] У наших фигурок, как и у фигурки с Тали-Барзу, не обозначены глаза, уши стоячие, а грива поставлена высоким тонким гребнем. Фигурки всадников наших игрушек почти совершенно не моделированы.

Г. В. Григорьев датирует Тали-Барзу I первой половиной I тысячелетия до нашей эры.[5] Однако найденные нами железные наконечники стрел, помимо других признаков, не позволяют принять такую древность для ранних слоев Афрасиаба, а следовательно, и для Тали-Барзу I. Все формы сосудов из ранних слоев Афрасиаба местные, среднеазиатско-иранские, так же как и в Тали-Барзу I, что так верно отмечено было для него в свое время Г. В. Григорьевым (см. аналогии с Анау III и Гисар I на стр. 88 его работы). Найденная нами головка терракотовой статуэтки несомненно также представляет собой произведение местного ремесла, развивавшегося на старых среднеазиатских художественных традициях, как это характерно и для терракот Тали-Барзу I. Вошедшее же в практику керамического ремесла применение красного, а иногда и черного лака говорит о том, что эллинистическая культура начала проникать в быт древнего Самарканда. Сопоставляя это с фактами находок железных наконечников стрел,[6] мы имеем все основания отнести ранние слои Афрасиаба и Тали-Барзу I ко времени после завоевания Средней Азии Александром Македонским и предварительно датируем III—I вв. до н. э. В соответствии с этим следует передвинуть вверх даты Г. В. Григорьева для ТБII (ахеменидский), ТБIII (эллинистический) и ТБIV (кушанский). Время ТБV (сасанидский) и ТБVI (мусульманский), как определенные на основании находок монет согдинской чеканки, не вызывают сомнений. Поднимая вверх даты для Тали-Барзу I—IV, мы тем самым восполняем в известной степени большой хронологический разрыв в схеме периодизации, разработанной Г. В. Григорьевым для этого памятника. Мы имеем в виду разрыв между так называемым «кушанским» слоем, который относится Г. В. Григорьевым к I в. до н. э.— II в. н. э.,[7] и сасанидским, который в основном датируется VI—VII вв. н. э.[8] Такой пересмотр хронологии культурных периодов Тали-Барзу не будет, как нам кажется, противоречить общему ходу эволюции материальной культуры в Средней Азии.

Среди случайных находок раннего времени на Афрасиабе особенно интересным оказался небольшой фрагмент стенки хума с двумя оттисками

---

[1] Афрасиаб — городище былого Самарканда, стр. 40, рис. 47.
[2] Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу. ТОВ, т. II, стр. 93, рис. а и б.
[3] Там же, рис. в («шашлычница», по терминологии Г. В. Григорьева).
[4] Там же, табл. I, рис. 4.
[5] Там же, стр. 87—88.
[6] На юге Европейской части СССР железные наконечники приходят на смену скифским бронзовым наконечникам стрел во II в. до н. э.; едва ли это происходит значительно раньше и в Средней Азии. Б. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. Сб. РАНИОН «Техника обработки камня и металла», стр. 72—74; С. П. Толстов. Хорезмская экспедиция 1939 г. КСИИМК, вып. VI, стр. 73.
[7] Там же, стр. 95.
[8] Там же, стр. 98.

двух различных овальных печатей: на одном оттиске дано стилизованное изображение (крылатого?) коня с подогнутыми ногами, на другом — всадника на коне (рис. 51, 3). Возможно, что этот предмет относится к кушанскому времени.

На поверхности городища близ мавзолея Ходжа Даньяр был найден фигурный кирпич (терракотовая плита) в виде зубчатого украшения какого-то древнего здания, совершенно одинаковый с зубчатыми кирпичами, которые были найдены нами при раскопках замка Ак-Тепе близ гор. Ташкента,[1] восходящего, по данным раскопок 1941 г., к V—VII вв. н. э.

Далее, нам удалось описать два пункта, содержащих культурные остатки одинакового облика и в общих чертах близких по составу находок к Ак-Тепе близ Ташкента. В них были найдены обломки кружек, кувшинов, различных корчаг и фрагменты стеклянных сосудов. Типичными для обоих пунктов оказались кружки, напоминающие отчасти кружки Тали-Барзу V и Кафыр-Кала.[2] От последних они отличаются большей высотой стенок над плечиками и заменой так типичного для Кафыр-Кала штампованного узора горизонтальным рядом овальных срезов поверхности ножом.

Эти комплексы можно на первых порах отнести к домусульманскому времени, предположительно несколько более раннему, чем Тали-Барзу V и Кафыр-Кала.

Культурные слои послеарабского времени более развиты и богаче представлены в центральной части городища Афрасиаб и достигают наибольшей мощности в юго-западной части, в районах, прилегающих к мечети Ходжа-Хызр. В полосе, идущей вдоль арыка Сиаб, культурные слои этой эпохи почти совершенно отсутствуют; здесь они отмечаются лишь в районе западнее цитадели (место соборной мечети XII в. по раскопкам Бартольда и Вяткина). Наши стратиграфические наблюдения вполне согласуются с данными анализа, произведенного В. В. Бартольдом письменных источников (обобщенными А. Ю. Якубовским[3]) о постепенном переходе жизни с Афрасиаба в послеарабское время на юг, а вместе с тем и в кварталы, находившиеся за его пределами, в черте нынешнего старого города. Захват Самарканда монголами в 1220 г. послужил лишь толчком к окончательному запустению Шахристана.

Принимая во внимание наблюденные нами факты выхода культурных слоев первых веков до нашей эры непосредственно на поверхность в северной части городища, можно притти к выводу, что переход жизни с севера на юг в древнем Самарканде начался еще весьма задолго до арабского завоевания. Такая тенденция в жизни города была, несомненно, обусловлена исключительными трудностями в обеспечении его водой из арыков. Занимая выгодное, с оборонительной тактической точки зрения, положение на высоких холмах, Самарканд был, вероятно, неудобен в бытовом отношении.

Проведенная разведка на городище Афрасиаб в основном дала следующие результаты:

1. Стратиграфия культурных наслоений городища имеет ряд своеобразных черт, обусловленных рельефом местности и многовековой интенсивной жизнью большого города; мощность их в среднем 4—6 м, в отдельных пунктах 10—12 м.

---

[1] А. И. Тереножкин. Раскопки холма Ак-Тепе близ Ташкента в 1940 г. Изв. Узб. филиала АН СССР, 1941, № 3, стр. 52.

[2] Г. В. Григорьев. Там же, стр. 101, рис. ж.

[3] А. Ю. Якубовский. Из истории археологического изучения Самарканда, т. II, стр. 304—305.

2. Наиболее ранние из нижеустановленных культурных слоев на Афрасиабе соответствуют Тали-Барзу I Г. В. Григорьева и могут быть датированы первыми веками до нашей эры.

3. Эти культурные слои обнаруживаются на всей территории городища и определяют значительность размеров Самарканда в предкушанское или раннекушанское время.

4. Данные анализа письменных источников Бартольда и Якубовского о постепенном переходе жизни с городища Афрасиаб на юг в послеарабское время, закончившемся при монгольском завоевании в 1220 г., подтверждаются археологическими наблюдениями. Более того, археологические данные позволяют говорить о том, что процесс перехода жизни на Афрасиабе с севера на юг начался значительно ранее арабского завоевания.

5. Разведка памятника еще не закончена. На первых порах необходимо дообследовать ряд районов города и собрать данные, которые позволяют хотя бы предварительно определить время сооружения тех или иных частей укрепления городища Афрасиаб; необходимо обратить внимание на отыскание более древних культурных остатков, чем обнаруженные в настоящее время,[1] и культурных слоев собственно кушанского и послекушанского времени.

Стационарные археологические раскопки могут уже быть организованы на выявленных объектах предкушанского периода и с целью изучения культуры Самарканда в послеарабское время.

Так как изолированное исследование древнего Самарканда было бы методически неправильным, то мы считаем необходимым в ближайшее же время возобновление археологических работ в его области, так удачно развивавшихся под руководством ныне покойного Г. В. Григорьева.

---

[1] На древность Самарканда как населенного пункта, помимо того, что он отождествляется с гор. Маракандой времени походов в Среднюю Азию Александра Македонского (329—327 г. до н. э.), может указывать приобретенный в нем у местного жителя Б. Н. Кастальским прекрасный золотой дарик (М. Е. Массон. Монетные находки, зарегистрированные в Ср. Азии в 1930 и 1931 гг. Ташкент, 1933, стр. 6).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА
Вып. XVII 1947 год

И. И. ЛЯПУШКИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА В БАССЕЙНЕ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ р. ВОРСКЛЫ

(гор. Полтава — с. Бельск)

Полевая работа Левобережного отряда Среднеднепровской археологической экспедиции 1940 г., на левобережье среднего течения Днепра, как уже отмечалось,[1] была лишь началом систематических изысканий в этом районе, рассчитанных на ряд лет. Согласно плану, в 1940 г. началось обследование территории сравнительно небольшого участка — района среднего и нижнего течения р. Ворсклы от с. Бельск до Перевалочной (устье р. Ворсклы). Исходным пунктом работы явился Бельск, так как район верхнего течения р. Ворсклы в отношении археологических памятников I тысячелетия нашей эры был обследован летом 1938 г. экспедицией Ин-та археологии УАН под руководством П. Н. Третьякова. Работа отряда 1940 г. явилась естественным продолжением работы этой экспедиции. Однако изучить намеченный участок полностью по техническим причинам не представилось возможным; мы ограничились участком среднего течения от с. Бельск до гор. Полтавы (рис. 52).

Обследованная полоса оказалась густо насыщенной археологическими памятниками различных эпох — от бронзы до позднего средневековья.

Не ставя целью изучение памятников ранней поры, отряд все же брал их на учет, особенно памятники, непосредственно предшествующие изучаемому нами времени, т. е. скифо-сарматской поры. Из числа осмотренных памятников считаем необходимым остановиться на трех группах, наиболее ясно выступающих в этом районе: 1) скифской поры; 2) времени полей погребений; 3) раннеславянских (памятниках роменской культуры), а также на памятниках, хотя и не поддающихся четкой датировке, но, бесспорно, принадлежащих ко времени железа.

1

Памятники скифской поры представлены поселениями-зольниками. Это — открытые поселения — селища, расположенные преимущественно на ровном высоком плато правого коренного берега у вершин балок и оврагов или по окраинам лесных массивов, выходящих из долины р. Ворсклы на

[1] И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII — X ст. КСИИМК, 1945, в. XII.

плато. Несколько поселений той же поры встречено и на левом берегу (более низком по сравнению с правым).

Размеры поселений до систематических раскопок определить невозможно. Причина в том, что почти все они размещены на возделываемых полевых участках, из года в год распахиваемых, в силу чего культурные остатки разнесены по огромным площадям, повидимому, далеко превосхо-

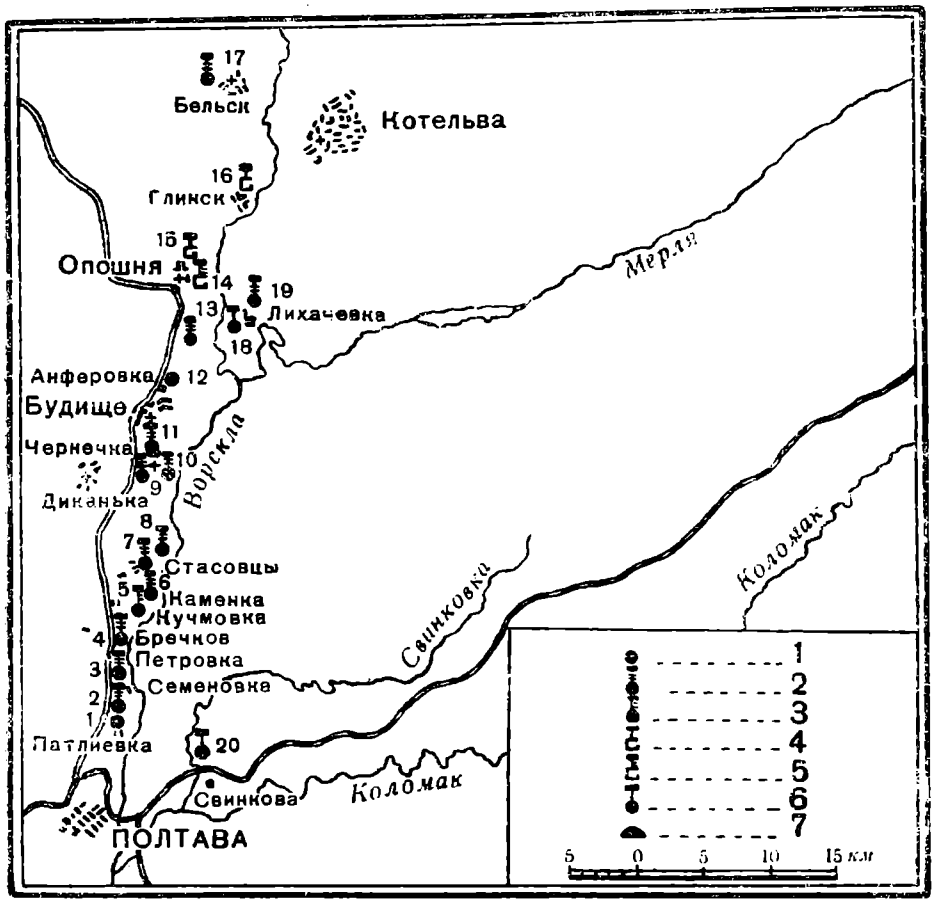


Рис. 52. Археологическая карта среднего течения р. Ворсклы

1 — поселения, требующие хронологического уточнения; *2* — поселения скифской поры; *3* — славянские селища XI — XII вв.; *4* — славянские городища VIII — X вв.; *5* — поселения времен полей погребения; *6* — курганы

дящим истинную территорию поселений. Даже на поселениях с хорошо сохранившимися зольниками трудно было наметить более или менее определенные границы, так как площадки поселений в период наших работ находились в большей части под посевами, скрывающими следы зольников. Все, что удалось нам выяснить в этом направлении, сводится к установлению на некоторых поселениях размеров зольников и расстояний между ними.

Произведенные на различных поселениях замеры зольников показывают, что они далеко не везде одинаковы, размеры их колеблются от 10 (пункт 8) до 15 м (пункт 3).[1] Эти колебания зависят, повидимому, не столько от истинной величины зольников, сколько от степени распахан-

[1] Размеры зольников западного Бельского городища, по данным В. А. Городцова, достигают в диаметре 50 шагов (метров?). (Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1906 г. Тр. XIV АС, 1912, т. III, стр. 115).

ности площадки поселения. Более правдоподобными являются данные о расстоянии зольников друг от друга (от их центров). Расстояния эти колеблются от 30 до 40 м (пункты 3 и 8). В одном случае (пункт 8) оказалось возможным произвести замеры расстояния между двумя рядами зольников; оно достигало 25—30 м (замеры были также произведены от центров).

Без производства раскопок очень трудно судить о мощности культурного слоя этой группы поселений. Размещенные на плато, в отдалении от балок и оврагов, площадки поселений совершенно не имеют естественных обнажений. Исключением явился лишь пункт 2 близ с. Семеновки. Там, в обрезе оврага, вершина которого подходит вплотную к площадке поселения, можно было наблюдать культурный слой, мощность которого доходила до 1 м. Он состоял из золы, углей, линз обожженной глины и был насыщен фрагментами керамики, костями животных и т. п. Аналогичную картину мы наблюдали и при закладке шурфа на одном из зольников близ с. Петровки (пункт 3). На глубине 1 м культурный слой еще не закончился. Такая мощность культурного слоя позволяет говорить о поселениях-зольниках как поселениях оседлого населения, а не временных стоянках кочевников. О том же свидетельствует и наличие вблизи поселений курганных полей. В одних случаях курганные группы размещаются непосредственно вблизи поселения (пункты 7, 8), в других они удалены на несколько сот метров, а иногда и более — до километра.

По маршруту гор. Полтава — с. Бельск по обоим берегам р. Ворсклы нами обследовано 16 пунктов, связанных с культурой зольников (включая Бельское городище). Из этого числа лишь два (п. 1 вблизи Патлаевки и п. 12 вблизи Алферовки) требуют доследования ввиду недостаточно ярко выраженного материала и своего внешнего облика. Все остальные пункты дают материал, бесспорно родственный материалу таких классических поселений с зольниками, какими являются Бельские городища (рис. 53, 54).

Основную массу вещей, собранных при обследовании поселений с зольниками, как и для других, составляют фрагменты керамики и различные поделки из глины. Керамика представлена тремя группами. Первую, наиболее распространенную, обнаруженную на всех поселениях, составляет грубая лепная керамика. Как и другие группы, она представлена исключительно фрагментами. Материал этой керамики — грубая глина, с примесью дресвы и других посторонних тел; обжиг посуды неравномерен; цвет ее от красного до черного. Подавляющее большинство собранных венчиков украшено по краю щипками, ниже которых на 1—1.5 см расположены дырочки диаметром от 0.2 до 0.8 см на расстоянии от 1.0 до 3.5 см одна от другой. Дырочки делались до обжига сосудов. Некоторые фрагменты венчиков в дополнение к такому украшению имеют еще налепной валик, орнаментированный также щипками. Он расположен или немного ниже дырочек, или, что чаще, между краем венчика и дырочками.

Характерно, что на некоторых поселениях, несмотря на громадное количество керамики этой группы, фрагменты с налепным валиком совсем не встречены (пункты 2, 4 и 10). Объясняется ли это хронологическим различием или чем-либо иным, сказать пока невозможно. Считаем необходимым подчеркнуть здесь, что потребность изучения поселений этого типа назрела давно. Зольники столь многочисленны и территориально распространены так широко, что пора серьезно заняться изучением их культурного облика и хронологии. Они могут дать многое для понимания памятников последующей поры, в частности памятников культуры полей погребений, частично совпадающих с ними по территории.

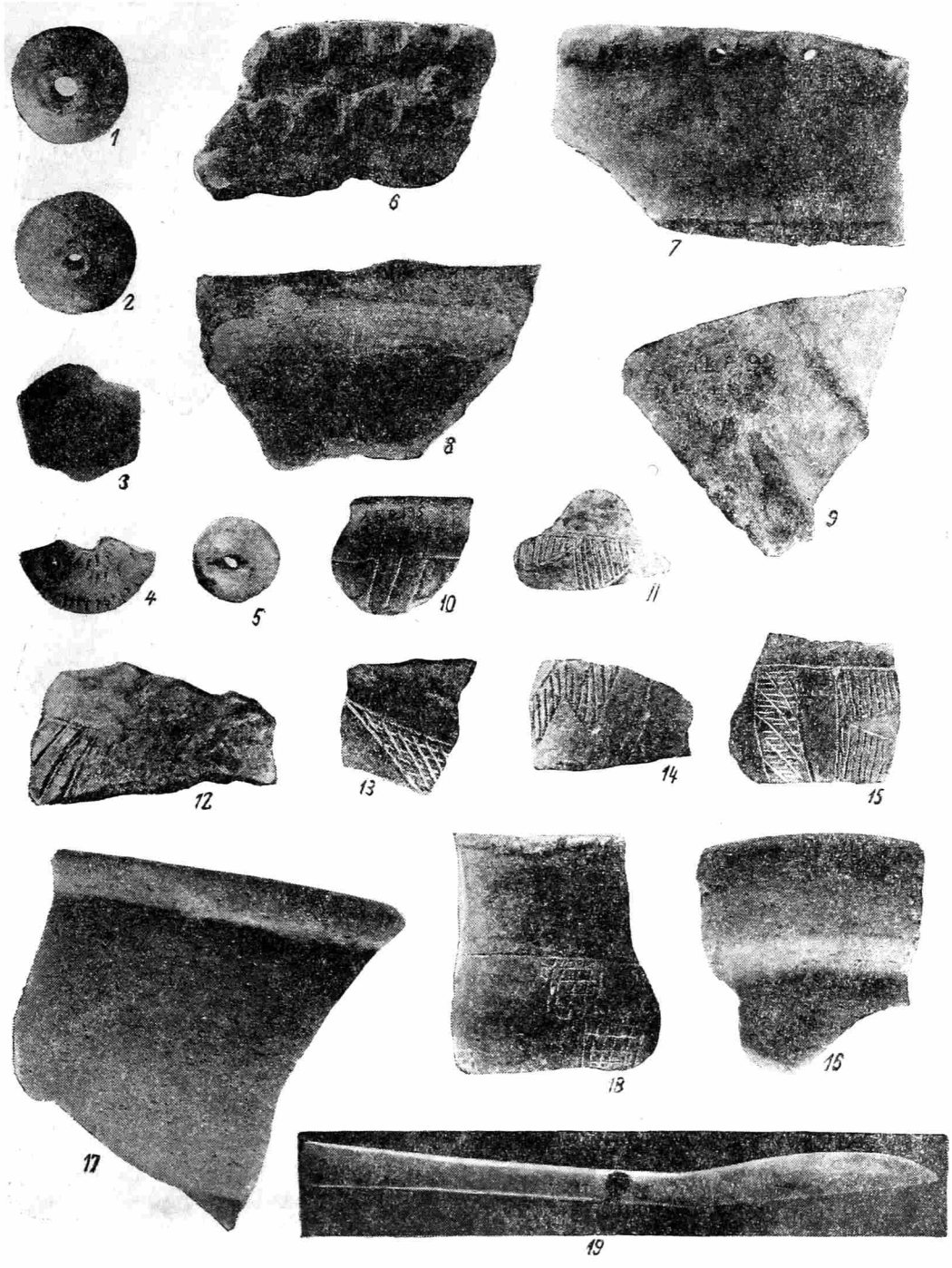


Рис. 53. Керамика и изделия из глины и кости с поселений-зольников среднего течения р. Ворсклы (гор. Полтава — с. Бельск)

1, 3, 5, 6, 9, 11 — 16, 19 — поселения близ с. Петровка (пос. № 3); *2, 4* — поселения близ с. Дубровки (пос. № 13); *7* — поселение близ с. Чернечки (пос. № 10); *8* — поселение близ с. Кучмовки (пос. № 4); *10* — поселения в с. Стасовцы (пос. № 7); *17* — поселения близ с. Семеновки (пос. № 2); *18* — поселение близ с. Стасовцы (пос. № 8)

Среди собранной керамики этой группы мы не имеем ни одного цельного сосуда. Но не вызывает никакого сомнения то, что перед нами (рис. 53, 6, 7) фрагменты того типа горшков, которые всем хорошо знакомы по материалам, опубликованным В. А. Городцовым из раскопок

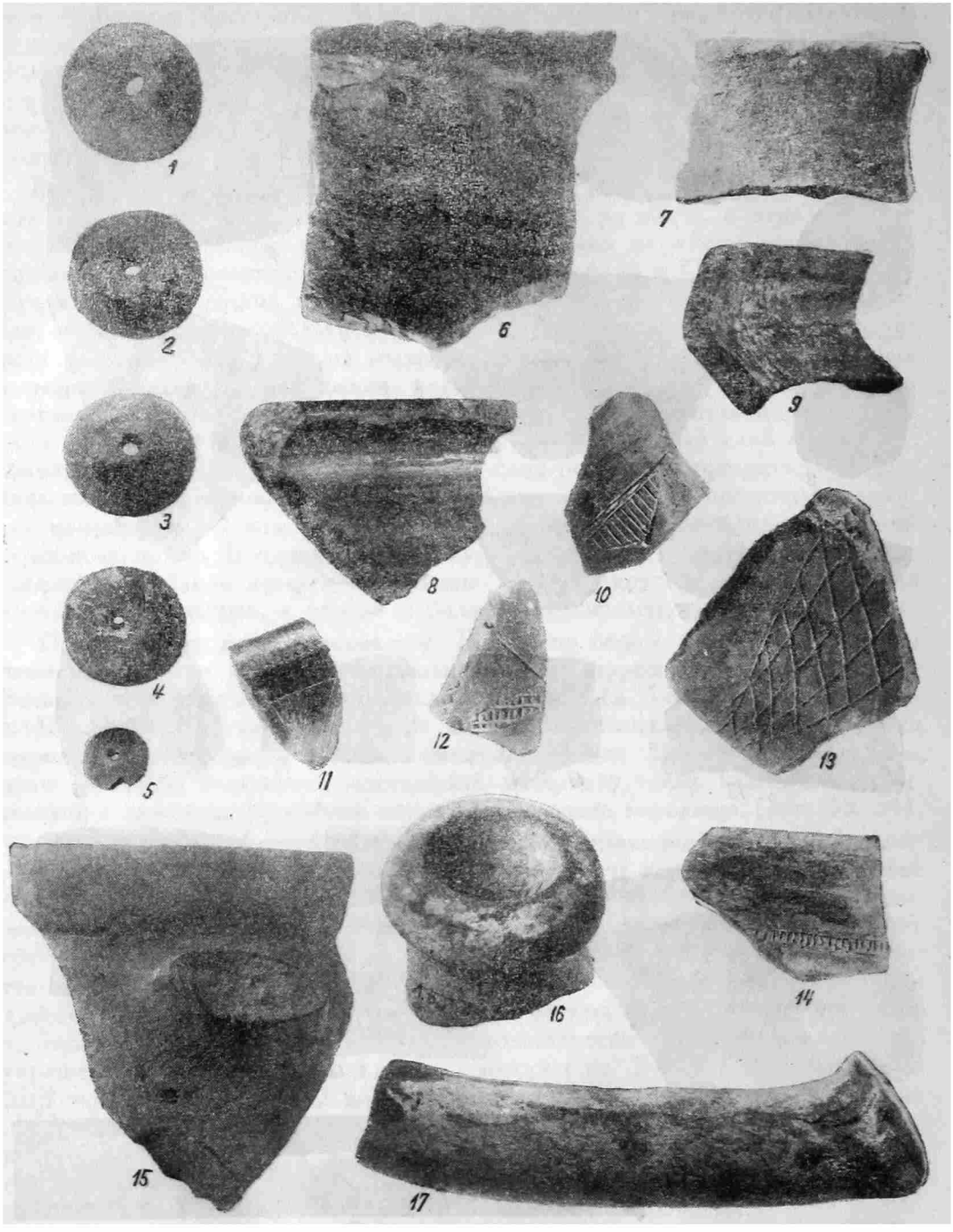


Рис. 54. Керамика и глиняные поделки из Западного Бельского городища
1 — 5 — пряслица, *6 — 17* — фрагменты керамики

Бельского городища.[1] Совершенно аналогичные сосуды имеются из раскопок Н. Макаренко[2] близ Васивки и В. Буда (в собр. Отдела первобытной культуры Гос. эрмитажа).

---

[1] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде, Полтавской губ. в 1906 г. Тр. XIV АС, 1911, т. III, табл. I, 5—9.

[2] Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. ИАК, 1907, вып. 22, стр. 77—86.

Вторую группу керамики составляют фрагменты также лепных сосудов, но отличающиеся от первой более высокой техникой выделки. Тесто этих сосудов более плотно, сделано из хорошей тонкой глины, обжиг более равномерен. Цвет — от оранжево-красного до черного. Внутренняя и внешняя поверхности покрыты лощением от еле-еле заметных следов до блестящего полирования. Форма сосудов разнообразна: чашки, миски, жаровни, небольшие горшки, различные сосуды с ручками и т. д. Среди собранного материала ведущее место занимают фрагменты неглубоких мисок с загнутым вовнутрь венчиком (рис. 53, *8, 9*). Венчики некоторых сосудов этой группы имеют с внешней стороны налепы валиков со щипками, а над валиками дырочки, т. е. тот же самый орнаментальный мотив, что и у первой группы. Есть несколько фрагментов мисок, по внешней стороне которых вокруг всего сосуда проложены валики (жгуты) от края венчика наискось вниз (рис. 53, *7—9*). Однако более характерен для этой группы керамики геометрический врезной орнамент, очень часто инкрустированный белой пастой (рис. 53, *10—16*).

Керамика второй группы встречена почти на всех поселениях, где найдена керамика первой группы, но число поселений, на которых обнаружены фрагменты с геометрическим врезным орнаментом, незначительно. Кроме хорошо известных Бельских городищ, из числа обследованных вновь нужно отметить п. 1 близ с. Патлаевки, п. 3 близ с. Петровки и п. 5 против с. Каменки. Здесь мы также стоим перед вопросом — связано ли это с хронологическим различием или какой-либо иной причиной?

Нет единства взглядов и в вопросе о происхождении инкрустированной керамики. В. А. Городцов утверждает, что «по своим формам и технике инкрустированная бельская керамика ближе всего подходит к кавказской», датируя последнюю XIV—IX вв. до н. э.[1] А. А. Потапов в статье «Incrustierte Keramik von Belsk»[2] приводит довольно убедительные доводы в защиту иной точки зрения. По его мнению, инкрустированная керамика Бельского городища, как и вся лощеная скифская керамика, ближе всего стоит к аналогичной керамике раннего гальштатта — третий элемент в скифской керамике (первый — местный, второй — греческий и третий — гальштаттский). Бельск, по мнению А. А. Потапова — это локальный центр на востоке, откуда продукция гальштаттской культуры проникала к скифам и дальше. Однако без серьезного полевого изучения (раскопок) поселений-зольников едва ли может быть решен вопрос о связях населения этого района скифской поры как с востоком, так и с западом, а равно и о месте среди этих поселений грандиозного Бельского городища.

Третью группу керамики составляют фрагменты красноглиняных амфор из тонкой отмученной глины, сделанных на гончарном круге, хорошего обжига. Судя по фрагментам венчиков, ручек и ножек, можно утверждать, что мы имеем дело с амфорами классических форм от VI до III—II вв. до н. э. (рис. 53, *15, 16, 17, 18*). Сосуды этой группы встречены на многих поселениях, но, к сожалению, найденные фрагменты не всегда обладают хронологической показательностью. Очень часто встречаются лишь фрагменты стенок амфор, по которым не всегда можно судить о форме в целом и о характерных деталях. Среди собранных материалов мы не располагаем данными (например, ручками с клеймами) для суждения о месте изготовления керамики последней группы. Многие исследователи склонны рассматривать ее как привозную из Греции или районов грече-

[1] В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 154.
[2] ESA, 1929, вып. IV, стр. 162—168.

ской колонизации Северного Причерноморья. Считать это суждение окончательным в отношении всей группы амфор нет никаких оснований. Нужно прямо признаться, что мы еще плохо знаем культуру поселений этой поры. Ведь совершенно так же считали в свое время местом изготовления яйцевидных амфор VII—X вв. Византию и ее северочерноморские колонии, пока раскопками В. Бабенко не была открыта на Салтовском городище гончарная печь с амфорами этого типа. [1]

Все же следует признать, что большинство амфор является привозными. Но, повидимому, какая-то часть их производилась на месте. Мы не располагаем данными среди собранного нами материала, подтверждающими это предположение, но при полевых работах В. А. Городцова на Бельском городище им были встречены какие-то материалы, которые дали ему повод записать в «Дневнике» археологических исследований в Зеньковском уезде в 1906 г.: «Обломки глиняной посуды встречены в изобилии, много обломков греческих амфор; прослежены попытки производства местных амфор, но очень неудачные». [2]

Мы не будем здесь касаться других групп керамики этих поселений, представленных лишь единичными фрагментами, считая, что не они определяют общий облик культуры этих поселений.

Из других вещей, собранных на обследованных поселениях, прежде всего нужно отметить несколько глиняных поделок типа пряслиц усеченной конической или биконической форм, а также овальных, но с более узкими отверстиями (рис. 53, *1—5*). Кроме того, собран ряд кусков глиняной обмазки со следами прутьев, фрагменты точильных камней и т. п.

В заложенном шурфе на зольнике п. 3 близ с. Петровки найден фрагмент костяной ложки (рис. 53, 19). Кость обработана довольно хорошо. На одной из сторон ручки ложки заметны слабые нарезки, нанесенные очень тонким острием (рис. 54).

Собранному нами материалу на поселениях-зольниках на территории между с. Бельск и гор. Полтавой наиболее яркую аналогию дают материалы из раскопок Бельского городища, опубликованные В. А. Городцовым, [3] а также собранные нами при обследовании Западного Бельского городища во время полевых работ 1940 г. (рис. 54). Но близость обследованных нами поселений и Бельского городища наблюдается не только в вещественном материале, но, как отмечено, и в самом характере внешнего облика поселений. Исключение составляют лишь оборонительные сооружения — валы и рвы. Последние резко отделяют Бельское городище от группы обследованных нами поселений, территориально тесно примыкающих к Бельскому. Здесь мы также сталкиваемся с существеннейшей проблемой: имеем ли мы в данном случае дело с хронологическими различиями, как это думал В. А. Городцов, или же с какими-то иными? [4]

2

Памятники второй группы времени полей погребений (II—IV вв.) представлены лишь одним поселением, расположенным близ разъезда Свинковки, на левом берегу р. Ворсклы, в 12 км от гор. Полтазы по ж.-д. линии Полтава — Харьков. Весной 1940 г. здесь случайно при хозяйственных работах на усадьбе колхозника Чижа было открыто несколько погребений. Обследованием, произведенным работниками Полтавского областного

---

[1] В. Бабенко. Каменный город. Тр. XV АС, 1914, т. I, стр. 464—473.
[2] Тр. XIV АС, 1912, т. III, стр. 110.
[3] В. А. Городцов, Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде, Полтавской губ. в 1906 г. Тр. XIV АС, 1911, т. III, стр. 93—161.
[4] В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 150.

краеведческого музея, было установлено, что территория усадьбы и прилегающая к ней местность заняты полем погребений. Обнаружено было два типа захоронения: трупосожжение и трупоположение с инвентарем, свойственным могильникам этой культуры.

Исходя из этих данных, мы поставили своей целью отыскать в районе могильника поселение. Обследование территории, прилегающей к могильнику, дало положительные результаты. Недалеко от него на берегу р. Свинковка, было найдено поселение времени полей погребений. Культурный слой мощностью до 1 м хорошо прослежен в дорожной выемке на спуске к реке.

Вещественный материал лучше всего представлен керамикой — как лепной, так и сделанной на гончарном круге, что обычно на поселениях скифской поры.

Лепную керамику можно расчленить на две подгруппы: 1) толстостенную, изготовленную из плохой глины с большой примесью дресвы и т. п.: обжиг неравномерен; цвет — темносерый; поверхность сосудов шероховатая. О формах их можно говорить лишь предположительно, так как ни одного цельного сосуда не найдено. Преимущественно это, вероятно, горшки. 2) Более тонкую, из глины лучшего качества, с равномерным обжигом: цвет — преимущественно оранжево-красный; поверхность — гладкая. Форма сосудов — горшки и, повидимому, кувшины.

Керамика гончарная представлена также двумя подгруппами: 1) темносерая лощеная, из хорошей отмученной глины, тонкостенная, с ровным обжигом. Формы сосудов восстановить невозможно, но, судя по венчикам, они разнообразны и совершенно аналогичны сосудам полей погребений типа Черняхово. 2) Фрагментами амфор римской поры.

В какой взаимосвязи находятся эти две группы керамики (лепная и гончарная), сосуществовали они или принадлежат к различным хронологическим периодам,— ответить пока нельзя. При зачистке обнажения культурного слоя нам не удалось выяснить стратиграфии напластований, так как обнажение сильно оползло; имелись и другие нарушения. Но то, что сосуды из могильника совершенно аналогичны темносерой тонкостенной лощеной керамике с поселения как по формам (имею ввиду венчики), так и по технике выделки, в этом нет никакого сомнения. Поэтому, независимо от хронологической взаимосвязи лепной и гончарной керамики поселения, можно утверждать, что поселение в какой-то части синхронно могильнику. Вопрос лишь в том, насколько было длительно это сосуществование. Считаем необходимым добавить, что на территории могильника (на дневной поверхности вне связи с захоронениями) нами собраны и фрагменты лепной керамики типа поселения.

3

Небольшую группу (всего лишь два пункта из всего числа обследованных) составляют памятники славянской культуры. Они обнаружены в северной части маршрута на территории сел Опошни и Глинска, выше границы одного из последних крупных лесных массивов рубежа степи и лесостепи — Диканьковского заповедника.

И городище в с. Опошня, и поселения в с. Глинске расположены на высоких холмах, мысообразно вдающихся в долину р. Ворсклы, отрезанных рядом оврагов и балок от остальной части высокого нагорного плато правого берега. [1] Помимо такого естественного укрепления, оба поселения имели искусственные фортификационные сооружения в виде валов и рвов, следы

[1] Глинское поселение занимает три смежных холма, отрезанных друг от друга оврагами; каждый из холмов был укреплен валами и рвами.

которых сохранились и по настоящее время. Поселения эти давно отмечены в литературе,[1] однако их культурно-хронологический облик до наших дней оставался невыясненным. Вот как характеризовал В. Г. Ляскоранский Глинское поселение: «В насыпи городища попадаются во множестве кости, угли, черепки посуды древнего типа, с примитивным орнаментом, плохой выделки, грубой глины с зернами кварца; куски обитых камней и пр.».[2]

Еще неопределеннее дана характеристика Опошнянского городища: «Находимые всюду в городище куски черепков,— пишет В. Г. Ляскоранский, — говорят о почтенной давности его».[3]

Материал, собранный нами при обследовании, состоит преимущественно из керамики. Опошнянское городище представлено исключительно лепными сосудами (горшками и сковородками), орнаментированными зубчатым чеканом, щипками и насечками (для сковородок) по краю венчика. Глина — с примесью шамота и дресвы очень рыхлая, как будто совершенно необожженная, а лишь засушенная (рис. 55, *1*, *2*).

На Глинском городище наряду с лепной керамикой, аналогичной опошнянской, собрана и гончарная керамика — тонкостенная с резко выраженным профилем венчика и плечиков. Орнаментация этого типа сосудов — круговая линия или волна (рис. 55, *2*, *7*).

Лепная керамика и по профилю и по орнаментации ближе всего к керамике городищ роменского типа (Монастырище, Гочево, Боршево и т. д.). На близость к этой же культуре указывает и характер устройства жилища, прослеженного нами в одном из обнажений Опошнянского городища, а также и весь внешний облик самих поселений: местоположение городищ, искусственные фортификационные сооружения в виде валов и рвов и т. д. Эти предварительные выводы, наметившиеся в результате внешнего обследования поселений в Опошне и Глинске, нашли полное подтверждение в материалах раскопок, которые были произведены на городище в с. Опошне.[4]

В заключение остановимся еще на одном обследованном памятнике, культурно-хронологический облик которого не поддается пока определению: имею в виду городище Кардашев вал, или, как оно значится в описании В. Г. Ляскоранского,— «Кайдашево». Городище находится в северной части с. Опошни на выезде, вправо от дороги, ведущей в Глинск. Оно расположено на невысоком холме, отрезанном от нагорного плато балкой. На городище сохранились следы искусственных укреплений — валов и рвов. Площадка городища распахивается, но склоны хорошо задернованы. На площадке повсюду встречаются фрагменты керамики. При зачистке оползня на восточном его склоне прослежен культурный слой, состоящий из золы, углей, линз обожженной глины, костей животных, фрагментов керамики и разных поделок из глины. Собранная керамика на площадке городища и при зачистке оползня дает комплекс, отличающийся как от комплекса керамики поселений скифской поры, так и от керамики времени полей погребений и городищ роменской культуры.

Однако необходимо отметить, что для отдельных типов кое-какие аналогии найти можно. Прежде всего, фрагменты лепных горшков, орнаментированных по краю венчика щипками и рядом дырочек, очень близко напоминают лепные горшки зольника. На керамике зольников мы наблюдали тот

---

[1] В. Г. Ляскоранский. Городища, курганы и длинные (Змиевы) валы по течению рек Псла и Ворсклы. Тр. XIII АС, 1907, т. I.

[2] Там же, стр. 18.

[3] Там же, стр. 185.

[4] И. И. Ляпушкин. КСИИМК, 1945, в. XII.

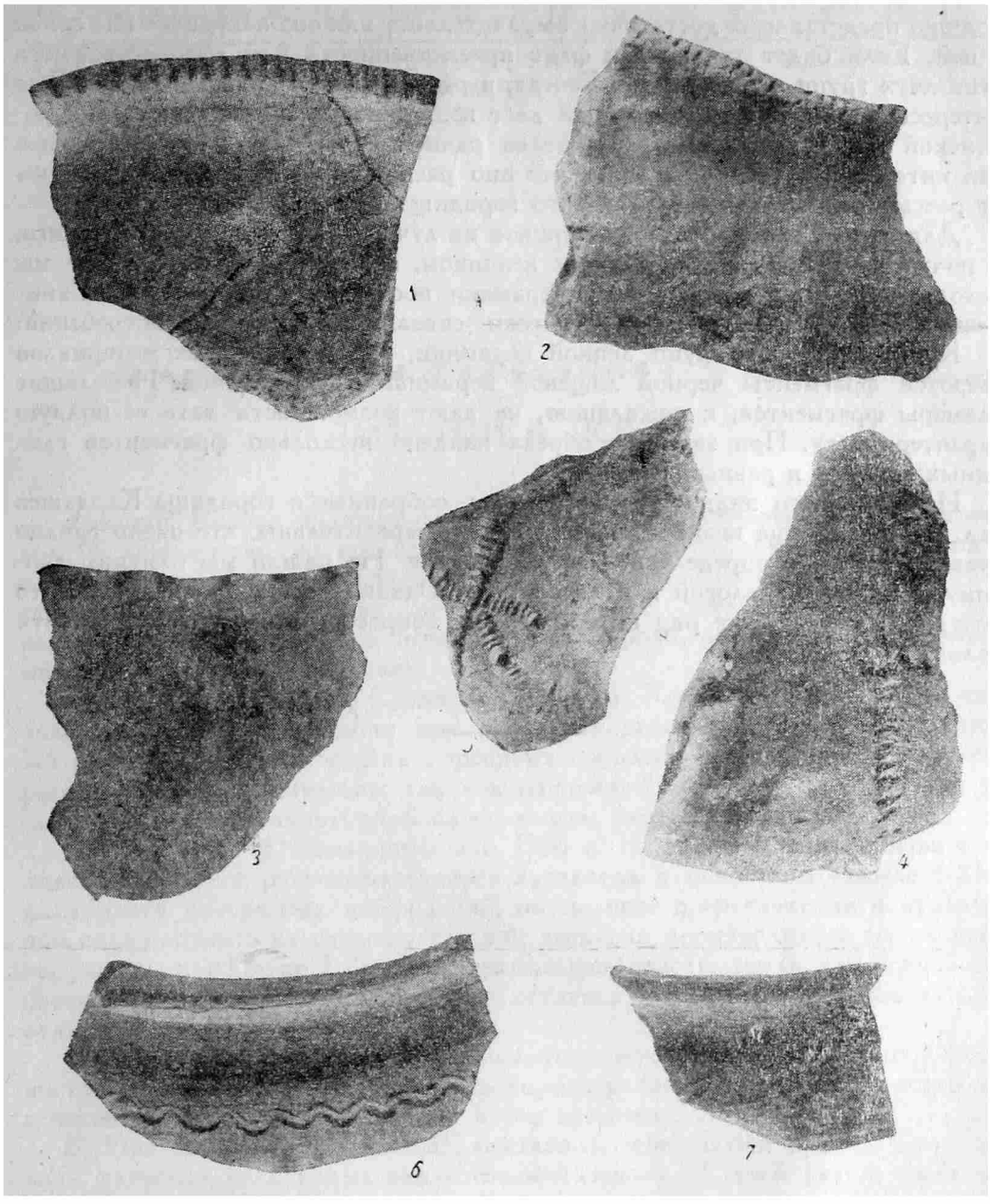


Рис. 55. Керамика славянских поселений
1—2 — городище в с. Опошня; *3—7* — городище в с. Глинск

же самый орнаментальный мотив, Правда, качественно горшки зольников выше и по материалу и по орнаментации. В этом отношении фрагменты с поселения Кардашев вал ближе к керамике из нижних слоев Гочевского городища Крутой Курган.[1] К сожалению, ввиду отсутствия до сего времени публикации материалов раскопок, мы не можем сказать, какое место в Гочевском городище занимает эта керамика: увязывается ли она с керамикой собственно роменской культуры, слои которой на Гочевском го-

[1] Раскопки Б. А. Рыбакова. 1937 г. (Рукопись в архиве ИИМК АН СССР); ВДИ, 1939, № 1 (6), стр. 325, рис. 2а.

родище представлены достаточно выразительно, или она находится вне связи с ней. Если будет установлен факт преемственности или сосуществования этих двух групп керамики для Гочева, в распоряжении археологов окажется интереснейший материал, который даст возможность связать поселения роменской культуры и поселения более ранней поры. Поселение Кардашев вал интересно в том отношении, что оно расположено рядом, всего в 1 км от рассмотренного раннеславянского городища.

Для второй группы лепных горшков из лучшей глины и лучшего обжига, с почти горизонтально срезанным венчиком, овально отогнутым вовне, мы находим аналогию среди лепной керамики поселения близ разъезда Свинковка, в какой-то мере хронологически связанного с полями погребений.

Кроме этих двух групп лепной керамики, среди собранных материалов имеются фрагменты черной лощеной керамики, также лепной. Небольшие размеры фрагментов, к сожалению, не дают возможности дать ее полную характеристику. При зачистке обреза найдено несколько фрагментов глиняных конусов и разных поделок.

Из сказанного видно, что материалы, собранные с городища Кардашев вал, настолько еще незначительны и мало выразительны, что очень трудно сказать что-либо определенное об его облике. Не нашли мы близких данному комплексу аналогий и в литературе. Однако нельзя не признать, что материалы эти ставят ряд интереснейших вопросов, мимо которых пройти нельзя.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА
Вып. XVII 1947 год

С. А. ТАРАКАНОВА

РАСКОПКИ В ПСКОВЕ

Древний Псков, являющийся первоклассным археологическим памятником, к сожалению, до последнего времени остается археологически мало изученным, хотя в этом направлении и делались некоторые попытки. Систематические его раскопки, несомненно, дадут обильный материал для освещения многих вопросов истории этого города, не получивших отражения в письменных источниках.

В 1912 г. в пределах Среднего города В. Крейтоном были проведены археологические наблюдения при земляных работах. В яме на глубине 2.5 саж. обнаружены остатки деревянных жилых срубов, датировка которых весьма затруднительна, так как найденный материал не расчленен по слоям, а описание культурных слоев совсем отсутствует. [1]

В 1930 г. К. К. Романовым и в 1936 г. Н. Н. Чернягиным были проведены раскопки разведывательного характера в псковском кремле. [2] Они дали много интересных наблюдений, но полного представления о культурном слое получить не удалось, так как раскопки производились на площадке, где еще при Петре I были сняты большие пласты земли для устройства бастионов. Верхние слои культурных остатков на участке раскопок датировались не позднее XIII в.

Культурный слой Пскова должен отличаться особенно большой мощностью, так как значительная часть города расположена на болотистой местности, впоследствии осушенной путем засыпки.

В 1945 г. экспедиция ИИМК поставила перед собой прежде всего задачу изучения культурных напластований Пскова. [3] С этой целью была избрана территория «Довмонтова города», примыкающая с южной стороны к псковскому кремлю. Предполагалось, что здесь не могло быть много насыпной земли, так как «Довмонтов город» расположен на южном склоне известковой скалы, образующей мыс между реками Великой и Псковой.

Кроме того, известно, что на сравнительно небольшой территории «Довмонтова города» (10 га) было построено в разное время 19 церквей, упоминаемых в письменных источниках. Открытие остатков одного из этих памятников могло послужить прекрасным датирующим материалом.

---

[1] Тр. Псковского археол. об-ва, Псков, 1913, вып. 9.
[2] Сов. археол., 1939, т. IV.
[3] В работах экспедиции принимал участие Псковский обл. краеведческий музей.

Раскоп размером 6 × 6 м был заложен на расстоянии 25 м к югу от входных ворот в кремль, в направлении по проезжей дороге и от этой точки к западу на 8 м. Участок был разбит на 9 четырехметровых квадратов, счет которых велся начиная с ЮВ угла таким образом, что квадрат 3 находился в ЮЗ углу; квадрат 7 в СВ и квадрат 9 в СЗ углу.

Выбор данного участка был сделан по следующим соображениям: во-первых, его современная поверхность казалась не поврежденной поздними

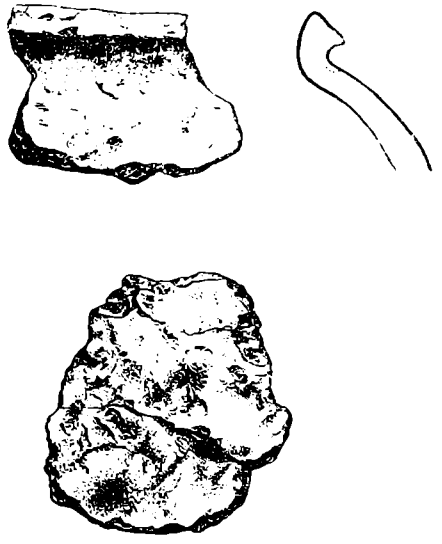


Рис. 56. Славянская лепная керамика

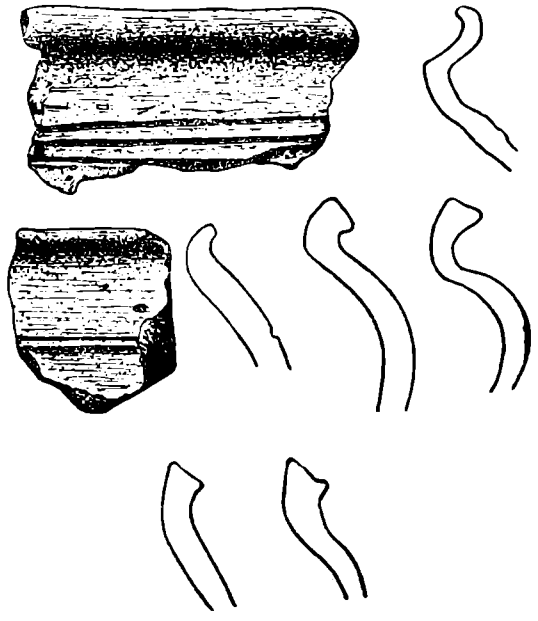


Рис. 57. Славянская круговая керамика

постройками; во-вторых, и это являлось главным, по предполагаемому плану расположения церквей в «Довмонтове городе» на этом месте должна была находиться церковь Дмитрия Солунского, построенная еще в начале XII в.

Раскопка культурного слоя оказалась чрезвычайно трудоемкой. Непосредственно под дерновым слоем залегал слой конца XIX—XX вв. (он обозначен нами первым слоем), который по своему внешнему виду делился на два горизонта: верхний, состоящий из темной сыпучей земли с примесью песка, мелкого битого кирпича и булыжного камня, и нижний, отличающийся преобладанием песка. В этом слое найдены: осколки оконного стекла, фрагменты современной керамики, гильзы от ружейных патронов, кости животных. В нижнем горизонте этого слоя в изобилии найдены фрагменты красной черепицы с маркой псковского завода. Мощность слоя определяется в 30—45 см (рис. 56, 57).

По снятии первого слоя обнажился сплошной слой строительного мусора (второй слой), состоящего из битого мелкого и средней величины плитняка, кирпича и известковой цемянки с примесью черной земли. Иногда встречались крупные целые плиты, лежавшие в беспорядке. При углублении примесь черной земли усилилась, и она обозначилась в профиле в виде отдельной прослойки, хотя характер слоя по своему составу не изменился Появились небольшие прослойки сероватой глины. В этом слое найдены: две медные монеты 1811 и 1854 гг., кафельные плитки XVIII в., имевшие белый поливной фон, на который синей поливой нанесен сложный

по своей композиции орнамент, изображающий людей, животных, птиц и растения.

Особенно интересны кафельные плитки с изображением на них города с крепостными стенами и башнями. Одновременно встречались фрагменты западноевропейской фарфоровой и фаянсовой посуды XVIII—XIX вв., обломки оконного и бутылочного стекла, железные гвозди, фрагменты керамики с зеленой поливой. Глубина залегания слоя от современной поверхности 45—90 см. Удалось установить, что данный слой является строительным мусором от реставрационных работ южной крепостной стены кремля, произведенных в XIX в.

По снятии второго слоя всю территорию раскопа сплошь покрывал строительный мусор (третий слой), характер которого значительно изменился. В нем преобладал крупный плитняк, который иногда лежал большими беспорядочными грудами. Исчезла примесь в слое темной земли. Появилась лежащая отдельными кучами и россыпью измельченная известка. Состав находок также изменился. Попрежнему встречались, хотя и в меньшем количестве, кафели с белой и синей поливой, но основную массу находок составляли фрагменты фресок. Иногда они встречались целыми грудками и легко соединялись в более крупные фрагменты. Все найденные фрески имели желтый фон различных оттенков и окаймление из черных, белых и коричневых полос. Одежды святых коричневого, желтого и темного, почти черного цвета.

Вместе с фресками было найдено много фрагментов голосниковых сосудов. Из других находок в этом слое необходимо отметить несколько фрагментов керамики (ее найдено вообще очень мало) без поливы и без орнамента, сделанной на кругу из хорошо отмученной глины, донышко стеклянного штофа с клеймом, гвозди, кости животных, мелкие угли. Глубина залегания данного слоя 1.9—2.2 м. Он образовался от разбора стоявшей здесь церкви в 30-х годах XIX в.

По снятии третьего культурного слоя вскрылся мощный пласт черной земли с примесью мелкого и среднего плитняка (иногда встречались крупные плиты), известковой цемянки, вкраплений пятен песка и глины (четвертый слой). Часто встречались угли. В этом слое найдено небольшое количество фрагментов керамики, сделанной на кругу из серой и красноватой глины с примесью песка в плотном тесте. Поверхность сосудов обработана гладко. На некоторых фрагментах имеется линейный орнамент, проходящий по плечикам сосуда. Профили венчиков двух родов: 1) резкий отгиб наружу прямо срезанного края и сильно выдающиеся плечики; 2) низкая и почти прямая шейка, ребристый выступ по краю с внешней стороны и сравнительно мало выдающиеся плечики. Обжиг сосудов хороший.

Кроме керамики, найдены кованые гвозди с широкой круглой шляпкой, кости животных, рыб и птицы (курица). В верхнем горизонте этого слоя найдены фрагменты черепицы (плитки) с зеленой поливой. Мощность данного слоя у южного профиля определяется в 35—40 см; у северного — 65—75 см, образуя, таким образом, наклонную поверхность того времени в сторону кремля. Под черной землей вновь обнажился слой строительного мусора, состоящий из различных размеров плитняка, известковой цемянки и битого пористого кирпича (пятый слой). Вещевых находок в нем не было. Как удалось установить впоследствии, он представлял собою остатки строительного мусора от постройки здесь церкви в XVI в. Его мощность определяется в 40—65 см.

Под этим слоем вновь появилась земля темного цвета с большой примесью строительного мусора. Иногда строительный мусор составлял основу слоя, а темная земля являлась примесью (шестой слой). Мощность его со-

ставляет по восточному и северному профилям 0.8—1.15 см. В слое найдено: типичная славянская курганная керамика и керамика со слабо выраженным профилем, славянский железный нож X—XII вв. (рис. 58), кости животных. Особенностью этого слоя являлось обилие крупного угля и обугленных бревен в нижнем его горизонте. Здесь же найдена архитектурная деталь. Направление слоя показывало наклон поверхности того времени в сторону Кремля.

Под темным слоем вскрыт культурный слой темной земли без примеси строительного мусора, толщиной в 10—15 см (седьмой слой), содержащий лепную славянскую керамику, аналогичную по своему характеру керамике длинных курганов, и кости животных (одна с просверлиной). Наблюдалось скопление золы и углей отдельными пятнами.

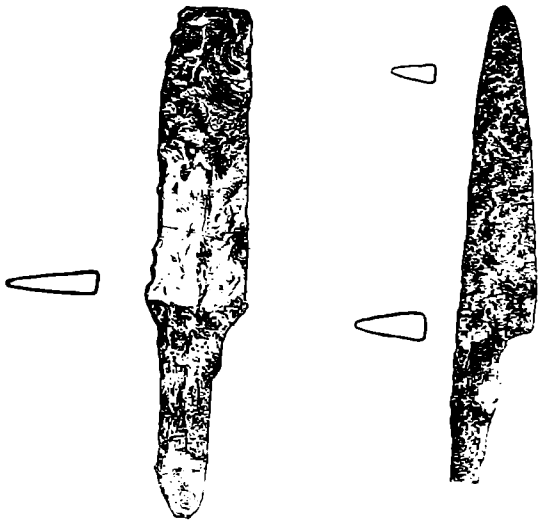


Рис. 58. Ножи из раскопок в Пскове

Открытие этого слоя является одним из достижений экспедиции 1945 г. Оно дает все основания утверждать, что славянское поселение кривичей занимало не только территорию псковского кремля,[1] но и территорию «Довмонтова города», следовательно, было весьма обширным.

Седьмой слой лежал на материковой известковой скале, поверхность которой имела наклон в сторону кремля, т. е. на север. Это явление особенно привлекло наше внимание, так как вообще склон этой скалы был к югу, а мы здесь имели явление обратного порядка. Дальнейшие раскопки частично разрешили эту загадку.

В квадратах 4, 6, 7, 8 и 9 оказалась выдолбленная в скале яма с покатыми краями, уходящая в восточный, северный и западный профили раскопа. Ее глубина в доступной для нас части достигала 1.5 м. Детальное наблюдение над культурным слоем, заполняющим яму, и очертания ее южной стенки дают основания предполагать, что в раскопе была вскрыта верхняя часть южного берега псковской «гребли» — оборонительного рва, некогда окружавшего псковский детинец (кремль) с южной его стороны. Псковские летописи неоднократно упоминают о гребле в «Довмонтовом городе».[2] Окончательное разрешение этого вопроса возможно при дальнейших раскопках.

К достижениям экспедиции 1945 г. следует отнести также вскрытие остатков одного из древнейших каменных храмов Пскова — церкви Дмитрия Солунского.

На глубине 1.75 м у южной стенки раскопа, в квадратах 1 и 2, при снятии третьего слоя, обнаружились остатки правильной кладки из плитняка, цементируемого известковым раствором. Ширина кладки 1 м. Длина обнаруженной в раскопе части (остальная уходит в южный профиль) 1.9 м.

---

[1] Как это выяснено раскопками Н. Н. Чернягина в 1936 г. Сов. археол., 1939, т. IV.

[2] Псковские летописи, вып. I, М.—Л., 1941, изд. АН СССР.

Рядом, в квадрате 3, крупный плитняк лежал сплошным слоем в несколько рядов, но без признаков правильной кладки (рис. 59).

При дальнейшем исследовании удалось установить, что обнаруженная кладка является частью восточной церковной стены с абсидой, уходящей в южный профиль (рис. 60). Высота вскрытой стены 1.65 м, абсиды же только 80 см. Таким образом, основание абсиды лежит на 85 см выше основания стены (рис. 60).

Можно сделать два вывода: 1) вскрытая кладка является фундаментом восточной стены церкви; 2) абсида была пристроена позже, ее кладка не входила органически в кладку стены, а только примыкала к ней. Основание абсиды, естественно, могло находиться на другой высоте.

Фундамент стены подстилал культурный слой темного цвета, с примесью мелкого угля, в 50 см толщиной. Около стены большое скопление углей и обгорелого дерева.

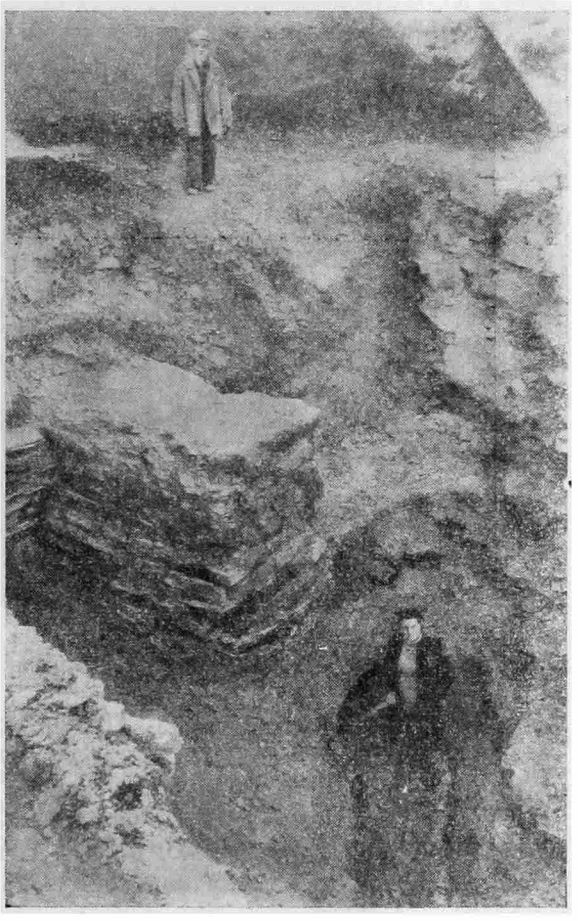


Рис. 59. Часть церковной стены и ров

Что представляют собой вскрытые остатки церкви? Псковская летопись под 1524 годом отмечает: «Поставлена бысть церковь каменая святыи мученикъ христовъ Дмитреи, новая в Домантове стене... а старая церковь первая бысть во Пскове каменая с кирпичем, а поставил ее князь... Дмитреи... а стояла первая церковь в Домантове стене... 400 лѣтъ без 20 лѣтъ».[1]

Известно, что церковь Дмитрия Солунского впервые была построена из дерева и сгорела. На ее месте в 1144 г. была поставлена каменная церковь, которая, как видно из летописи, была перестроена в 1524 г. В 30-х годах XIX в. она была разобрана. План 1740 г. помещает церковь Дмитрия Солунского под № 86 близ места раскопок.

Данные раскопок подтверждают все эти сведения. Следы пожарища, наличие слоя строительного мусора XII в., фрески в слое строительного мусора XVI в., наконец, фундамент стены и абсида церкви — все это подтверждает, что здесь обнаружены остатки церкви Дмитрия Солунского.

Экспедиция произвела обследование большой ямы, вырытой немцами в крайнем СЗ углу «Довмонтова города». Яма имеет 17—18 м длины, 9.5—10 м ширины и 3—4 м глубины. На дне ямы была заложена траншея 8 × 2 м, с целью изучения здесь остатков культурного слоя. Верхний пласт состоял из слоя строительного мусора толщиной в 80 см. В нем найдено не-

[1] Ук. соч., стр. 103 (под 7032 годом).

сколько сот фрагментов фресок псковского письма (светлый голубой и зеленый фон), фрагменты голосниковых сосудов.

Под слоем строительного мусора пошел слой черной земли, в котором найдены: фрагменты славянской керамики, сделанной на кругу, кости животных и человека (разрозненные), кафельные плитки с зеленой поливой, угли. Траншея вырыта на глубину 2 м от поверхности дна ямы, и на этом

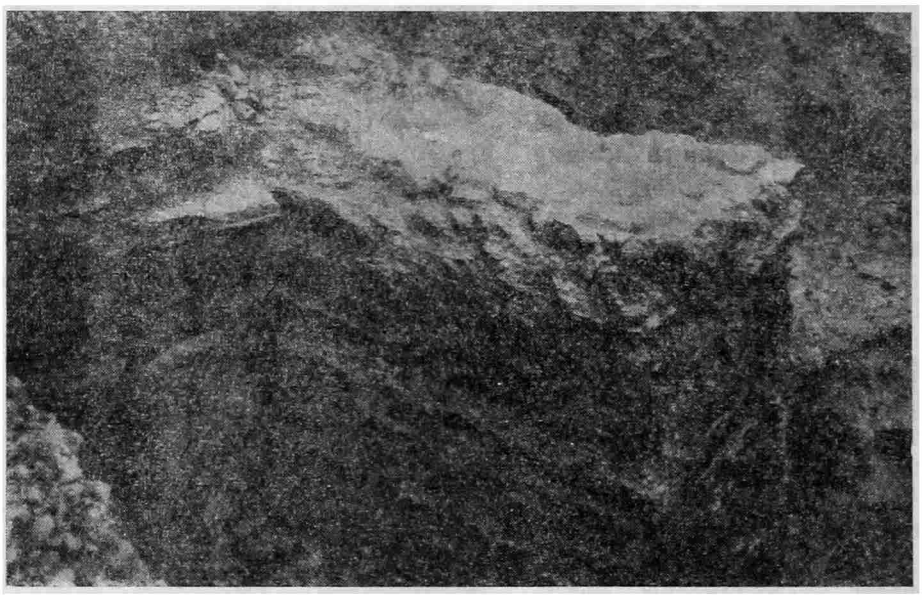


Рис. 60. Часть церковной стены с абсидой

работа была приостановлена. Предполагается, что траншея находится на месте засыпанной гребли и поэтому культурный слой здесь может достигать очень большой мощности. Развал строительного мусора, фрагментов, фресок и голосников дает основание предполагать, что на этом месте стояла церковь, построенная в 1374 г. некиим мастером Кириллом во имя своего святого «в Домантова городе над Греблею». [1]

---

[1] Ук. соч., под 1374 годом.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XVII КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1947 год

А. М. ЕФИМОВА, Н. Ф. КАЛИНИН, А. П. СМИРНОВ

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА «ВЕЛИКИЕ БОЛГАРЫ» В 1945 г

После четырехлетнего перерыва, в 1945 г. возобновились исследования развалин столицы волжских булгар «Великие Болгары». Раскопки велись в западной части городища у Британкина озера и за линией вала в районе Греческой Палаты, где были найдены армянские надписи с христианскими эпитафиями. Часть этих надписей находится в Гос. татарском музее и Казанском ун-те, часть погибла.

Как и в прошлые годы, раскопки производила экспедиция, организованная ИИМК АН СССР, Гос. историч. музеем в Москве и Гос. музеем Татарской АССР. Коллекции поступили в оба музея. [1]

Основные работы развернулись у Греческой Палаты (рис. 61), где были исследованы некрополь и здание, известное у местного населения под именем греческого, гречинского или грецкого. Это же имя присвоено и другому памятнику, расположенному по Мельничной дороге в направлении к Ага-Базару, приблизительно в 0.75 км от западной околицы села. Там в лесу находятся бугры как бы от разрушенной постройки; раскоп в форме траншеи, заложенной поперек бугра, вскрыл остатки разобранного фундамента в виде нерегулярной кладки из камней и кусков алебастрового раствора. Остатки фундамента оказались столь невыразительными, что не дали возможности выяснить характер постройки и ее план. Найденные немногочисленные предметы (несколько обломков болгарской керамики красного цвета с лощением) заставляют ориентировочно отнести здание к золотоордынскому времени. Развалины постройки, повидимому, принадлежат к тому поселку, который был расположен между берегом Волги у Ага-Базара и Булгарским городищем. Больший интерес представляет исследование, поставленное на месте Греческой Палаты, где в 1916 г. производил раскопки проф. В. Ф. Смолин. [2] В своем кратком отчете, изданном в 1919 г., он описал погребения, открытые внутри здания и к востоку от него; все они одного типа. Покойники лежали в гробах, на спине, вытянуто, головой на запад, с весьма небольшим количеством вещей. Самая Греческая Палата оказалась прямоугольным зданием, с двумя парами пилястр по северной и южной стенам и входом с западной стороны. Здание ориентировано по линии восток — запад (рис. 62).

---

[1] В работах принимали участие А. М. Ефимова, Н. Ф. Калинин, Л. П. Кедрин, В. М. Королев и А. П. Смирнов.

[2] В. Ф. Смолин. Краткий отчет о раскопках в Болгарах летом 1916 г. Изв. Об-ва арх., ист. и этногр. при Казанск. ун-те, Казань, 1919, т. XXX, вып. 1, стр. 113.

Значительно больше опубликованного отчета дают архивные материалы В. Ф. Смолина, хранящиеся в библиотеке Казанского ун-та.[1] Полевые дневники рисуют план здания в виде прямоугольника с двумя парами пилястр. Там даны также профили стен и план раскопок, произведенных при помощи вписанных в здание семи траншей. Повидимому, В. Ф. Смолин считал раскопки незаконченными, так как в своей статье отметил недостаток средств, отпущенных на исследование.

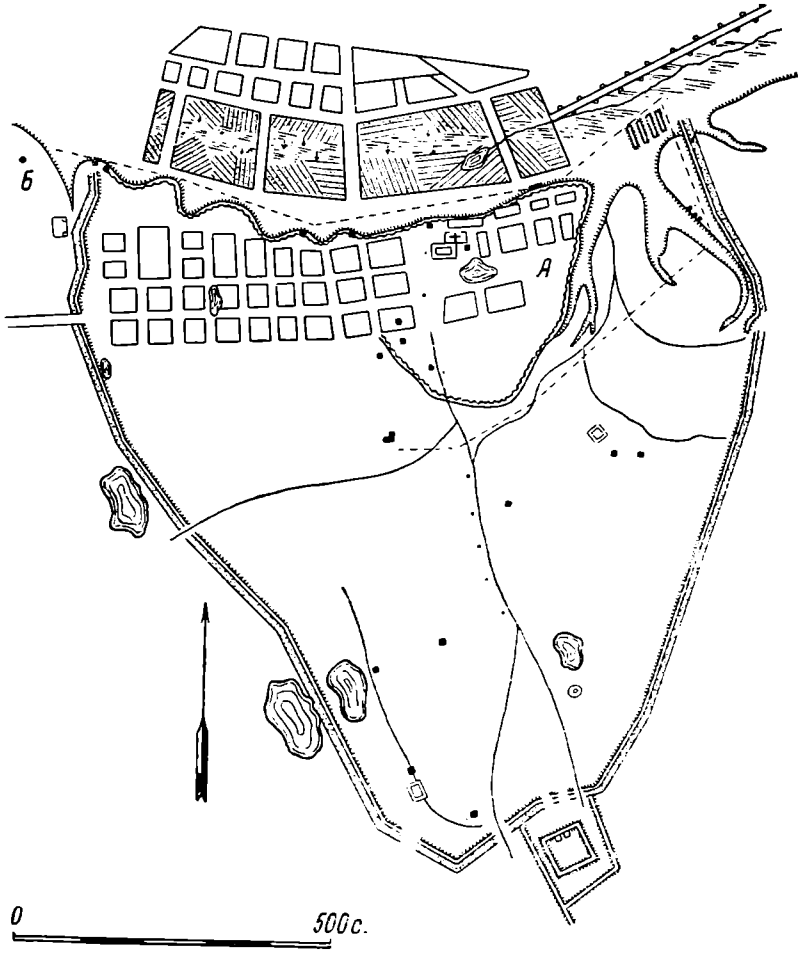


Рис. 61. Городище в Болгарах
А — древнейшая часть городища; *Б* — Греческая Палата

Перед нами стояла задача раскрыть здание и получить возможно полный материал для его датировки и стилистического анализа, а также выяснить отношение могильника к Греческой Палате.

Рекогносцировка в районе Греческой Палаты позволила установить следующий порядок культурных слоев: сверху, под растительным слоем № 1 залегает русский слой XVI—XIX вв. (№ 2), хорошо датируемый лощеной серебристо-черной керамикой, относящейся к этому периоду, фарфором и монетами XIX в. Под ним проходит булгаро-татарский слой XIV в., датируемый голубой и синей поливной посудой и монетами того же времени. Ниже залегает грунт. Слой погребенной почвы, обнаруженный в других ме-

[1] См. дело № 1531.

стах, здесь прослеживается только на отдельных незначительных участках.

Большое значение в вопросе датировки Греческой Палаты и понимания района сыграл раскоп № 1, заложенный в 30 м к юго-востоку от здания.[1] Здесь 260 м² было разбито на 26 участков. Наблюдение профилей раскопок позволило установить следующий порядок наслоений: песчаный с небольшим количеством гумуса булгаро-татарский слой залегал под гумусным русским слоем XVI—XIX вв. и растительным первым. Окраска четвертого

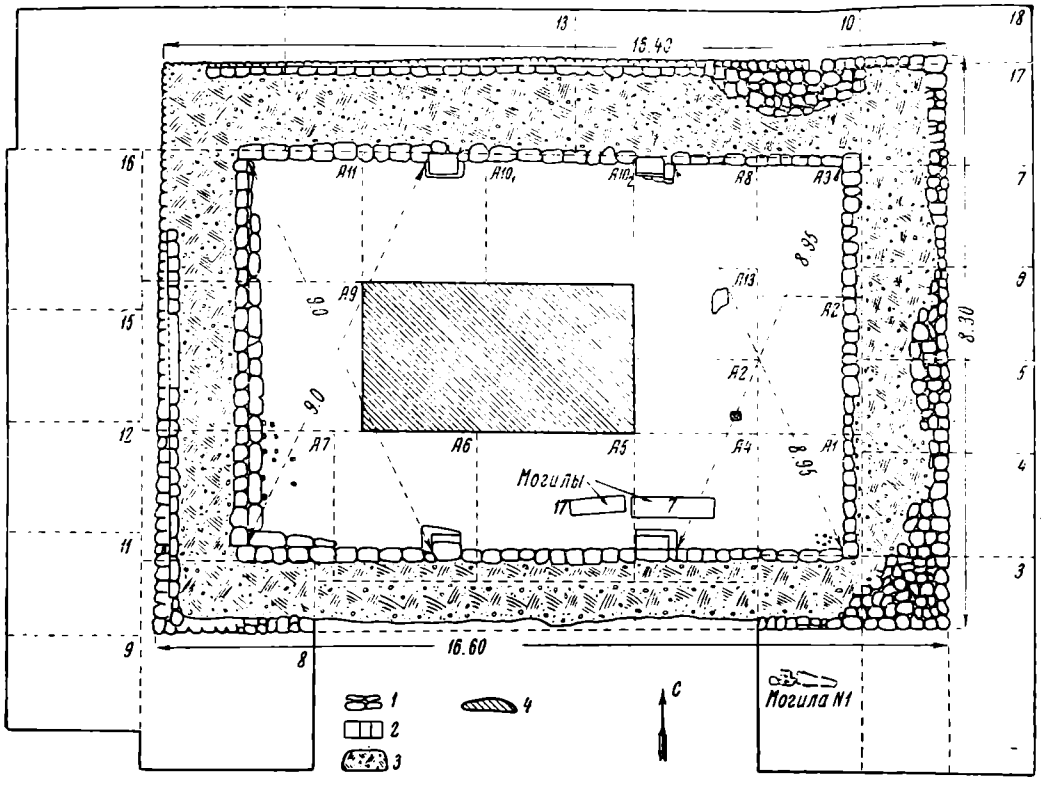


Рис. 62. План раскопок Греческой Палаты XIV в.
1 — фундамент; *2* — облицовка; *3* — бут; *4* — штукатурка

слоя (булгаро-татарского) небольшой интенсивности, особенно в нижних горизонтах, где он легко сливается с материковым песком. Мощность слоя от 20 до 40 см. В западной части раскопа слой менее интенсивен как по его мощности, так и по насыщенности находками. Спокойное залегание слоя в восточной части раскопа нарушено постройками и могильными ямами. Ямы интенсивно черного гумуса, прослойки сажи, древесного тлена, угля, скопления яркокрасной пережженной глины характеризуют слой территории поселка. Этот слой пересекается могильными ямами песчано-глинистого пестроцвета.

Налегание на слой поселка могильных ям создало картину хаотического смешения гумуса, глины и песка. Выявлены грабительские ямы второго русского слоя. Первая, вскрывшая погребение под каменным надгробием (могила № 20), и вторая — на 23-м участке. Насыщенность культурного слоя вещами незначительна, особенно, как это уже указывалось выше, в западной части раскопа. Несколько больше вещей в восточной части раскопа.

[1] Руководитель работ зав. Историческим отд. Казанского музея А. М. Ефимова.

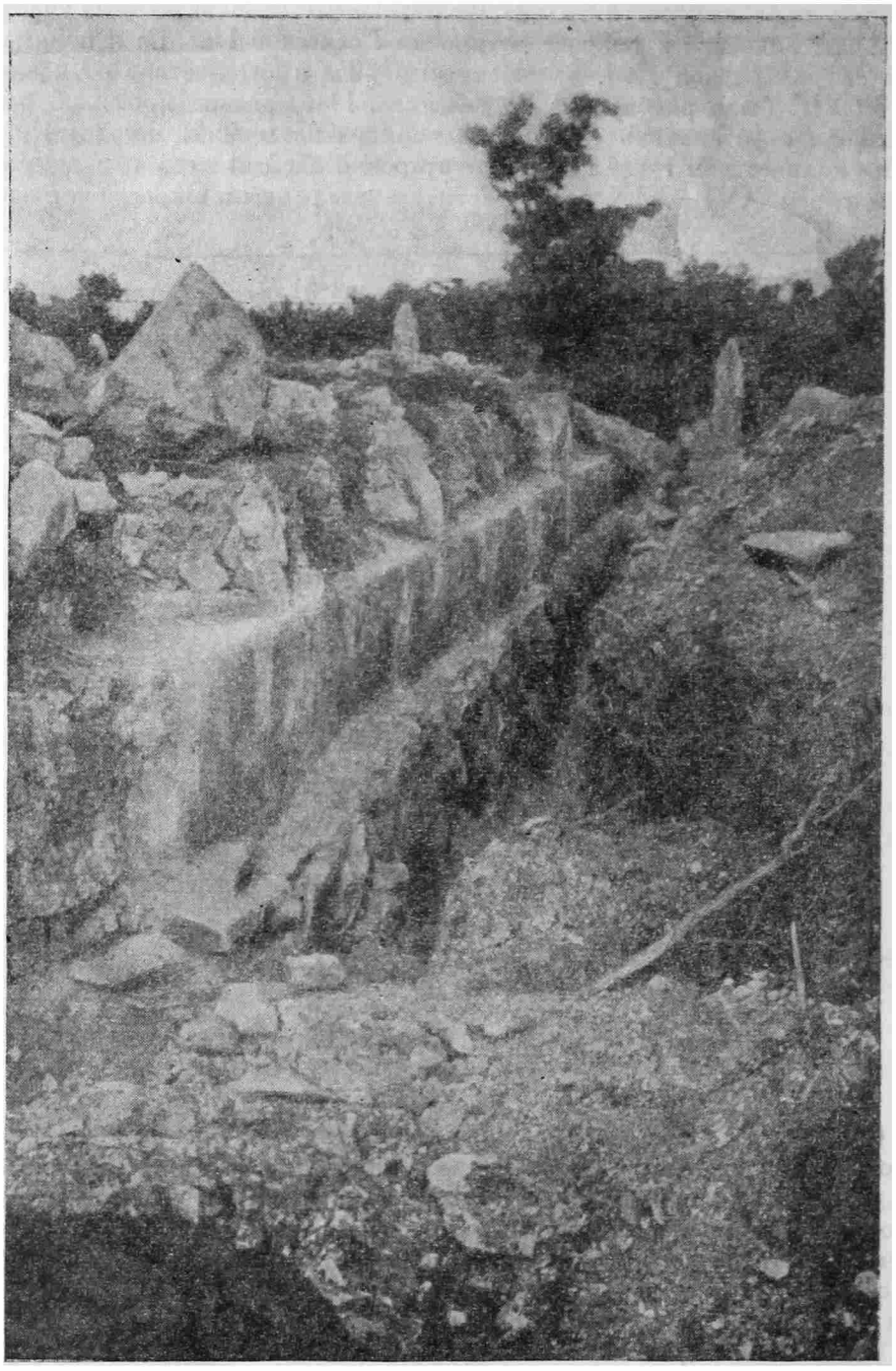


Рис. 63. Греческая Палата, северная стена

Небольшая насыщенность культурного слоя свидетельствует о недостаточной интенсивности городской жизни в районе Греческой Палаты. Основное содержание слоя — керамика. Представляется возможным выделить следующие группы:

1) Керамика красная, хорошо обожженная, тонкостенная, иногда с резным орнаментом, в виде горизонтальных линий или арок; подобная кера-

мика, обычная для золотоордынских городов, встречена как в верхних, так и в нижних горизонтах слоя.

2) Керамика коричневая, хорошо обожженная, тонкостенная, с лощением.

3) Керамика серая, хорошо обожженная, встречена в небольшом количестве.

4) Керамика желтовато-серая, пористая, с примесью песка. Один черепок украшен гребенчатым орнаментом. Встречена главным образом в нижних горизонтах.

5) Керамика ручной лепки, розовато-желтая; в профиле иногда дающая серую прослойку, пористая, с шероховатой поверхностью, с примесью крупнозернистого песка или толченой извести, с орнаментом резным, линейным и гребенчатым. Толщина черепков 6—8 мм.

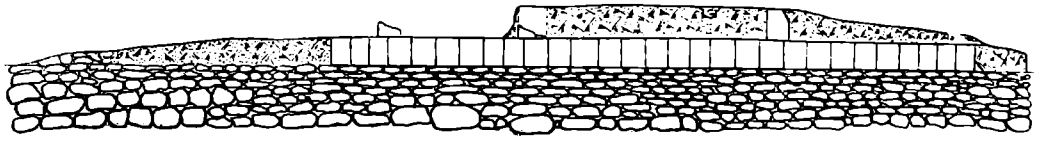


Рис. 64. Греческая Палата, северная стена, разрез

6) Керамика ручной лепки, серая, тонкостенная, плохо обожженная, пористая, с примесью толченой раковины, встречена в небольшом количестве, главным образом в нижних горизонтах.

Особо следует отметить фрагмент поливного сосуда с зелеными и черными линиями, зелеными и синими пятнами по зеленовато-серому фону. Черепок типичен для золотоордынской керамики. Следует отметить находку сфероконуса красной глины, в котором найдена медная золотоордынская монета XIV в. Из других находок значение для датировки имеет серебряная золотоордынская монета, обнаруженная при зачистке котлована открытого строения в подстилающем слое. Из металлических вещей найдены: ключ, пружина от замка обычного болгарского типа и железные гвозди 9—11 см длины в виде четырехгранных стержней со шляпками круглой формы. Содержание культурного слоя ясно показывает его возникновение и существование в татаро-булгарский период, точнее — в XIV в. Детальный анализ керамики и определение монет позволят в дальнейшем с большей точностью разрешить вопрос датировки слоя и его памятников.

В северо-восточной части раскопа на участках 1, 4, 11 и 21 обнаружены следы небольшого строения и жилого дома. На участке 1, непосредственно под вторым русским слоем, на фоне бурого татаро-булгарского слоя было обнаружено пятно интенсивно-черного гумуса в форме четырехугольника 2 × 2 м. Это пятно при зачистке выявило котлован до 30 см глубиной, заполненный черным гумусом с прослойками сажи, древесного тлена, угля и обугленных сучьев. В саже прослежены обугленные зерна злаков и солома. По углам котлована выявлены четыре круглых цилиндрических углубления 35—40 см в диаметре, видимо, следы вертикальных столбов. Можно предполагать, что это остатки небольшого деревянного хозяйственного строения. Это строение хорошо датирует серебряная золотоордынская монета XIV в. В непосредственной близости, на расстоянии 1.5—2 м к юго-востоку, обнаружены следы деревянного жилого дома. Вскрытая поверхность культурного слоя пестрела серыми и красными пятнами гумуса и глины. Дальнейшая расчистка слоя выявила прослойку древесного тлена, среди которого встречены куски обугленного дерева и скопления пережженной, потерявшей пла-

стичность глины, с прослойками сажи до 2 см толщиной. Несколько ниже описанных остатков и к югу от них найдены фрагменты двух лежащих под углом переводин. Эти остатки позволяют предполагать наличие здесь разрушенного деревянного дома с печью.

Непосредственная близость жилого дома и хозяйственного строения позволяют предполагать бытовую связь. В юго-восточной части раскопа, на участках 14—26, культурный слой пересечен могильными ямами кладбища. Время возникновения кладбища следует отнести к позднему периоду булгаро-татарского слоя. Это находит свое подтверждение в ряде фактов: могильные пятна обозначаются на поверхности татаро-булгарского слоя непосредственно под вторым русским слоем. Некоторые детские погребения залегают в верхних горизонтах, на глубине 25—35 см. Кладбище занимает территорию поселка и пересекает слой с остатками жилого дома. Несомненно, кладбище возникло позднее поселка, во время его запустения. На западе, начиная с участков 14—16, кладбище распространяется на восток, где его граница раскопками 1945 г. не определена.

При вскрытии могил удалось установить следующий обряд погребения: могильные ямы имеют форму вытянутого четырехугольника с соотношением сторон 2 м × 80 см. Большинство погребений находилось на значительной глубине (70—110 см) в слое материковой глины. В большинстве могил прослежены гробы. Так, из 51 могилы следы гробов установлены в 45 случаях. В ряде случаев на могильном пятне устойчиво обрисовывалась линия древесного тлена до 2 см толщиной. Найдены также железные гвозди. Трупоположение совершалось на спине, вытянуто, головой на запад, с незначительным отклонением к северу или югу. Руки до локтей лежат параллельно туловищу, далее согнуты и кистями соединены в нижней части грудной клетки. У некоторых покойников руки согнуты в локтях и кистями положены на плечо. В шести погребениях обнаружены остатки ткани; в двух найдены голубые пуговицы, находившиеся на груди; в трех могилах — серебряные и золотые серьги. Следует отметить некоторые особенности ритуала детских погребений. Они имели значительно меньшую глубину захоронения.

Интересно погребение № 8, где в могиле на 15 см выше скелета ребенка обнаружен набор игры в кости — пять бараньих альчиков.

Исследованное кладбище возникло тогда, когда успел отложиться культурный слой. Русский слой перекрывает могилы и с ними не связан. Если культурный слой поселка датируется XIV в., то кладбище могло возникнуть в эпоху между XIV в. и временем до образования русского слоя, до XVI в. Иными словами, кладбище датируется концом XIV — началом XV в. Об этом же свидетельствует и могильный инвентарь: бусы из розовой пасты, пуговицы из голубой стеклянной пасты 10 мм в диаметре, серебряные круглопроволочные серьги, украшенные на концах шариками, и золотые в виде знака вопроса. Интересен медный равноконечный крест и фрагменты вышивки XIV—XV вв., выполненной нитью из золотой проволоки, со стилизованным растительным орнаментом (рис. 65).

Заслуживают быть отмеченными находки железных гвоздей. Их расположение в разных горизонтах могильных ям и различное положение шляпкой вверх, вниз и горизонтальное состояние позволяет реконструировать форму гроба. Это были досчатые гроба в форме, близкой к современным. Особо следует упомянуть о погребении под надгробной плитой, 168 см длиной, 64 см шириной и 23 см толщиной. Плита сохранила следы опила и облома. На поверхности не осталось никаких следов надписи. Это погребение в русский период было ограблено.

Два аналогичных погребения были открыты внутри Греческой Палаты.

Второй раскоп был заложен на месте Греческой Палаты. Ее развалины находятся на высоком берегу Волги, отстоя от края не более 10 м. С трех сторон — западной, восточной и северной — палата окружена кустами орешника.

Уже к 1712 г., времени составления выписи при отведении земли под монастырь, палата лежала в развалинах. Путешественники XVIII в. видели

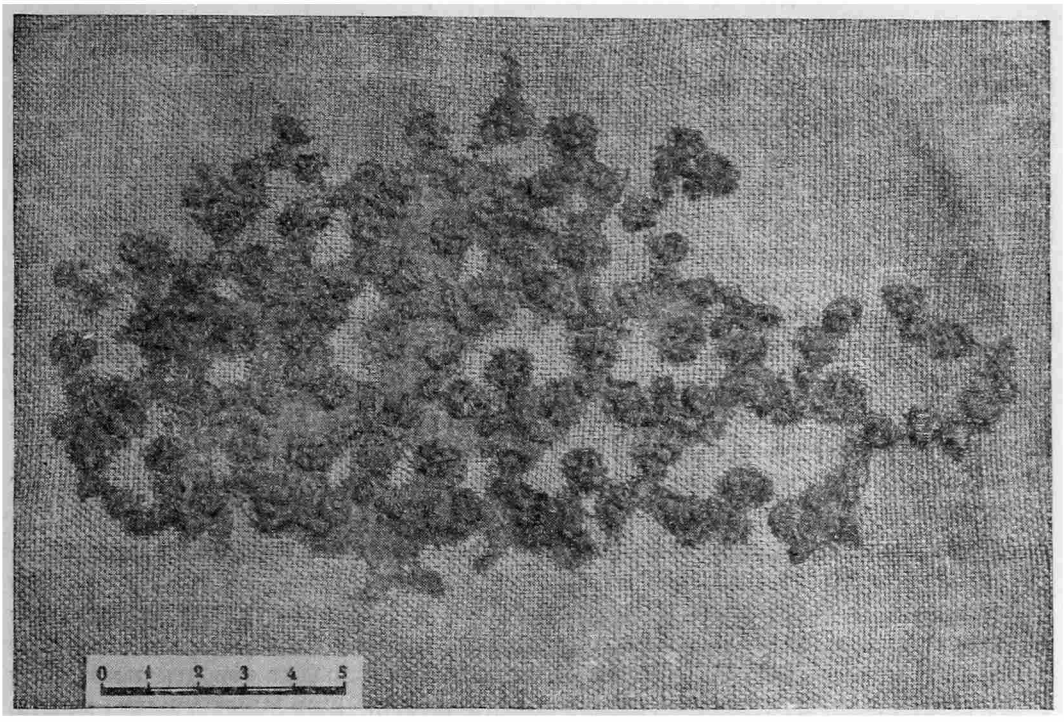


Рис. 65. Вышивка

только одни маловыразительные руины. В этом отношении весьма показательно впечатление Свиньина, посетившего Болгары в начале XIX в. «Нет ни малейшего признака,— пишет он,— по коему археолог мог бы угадать и подтвердить истину сего предания. Развалины сии так обрушены рукою времени и так древни, что на них выросли уже толстые березы».[1] К XX в. не сохранились и те жалкие руины, которые можно было наблюдать раньше. Над землей уже не возвышались стены, и только основания их угадывались под землей. В 20-х годах разрушение коснулось и фундамента. В. Ф. Смолин отметил, что при посещении им палаты в 1925 г. не удалось наблюдать то, что видели в 1924 г.[2]

В настоящее время на поверхности земли лежат четыре гряды камней, отмечающих абрис здания. Все это было окружено оградой, от которой в настоящее время остались только столбы.

Раскопки палаты ставили задачу открыть все здание с достаточно широкой площадью, с тем чтобы выяснить и окружающие постройки, из числа которых все материалы XVIII и XIX вв., начиная с выписи 1712 г., отмечают столп. Однако близость края берега, боязнь его разрушения, особен-

[1] П. П. Свиньин. Картины России и быт разноплеменных ее народов. СПб., 1839, стр. 202.

[2] В. Ф. Смолин. По развалинам древнего Булгара. Казань, 1926, стр. 76.

но учитывая быстрый процесс оврагообразования в тех местах, заставили нас отказаться от этой мысли и ограничиться с внешней стороны траншеями, особенно узкими вдоль северной стены, чтобы не уничтожать кустарник, хорошо укрепивший склоны и край берега. С этой же целью оставлен невскрытым небольшой участок с южной стороны. Восточная и западная стороны обследованы при помощи более широких площадей, что дало возможность исследовать вход и детали устройства алтарной части. Внутренняя часть здания вскрыта последовательными участками на перевал, кроме одного небольшого, ранее раскопанного В. Ф. Смолиным.

Положение Греческой Палаты, ее ориентировка по линии восток — запад, на что в свое время обратил внимание Риттих, не оставляет сомнения в том, что мы имеем дело с христианским храмом. Наоборот, трудно согласиться с мнением Березина, считавшего, что «направление здания показывает, что это не была церковь, а здесь было складочное место для ценных товаров, или жилище какого-нибудь богатого иностранного купца, постоянного жителя Булгара».

Раскопки дали небольшой датировочный материал в виде керамики из строительных материалов, найденных внутри здания. Первый фрагмент поливной керамики обнаружен на глубине 1 м в северо-западном углу здания. Он представляет собой небольшой обломок чаши из белой глины, с одной стороны бирюзового, а с другой — темносинего цвета. По аналогии с керамикой золотоордынских городов Нижнего Поволжья обломок чаши может быть датирован XIV в.

Другой предмет, позволяющий судить о времени постройки здания,— кусок алебастрового раствора со следами кирпича (толщиной 3.5 см), был найден на том же участке в забутовке стены. Кирпичи такого размера характерны для золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Домонгольские слои дают кирпич более крупного размера, что позволяет отнести постройку Греческой Палаты к золотоордынскому времени. Довольно точно можно определить время постройки здания на основе анализа стратиграфии культурного слоя. В этой части с южной стороны раскопа установлен следующий порядок культурных напластований, который в основном соответствует общей стратиграфии булгарского городища, установленной раскопками 1938—1940 и 1945 гг. у Британкина озера.

Под первым поверхностным растительным слоем залегает слой № 2— русский, дающий материал от XVI до XX в. Ниже, правда не во всех местах, проходит слой погребенной почвы, относящийся ко времени запустения городища с конца XV до XVI в., а у Британкина озера — до XVIII в. Под ним проходит булгаро-татарский слой, который, как установлено по материалу раскопа № 1, датируется XIV в.

У Греческой Палаты верхний слой весьма мощный и содержит большое количество строительного мусора. Нижние культурные слои на всех участках, кроме № 1, в результате долголетних кладоискательских раскопок населения, не прекращающихся и в настоящее время, и исследований В. Ф. Смолина, перемешаны и не позволяют установить их последовательности. Исключение составляет участок 1, примыкающий к южной стене здания, где на глубине 1.10 м было открыто погребение обычного для этого некрополя типа, головой на СЗЗ, перекрытое непотревоженным русским слоем и слоем погребенной почвы. На южной стенке этого раскопа виден булгаро-татарский слой, верхняя грань которого проходит на глубине 35—40 см.

Немного ниже, на глубине 50 см проходят верхняя граница фундамента и начало регулярной кладки стены. Иными словами, постройка здания от-

носится ко времени 4-го культурного слоя, датируемого XIV в. Постройка представляет собой прямоугольное сооружение с прямыми стенами, длиной по линии восток — запад 16.40 м и шириной с юга на север 12.60 м. Внутреннее помещение имеет 12.40 м в длину и 8.30 м в ширину; стены достигают 2 м толщины. Северная и южная стены оживляются пилястрами шириной 60 см, делящими их на три почти равные части, начиная от запада — 3.80, 3.65 и 3.75 м. Пилястры, повидимому, играли чисто декоративную роль.

Для постройки Греческой Палаты был вырыт котлован в виде траншеи, шириной 2.20—2.30 м, куда укладывался фундамент стен здания, глубиной 90 см — 1.10 м. Фундамент сложен из нерегулярных камней (плотного известняка и песчаника) различного размера ($40 \times 60 \times 30$, $60 \times 40 \times 50$, $30 \times 25 \times 20$, $70 \times 80 \times 60$), положенных насухо без связующего вещества. Особенно крупные блоки наблюдались в северной и восточной стенах. Фундамент выложен почти по отвесу без какого-либо расширения к основанию.

Кладка стены ровная и правильная, начинается на глубине 55 см от современного уровня почвы (измерено по юго-восточному углу). Стена выложена, отступя от наружного края фундамента на 10—20 см, идя с внутренней стороны здания в одной плоскости с фундаментом. Небольшая бровка прослежена только в северо-восточном и юго-восточном углах здания, где отдельные камни выступают на 50 см. Стена шириной 1.95—2 м состоит из двух слоев облицовки и полубутовой кладки, заполняющей внутренность стены. Внешнее зеркало стены выложено из хорошо обтесанных и подобранных плит известкового туфа, высотой в первом ряду 43 см, а во втором — 50 см. Толщина плит колеблется в пределах 10—30 см. Тщательность их подгонки настолько совершенна, что швы едва заметны. Внутренняя поверхность стены сложена из разномерных камней, плохо и небрежно обтесанных. Швы между отдельными камнями неровные и достигают 3—4 см ширины. Такая кладка предполагает штукатурку поверхности, которая должна скрывать все неровности стены.

Внутреннее пространство стены заложено нерегулярными камнями разной величины и залито алебастровым раствором. От стен сохранились по северной стороне первый ряд кладки и несколько камней второго ряда, а по западной только первый ряд. Южные и восточные стены почти не сохранились. Как видно по фундаменту, здание было прямоугольным и не имело выступающей абсиды. Вход в палату в западной стене, о котором пишут путешественники XVIII—XIX вв. и В. Ф. Смолин, нам наблюдать не удалось. Правда, в центре ее имеется прорыв во внешней облицовке, шириной 135 см, однако он не пересекает всю толщу стены и оставляет нетронутой полубутовую кладку и внутреннюю облицовку.

Нужно отметить, что В. Ф. Смолин, указавший в своем кратком опубликованном отчете на наличие входа в западной стене, не нанес его на рукописный план, находящийся в материалах исследования Греческой Палаты.[1] Нужно предполагать, что первые ряды кладки соответствуют цоколю здания, а самый вход был выше. На месте же отсутствующих плит облицовки, возможно, были ступени, по которым поднимались и входили в палату. Пол здания не сохранился; почти все внутреннее пространство перекопано В. Ф. Смолиным, но, как можно судить по отдельным фрагментам, сохранившимся в разных частях здания, для укладки пола было вырыто небольшое углубление и в оставшийся песок забиты колья, прослеженные на некоторых участках в виде четырехгранных брусков различной толщины

[1] Архив Казанского ун-та, дело 1531.

(5, 8 и 20 см). Это явление прослежено в юго-западном и в юго-восточном углах, вдоль западной стены и в центре здания.

Эта деталь заставляет вспомнить булгарский четырехугольник, где также под полом были прослежены сваи. На подготовленный таким образом песок был наложен слой глины 35—40 см толщиной, а выше находилась забутовка, следы которой остались у восточной стены, и уже на эту забутовку укладывались плиты пола; их отдельные экземпляры были найдены при раскопках в выбросе земли. Они квадратной формы, 56 см в сечении, 10 см толщиной.

От архитектурного оформления здания сохранились только основания двух указанных выше пилястр по южной и северной сторонам, делящих все здание на три части.

Раскопанное здание — несомненно культовый христианский памятник, на что указывают захоронения под полом и расположенный рядом некрополь, в могильном инвентаре которого были нательные кресты, а также ориентировка здания на восток. Некоторые строительные приемы, как-то: прекрасная притеска квадров, составляющих внешнюю облицовку здания, полубутовое заполнение массивных стен и простое внутреннее пространство,— все заставляет вспомнить некоторые памятники армянского зодчества и маленькие церкви базиличного типа, обычные для Кавказа. [1]

Весьма близок по плану двухэтажный храм 1339 г. монастыря Н'ароваик в Армении, где мы имеем те же размеры, те же пропорции, что и в Греческой Палате. Сближают оба памятника массивные стены, отсутствие выступающей абсиды, прямая восточная стена нижнего этажа, пилястры, оживляющие южную и северную стены, и использование нижнего этажа в качестве склепа. Весьма близок к нашему памятнику старый храм в Феодосии и Сурпхач в Старом Крыму. Оба памятника XIV в., в которых в прямой восточной стене имеются небольшие углубления, заменяющие абсиды. Эти аналогии дают основание связать Греческую Палату с армянским зодчеством, что подтверждается также и находкой в XVIII в. в ее районе армянских надгробий.

Третий пункт работ был в западной части городища у Британкина озера, расположенного в 325 м к востоку от западного вала. Эту часть города никогда еще не подвергали систематическим раскопкам. Была вскрыта площадь в 38 м^2, при этом были обнаружены остатки металлургической мастерской XIV в. Разведочные траншеи к востоку от этой части раскопа, пройдя 28 м, выяснили стратиграфию данной местности и вскрыли несколько пунктов со следами построек XIV в. Стратиграфия первой части раскопа дает следующую картину: первый слой, толщиной 4—6 см,— растительный; второй слой, имеющий мощность в среднем около 20 см, утолщается к востоку, достигая 1 м. Этот слой суглинистый, сильно гумусированный, темносерой окраски, местами с линзами угля, золы и небольшим количеством мелких обломков известняка и кирпича. Его культурные остатки — главным образом черепки глиняной посуды (красной, черной, поливной), обломки стекла, фаянса, фарфора, железные предметы — определяют время образования слоя XVIII—XX вв.

Слой третий, в среднем толщиной 7—8 см, достигая в отдельных пунктах 17 см, представляет собой погребенную почву, в сыром виде трудно отличимую по окраске от слоя второго и при высыхании приобретающую синеватый оттенок. Этот слой кладет резкую грань двум напластованиям, отделенным друг от друга хронологически на несколько столетий. Образование его падает на время запустения городища — XV—XVI вв. Под ним проходит четвертый слой, хорошо датированный XIV в.

[1] Материалы по археологии Кавказа, 1894, т. IV, стр. 91.

Из числа находок в этом слое надо отметить медную монету XIV в., красную позднебулгарскую кераммику хорошего обжига, с ленточно-гребенчатым орнаментом, поливную посуду из белой глины, покрытую голубой и синей поливой, с черным подглазурным рисунком. Средняя мощность этого слоя 30 см. Он представляет суглинистую, иногда супесчаную массу серого или желтоватого цвета с многочисленными включениями угольных, зольных прослоек, скопления костей домашних животных и т. д.

По снятии погребенной почвы и верхних частей четвертого слоя на глубине 65—70 см обнаружились очертания круглой ямы, занимающей участки 1, 2, 4, 5, 7, 8, 11, 12. Детальная расчистка выявила размеры этой ямы — верхний диаметр 340, нижний — 240 см. Яма была вырыта в суглинке. Верхние края ее неровных очертаний, стенки только местами сохранили первоначальную вертикальность; дно котлообразно. На полу и несколько выше обнаружено более 30 кусков железного шлака и криц и шлаки преимущественно в западной половине. Повидимому, крицы здесь изготовлялись или служили полуфабрикатами для кузнеца. На высоте 30—65 см от пола, в бесформенных завалах сохранились следы внутреннего оборудования мастерской. На грани 14 участка, с одной стороны, и 2 и 5, с другой, прослежена полоса древесного тлена шириной 3—4 см.

Деревянное сооружение, занимавшее западную половину ямы, было обмазано толстым слоем глины. Обнаружено 40 кусков слабо обожженных глиняных обмазок, толщиной 2—3 см, с отпечатками на нижней поверхности древесных волокон. Одна из обмазок прослежена в вертикальном положении у южной стены первого участка, где сохранились следы слабо выраженной канавки, шириной 40—70 см, невыясненного назначения. Проследить направление канавки помешала нарушенность слоев поздней ямой. Выход из землянки или полуземлянки следует предполагать на север к озеру, где обнаружено широкое (около 2 м) понижение в материке, идущее на одном уровне с полом ямы.

Из предметов, найденных в этой яме, заслуживают быть отмеченными черепки красной посуды с лощеной поверхностью, черной, серой и бурожелтой, фрагмент толстостенного стеклянного сосуда, железные гвозди, железный стержень, часть замка цилиндрической формы, кости домашних животных и рыб. Дальнейшая камеральная обработка, особенно большой коллекции криц и шлаков, сильно обогатит наши знания по технике булгарской металлургии.

Прочие участки раскопа имеют под дерновым слоем слой № 2, глубиной до 20 см. Под ним непосредственно идет слой № 4; слой № 3 (погребенная почва) отсутствует. В 20 м к востоку от 2-го участка обнаружены следы построек XIV в., а на участке 29, 30, 33 — часть углубления, размером до 3 м, в которой найдены пласт полуобожженной глины и несколько сырцовых кирпичей. Из находок интересны фрагменты дымогарной трубы. На участках 35 и 36 найдено много строительного материала, обломков кирпичей, извести, дерева и дымогарных труб. Эти остатки принадлежат погибшим булгарским постройкам XIV в.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА
Вып. XVII 1947 год

Н. Н. ВОРОНИН

К АРХИТЕКТУРНОЙ ИСТОРИИ ДИМИТРИЕВСКОГО СОБОРА ВО ВЛАДИМИРЕ

Как известно, Димитриевский собор 1194—1197 гг. подвергся в 1837—1839 гг. «реставрации», которая имела задачей привести памятник «в первобытный вид». В результате были уничтожены пристройки, примыкавшие к собору с юга, запада и севера. Они изображены на ряде рисунков, на которых собор был представлен до «реставрации». Древнейшие изображения в Лицевом летописном своде XVI в.[1] и на «чертеже» Владимира 1715 г.[2] мало характеризуют исчезнувшие пристройки: на первом рисунке они очень условны, на втором — собор представлен в виде схемы — пятиглавого (?) храма без всяких пристроек.

Следующие по времени изображения собора относятся к 1800 г. Это Губернский атлас Владимира, где собор дважды представлен в панораме города. Один раз (крупно) с запада, другой (мелко) — с юго-востока.[3] За ними следуют: рисунок собора, сделанный в 1834 г. учителем рисования владимирской гимназии Ф. Дмитриевым и изданный в копии Солнцева С. Г. Строгановым;[4] карандашная зарисовка с исчезнувшего чертежа, хранившегося в ризнице собора;[5] карандашный рисунок В. А. Жуковского[6] (рис. 66). Эти три рисунка изображают собор с северо-востока. Четвертый рисунок Ф. Рихтера изображает собор с юга.[7]

На основании этих рисунков можно притти к следующим выводам. С трех сторон собор имел одноэтажные пристройки — паперть с запада и помещения придельных храмов Николы и Рождества Иоанна Предтечи — по бокам. К западным углам собора примыкали две симметричные двухэтажные пристройки. Каждая из них состояла как бы из двух слитых вместе квадратных в плане башен. Они соединялись с собором так, что

---

[1] И. Грабарь. Андрей Рублев. Вопросы реставрации, М., 1926, т. I, рис. на стр. 73.

[2] Н. Н. Воронин. Чертеж 1715 г. и социальная топография г. Владимира XII—XIII вв. Сов. археол., т. VIII, Л., 1946.

[3] Рисунки изданы Н. В. Малицким. Поздние рельефы Димитриевского собора во Владимире. В., 1923, стр. 38—39, и Л. А. Мацулевичем. Хронология рельефов Димитриевского собора. Ежегодник Росс. ин-та истории искусств, П., 1922, т. I, стр. 293—294.

[4] С. Г. Строганов. Димитриевский собор во Владимире на Клязьме, М., 1849, табл. XX.

[5] Хранится в архиве ИИМК; издан у Малицкого, ук. соч., стр. 45.

[6] Обнаружен С. В. Милеевым в коллекциях Гос. русского музея в Ленинграде.

[7] Ф. Рихтер. Памятники древнерусского зодчества. М., 1850. Тетрадь 1, лист V, рис. 4; переиздан у Малицкого, ук. соч., стр. 42.

восточная «башня» примыкала к крайнему западному членению бокового фасада и имела прямоскатное покрытие, а западная — выступала за линию западного фасада собора, как бы фланкируя его. Вертикальные членения пристроек были выражены плоскими лопатками; венчающие башни закомары имели килевидное очертание. На обеих пристройках были колончатые пояса; на южной пояс был врезан в стену, на северной — выступал из ее поверхности; отлива и пояса поребрика башни не имели. Обе пристройки были украшены резным камнем; резные изображения были и в колончатом поясе. Второй этаж южной пристройки имел обращенное на запад двойное романское окно. Аркатурный пояс, украшающий южный фасад

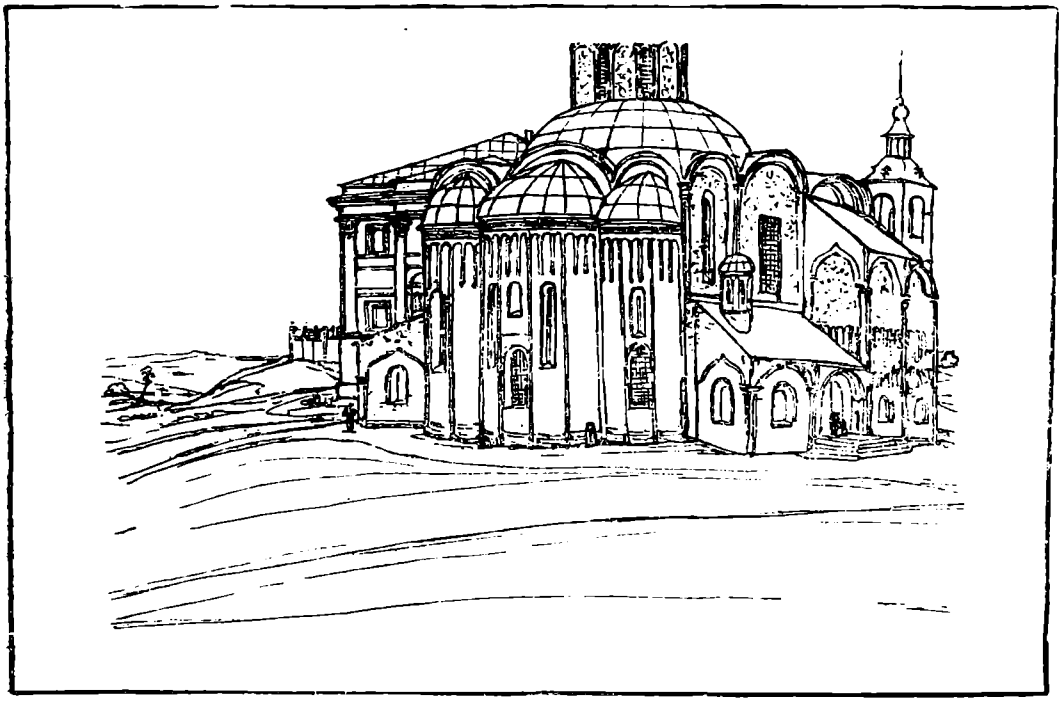


Рис. 66. Димитриевский собор до реставрации. По рис. В. А. Жуковского (собр. Гос. русск. музея)

этой пристройки, не доходил до конца и обрывался, как бы оставляя место для какого-то проема или примыкания здесь какой-либо пристройки.

Вопрос о времени появления и назначении описанных пристроек привлекал внимание ряда авторов. Так, А. А. Потапов считал северную пристройку древней и сопоставлял ее по форме и функциям с лестничной башней и переходом при соборе Боголюбова. Потапов недвусмысленно признал, что «древний вход на хоры и лестница вниз находились в этой пристройке; существует также указание, что со второго этажа палаты был переход в великокняжеский дворец, сожженный при нашествии татар». Рисунка Рихтера Потапов не знал и потому не высказался о южной пристройке. [1]

Л. А. Мацулевич признавал северную пристройку древней, но указывал, что она примкнула к собору позже, закрыв уже украшенную резьбой

[1] А. А. Потапов. Очерк древнерусской гражданской архитектуры. «Древности», МАО, XIX—I, стр. 16. Повидимому, в пользу изначальной двухбашенности Димитриевского собора склонялась и комиссия, собиравшая материалы для реставрации Успенского собора (Филимонов, Павлинов, Быковский и др.). «Древности», МАО, XVI, стр. 31—32.

часть фасада; об южной он не высказался определенно, но признавал рисунок Рихтера реальным. [1]

Н. В. Малицкий уклончиво высказывался в том смысле, что северная пристройка древнее приделов и построена тогда, «когда обычай украшать храмы рельефами был живым», т. е., видимо, не позже XIII в.; южную же пристройку он считал, очевидно, более поздней. [2]

Д. В. Айналов признавал изначальную двухбашенность собора. [3]

Однако окончательного решения эти вопросы не получили, так что и в наши дни можно было услышать мнение, что угловые пристройки собора принадлежат XVI в. и возникли вместе с одноэтажными приделами и папертью. [4]

Новые материалы для пересмотра этого вопроса содержит дело Владимирской духовной консистории о реставрации собора, [5] а также ряд сведений в литературе XVIII — начала XIX в., не привлеченной исследователями этой темы.

Разноречие рисунков в отношении южной пристройки, вызывавшее колебание ученых, снимается свидетельством о том, что собор имел д в е с и м м е т р и ч н ы е высокие пристройки. Южную описывает Строганов; [6] об обеих говорит Доброхотов; [7] о симметричности их свидетельствует контракт на «реставрацию». [8] Обе пристройки были сложены из белого камня. [9] Основанием для признания этих пристроек поздними и сломки их было то, что они были приложены впритык и закрыли украшенные резьбой фасады собора. [10]

Угрожающее состояние собора, в котором он находится последние 10 лет, не позволило нам провести большие раскопочные работы на месте пристроек. Только в 1945 г., в связи с необходимостью изучить фундаменты собора и нижележащий грунт, Отдел архитектуры Владимирского облисполкома разрешил сделать два разведочных шурфа площадью 1 × 5 м и 1 × 4 м у южного и северного фасадов в местах примыкания интересующих нас пристроек. [11]

Кладка фундамента северной пристройки оказалась выбранной при «реставрации»,— подрядчик дорожил каждым куском белого камня. Однако стратиграфия разреза имела столь четкую последовательность, что не оставляла сомнений в одновременности постройки с собором. Ее картина такова (рис. 67). Ниже плинта цоколя собора идут еще два ряда тесаного камня; нижний лежит на широкой платформе фундамента (*1*), выступающего наружу на 0.62 м. Он сложен здесь из булыги и обломков известняка на растворе извести с песком и дробленым углем. Материк начинается на уровне в среднем 1.30 м от современной дневной поверх-

---

[1] Л. А. Мацулевич. Ук. соч, стр. 292—299.

[2] Ук. соч., стр. 41, примеч. 2: стр. 43, примеч. 2.

[3] Geschichte der russischen Monumentalkunst der vormoskowitischen Zeit. B. u. L., 1932, стр. 80, примеч. 1.

[4] Эта мысль высказывалась еще в 40-х годах XIX в. Краткие сведения о Димитриевском соборе. ВГВ, 1844, № 16.

[5] Владимирское архивное бюро: фонд Владимирской духовной консистории, дело 78969: «Дело по высоч. повелению о приведении в первобытный вид владимирского Димитриевского собора».

[6] Ук. соч., стр. 2.

[7] В. Доброхотов. Памятники древности во Владимире Кляземском. М., 1849, стр. 146.

[8] Дело о рест., л. 20, 35 об.

[9] В. Доброхотов. Ук. соч., стр. 145; дело о рест., л. 55; А. Никольский: Владимирский Димитриевский собор. ВГВ, 1847, № 15, стр. 66.

[10] Дело о рест., л. 55 об., 69.

[11] Разведку вел мой аспирант Э. А. Рикман.

ности и на 0.25—0.30 от дневной поверхности XII в. (слой *2*). Ров фундамента имел с края довольно мелкое углубление, заполненное ломом белого камня и известью (слой 3). Верх фундамента начинался от дневной поверхности XII в. и углублялся в материк, имея общую глубину 1.30 м. Над фундаментом и поверхностью XII в. залегает мощный слой строительства собора (*4*), состоящий из обломков камня и известковой пыли. Его перекрывает культурный слой XIII—XVIII вв., представляющий естественный нарост почвы (*5*). Выше идет пласт известкового щебня, связанный с «реставрацией» 1837—1839 гг. (*6*). На расстоянии 3.0 м от стены собора материк и слои *2* и *4* прорезаны вертикальной ямой рва фундамента северной пристройки, заполненного землей и мусором (*7*); время выборки камня отчетливо определяется осыпанием слоев *5* и *6* в засыпь ямы.

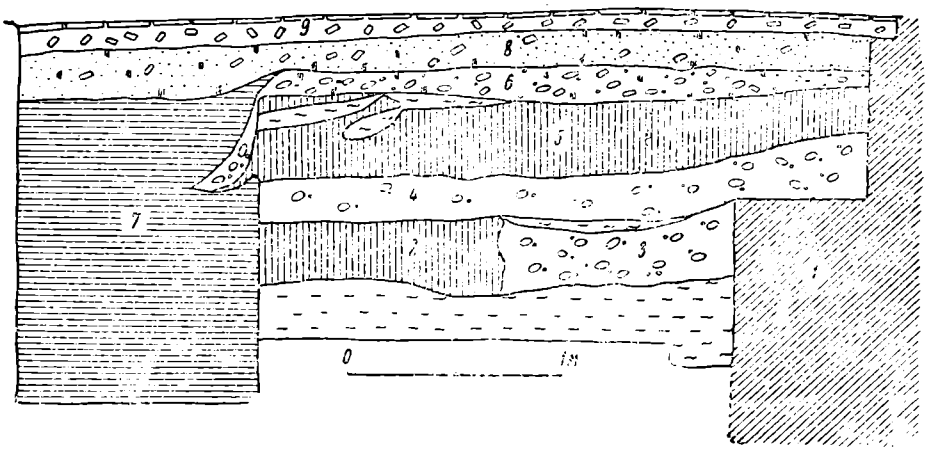


Рис. 67. Северный раскоп. Профиль

Разборка пристройки — дело «реставраторов» XIX в. Яма и слой *6* перекрыты сплошным слоем земли и мусора XIX—XX вв. (*8*), над которым следует подсыпка под вымостку вокруг собора (*9*). В этой картине слоев для нас наиболее существенна связь ненарушенного слоя строительства XII в. с вертикальным обрезом рва пристройки. Она строилась, очевидно, почти одновременно с собором. Если бы она строилась, как думают некоторые исследователи, позже, например, в XVI в., то картина слоев была бы существенно иной: были бы следы отрывки рва и выброса белокаменного слоя *4* и в последующем слое *5*.

Фундамент южной пристройки, вызывавшей наибольшие сомнения, к счастью, оказался целым. Он, как и северный, отстоит от стены собора на те же 3 м. Глубина его заложения почти точно совпадает с нижним обрезом фундамента собора; ширина фундамента 1.90 м нормальна для владимирских памятников XII в. Фундамент пристройки сложен на том же известковом растворе с углем из больших необработанных плит и блоков белого камня; некоторой грубоватостью и небрежностью техники он очень близко напоминает кладку ворот детинца, строившегося в 1194—1195 гг.,[1] и несколько отличается от аккуратной кладки фундамента собора, сделанного тщательнее и прочнее. Возможно, что пристройки собора были поручены другой группе местных мастеров.

Стратиграфия южного раскопа, однако, более спутана и не обладает

[1] Наши раскопки 1936—1937 гг.

той ясностью, которой отличался профиль северного шурфа. Здесь материк лежит в уровне верхнего края фундамента (рис. 68). Слой строительства XII в. (*1*), мощный у стены собора, затем утоньшается и подходит к фундаменту южной пристройки тонкой лентой в 0.02—0.03 м. Под ним лежит хотя и чистый, но перекопанный материк (*2*), заполняющий как бы яму около фундамента, дно которой отмечено тонким слоем извести (*3*) на уровне подошвы фундамента. Была ли сделана столь широкая выемка для его кладки или это яма случайного происхождения, судить не беремся до широкого раскопа пристроек. Выше над слоем строительства XII в. (*1*) идет слой XIII—XVIII вв. (*4*), также менее мощный, чем с севера. Слой «реставрации» (*5*) также очень тонок; зато значительно мощнее прикрывающий его слой XIX—XX вв. (*6*).

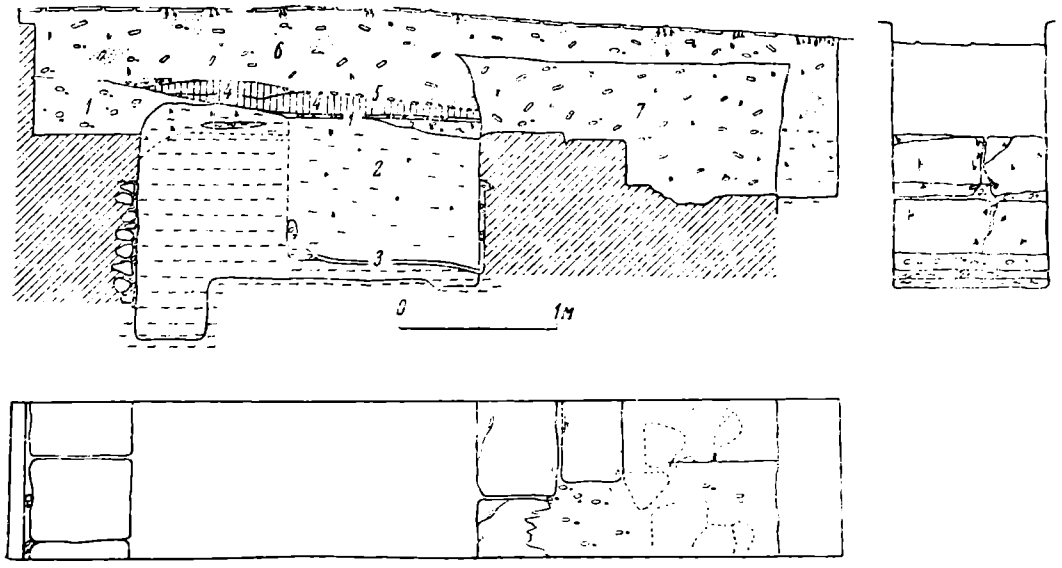


Рис. 68. Южный раскоп. Профиль, план и фасад

Выборка камня пристройки не была закончена, им, возможно, пользовались и позже при каких-либо работах (например, пристройка сторожки и звонницы); засыпь (*7*) поднимается значительно выше слоя реставрации (*5*).

Таким образом, разведки 1945 г. с бесспорностью устанавливают, что башнеобразные пристройки у западных углов собора были сделаны в тех же 90-х годах XII в.

Переходим к вопросу о назначении и внутреннем устройстве пристроек. Догадка Потапова о их связи с дворцом Всеволода, основанная на законной аналогии с Боголюбовскими «палатами», вполне справедлива, хотя очень трудно себе представить, что вместо окон, вполне законченных в декоративном отношении западных членений боковых фасадов собора, когда-то были двери на хоры. Памятники Владимирского зодчества не раз поражали нас бесследным исчезновением каких-либо следов заведомо существовавших частей. Так, например, трудно было подумать, что северный фасад Боголюбовской башни закрывался переходом [1] или что к западному делению южного фасада церкви Покрова на Нерли примыкала лестничная башня, кладку которой раскопал в 1858 г. Н. А. Артлебен. [2] Точно так же и в

[1] Н. Н. Воронин. Основные вопросы реконструкции Боголюбовского дворца. КСИИМК, 1945, т. XI, стр. 78.

[2] Н. А. Артлебен. Тр. I АС, 1867, т. I, стр. 299.

Димитриевском соборе,— не будь описанных выше рисунков, едва ли могла бы притти в голову мысль о примыкавших к собору башенных пристройках.

При реставрационных работах 1937 г. изнутри собора были обнаружены очень неясные следы заложенных дверных проемов, вводивших с северной и южной сторон на хоры; в закладке северного проема был виден очень поздний (XVIII—XIX вв.) кирпич.[1] И. Болтин в своем «Описании Владимирского наместничества» писал, что «наверху трапезы (так он на-

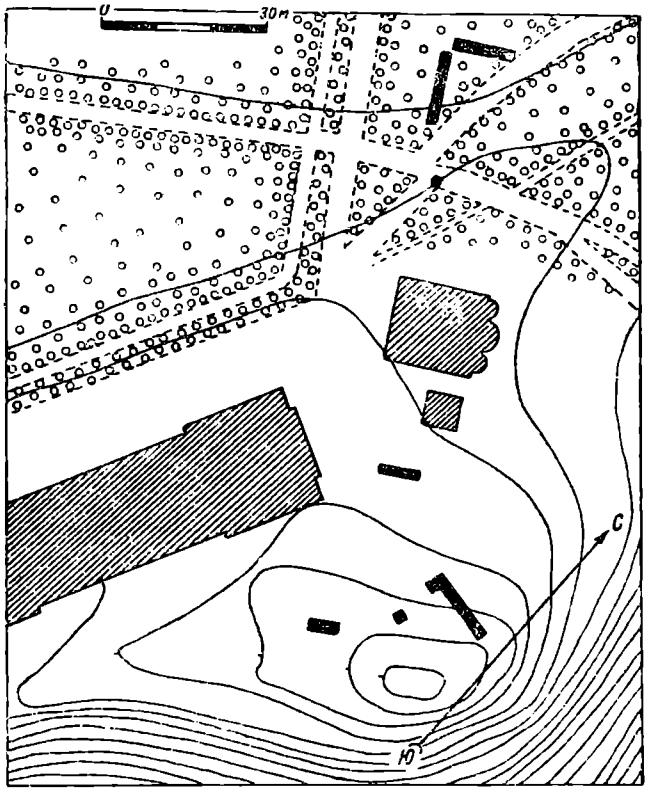


Рис. 69. План разведок 1938 г.

зывал паперть.— *Н. В.*) выстроено несколько покоев, из коих отверстия поделаны в церковь для слушания божественныя службы».[2] О том же наличии дверных проемов совершенно ясно говорят В. Доброхотов[3] и Дмитриевский.[4] Таким образом, на хоры можно было войти с обеих сторон, как это было и в Боголюбове, только там переход и башня располагались иначе, как бы продолжая в стороны западный фасад собора.[5]

Лестничная башня в Боголюбове имела внутри каменную винтовую лестницу с ползучим сводом. Как совершенно бесспорно устанавливается рядом косвенных данных, башни Димитриевского собора представляли лишь каменные футляры, заключавшие деревянные лестницы.[6] Во внешней обработке башен много черт, предваряющих архитектуру XIII в.: килевидная

---

[1] Работы по реставрации велись архит. П. С. Касаткиным.

[2] А. Мусин-Пушкин. Историческое исследование о местоположении древнего Тмутараканского княжения. СПб., 1797, стр. VIII.

[3] Ук. соч., стр. 145.

[4] Н. Д. Взгляд на достопамятности Владимира. М., 1836, стр. 54.

[5] Н. Н. Воронин. Основные вопросы..., рис. 36.

[6] Дело о рест., л. 33 об., л. 199; В. Касаткин. Димитриевский собор. В., 1914, стр. 17—18.

арка, возврат к плоской лопатке, свободная трактовка аркатурно-колончатого пояса, отсутствие «отлива» и утончения верхней части стены. Возможно, что шатровые верхи лестничных башен были здесь выполнены в камне; об этом позволяет догадываться рисунок 1800 г., где под легкой надстройкой колокольни изображена сужающаяся кверху каменная кладка. [1] Специальное изучение вопроса о резном убранстве пристроек позволяет думать, что оно отличалось преимущественно плоскостным характером резьбы, свойственным русской манере, идущей от резьбы по дереву. Возможно, что не только постройка входов на хоры, но и их декорировка была делом особой группы местных мастеров.

Как и в Боголюбове, изучаемые пристройки служили для связи с дворцом. О нем упоминает летопись; его изображение в виде довольно условной «палаты» с легким «мезонином» верхнего этажа находим в Радзивилловской летописи. [2] О дворце очень единодушно высказывался ряд местных краеведов и историков, [3] а в 1852 г. при разбивке бульвара к северу от со-

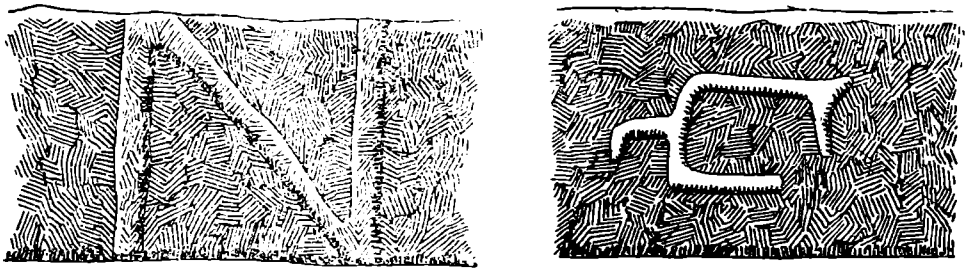


Рис. 70. Знаки на кирпичах

бора, были обнаружены «признаки древних и, вероятно, дворцовых великокняжеских строений из обломков белого камня и извести». [4] Для разбивки бульвара площадь была выровнена и снят значительный слой земли (1.40—2.60 м), так что наши разведки 1938 г. (рис. 69) [5] уже не обнаружили следов самих построек, но встретили лишь пласт белокаменного лома и обломков бута с известью. Из архитектурных фрагментов был встречен обломок тесаного камня, вероятно, от дверного косяка и глиняная неполивная плитка от настила пола.

Несомненно, что и от южной пристройки направлялся переход к башне городской стены, как это было в Боголюбове, или к южному крылу дворцовых строений.

Незаконченность колончатого пояса южной пристройки, отмеченная рисунком Рихтера, повидимому, связана с тем, что здесь примыкал переход и был дверной проем. Следов перехода в непосредственной близости от собора не сохранилось,— здесь разведки наткнулись на большой котлован (более 2 м глубиной) для гашения извести во время постройки присут-

---

[1] Н. В. Малицкий. Ук. соч., стр. 38.

[2] Лавр. летопись под 1193 г.; Радзивилловская летопись (фототипическое воспроизведение рукописи), л. 241.

[3] В. Доброхотов. Ук. соч., стр. 144—145; В. Касаткин. Очерк истории г. Владимира. В., 1881, стр. 39; Д. И. Иловайский. История России, ч. II, стр. 259; В. Прохоров. Археол. обзор древнейших памятников во Владимире и Суздале. Христианские древности, 1875, стр. 50 и др.

[4] В. Доброхотов. Открытие памятников древних строений Димитриевского собора. ВГВ, 1852, № 39.

[5] Разведки велись в 20—27 м от северного фасада собора двумя траншеями 13 и 12 м длиной.

ственных мест 1782—1785 гг. Находящийся к югу от собора большой холм, который, казалось, мог скрывать какие-то развалины, также оказался насыпным. Как показал большой радиальный шурф от полы холма к его вершине, холм этот образовался из глинистого песка, вынутого из рвов фундамента тех же присутственных мест. Как показал глубокий (4.2 м) шурф в поле холма, эта насыпь покрыла поверхность срытого Мономахова вала. Последний шурф, расположенный к югу от собора по прямой линии западного фасада, обнаружил много обломков тонкой квадратной «плинфы», фрагмент желтой поливной орнаментированной плитки пола, обломок сосуда, напоминающего голосник. На двух фрагментах кирпича были знаки мастеров типа смоленских (рис. 70). Видимо, южное крыло дворцовых зданий, в отличие от северного, было кирпичным.

Димитриевский собор, таким образом, следует представлять включенным в сложный ансамбль Всеволодова дворца; он был его центральным наиболее пышным зданием.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА
Вып. XVII 1947 год

III. ТЕЗИСЫ ДИССЕРТАЦИЙ, ЗАЩИЩЕННЫХ В 1944—1946 гг.

Л. А. ЕВТЮХОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ

(Тезисы кандидатской диссертации, защищенной 18 апреля 1946 г. в Ученом совете ИИМК АН СССР)

Автором поставлена задача выделить круг памятников VII—X вв., относящихся к культуре государства енисейских кыргызов, сложившейся в Минусинской котловине.

Письменные данные (китайские и арабские), а также древнекыргызские орхоно-енисейские надписи и многочисленные случайные находки вещей давно уже вызывали интерес к этой культуре. Ее значение в истории Востока было ярко показано академиком В. В. Бартольдом в его очерке «Кыргызы». Однако до сих пор сведения о кыргызском государстве и его культуре оставались недостаточными, и, в частности, не были разобраны данные археологии.

В этой работе использованы все материалы из раскопок курганов, поселений и прочих памятников, наскальные рисунки этого же времени, орхоно-енисейские надписи, а также коллекции отдельных находок Гос. исторического и Минусинского музеев. Кроме того, привлечены данные письменных источников и литературы. Все это позволяет подойти по-новому к характеристике развития материальной культуры кыргызов.

1. Сложение древнехакасского (кыргызского) государства проходило на Среднем Енисее. Благоприятные условия для жизни на территории Минусинской котловины с богатейшими местными ресурсами способствовали этому. Еще в предшествующую таштыкскую эпоху начался процесс формирования физического типа населения Минусинской котловины. Погребальные гипсовые маски родовых усыпальниц таштыкской знати и китайские летописи говорят о смешении аборигенного европеидного типа с монголоидным. Во владения кыргызов входили территории современной Хакасской авт. обл., Минусинского района и, вероятно, Тувинской авт. обл. На востоке владения кыргызов временами достигали Прибайкалья, на западе они ограничивались горами Алтая, на юго-востоке — Саянским хребтом.

2. Преемственность кыргызской культуры от таштыкской доказывается рядом черт, перешедших в кыргызский из таштыкского погребального обряда, особенно его позднейшей формой. Об этом же говорят и аналогии в погребальном инвентаре. Особенно веским доказательством являются находки медных пластинок с изображениями головок животных, найденные в кыргызских могилах, но перешедшие сюда из таштыкских, так же как и керамика, сохраняющая наряду с новыми формами множество таштыкских форм.

Все известные по раскопкам кыргызские погребения можно разделить по хронологическому и социальному признаку на четыре типа.

Первые три типа, объединенные единством форм вещей, в частности общим для них наличием так называемых «кыргызских ваз», характеризуют погребальный обряд и уровень материальной культуры кыргызов VII—VIII вв. Погребения этих типов сделаны под насыпями, сложенными из камней. Насыпи эти обставлены вертикально врытыми в землю каменными плитами. Погребальные ямы первых двух типов, квадратной, подквадратной или округлой формы, сверху заложены накатом из тонких бревен, покрытым берестой. Стенки ям укреплялись вертикально поставленными колышками. Погребение совершалось трупосожжением. Для третьего типа погребений характерным признаком являются узкие длинные могилы. Каменные насыпи этих курганов иногда обставлены вертикально врытыми в землю каменными плитами, но в основном без плит. Кроме трупосожжений, иногда встречаются трупоположения. Если первый и третий типы представляют собой погребения рядовых кыргызов и отличие между ними обусловлено лишь некоторой хронологической разницей, то погребения второго типа принадлежат кыргызской знати, и в их обряде имеются некоторые особенности. К этому типу отнесены большие каменные курганы (до 40 м в диаметре), окруженные высокими каменными плитами. В системе расположения каменных курганов больших чаатасов можно видеть отражение сложной общественной структуры кыргызского государства. Основную часть могильника занимают несколько больших (до 40 м в диаметре) каменных курганов, расположенных цепочкой один возле другого, протяжением с С на Ю. Вокруг них группируются курганы среднего размера, иногда тоже цепочкой, и, наконец, совсем мелкие.

Особенностью больших курганов второго типа является устройство рядом с могильной ямой ямок-тайников, куда клались принадлежности конского убора и личные вещи покойника.

В одном из тайников кургана № 5 Уйбатского чаатаса [1] были найдены особенно интересные вещи: среди них выделяется железное стремя, инкрустированное серебряным узором и медными птичками. По всей вероятности, это стремя китайского происхождения и относится к танской эпохе. В кургане № 2 обращает на себя внимание нижняя часть глиняного сосуда с нацарапанными по сырой еще глине тамгаобразными знаками, носящими характер идеографического письма. Кроме того, в одном из курганов этого чаатаса экспедицией Русского музея был найден серебряный сосудик с орхонской надписью. На основании аналогий из других мест подобного рода сосуды относятся к VII—VIII вв. н. э. Устанавливается связь между крупными каменными курганами и орхоно-енисейской письменностью. Бо́льшая часть находок из курганов Уйбатского чаатаса относится к VII—VIII вв. н. э.

Особое место среди кыргызских могильников с курганами второго типа занимает чаатас у с. Копёны. Как по размерам, так и по находкам, сделанным в них, он достаточно полно раскрывает особенности быта богатой кыргызской знати, резко отличавшейся пышностью своей повседневной жизни от рядовых соплеменников. Возможно, что Копёнский чаатас был кладбищем знати — «народа Ач», одной из ветвей кыргызов, населявшего степи Хакассии от Июсов до Уйбата. Анализ золотой посуды, драгоценных украшений, конского убора и художественных рельефов, изображающих сцены охоты степняков-кочевников на диких зверей, вскрывает высоту искус-

[1] Раскопки Саяно-Алтайской экспедиции под руководством С. В. Киселева.

ства местных мастеров. Под влиянием иранских и китайских образцов они сумели создать свое прикладное искусство, не потерявшее связей с традициями скифо-сибирского звериного стиля.

К четвертому типу погребений относятся каменные курганы с невысокой насыпью, без каменных плит по сторонам; погребения в виде трупоположений; мужские погребения почти всегда в сопровождении коня. Особенно важным является погребение мужчины с конем в кургане № 19 из могильника близ Капчалов, где найдена китайская монета IX в. императора Ву-Цзуна. Эта находка позволяет датировать не только эту группу курганов, но и весь круг памятников этого типа. Погребения четвертого типа в большинстве своем принадлежат конным воинам. Одновременных им богатых погребений пока не найдено, но о том, что их надо искать, говорит наличие в коллекциях случайных находок богатых конских уборов этого времени, несомненно происходящих из погребений. На это же указывают клады вроде Тюхтятского, который также датирован монетами IX в.

3. Места поселений кыргызов еще сравнительно мало исследованы. В основном известны кратковременные поселки-кочевья, расположенные главным образом на дюнах, места добычи железа в сыродутных горнах. Многочисленность обособленных поселков, жители которых по преимуществу занимались ремеслом, позволяет говорить о наличии у кыргызов VII—X вв. значительного слоя свободных ремесленников. В поселении у с. Малые Копёны раскопками установлена преемственная связь между таштыкской и кыргызской культурами. Наряду с обломками кыргызских ваз, там найдены обломки бытовых сосудов, сохранивших в себе традиции татарско-таштыкской керамики, с течением времени отчасти видоизменившейся.

Находки и наблюдения, сделанные на всех перечисленных местах поселений кыргызов, позволяют, анализируя вещевой материал, восстановить основные отрасли кыргызского хозяйства.

4. В кыргызскую эпоху в Минусинской котловине происходит коренное изменение земледельческой техники. Мотыжное земледелие сменяется плужным. Увеличение посевов вызвало необходимость размола большего количества зерна, поэтому, кроме зернотерок, появляются парные ручные вращающиеся жернова, увеличившие производительность труда в 5—6 раз. В степных районах с недостаточной влажностью устраивалась сеть оросительных каналов, известных в Минусинской котловине еще в тагарскую эпоху. Планировка оросительных каналов проводилась с большим искусством, с применением технических приспособлений в зависимости от рельефа местности.

Орудия для обработки земли в кыргызскую эпоху отличаются разнообразием форм.

5. Важнейшую роль в хозяйстве кыргызов играло кочевое скотоводство. Костный материал из раскопок Копёнского поселения по процентному соотношению на первое место выдвигает барана, затем лошадь и корову. Надгробные эпитафии и скальные рисунки также говорят о большой роли скотоводства в эту эпоху.

Большую роль в хозяйстве кыргызов играли также охота и рыболовство. На скальных рисунках имеются изображения сцен облавной охоты и различных диких животных, на которых охотятся кыргызы. Копёнские рельефы сцен охоты также дают об этом представление.

6. Посуда кыргызов выделывалась своими мастерами. «Кыргызские вазы» — также продукция местных гончаров, а не привозные из Монголии, как думали ранее.

7. Широкое развитие кузнечного дела у кыргызов требовало большого количества материала. Руда добывалась в подтаежных районах Минусинской котловины.

Сыродутные горны исследованы В. Л. Левашевой, благодаря чему теперь хорошо известны их устройство и процесс добычи железа.

8. Бронзовые и медные украшения, главным образом конского убора, и поясные наборы кыргызов отличаются большим разнообразием. Производство находилось в руках тех же кузнецов, сочетавших и ремесло литейщиков. В тесной связи с кузнецами работали кыргызские ювелиры. Благодаря развитой торговле кыргызы были знакомы с художественными произведениями Ирана и Китая. В своих изделиях кыргызские ювелиры сумели переработать эти образцы и на основе местных художественных традиций более раннего времени создали новое степное искусство.

Кроме того, у кыргызов были свои каменотесы, создававшие каменные изваяния и надгробные стелы с высеченными на них надписями. Местные художники покрывали скалы своими рисунками, запечатлевая в них различные военные и охотничьи сцены из жизни кыргызов.

9. Китайские летописи, наскальные рисунки, эпитафии и погребения дают нам представление о структуре, вооружении и снаряжении кыргызского войска. Особенно много подробностей можно почерпнуть из изображений, высеченных на скалах.

10. Богатые ресурсы сырья в Минусинской котловине, выделение и развитие ремесла в кыргызском государстве создали благоприятные условия для широкого обмена как внутреннего, так и внешнего. Изделия кыргызских кузнецов-ювелиров имеют широкое распространение в Саяно-Алтайском нагорье. Предметы из одних литейных форм найдены в разных местах Минусинской котловины и на Алтае. Продукция кыргызских ремесленников достигала и среднеазиатских рынков. Даже китайцы ценили кыргызские наконечники стрел.

Широкий обмен вызвал большой приток к кыргызам иноземных товаров. Китайские летописи говорят о том, что три раза в году из Даши на Енисей отправлялся караван из 20 или 24 верблюдов с узорчатыми шелковыми тканями. На обширную торговлю с Китаем указывают находки в кыргызских могилах произведений китайского искусства, а также большое количество китайских монет Танской эпохи, особенно чеканки 841—846 гг., времени господства кыргызов в Монголии.

11. Материалы, накопленные археологическими раскопками, главным образом в течение последнего десятилетия, позволили приступить к обобщениям. Памятники материальной культуры енисейских кыргызов вскрывают сложную структуру кыргызского государства, а также важнейшие особенности их хозяйства и быта.

Л. П. ЯКУШИНА

ИСТОРИЯ ЖЕМЧУГА В РУССКОЙ ОДЕЖДЕ

(Тезисы кандидатской диссертации, защищенной в заседании Ученого совета Исторического факультета МГУ в 1944 г.)

1. Памятники материальной культуры и письменности дают уверенность в том, что жемчуг привозился на Русь из разных стран. Тесная связь истории жемчуга на Руси с историей нашей внешней торговли дает возможность указать те страны, из которых привозился жемчуг. Свидетельства путешественников (начиная с XIII в.) указывают на Индию с соседним островом Цейлоном как на место наиболее древней ловли жемчуга. Одно из древней-

ших мест ловли жемчуга — Персия (Иран) — дает «гурмышский», или «бурмицкий», жемчуг, ценившийся на Руси очень высоко. Китайский же жемчуг не считался у нас ценным.

Добыча жемчуга со дна морского сопряжена с большими трудностями, и тяжелая профессия ловцов морского жемчуга губительно влияет на их здоровье и сокращает продолжительность их жизни.

2. Привоз жемчуга из-за границы вызывает путешествия русских купцов (начиная с XV в.) в страны Востока и Запада. Восточными купцами и западными также производилась доставка жемчуга в древнюю Русь. Существование «жемчужного» ряда в Москве и было вызвано значительностью торговых оборотов по жемчугу. «Торговая книга» XVI в. указывает на зависимость ценности жемчуга от величины, формы, блеска, игры и цвета жемчужного зерна. Определение на Руси в XI—XV вв. выдающегося жемчуга наименованием «велий», «великий», «великий бесценный» подтверждается рядом дошедших до нас письменных источников. Оценка формы жемчужного зерна в XVI—XVII вв. определяется наименованием «скатный», «окатный». Упоминания о лучших жемчужинах, встречающихся в истории, свидетельствуют, что жемчужные украшения и отдельные жемчужины высоко ценились во все времена и у всех народов. Широкая распространенность употребления высококачественного жемчуга доказывается восхищенными отзывами иностранцев, посещавших Россию в XVI—XVII вв.: жемчуг «в России употребляется более, нежели во всей Европе» (Маржерет).

3. Исторические данные и памятники материальной культуры подтверждают существование русского жемчуга, добывавшегося в русских водах. Географические условия Руси определили применение особых методов ловли жемчуга. Изучение подготовки жемчуга к его употреблению для украшений и для шитья опровергает распространенное мнение, что жемчуг по его извлечении из раковины не требует никакой обработки. «Алмажение» жемчуга возвращает также и умирающему жемчугу его первоначальные качества (цвет, блеск, глянец).

4. Первое русское законодательство о жемчуге было вызвано попытками Петра I взять жемчужный промысел под контроль государства. Повторение Петровских указов о жемчужной ловле издается Екатериной II в последних законодательных статьях о ловле жемчуга. «Торговая книга» конца XVI в. свидетельствует о высоких ценах на жемчуг в конце XVI и начале XVII в. Большой спрос на жемчуг и в то же время высокие расценки на него вызвали появление поддельного жемчуга (впервые в античное время, а затем с XVI в. н. э., а возможно — и ранее). Подделка жемчуга, изобретенная в XVII в. в Париже Pierre Jaquin, приобретает большую популярность и практикуется до настоящего времени.

Украшение поддельным жемчугом русских народных одежд, церковных предметов отмечается главным образом в XVIII в., т. е. со времени упадка добычи русского жемчуга. Уменье китайцев и японцев вырабатывать поддельный жемчуг, трудно отличимый от настоящего, доставляет им большую прибыль. Разведение японцами «японского» жемчуга, занимающего особое место в истории жемчужного промысла, дает возможность говорить о культуре жемчуга, т. е. об особом искусственном способе выращивания настоящего жемчуга.

5. Украшение русским и привозным жемчугом народной одежды и церковных предметов развили на Руси искусство «низанья» и «сяженья» жемчугом. Уменье русских женщин «низать», «садить» жемчугом отмечается рядом свидетельств иностранцев XVI—XVII вв. «Низанье» и «саженье» (с технической стороны) представляет собой два различных вида работы:

во-первых, «низанье» насквозь, без ткани,— сквозной сеткой (имеет много общего с кружевной работой); во-вторых, «саженье» — нашивка жемчуга на какую-либо ткань — работа, близкая к вышивке. Нашивка жемчуга на ткань технически выполняется двумя способами: 1) либо зерна нашиваются непосредственно на ткань, 2) либо на настил, выметку, приготовляемую из белого шнура или из «бели». Приготовление «бели» для жемчужного шитья само по себе отмечалось и составляло особый раздел работ. Летописные данные и дошедшие до нашего времени памятники шитья жемчугом свидетельствуют, что искусство это на Руси ведет свое начало с очень давних времен. Расположение зерен жемчуга при нанизывании дает различные способы «низанья» жемчуга, в зависимости от чего существуют свои особенные специальные технические термины. Сложность узора вызывала иногда участие в выработке рисунков для низания и вышивания, помимо самих вышивальщиц, и квалифицированных художников того времени — «знаменщиков».

6. Жемчуг был любимым и постоянным украшением русской одежды; об этом свидетельствуют архивные источники и материальные памятники. Сведения об украшении им одежд встречаются в самые ранние времена русской истории. При передаче одежды от отца к сыну, одежда, саженная жемчугом, как наиболее ценная отмечалась в грамотах, благодаря чему и сохранились названия этих одежд. «Сажение» жемчугом отмечается в одеждах мужских и женских, верхних — выходных и «исподних» — комнатных, царских и крестьянских. Шитье жемчугом имеется на поясах, обуви, головных уборах, ожерельях, запястьях и пр.

7. Столь обильное украшение жемчугом русской одежды возможно было только при условии существования своего русского жемчуга. Обилие жемчуженосных рек в Европейской России доказывается архивными и историческими материалами. Высказывания иностранные и русские свидетельствуют о достоинствах русского жемчуга, а часто и о его высокой цене: «такие зерна, кои немногим восточным уступают» (Олопеус).

8. Хищнические способы ловли жемчуга привели к упадку жемчужного промысла на Руси. Падение жемчужного промысла произошло вследствие того, что добыча жемчуга была делом частным, а не государственным.

Г. Б. ФЕДОРОВ

РУССКИЕ МОНЕТЫ УДЕЛЬНОГО ПЕРИОДА

(Тезисы кандидатской диссертации, защищенной 31 октября 1946 г. в Ученом совете ИИМК АН СССР)

1. В XII в. из-за резкого сокращения поступления серебра на Русь произошло первое коренное изменение русской денежной гривны. Оно выразилось, во-первых, в уменьшении ее веса вдвое (с 96 до 48 зол.), во-вторых, в превращении гривны из счетно-весовой единицы в самостоятельную реальную единицу — слиток серебра. В результате закономерного для всех денежных единиц постепенного падения веса к концу XIII в. вес гривны упал с 204, 756 г (48 зол.) до 195 г.

2. Татарское нашествие и наступившее вслед за ним татарское иго всей своей тяжестью обрушились на северо-восточные русские земли и сопровождались колоссальным вывозом и грабежом серебра и подрывом экономики. В результате, во второй половине XIII в. произошло второе коренное из-

менение денежной гривны, выразившееся во вторичном уменьшении ее веса вдвое (с 195 до 97.5 г). Уменьшенная вдвое путем разруба гривна стала называться рублем.

3. В северо-западных новгородских землях, не затронутых непосредственно татарским нашествием и ведших широко развитую внешнюю торговлю, сохранилась прежняя денежная единица — гривна (слиток в 195 г). На нее также из северо-восточных земель перешел термин «рубль», так как позволял отличать ее от весовой гривны. В результате этого со второй половины XIII в. создались две русские денежные единицы: рубль московский — слиток весом в 97.5 г — и вдвое более ценный рубль новгородский — слиток весом в 195 г.

4. В 60-х годах XIV в. Московское великое княжество, укрепив свою экономику и встав на путь открытой борьбы с татарами, приступило к чеканке собственной монеты.

5. Русская монетная система возникла на основе русской домонетной денежной системы. Основой монетной стопы был московский рубль — слиток весом в 97.5 г, из которого чеканилось 100 монет, весом первоначально 0.92 г каждая, а оставшаяся часть слитка (5.5 г) шла на уплату в качестве государственной пошлины за помещение великокняжеской печати при перечеканке серебряного слитка в монеты или при клеймении рубля-слитка, который также соответственно уменьшился в весе до 92 г. Уменьшение в весе московского рубля-слитка вызвало и пропорциональное уменьшение в весе новгородского рубля-слитка, который с конца XIV — начала XV в. стал весить 184 г.

6. Потребность в собственной чеканной монете на Руси была столь сильной, что уже в первой четверти XV в. чеканная монета получила широкое распространение на Руси и к середине XV в. вытеснила в основном все домонетные денежные единицы.

7. С самого начала своего возникновения и на всем протяжении существования московская монетная система имела определяющее и все возраставшее влияние на все остальные центры чеканки монет на Руси, которых в первой четверти XV в. было свыше двадцати. Только два княжества позаимствовали вес монет от зарубежных соседей: Тверь — от Литвы, а Рязань — от татар. Во всех остальных княжествах и городах был позаимствован вес московских монет. В Новгороде и Пскове, где монеты московского веса чеканились на основе новгородского рубля-слитка, образовался особый новгородский счетный рубль из 216 денег. Новгородский счет сохранился до конца XVI в.

8. Московское правительство в целях фискальной эксплоатации медленно и постепенно снижало вес денег. В первой четверти XV в. из-за различных экономических и политических причин в Московском великом княжестве была сорвана первая попытка объединения великокняжеской и удельных денежных систем, и разразился острый денежный кризис. Он сопровождался резким падением веса денег, уменьшившегося в половину по сравнению с докризисным (с 0.80 до 0.40 г). Московский рубль-слиток стал фактически соответствовать не 100, а 200 деньгам и как архаическая единица к середине XV в. вышел из употребления.

9. Денежный кризис в Московском великом княжестве потряс всю русскую денежную систему, находившуюся под влиянием московской. В Новгороде это потрясение выразилось в бунте в 1447 г. против денежников, а в других городах и княжествах (кроме Твери) — в резком катастрофическом падении веса денег, приведшем (наряду с политическими завоеваниями Москвы) к уничтожению большинства удельной чеканки или к слиянию ее с московской.

10. Благодаря экономическому и политическому могуществу Московское великое княжество преодолело к 1456 г. денежный кризис и стабилизировало денежную систему, обогащенную включением большинства русских центров чеканки (в том числе и Новгорода) и введением новых мелких денежных единиц — медных пуло. Новгородские деньги, соответствовавшие по весу докризисным московским деньгам (0.80 г), были включены в единую русскую денежную систему, как ее основные единицы (100 денег на рубль), и сохранили наименование «новгородки». Упавшие во время кризиса в весе московские деньги (0.40 г) были сохранены в единой русской монетной системе в качестве полуденег и сохранили название «московки».

11. При Иване III и Василии III объединение русской монетной системы продолжалось. Чеканка монет вместо 20 самостоятельных монетных дворов была сохранена и сконцентрирована на четырех монетных дворах: в Москве, Новгороде, Пскове и Твери и там производилась по единой системе от имени Московского великого князя. Указом была установлена новая основа монетной системы — весовая гривенка в 48 зол. (204, 756 г), из которой надлежало чеканить 260 денег весом 0.80—0.78 г каждая. Наряду с борьбой с злоупотреблениями в денежном деле, это привело к стабилизации веса русских денег, который с тех пор снижался очень медленно. Все денежные единицы были приведены в строгое и стройное соотношение друг с другом. Появившееся на русских монетах еще при Василии Дмитриевиче изображение св. Георгия стало при Иване III господствующим на московских монетах и вместе с заимствованным из Византии двуглавым орлом превратилось в герб Московского государства.

12. В княжение Ивана IV (1533—1547) унификация русской монетной системы была завершена. Указом 1535 г. и рядом реформ была установлена стройная монетная стопа — 300 денег из весовой гривны, в соответствии с фактическим весом: 0.68 г для деньги, 0.34 г для полуденьги и 0.17 г для введенной вместо медных монет мелкой серебряной монеты — четвертцы. Деньга получила название «копейка», с изображением всадника с копьем; полуденьга — «саблянница», с изображением всадника с саблей; четвертца — «полушка», с изображением летящей птицы. Копейка и саблянница чеканились только от имени московского князя, полушка — от имени московского князя, а также и от имени крупных городов — Пскова, Новгорода и Твери. Московская монетная система обрела стройность и единство, соответствовавшие ее роли в едином и могущественном Московском государстве.

13. Изображения на монетах отражают важнейшие события эпохи (например, победу на Куликовом поле) и высокий уровень развития материальной и духовной культуры Древней Руси.

14. Топография монетных кладов показывает, что районы распространения монет в период самостоятельности отдельных княжеств и городов не выходили за пределы их собственных территорий. После создания единого Московского государства монеты различных русских городов, как показывает топография кладов, имели беспрепятственное хождение по всей территории Руси, свидетельствуя о колоссальном возрастании экономических связей и о прогрессивности ликвидации феодальной раздробленности.

15. Топография кладов показывает, что район экономического влияния Московского великого княжества, уже начиная с Василия Дмитриевича, вышел за пределы самого княжества и затем, неизменно и быстро расширяясь, в первой четверти XVI в. охватил всю территорию Древней Руси, свидетельствуя об экономическом единстве Русского государства.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

вып. XVII 1947 год

IV. ИНФОРМАЦИИ

И. А. ТАЛИЦКАЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БАССЕЙНА Р. КУВЫ

Сектор неолита, бронзы и раннего железа ИИМК ведет работу по приведению в порядок архива покойного М. В. Талицкого. Выполнение этой работы поручено мне.

Работая в Прикамье около 10 лет, М. В. Талицкий исследовал и систематизировал большой материал. В результате его работ составлена картотека из 33 разделов, включающая сведения свыше чем о 1500 памятниках бассейна р. Камы и свыше чем о 1000 памятниках бассейнов рек Мезени, Сев. Двины, Печоры и низовьев Оби с ее левыми притоками.

Систематизация архива М. В. Талицкого может дать: 1) материал для составления археологической карты памятников с сопроводительным текстом, содержащим наиболее полные сведения об их местонахождении и о месте хранения коллекций; 2) сводный указатель источников сведений о памятниках этого района; 3) результаты проверки и личного обследования памятников М. В. Талицким и датировку их; 4) планы памятников и зарисовки неизданных предметов.

Предлагаемая краткая информация является частью этой работы и имеет целью на небольшом участке археологической карты показать ее характер.

Бассейн р. Кувы был выбран для этой цели главным образом потому, что именно здесь М. В. Талицким в 1938 г. было произведено обследование и получены новые данные.

Река Кува — левый приток Иньвы [1] — протекает по Коми-Пермяцкому национальному округу Молотовской обл. Памятники даны в порядке номеров археологической карты р. Иньвы (см. прилагаемую карту), на которой зарегистрировано 139 археологических пунктов. Памятники р. Кувы имеют номера с 96 по 115 (включительно). Цифры в скобках обозначают номера прилагаемого списка источников.

В прилагаемом отрезке карты (р. Кува) имеется три разновременных городища (№ 96, 104, 114), два могильника (№ 97, 107), три клада (№ 108, 109, 112), три селища (№ 106, 110, 111) и семь случайных находок (№ 98, 99, 100, 103, 105, 113, 115).

В тексте имеются сведения о двух памятниках (№ 101, 102), встречающихся в литературе, но не обнаруженных при обследовании М. В. Талицкого. На карту они не нанесены.

В конце информации дан указатель памятников в алфавитном порядке.

№ 96. Кудымкарское городище расположено на окраине гор. Кудымкара, на левом берегу р. Кувы при впадении ее в Иньву, на Красной Горке, над мельничной плотиной.

Городище известно давно. Большой материал о нем имеется в коллекции Теплоуховых в Пермском музее [15]; [1] в Кудымкарском музее [9]; небольшое количество в Свердловском [17] и Казанском [4] музеях. В 1877 г. оно было раскопано А. Е. Теплоуховым и описано в его работах.

При обследовании М. В. Талицкого в 1938 г. на городище обнаружен мощный культурный слой, глубиной свыше 1 м. Слой разделялся на нижний, с керамикой позднеломоватовского типа конца IX—X вв., и верхний XI—XII вв., с отдельными элементами XIII в. В одном месте по обнажению прослежено жилище родановского типа. Проработка материала с городища дала М. В. Талицкому полное основание датировать его IX—XIII вв. н. э. Источники: [25, 26], [10], [11], [6, 7], [20], [21, 23].

№ 97. Кудымкарский могильник расположен на западном склоне Кудымкарского городища (см. № 96) [10].

№ 98. Отевская случайная находка. В с. Отево, в 9 км на юг от с. Белоевского, в урочище Падиб несколько лет тому назад жителем села Ив. Нечаевым найден каменный диоритовый топор-клин

[1] р. Иньва — правый приток Камы.

[1] Список источников см. в конце статьи.

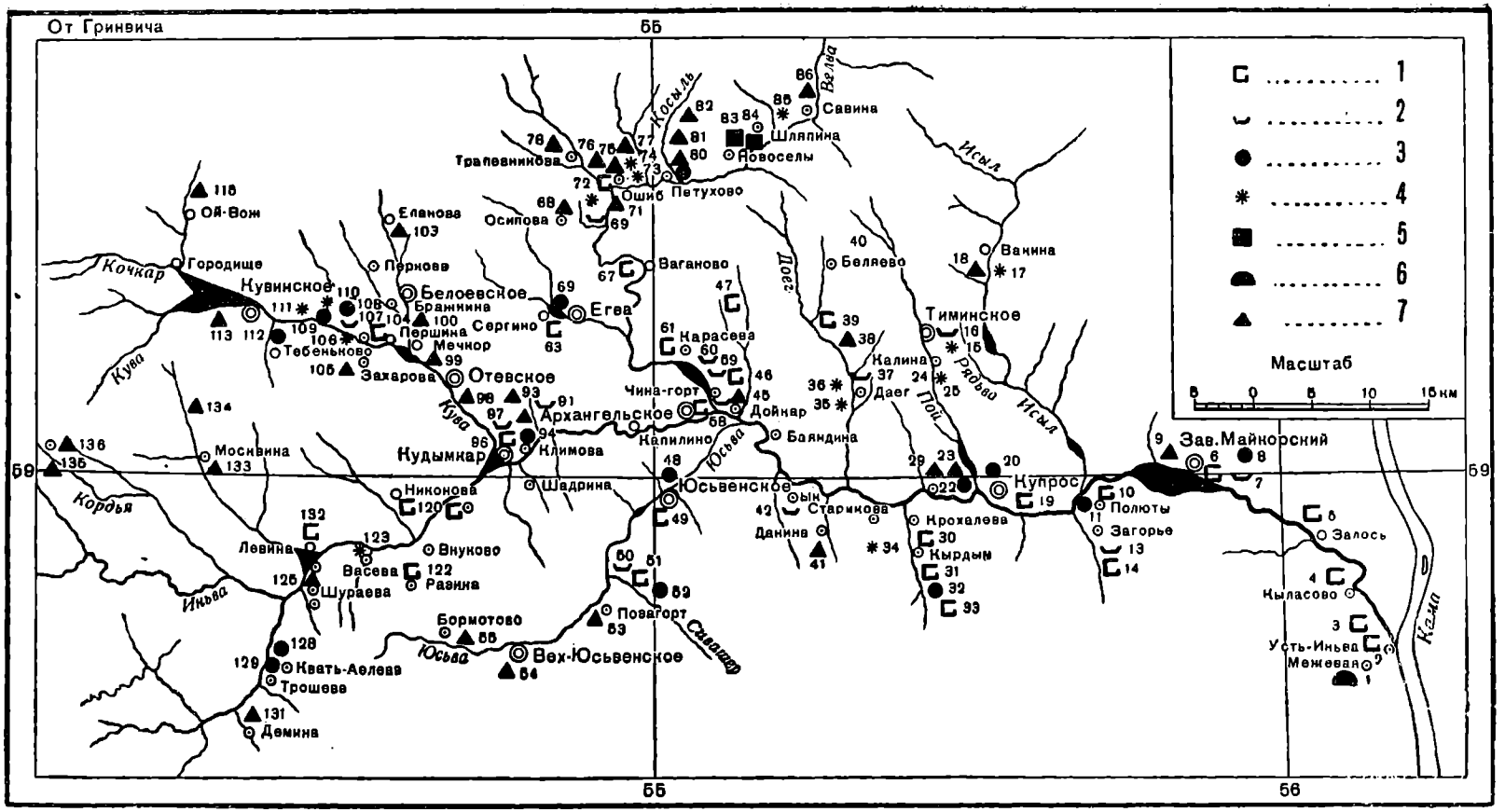


Рис. 71. Карта археологических памятников бассейна р. Иньвы

1 - городище; *2* — могильник; *3* — клад; *4* — селище; *5* — стоянка; *6* — курган; *7* — отдельные находки

крупных размеров: длина 21 см, ширина 6 см, наибольшая толщина 3.5 см. Почти вся поверхность клина зашлифована, лишь на обухе осталась часть корки. По указаниям Нечаева, топор найден при косьбе на лугу [21].

№ 99. Мечкорская случайная находка. На пашне дер. Мечкор, в 5 км к югу от с. Белоевского, на р. Мечкоре (левый приток Кувы), найден кремневый наконечник копья, обработанный оббивкой, длиной около 3 вершков, при ширине в $^1/_2$ вершка [10].

№ 100. Белоевская случайная находка. Близ с. Белоевского на р. Мечкоре найдена медная коническая трубочка, изданная Спицыным, который относит ее к XVIII в. М. В. Талицкому, при обследовании в 1938 г., никто не смог указать место находки [20, 22].

№ 101. Бражкино городище. В списках городищ Кудымкарского музея говорится о наличии городища Кочкар в дер. Бражкиной, на р. Лопве (левый приток р. Кувы), в 2 км от с. Белоевского. При обследовании Талицкого в 1938 г. сведения о городище не подтвердились [8, 22].

№ 102. Перковское городище. Кривощеков упоминает городище у дер. Перковой на р. Лопве (левый приток р. Кувы), в 7 км от с. Белоевского. При обследовании М. В. Талицкого в 1938 г. сведения о городище не подтвердились [6, 22].

№ 103. Епановские случайные находки. Близ дер. Епановой на рч. Исаковке (приток р. Мечкора), в 8 км к северу от с. Белоевского, в 1914 г. найдено шесть серебряных гривен весом 250 зол. [16].

№ 104. Першинское городище. Находится в 5 км на ЮЗ от с. Белоевского, на верхнем конце дер. Першино через овражек, против последних построек. Вал сохранился хорошо. Слой распахан до основания. В 1938 г. Талицким найдено несколько обломков сосудов с сильно выщербленной поверхностью, не позднее IX в. [8, 21].

№ 105. Захаровская случайная находка. В пойме р. Кувы, при пашне, метров 300 ниже старого моста через р. Куву в с. Захарово жителем села И. А. Плотниковым найден круглый жернов из плотного песчаника, относящийся к X—XII вв. [22].

№ 106. Кипрушевское селище. Спицыным изданы следующие вещи, найденные между деревнями Кипрушевой, Егоровой и Мальцевой на правом берегу р. Кувы, в 8 км на восток от с. Кувинского, которые он датирует разным временем: 1) железный наконечник стрелы VIII в.; 2) нагрудная подвеска XI в.; 3) железный наконечник стрелы треугольной формы XIII—XIV вв. Вещи хранятся в Пермском музее в коллекции Теплоуховых. По словам местных жителей, в окрестностях этих деревень находили во множестве бронзовые, медные и серебряные предметы.

В 1938 г. М. В. Талицкий обследовал указанное ему место находок — поле при рч. Закшорке, близ впадения ее в Куву, там, где дорога из Мальцевой в Захарово поднимается из поймы на невысокую террасу. По его мнению, здесь было селище, теперь полностью распаханное [8, 12, 21].

№ 107. Мальцевский могильник. Находится в 8 км на восток от с. Кувинского, на верхнем конце дер. Мальцевой, на мысу над кузницей. Он хорошо различим по западинам могил. Вещи из этого могильника находятся в коллекции Теплоуховых в Пермском музее [15] и в Эрмитаже [30]. Спицын датирует его X в. [2, 5, 20, 21, 27].

№ 108. Мальцевский (Калгановский) клад 1878 г. В 8 км на восток от с. Кувинского, в поле около р. Кувы, в одной версте по ее течению от дер. Мальцевой, на берегу ручья Калгановки, протекающего по низкой местности, называемой по-пермяцки «Нюр-дор» (край болота), в июне 1878 г. крестьянином Плотниковым был найден клад, состоящий из пяти серебряных сосудов и десяти шейных серебряных колец. Клад куплен А. Е. Теплоуховым у находчика. Спицын датирует его X в. н. э. [2, 7, 18, 20, 28].

№ 109. Мальцевский клад 1901 г. В окрестностях дер. Мальцевой в 1901 г. крестьянином Плотниковым найдены на поверхности земли следующие старинные вещи: 1) две парные серебряные серьги, 2) такая же серьга меньших размеров, 3) четыре медные подвески и некоторые другие вещи. Все эти находки Спицын относит к X в. Вещи переданы в Исторический музей [3] и в Эрмитаж [30]; [13, 14, 20, 21].

№ 110. Мальцевское селище. В верхнем конце дер. Мальцевой М. В. Талицким обнаружен культурный слой. В нижних горизонтах его найдена ломоватовская керамика и хрустальная бусина того же времени. Над нижним горизонтом слой жилища с остатками пола и каменной плоской очажной кладкой [22].

№ 111. Гумпавог-селище. Находится посреди дер. Мальцевой за огородом П. А. Плотникова, около лужка Гумпавог. Здесь М. В. Талицким в 1938 г. обнаружен культурный слой, аналогичный тому, что на мальцевском селище (см. № 110) [22].

№ 112. Тебеньковский клад. В 4 км на юг от с. Кувинского, близ дер. Тебеньковой, были выпаханы серебряные блюда и кувшины, поступившие в коллекцию Строгановых.[1] [6, 24].

№ 113. Козьминская случайная находка. В 2 км от с. Кувинского, на правом берегу рч. Налима-Шор, в 1.5 км от старой дороги, близ дер. Кузьминой

[1] Коллекция Строгановых передана в Эрмитаж.

найден ральник, рисунок с которого имеется в архиве Теплоухова [29].

№ 114. Городищенское городище Кочкар. Находится в 10 км на СЗ от с. Кувинского, почти сразу за дер. Городище, на мысочке, подмываемом водой. Вал почти распахан и в ближайшие годы, очевидно, совсем сравняется с поверхностью земли. На площадке городища пашня. Культурный слой виден на более низкой части площадки, на мысу. В 1938 г. М. В. Талицким найдены обломки глиняной посуды типично ломоватовского облика (скорее — позднеломоватовского VIII—IX вв.) с сильно выщербленной поверхностью.

В архиве Теплоуховых имеется рисунок ральника, найденного «на левом берегу р. Кочкар выше дер. Городище» [21, 29].

№ 115. Ойвожская случайная находка. В 8 км на СЗ от с. Кувинского, близ починка Ойвож, на берегу рч. Кочкар (левый приток р. Кувы) найден ральник, рисунок которого имеется в архиве Теплоуховых [29].

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Алфавитный указатель памятников, расположенных в бассейне р. Кувы

Название и вид памятника	№ памятника	Название и вид памятника	№ памятника
Белоевская случайная находка	100	Кудымкарский могильник	97
Бражкино городище	101	Мальцевский могильник	107
Городищенское городище	114	Мальцевский (Калгановский) клад 1878 г.	108
Гумпавог селище	111	Мальцевский клад 1901 г.	109
Епановские случайные находки	103	Мальцевское селище	110
Захаровская случайная находка	105	Мечкорская случайная находка	99
Кипрушевское селище	106	Ойвожская находка	115
Ключ-Иур-Иыв находка (селище?)	106	Отевская случайная находка	98
Козьминская находка	113	Перковское городище	102
Кочка городище	114	Першинское городище	104
Кудымкарское городище	96	Тебеньковский клад	112

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Список источников, использованных при составлении археологической карты памятников бассейна р. Кувы — левого притока Иньвы

№ пп.	Автор или место хранения	Название работы и место издания	№ памятника
1	Вологдин П. А.	Очерк губернского города Перми, Пермь, 1887	112
2	Вологдин П. А.	Письмо о Мальцевском кладе. Антропол. выст., т. II, М., 1878—89	107, 108
3	Исторический музей	Коллекции	109
4	Казанский музей	Коллекции	96
5		Каталог выставки археологических коллекций и предметов древности Пермского края, Пермь, 1894	107
6	Кривощеков И. Я.	Материалы для истории села Кудымкары Соликам. у., Пермской губ., Пермь, 1894	96, 102, 112
7	Кривощеков И. Я.	Народонаселение Прикамья в прошлом и настоящем. Изд. «Кама», под. ред. Сюзева, Пермь, 1911	96, 108
8	Кудымкарский музей	Список городищ и священных мест (в архиве Кудымк. музея)	101, 104
9	Кудымкарский музей	Коллекции	96
10	Малахов	Отчет об антропол. исслед. 1881—82 гг. (рукопись в ИИМК)	96, 97, 99
11	Малиев	Антропологический очерк племени пермяков. Тр. Об-ва естествозн. при Каз. ун-те, Казань, 1887, т. XVI, вып. 4	96

Продолжение приложения 2

№ п.п.	Автор или место хранения	Название работы и место издания	№ памятника
12	Остроумов И. Г.	Список географических пунктов, в которых найдены доисторические памятники и предметы. Пермский краевед. сб., Пермь, 1926, вып. II.	106
13		ОАК, 1901	109
14		ОАК, 1902	109
15	Пермский музей	Коллекции	96
16	Пермский музей	Архив	103
17	Свердловский музей	Коллекции	96
18	Смирнов Я. И.	Восточное серебро. СПб., 1909	108
19		Список населенных мест Пермской губ. Соликамский у. Изд. Пермск. губ. земства, Пермь, 1909	96 97 98 99,100, 101,102,103,104, 105,106,107,108, 110,111,112,113, 114,115
20	Спицын А. А.	Древности Камской чуди по коллекциям Теплоуховых. М., 1902, № 26	96,100,106,107, 108
21	Талицкий М. В.	Археол. памятники бассейна р. Иньвы (Научный отчет о командировке 1938 г. Рукопись)	96 98 104,106, 107,109,114
22	Талицкий М. В.	Дневник обследования р. Иньвы в 1938 г. Рукопись	101,102,105,110. 111
23	Талицкий М. В.	Верхнее Прикамье в X—XIV вв. 1940 (рукопись)	96
24	Талицкий М. В.	Архив	112
25	Теплоухов А. Е.	О Чудском селище близ с. Кудымкар Солик. у. Зап. УОЛЕ, Екатеринбург, 1880, т. VI, вып. I.	96
26	Теплоухов А. Е.	Описание коллекции черепков глиняной посуды из Чудского селища у с. Кудымкар в Солик. у. Зап. УОЛЕ. Екатеринбург, 1884, т. VII, вып. 4	96
27	Теплоухов Ф. А.	Земледельческие орудия Пермской чуди. Пермский край. Пермь, 1892 т. I.	107
28	Теплоухов Ф. А.	Древности Пермской чуди из серебра и золота и ее торговые пути. Пермский край. Пермь, 1895, т. III	108
29	Теплоуховы	Архив в Пермском музее	113,114,115
30	Эрмитаж	Коллекции	107,109

С. А. ТАРАКАНОВА

НАХОДКА ИЗ ГОРОДНИ НА ВОЛГЕ

Летом 1945 г. при археологических раскопках поселения Городня на Волге был найден кремневый предмет, вызвавший большой интерес у многих археологов.

Условия находки. Городище Городня находится на правом высоком берегу Волги, в 40 км ниже гор. Калинина. Городище и окружающее его селище представляют интерес прежде всего как феодальный памятник удельного периода, но здесь были найдены материалы, относящиеся и к более ранним культурам: славянской, дьяковой и бронзовой (возможно, поздне-неолитической).

В 1944 и 1945 гг. раскопки производились у подножья городища на самом берегу Волги. На том же участке, на речном песке собран обильный подъемный материал, главным образом славянский. Были найдены: лавролистовидный кремневый наконечник стрелы с прекрасной обработкой всей поверхности и ретушировкой краев, фраг-

мент ямочно-гребенчатой керамики, относящейся к позднеолитическому или, возможно, бронзовому веку, масса мелких дробленых костей животных и кремневых отщепов.[1]

В 1945 г. раскоп № 3 был заложен к северу (вверх по течению Волги) от раскопа № 2, примыкая к последнему вплотную. По снятии дернового и славянского культурного слоя мощностью в 60—70 см, в северо-западном углу раскопа, примыкавшего к подножию городища, обнажилась прослойка желтой очень жирной глины, с незначительным вкраплением серой глины и песка. Мощность залегания глиняной прослойки в крайнем северо-западном углу квадрата 7 достигала 40 см, постепенно снижаясь в южном и восточном направлениях и переходя в квадратах 4, 5, 8 и 9 в смешанный слой глины с песком.[2] В этой прослойке не найдено ни одного предмета или фрагмента керамики славянской культуры, но часто встречались мелкодробленые кости животных, угли и сетчатая керамика дьякова типа.

По снятии глины, на глубине 80—105 см от современной поверхности, обнажился слой интенсивно черной земли с большой примесью мелкого угля и золы. На глубине 110 см у северного профиля квадрата 7, на границе с квадратом 8, обнаружены остатки глинобитной площадки (возможно, пола), толщиной в 5—7 см. Рядом с этой площадкой, на одном уровне, в квадрате 7 найден описываемый нами кремневый предмет. В этом же слое найдено несколько фрагментов керамики, которая по характеру выработки и орнаменту может быть отнесена к эпохе бронзы (рис. 72). Здесь же найдены комки красной краски. Мощность залегания данного слоя составляла 30—45 см. Его подстилала серая материковая глина.

Следов нарушения культурных слоев в этой части раскопа не обнаружено. Все же для контроля была сделана прирезка с западной стороны раскопа, размером 2 × 4 м. Она не дала никаких новых материалов, кроме нескольких фрагментов эпохи бронзы, аналогичных ранее найденным. Признаков каких-либо перекопов здесь также не оказалось.

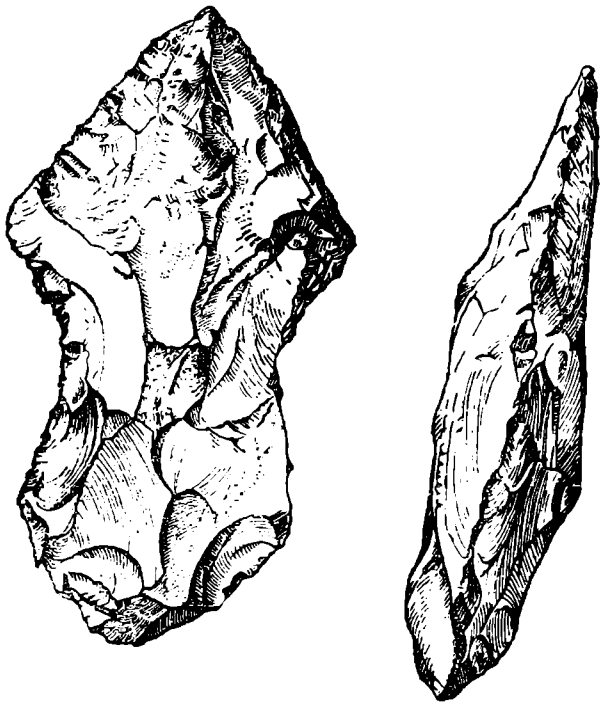


Рис. 72. Кремневый предмет из Городни

Описание находки. Найденный предмет массивен и тяжеловесен. По виду он напоминает наконечник копья, но по своей массивности и размерам далек от такого сравнения. Он сделан из кремневого желвака, в изобилии встречающегося в Верхнем Поволжье. Один его конец (возможно, рабочий) имеет ромбовидную форму, другой представляет собой как бы несколько уплощенный массивный черешок с закругленным верхом. В месте соединения этих двух частей предмета образуется выемка бокозых линий, как бы перехват. Длина предмета 16 см, ширина в основании треугольника ромбовидной части 8 см, на месте перехвата 5 см, черешка — 6 см. Тол-

[1] Археол. раскопки в Городне на Волге. КСИИМК, 1947, вып. XIV.

[2] Археол. работы в Городне на Волге в 1945 г. КСИИМК, вып. XVIII.

щина предмета в перехвате 3 см: она сходит на-нет в остром углу ромбовидной части и постепенно уменьшается, образуя закругленный конец.

Обработка поверхности и краев предмета весьма тщательная. Боковые края ромбовидной части хорошо отретушированы и остры. Края черешковой части отретушированы менее тщательно, но также остры. Черешок предмета удобно захватывается рукой, но острые его края являлись бы большим неудобством, если бы предмет должен был служить для нанесения ударов.

Найденный предмет представляет собой исключительное явление среди предметов, сделанных из кремня. Аналогий ему пока что найти не удалось, поэтому и определить его назначение не представляется возможным.

И. И. НИКИШИН

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМ НАЗНАЧЕНИИ КАМЕННОЙ НАХОДКИ ИЗ ГОРОДНИ НА ВОЛГЕ

Летом 1945 г. Калининской археологической экспедицией ИИМК АН СССР во время раскопок древнего селища, расположенного на берегу Волги, у подножья городища, в с. Городня н/В, в самом нижнем слое, датируемом эпохой бронзы, был обнаружен каменный предмет, не встречающий себе аналогий среди прежних находок. Предмет этот имеет форму ромбовидной «стрелы», состоящей из слегка уплощенного черешка и лопасти. В том месте, где лопасть переходит в черешок, образуется как бы перехват. Верхний конец черешка также сходит на угол.

Лопасть, как и весь предмет, если смотреть на нее сверху, по линии долевой оси, имеет более или менее правильную, симметричную форму; если смотреть на нее сбоку,— имеет неправильную асимметричную форму. Одна сторона ее, судя по всему, верхняя, образует своего рода ромбовидную плоскость с небольшим гребнем, возвышающимся посередине лопасти; другая, нижняя, идет под углом примерно в 30° к долевой оси и придает значительную скошенность всему предмету.

В нижней части лопасть сходит на острый угол (75°). Лопасть имеет острые края почти на всем своем протяжении. Заострение краев достигнуто путем тщательно проведенных мелких сколов, в результате чего они напоминают лезвие с насечками, очень пригодное для резания. Боковые края черешка резко скошены тоже путем скола, поэтому очень неудобны для держания в руках. На предмете совершенно незаметны какие-либо следы работы.

Отсутствие археологических и этнографических параллелей для данной находки не позволяет с полной уверенностью определить функциональное назначение ее. Более или менее ясно лишь то, что находка не являлась каким-либо орудием, связанным с индустриально-промысловыми отраслями первобытного хозяйства, вроде, например, ножа для снимания шкур с животных, наконечника стрелы, копья или рогатины, чекана в гончарном деле, остроги, пешни и т. п. Специфические формы ее и большие размеры, совершенно не свойственные ни одному из названных выше орудий, укрепляют в этой мысли. Это обстоятельство указывает на то, что найденный предмет нельзя рассматривать как мотыгу или как копач. На копач предмет не походит, так как он имеет чересчур развитую форму, совершенно не свойственную этому примитивному орудию и, в сущности, ничем не оправдываемую. Сама операция по выкапыванию корней и клубней настолько элементарна по условиям выполнения и конечным своим целям, что делает совершенно необоснованной мысль о возможности применения такого специфического по форме и дорого стоящего по изготовлению орудия, как данный предмет, в качестве простого копача. Им может служить первый подвернувшийся под руку камень и любая заостренная палка. Кроме того, черешок нашего предмета, вследствие своих очень острых краев, не приспособлен быть рукояткой. Если бы он предназначался для копача, то наверное мастер позаботился бы об удобной рукоятке. Мотыгой данный предмет не являлся потому, что ни черешок его, ни зазубренность краев, ни общая шероховатость лопасти не отвечают требованиям, которые предъявляются мотыге.

Черешок совершенно не приспособлен для закрепления в рукоятке (острые края, отсутствие плеч, перпендикулярное к рукоятке положение). Зазубренность краев и шероховатость лопасти затрудняют заглубление орудия в почву. Если бы данное орудие предназначалось быть мотыгой, то наверняка все эти недостатки были бы устранены, так как «доработка» орудия не потребовала бы от первобытного мастера особой ловкости или напряжения. Больше того, самая технология изготовления мотыги, очевидно, была бы иной, несомненно более простой, как и ее форма, которая, как показывают находки, отличается скорее примитивизмом, чем художественностью выполнения.

Нам кажется наиболее вероятным предположение, что назначение орудия заключалось в функции плужного лемеха.

В самом деле, если внимательно присмотреться к форме находки, то невольно бросаются в глаза две ее особенности: во-пер

вых, наличие более или менее плоской верхней поверхности, берущей на себя пласт и слегка надламывающей его (для чего служит небольшой гребень, находящийся в носовой части), и, во-вторых, присутствие хорошо выраженной подошвы, образованной путем скоса пластины и являющейся опорой для рабочей части плуга. Острые края лопасти прекрасно подрезали пласт, который, будучи несколько надломан, сначала поднимался на плоскую поверхность лемеха, а затем сбрасывался по сторонам. Крепление лемеха производилось с помощью специального гнезда, которое делалось в деревянной лапе или плахе и затем для окончательного закрепления замазывалось сырым ремнем, как об этом можно догадываться по одному изображению абиссинского плуга XIV в.[1] Лемех упирался в станину верхним концом своего черешка, находившегося в гнезде, и тем предохранялся от деформации верхних частей лопасти.

Судя по наличию подошвы у лемеха, мы склонны предполагать, что сам плуг относился к типу бесподошвенных плугов, т. е. к наиболее первобытной форме их.

На вероятность того, что данная находка действительно могла являться плужным лемехом или же олицетворяла его, будучи, допустим, культовым предметом, указывают также её размеры. Напомним, что железный лемех, найденный в том же месте летом 1944 г., имеет размеры немного даже меньшие, чем данный предмет. Затем, находки железных лемехов в Прикамье, в свое время опубликованные Штукенбергом и Теплоуховым, в своих цифровых показателях использованные нами для сравнения в статье «Наральник из Городни н/В» [2], также не отличаются сколько-нибудь крупными размерами. Многие же из них даже уступают в этом отношении нашему каменному лемеху. Наконец, для сравнения укажем на размеры железных наральников из Райковецкого городища (XI—XIII вв.), измеренные нами лично по оригиналам, хранящимся в Институте археологии АН УССР. Из четырех наральников, исследованных нами, только один имел размеры в длину 18 см и в ширину 13 см, т. е. превосходил в этом отношении габарит нашего лемеха. Другой наральник имел в длину 15 см и в ширину около 11 см; остальные два наральника имели в длину около 12 см, при ширине лопасти в 5—6 см.

Следовательно, остаются пока без освещения вопросы: почему понадобилось прибегать к каменному лемеху и нельзя было довольствоваться сплошным деревянным плугом и почему данная находка осталась без каких-либо следов работы.

Дальнейшие наблюдения, быть может, помогут ответить и на них.

[1] P. Leser. Entstehung und Verbreitung des Pfluges. Münster, 1931, Taf. 15.

[2] КСИИМК, 1947, вып. XIV.

И. В. СИНИЦЫН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1945 г.

Летом 1945 г. Саратовским областным музеем совместно с кафедрой древней истории и археологии исторического факультета Саратовского гос. ун-та под нашим руководством были организованы археологические обследования степной полосы Заволжья в Духовницком р-не, а также произведены разведки в пределах Саратовской обл.

Работы носили разведочный характер и имели целью выявление, учет и изучение археологических памятников.

Первый маршрут был начат от ст. Кологривовки и далее по направлению Аткарск—Ртищево. Как выяснилось, подавляющее большинство памятников этого района составляют курганы. Расположены они на возвышенных местах, а в районе р. Колышлей, где долина реки расширяется, курганы скопляются значительными группами непосредственно в пойме реки. За Медведицей отдельные курганы и целые курганные группы расположены ближе к берегам р. Еткары или вдоль линии железной дороги. Между ст. Кологривовкой и Евдокимовским разъездом при строительных работах были найдены две каменные статуэтки (рис. 73, 1, 2). К сожалению, связь их с комплексом памятника выяснить не удалось. Статуэтки найдены в траншее на глубине 1 м среди камней, выходы которых в этом месте занимают большую площадь.

Обе статуэтки сделаны из местных третичных пород апоки, выходы которых имеются на месте находки. Первая статуэтка (рис. 73) имеет размеры: высота 4.5 см, ширина торса в плечах 2.4 см, толщина — 1.5 см (голова толще торса). Черты лица переданы очень схематично: лицевая поверхность плоская, задняя — округлая и сверху несколько расплюснутая. На плоском лицевом овале небольшими углублениями выражены глаза, рельефно передан плоский, несколько расширяющийся книзу нос, рот обозначен горизонтальной линией, уши переданы незначительными углублениями, шея хорошо выражена, торс плоский, без рук. Никаких следов изображения волос и одежды не имеется.

Вторая статуэтка имеет следующие размеры: высота — 6.3 см, ширина торса в плечах — 3.8 см, толщина — 2.4 см, головы — 3.2 см. Пластически обработана голова, шея

и бюст. Черты лица выражены более рельефно. Несколько удлиненное лицо, с резко выступающим округлым подбородком, имеет отчетливые очертания. Большой горбатый нос выступает с большой резкостью, глаза показаны двумя продольными углублениями, рот обозначен горизонтальной линией, с правой стороны ухо показано овальным вырезом, с левой стороны никаких признаков воспроизведения уха не имеется. Вокруг шеи двумя резными полосками изображен прямой воротник рубахи. На груди он показан также двумя параллельными бороздками, заканчивающимися углом. Торс—плоский, без рук, пластически обработан со всех сторон, кроме левой.

По общему облику первую статуэтку условно можно трактовать как женскую, вторую — как мужское изображение. По внешнему облику первая статуэтка ближе подходит (воспроизведение лица) к ряду каменных изваяний (каменных баб), известных на территории Нижнего Поволжья.

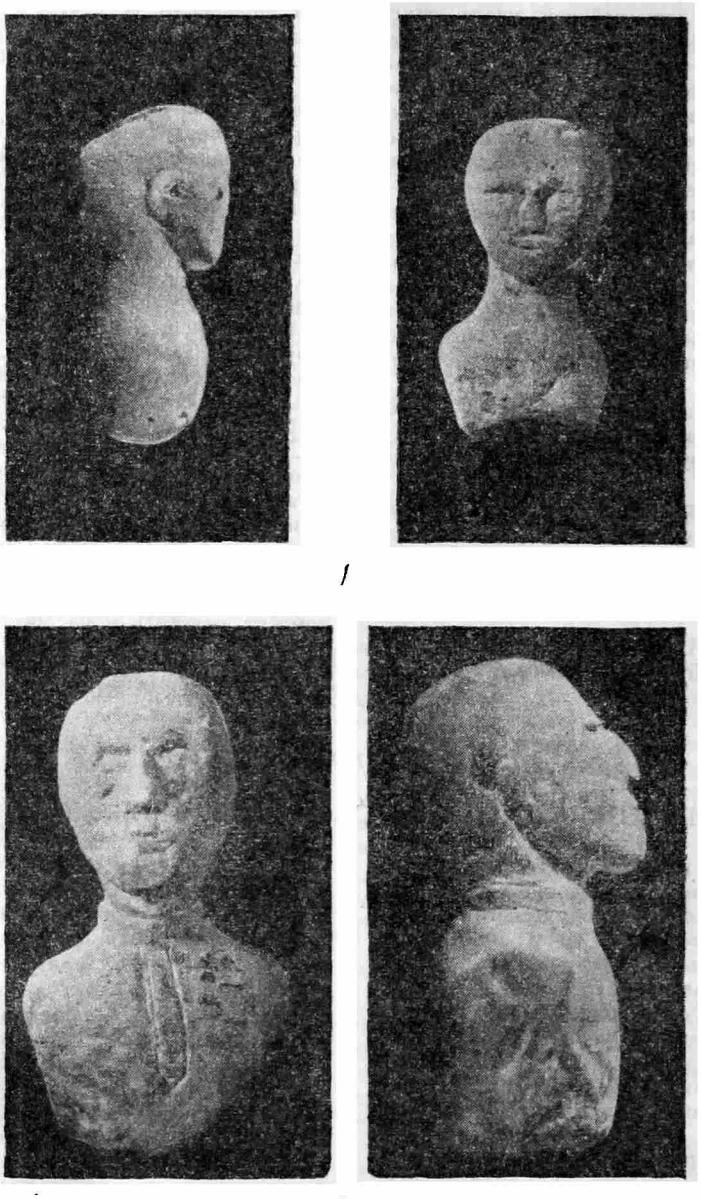


Рис. 73. Каменные статуэтки, найденные между ст. Кологривовкой и Евдокимовским разъездом

Обследованиями на участке пройденного маршрута от ст. Кологривовки до р. Медведицы было обнаружено и обследовано несколько курганных групп и два поселения бронзовой эпохи. Первое поселение

найдено около деревни Нижний Колышлей (Мелюки). Аткарского р-на. Его площадь точно не определена, но контрольная траншея и осмотр поверхности позволяют считать, что оно занимало вдоль берегового склона около 100 м в длину. Культурный слой, содержащий незначительные остатки, залегал непосредственно под дерном и имел 25—35 см в глубину.

В контрольном раскопе и на поверхности было собрано несколько черепков от сосудов баночной и остроребериой формы. Орнамент посуды состоит из различных геометрических линий, образующих треугольники, ромбы, параллельные линии и другие элементы рисунка.

Параллельно обследованиям, в районе Колышлея был произведен осмотр известного в литературе селища, расположенного на левом берегу Медведицы в 2 км выше дер. Верхней Красавки, напротив гор. Аткарска.[1]

На поверхности и в береговом обрыве найдены черепки посуды, кости животных. Посуда — обычный тип горшков баночной или остроребериой формы. Поверхность сосудов часто без всякого орнамента или покрыта простым, так называемым геометрическим, орнаментом, выполненным палочкой, зубчатым чеканом и т. п. Особо следует отметить находку шлифовальной каменной плиты.

Наряду с обследованиями поселений проведена регистрация курганных памятников, обнаруженных на протяжении маршрута. В районе осмотренного участка нами зарегистрированы следующие памятники:

1. Первая группа из пяти курганов обнаружена около с. Тепловки Аткарского р-на. Диаметр насыпей от 9 до 20 м, при высоте 30—70 см.

2. Вторая группа курганов расположена близ дер. Средний Колышлей. В этом районе группы курганов (по 20—30) и одиночные насыпи тянутся непрерывной цепью, главным образом на возвышении левого берега Колышлея.

3. У дер. Нижний Колышлей (Мелюки), с южной стороны поселка, непосредственно около линии железной дороги, расположена большая группа из 38 курганов.

ПРАВЫЙ БЕРЕГ Р. КОЛЫШЛЕЯ

4. На высоком плато правого берега р. Колышлея, восточнее дороги, идущей из Андреевки в Барановку, расположена группа курганов из 6 насыпей. Ближе к с. Барановке, с юго-восточной стороны, встречены одиночные курганы.

5. К северо-востоку от с. Барановки, за оз. Мочиловка, на расстоянии 1 км, на высокой надпойменной террасе р. Медведицы имеется группа курганов из 15 насыпей.

ЛЕВЫЙ БЕРЕГ ВОЛГИ, ДУХОВНИЦКИЙ РАЙОН

Вторым маршрутом были охвачены окрестности с. Теликовки и территория левобережной полосы Волги от устьев р. Чагры до с. Духовницкого. Обследования этого района явились продолжением разведок, произведенных в 1939 г.

В 1945 г. археологические разведки были перенесены к юго-востоку от с. Теликовки до с. Духовницкого. К востоку от Духовницкого и северо-западу от Матвеевки есть большое, ныне угасающее озеро «Ильмень». С западной его стороны, у дороги, идущей из Духовницкого на Дубовое, обнаружено по высокому песчаному склону древнее поселение. Здесь в песчаных выдувах нами было собрано несколько черепков древней керамики, небольшое количество кремневых отщепов, обломков призматических пластинок и орудия микролитических форм, обработанных краевой ретушью.

Второе поселение было обнаружено в 4 км к юго-востоку от с. Теликовки, в урочище «Язевых озер». Поселение находится на песчаном возвышении берегового склона неглубокой старицы, в 300 м от моста, проложенного здесь через старицу.

Площадь поселения сильно обнажена ветровыми процессами, и культурные остатки находятся непосредственно на плотной песчанистой, темнобурой поверхности. Края выдувов дали возможность установить границы поселений. Обнажения с находками фрагментов керамики, кремневых орудий тянутся на протяжении 100—120 м в длину и до 80 м в ширину.

На поверхности поселения, вместе с черепками глиняной посуды, было собрано несколько кремневых орудий — микролитов, большое количество мелких отщепов кремня, полученных при изготовлении кремневых орудий на месте. Среди кремневых орудий наиболее характерными являются концевые скребки, призматические пластинки, часто без всякой ретуши или обработанные краевой ретушью, нуклеусы и др.

По окончании разведок в левобережной полосе было решено обследовать известное в литературе селище бронзовой эпохи у с. Ивановки, Хвалынского р-на.

На его поверхности были собраны типичные черепки посуды бронзовой эпохи, и среди них особо следует отметить находку черепков посуды с сетчатым орнаментом, характерным для ранних городищ этого района. Это обстоятельство заслуживает особого внимания в выяснении связи памятников бронзовой эпохи с памятниками ранних городищ.

---

[1] П. С. Рыков. Результаты разведочных работ, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. Изв. Нижневолжск. ин-та краеведения им. М. Горького, 1931, т. IV, стр. 79.

В. А. САФОНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА ДЗЕРЖИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ в 1940—1944 гг.

Археологическая работа Дзержинского музея за 1940—1944 гг. проходила в пределах южной части Балахнинской низины.

Обследованная территория охватывает отрезок левого берега р. Оки от гор. Горького вверх до устья р. Клязьмы. С 1942 г. началась рекогносцировка и по правому высокому берегу р. Оки, давшая значительные результаты.

Работа 1940 г. была проведена под руководством научного сотрудника Горьковского областного музея Л. Я. Мендиарова; 1941—1944 гг.— под руководством и при участии В. А. Сафонова, с помощью организованной им группы школьной молодежи.

В результате пятилетней работы обнаружено 68 археологических памятников, в том числе стоянок неолита и бронзы — 57, городищ и селищ — 11.

Археологические памятники левого берега р. Оки, как установлено разведкой стоянки, располагались по малым речкам и озерам, по которым расселялось древнейшее население. В настоящее время можно установить 10 групп стоянок: Пырская, Растяпинская, Сейминская, Володарская, Югонецкая, Чиритовская, три Волосанихинские и Усть-Клязьминская.

Возможно, что каждая из этих групп стоянок представляла родовую организацию.

Первая группа, на рч. Волосанихе, расположена у оз. Гавриловки (см. на карте, рис. 74 обозначения: ГВР 1, ГВР II, ГВР IV), на левом берегу на первой надпойменной террасе, на высоте 5—6 м над уровнем реки. Стоянки занимают песчаные дюны, культурный слой которых колеблется от 15 до 50 см.

Подъемный материал состоит из кремневых орудий и обломков керамики. В числе первых — скребки, скобели, ножевидные пластинки, резцы, проколки, наконечники стрел и дротиков.

Вторая группа представлена большим числом обломков сосудов. Сосуды изготовлены ленточным приемом из красной глины с примесью кварца, песка или дресвы. Форма сосудов круглодонная, шейки не выражены, обрез венчика округлый или слегка скошенный изнутри. Большинство сосудов крупной величины; мелкие сосуды встречаются редко.

Основные элементы орнамента — это округлые ямки с коническим дном и гребенчатые отпечатки. Орнамент покрывает большинство сосудов сплошь. Основной фон состоит из круглых конических ямок, расположенных в шахматном порядке. Иногда поверхность разбивается на пояски, причем каждый поясок состоит из какого-либо одного из элементов. Описанные материалы свидетельствуют, что стоянки этой группы существовали в течение длительного времени, вероятно, и в эпоху бронзы, что подтверждается керамикой (со стоянки этой группы — ГВР I), почти неорнаментированной или имеющей редкую, возможно, только по шейке сосудов, гребенчатую орнаментацию.

Вторую и третью группы составляют 10 стоянок по р. Волосанихе. Их мы склонны объединить в две группы: в первую включить стоянки, расположенные у поселка МТФ (см. на карте: МТФ I, МТФ II и МТФ III), и во вторую — стоянки, расположенные у Петряевской гати (см. на карте: ПТР I, II, III, IV, V ЗДШ I и ЗДШ, II).

На некоторых стоянках, возможно, являвшихся мастерскими орудий, наблюдались скопления кремневых отщепов. Особенно много такого материала найдено на стоянках МТФ III и ПТР II. Найденные на стоянках сосуды обычного типа. Орнамент их преимущественно ямочно-гребенчатый, но есть и неорнаментированные сосуды, имеющие ряд сквозных круглых отверстий по шейке, иногда в два параллельных ряда. Кремневых орудий на стоянках почти нет.

Четвертая группа стоянок расположена на западной окраине гор. Дзержинска. Сюда мы относим стоянки ДЗР I, II, III, IV (см. на карте). Вероятно, здесь были еще стоянки, которые нами не найдены или окончательно уничтожены.

Материал с этих стоянок не богат. Из кремневых орудий найдены скребки, наконечники стрел. Керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом балахнинского типа и типа Старшего Волосовского могильника.

В 1.5 км от стоянок этой группы при земляных работах был найден каменный шлифованный топор.

Пятая группа стоянок расположена вокруг известного Сейминского могильника. За пять лет работы в окрестностях этого памятника обнаружено пять стоянок и три пункта нахождения отдельных предметов. Остались неисследованными окрестности названного могильника на север и северо-восток от него, где, по сведениям, имеются древние стоянки.

В пятую группу входят стоянки, расположенные на восток от с. Володары (см. на карте: I, II, III, IV и ВЛД I).

Найденный материал чрезвычайно разнообразен. Встречаются черепки сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом, с гребенчатым, обрамляющим лишь шейки сосудов, и, наконец, черепки сосудов, совершенно неорнаментированные, имеющих лишь сквозные круглые отверстия, идущие в один или два параллельных ряда вокруг шейки. Также разнообразны и каменные орудия: наряду со скребками найдены шли-

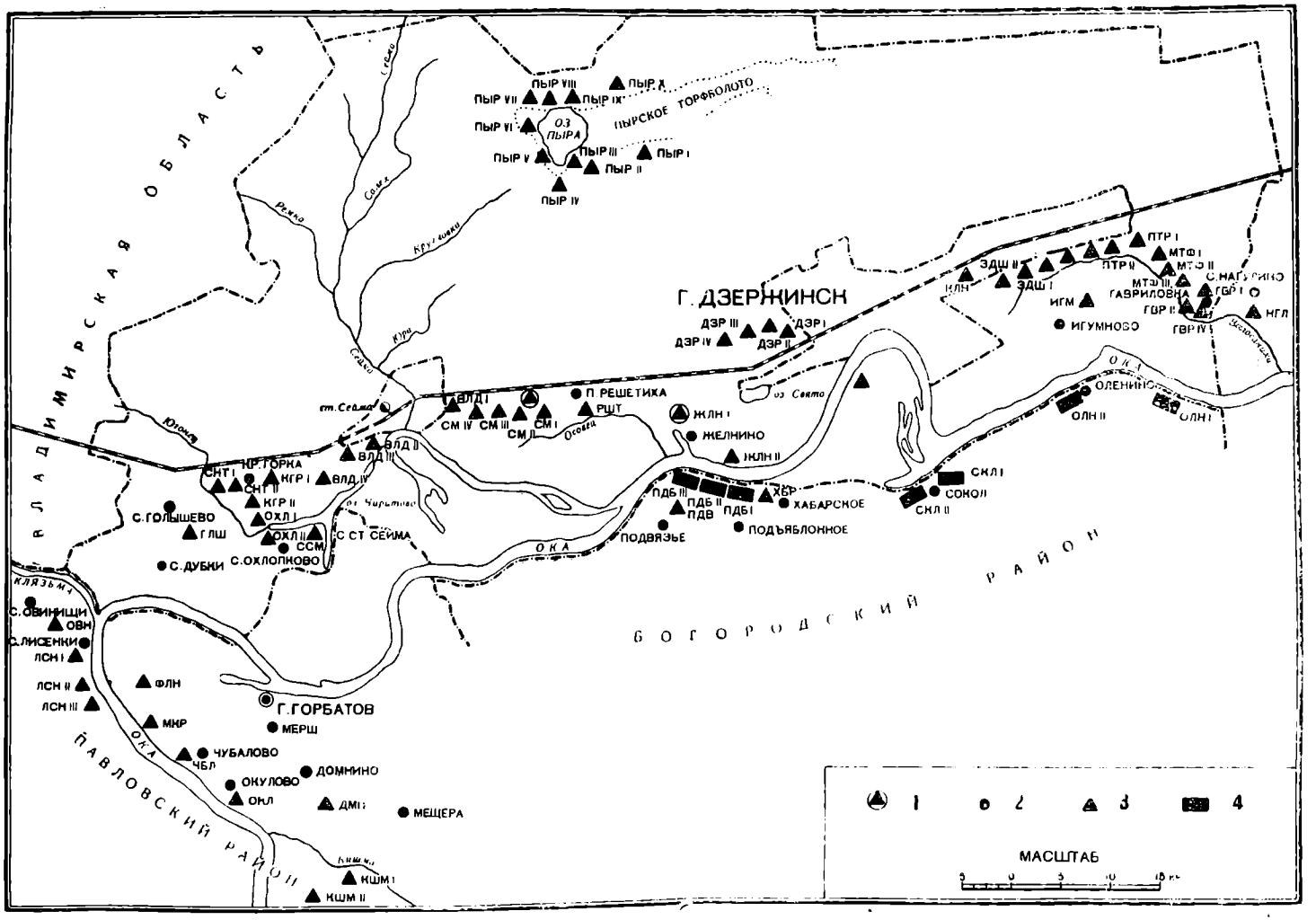


Рис. 74. Схематическая карта расположения археологических памятников на территории Волго-Окской низины
1 — памятники, ранее известные в литературе; *2* — памятники, открытые в 1940—1945 гг.; *3* — памятники эпохи неолита и бронзы; *4* — памятники культуры городищ и селищ

фованные долотца и плоский шлифованный топор, характерный для так называемой «фатьяновской» культуры.

Следует отметить, что на стоянках не встречено ни одного металлического предмета.

Шестая группа включает стоянки, расположенные на запад от с. Володары (см. на карте: ВЛД II, ВЛД III, ВЛД IV) на первой надпойменной террасе р. Оки. Здесь собран богатый подъемный материал, состоящий из каменных орудий и керамики. И тот и другой материал представлен как образцами древнейшего времени, так и изделиями времени бронзы. Следует отметить разновидные наконечники стрел и дротиков, проколки, долота, а из керамики — черепки с вдавлениями удлиненной формы очень грубой обработки, и отпечатки широких квадратных гребенчатых штампов.

Толща культурного слоя на стоянке ВЛД IV достигает одного метра. Здесь было собрано более 2000 предметов: орудий, керамики и костей животных.

В состав седьмой группы входят стоянки, расположенные у с. Красной Горки и по р. Югонец (см. на карте: КГР I, КГР II, КГР III, СНТ I, СНТ II). В состав восьмой группы стоянки на оз. Чиритове у сел. Охлопкова и Старой Сеймы (см. на карте: ОХЛ I, ОХЛ II, ССМ).

Материал с обеих групп, почти так же как и с ранее описанных, состоит из каменных, преимущественно кремневых орудий и керамики описанных выше типов.

Девятая группа расположена по берегам оз. Пырского (Пыра) и состоит из 10 стоянок (см. карту). В древности Пырское озеро было во много раз больше, но с течением времени оно сильно сократилось. Две стоянки обнаружены вдали от современного озера, на расстоянии примерно 3—4 км.

Следует отметить, что в 1940 и 1942 гг. здесь были найдены черепки глиняных сосудов. Среди кремневых изделий обнаружено значительное количество образцов микролитических орудий. Там же, на берегу озера, были обнаружены следы жилища.

Десятая группа стоянок находится за пределами Горьковской обл. По местоположению мы называем ее Усть-Клязьминской. Из находок, с одной из стоянок у с. Лисенки (на карте — ЛСН I), особенно интересны черепки глиняных сосудов, имеющие сплошную ямочную орнаментацию или ямочно-гребенчатую поясами. Есть пояса, обрамляющие полосы ямочного орнамента, состоящие из густо нанесенных, перекрещивающихся наискось прямых линий.

На другой стоянке этой группы, у с. Лисенки (на карте — ЛСН II), имеются черепки с орнаментом, представляющим вдавления с маленьким выступом на тупых концах. Точно так же здесь найдена совсем не встречавшаяся нам орнаментация шейки сосуда двумя ломаными прямыми.

В стоянке этой же группы у с. Освинищи (на карте ОВН) есть образцы керамики с «текстильным» орнаментом.

Точно так же разнообразны кремневые орудия: здесь встречаются скребки, наконечники стрел и дротиков, проколки, есть кинжаловидное кремневое орудие 12 см длины и др.

Необходимо отметить еще две стоянки, не отнесенные нами к какой-либо группе,— стоянку у с. Нагулино (на карте — НГЛ) и стоянку на поселке Калинино (на карте — КЛН).

На первой найдены каменные орудия, из которых некоторые со следами хорошей обработки, и керамика с «текстильным» орнаментом, а также два черепка с волнисто-линейным, так называемым «славянским», орнаментом. Эта стоянка смыкает цепь наших стоянок с цепью ранее известных в сторону Канавино (гор. Горький).

На стоянке, расположенной на песчаной дюне у пос. Калинино, были также найдены кремневые орудия и керамика. Большой интерес представляют черепки глиняных сосудов с орнаментом фатьяновского типа, особенно близким к орнаменту Балановского могильника. Однако найденная нами керамика имеет ту особенность, что орнамент нанесен на нее не штампом, а от руки. На этой же стоянке у южного ее края были найдены черепки другого типа без орнамента, а у северного края черепки темного цвета от чрезвычайно толстостенных неорнаментированных сосудов.

Особое место среди низинных памятников занимает обнаруженный нами неолитический могильник. Он находится в юго-восточном углу стоянки Гавриловка IV (на карте — ГВР IV). Два костяка, найденные нами здесь, лежат на глубине 60 см, из которых 15 см приходятся на почвенный слой и 45 см на культурный слой. Необходимость срочной раскопки этого могильника диктуется тем, что вследствие проведенной через него учебной траншеи костяки могут быть попорчены осенними дождями или весенним таянием снегов.

ПАМЯТНИКИ ПРАВОГО БЕРЕГА р. ОКИ

Начиная с 1942 г., нами были произведены рекогносцировочные работы в поисках памятников, синхроничных позднеолитическим низинным стоянкам, и поселений эпохи бронзы на высоких правых берегах р. Оки. Здесь, на отрезке от с. Домнино (Павловского р-на) и до с. Оленино (Новгородского р-на) обнаружены 13 археологических памятников. Все они по характеру находок разделяются на четыре группы.

К первой группе памятников относятся стоянки Окуловская, Чубаловская, Домнинская и на бугре «Филинятник» около гор. Горбатова (на карте — ОКЛ, ЧБЛ, ДМН и ФЛН). Они расположены на правом высоком берегу р. Оки на высоте

20—25 м и занимают выступы, ограниченные с трех сторон крутыми склонами, а с четвертой соединяются узким перешейком с полями, причем на Окуловском памятнике имеются следы искусственно устроенного вала, идущего поперек перешейка. Площадь вершины бугра в настоящее время незначительная, примерно метров 30 × 40.

Во всех четырех случаях собран материал, состоящий из кремневых орудий и большого количества керамики. Часть черепков глиняных сосудов имеет ямочный и гребенчатый орнаменты. Большинство же черепков покрыто текстильным узором, нередко с круглыми ямками и вдавлениями. Шейки некоторых сосудов с текстильным орнаментом имеют сквозные круглые отверстия, идущие в один или два параллельных ряда вокруг сосуда. Кремневых орудий — скребков, наконечников, стрел и дротиков — найдено не много.

Эти четыре памятника по некоторым признакам (следы вала на перешейке, по расположению их на буграх с крутыми склонами и др.) могут быть отнесены к остаткам городищ, но обилие найденных здесь материалов заставляет отнести их ко времени бронзы.

Ко второй группе мы относим памятники у Аринкина и Подвязьевского оврагов (последний у местного населения носит название «Мамай»).

Оба эти памятника (на карте — ХБР и ПДВ) расположены на площадках оползней высокого правого берега р. Оки,— первый в 10 м над уровнем р. Оки, второй — около 20 м. С памятников собран кремневый и керамический материал, почти аналогичный материалам с памятников первого типа. Причем на «Мамае» найдены три воронкообразные ямы (глубина 2 м, при диаметре 3—4 м), являющиеся, возможно, остатками жилищ, а у устья Аринкина оврага найдены каменные орудия типа макролитов. Совершенно необходимо подчеркнуть, что вблизи этого последнего памятника, на расстоянии нескольких метров, были найдены не один раз кости мамонта.

Третья группа состоит из пяти памятников: три находятся у с. Подъяблочное, один у с. Сокол и один у с. Оленино (см. на карте: ОЛН I, СКЛ I, ПДБ I, II, III).

Они расположены на самом верху горного правого берега р. Оки и представляют собой площадки разной величины, одна сторона которых круто спускается к р. Оке, две другие, противоположные друг другу стороны граничат с крутыми склонами оврагов, пересекающих линию берега; четвертая же сторона переходит в поле.

Здесь собран большой разнообразный керамический материал и незначительное количество кремневых орудий — скребков, наконечников стрел и дротиков.

Среди значительного количества найденных черепков глиняных сосудов имеются черепки очень грубые по структуре и технике, а также черепки с текстильным орнаментом, с круглыми ямками, круглыми отверстиями, затем черепки с так называемым «славянским» линейным и линейно-волнистым орнаментом. Есть образцы и с «болгарским» орнаментом. Так разнообразен керамический материал, свидетельствующий о большой длительности поселений.

К четвертой группе археологических памятников относятся два памятника: один в устье Оленинского оврага, другой в устье оврага у с. Сокол. На этих памятниках были найдены черепки тонкостенных глиняных сосудов исключительно с «славянским» линейным и линейно-волнистым орнаментом, много костей животных и несколько железных изделий, из которых наиболее интересны замок, нож и железная бляха с инкрустацией из золота.

Более глубокие исследования памятников правого берега р. Оки дадут в дальнейшем богатые результаты.

С. Н. ИЛЬИН

НОВЫЙ ЭПИГРАФИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК XII в. В ВЕРХОВЬЯХ ВОЛГИ

Волжские верховья отмечены интереснейшими эпиграфическими памятниками XII в., уже давно известными русской науке: это знаменитый крест Иванки Павловича 1133 г. и Лопастицкий крест XII в., опубликованные В. И. Колосовым [1]. В труде В. А. Плетнева есть ряд указаний на различные камни со знаками, существовавшие в ряде мест Тверского края [2]. Рассказы о камнях с загадочными изображениями можно часто услышать от местных приозерных крестьян. Обычно они называются «крестовыми камнями», или «крестовиками». Их нахождение в глухих лесисто-болотистых местах и трудность пути послужили почвой для различных легенд, говорящих о том, что камень «уходит» от ищущего его и т. п.

В связи с моим интересом к прошлому и памятникам окрестностей Селигера я поставил своей задачей отыскать один такой камень, находившийся, по словам местных жителей, в районе сел. Волго-Верховье. В 1940 г. это не удалось, так как мой про-

[1] В. И. Колосов Стерженский и Лопастицкий кресты. Тверь, 1890.

[2] В. А. Плетнев. Об остатках древности и старины в Тверской губернии, Тверь, 1903. См. также — Ф. Глинка. Мои заметки о признаках древнего быта и камнях, найденных в Тверской Карелии в Бежецком уезде «Русский истор. сб.» М. 1837, т. I, кн. 2, стр. 1—29 и табл. при кн. 4.

водник, колхозник Каменский, заблудился и потерял дорогу. То же повторилось и в 1945 г., когда мои проводники, колхозник Степанов и лесничий т. Соколова, также сбились с пути, и мне пришлось вывести их по азимуту к деревне Новой. Здесь мне удалось найти проводника, который 30 июня 1945 г. и довел меня до камня.

Камень-крестовик находится в трудно доступной местности, в поросшем лесом моховом болоте и каких-либо определенных ориентиров поблизости не имеет. Он расположен в 4—5 км юго-западнее сел. Волгино-Верховье Осташковского р-на Калининской обл. Ближайшее к камню селение Новая деревня находится в 3 км к юго-западу от него (рис. 75). Камень весь порос толстым слоем многолетнего мха и трудно различим даже вблизи. Это — огромный серый валун, имеющий по большой оси до 4 м и в ширину около 2.5 м. Он возвышается над землей на 1.5 м с одной стороны и на 1 м — с другой. По рассказам старожилов, в прошлом столетии делались попытки подкопаться под камень в поисках клада, но его отвесные стенки уходят в почву столь глубоко, что поиски прекращались.

По очистке камня от мха, на его верхней плоской и покатой площадке размером в 4—5 м² были обнаружены знаки, вырез которых имеет полукруглое сечение (рис. 76). Центральное место занимает лирообразный знак, родственный знаку Рюриковичей; внутри его — неясное углубление, напоминающее крест. Слева и ниже — вырезан четырехконечный крест. Справа и ниже — углубление в виде правой человеческой ступни — возможно, естественного происхождения.[1]

Центральный знак чрезвычайно близок основной схеме знаков Рюриковичей (двузубцу с отростком внизу) и по форме

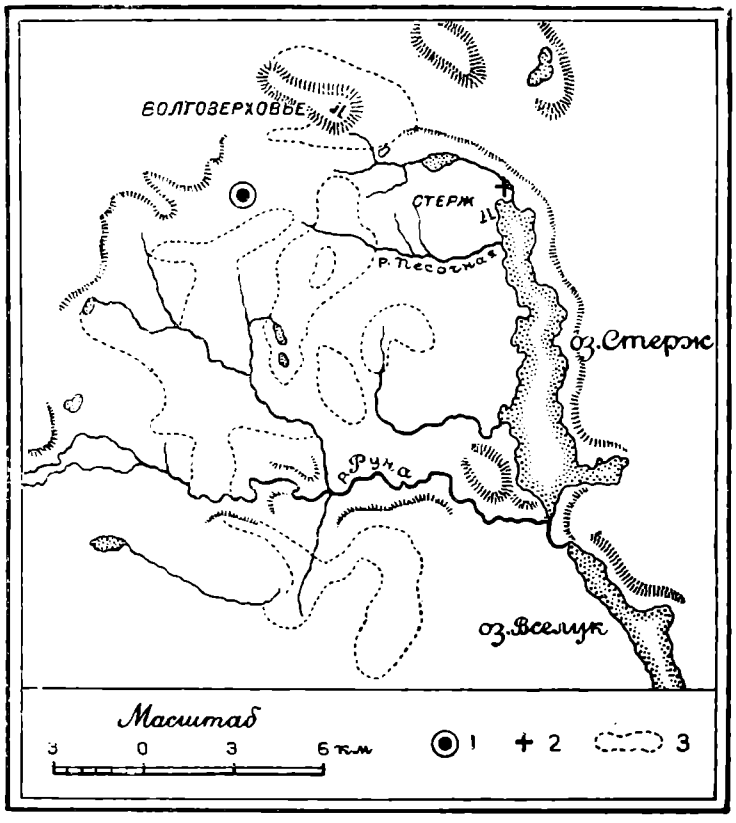


Рис. 75. Место находки камня-крестовика

1 — место камня; *2* — место Стержинского креста; *3* — болота

очень схож с гончарными клеймами из Изяславля (Рогнедина) и Родни.[2] Добавим к этому знак на кирпиче из построек XII в. в Смоленске, очень близкий знаку нашего камня.[3] Гораздо меньше общего также с двурогим, но более сложным зна-

[1] Дальнейший текст, посвященный анализу и определению памятника, написан, по моей просьбе, проф. Н. Н. Ворониным, которому приношу здесь свою товарищескую глубокую благодарность.

[2] Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. Сов. археол., 1939, т. VI, рис. 49, 70 и 71.

[3] И. М. Хозеров. Знаки и клейма кирпичей смоленских памятников зодчества древнейшего периода. Научн. изв. Смоленского гос. ун-та, Смоленск, 1929, т. V, вып. 3, рис. 41.

ком Андрея Боголюбского.[1] Ясно, однако, что наш знак принадлежит XII в.[2]

Трудно с определенностью говорить о практическом назначении камня со знаком. Он мог бы быть межевым землевладельческим знаком, подобным известному «камню Степана» XII—XIII вв., происходящему также из Тверского края (б. Бежицкий уезд) и являющемуся, вероятнее всего, межевым знаком.[3] Однако, в отличие от этого памятника, означенного определенным именем, наш камень имеет княжескую тамгу, что позволяет считать его скорее всего пограничным камнем на рубеже княжеств. На расстоянии 7—8 км по прямой на восток находится знаменитый крест

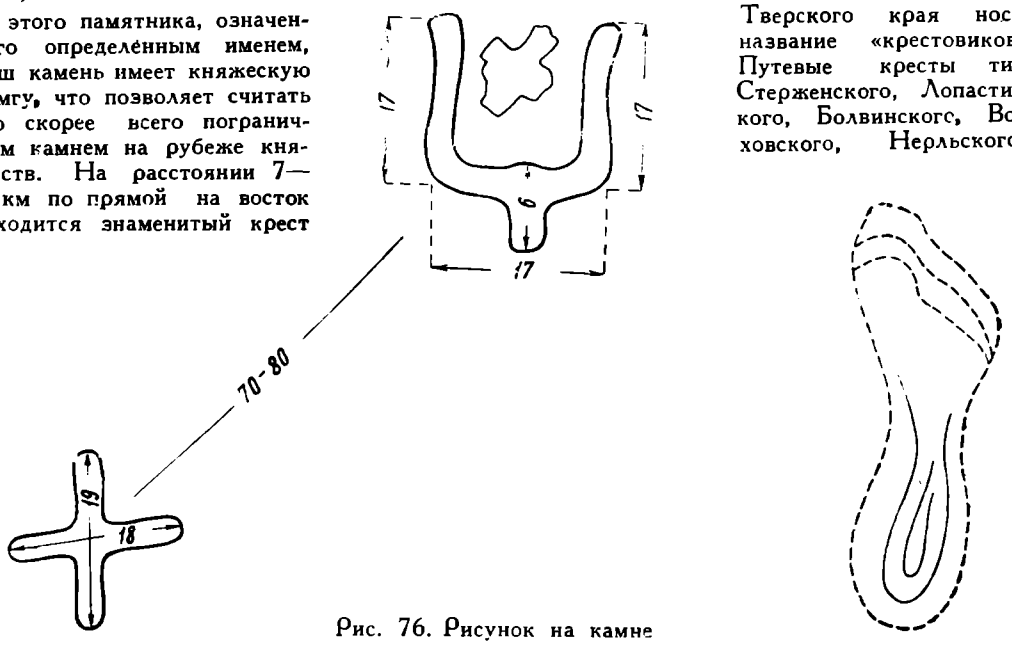


Рис. 76. Рисунок на камне

Иванки Павловича 1133 г.— памятник новгородского пути на Волгу.[4] Едва ли сюда заходили владения владимирских князей, ограничивавшиеся небольшим участком за Волгой в районе Твери. Более вероятна встреча в районе Селигера новгородских и смоленских порубежий. На это может указывать близость знака знакам Смоленска и входивших в состав Смоленской земли Изяславля и Родни. Северо-восточная граница Смоленского княжества шла по Волге от устья Вазузы, захватывая и Селигер.[1]

Особое значение имеет высеченный на камне второй знак — крест; может быть, по подобным изображениям и другие камни Тверского края носят название «крестовиков». Путевые кресты типа Стерженского, Лопастицкого, Болвинского, Волховского, Нерльского[2] могли заменяться просто валунами с изображением креста. Таковы, например, Двинские «Борисовы камни» того же Смоленско-Полоцкого края.[3] Не мог ли крест своим расположением по отношению к знаку в данном случае служить указанием направления пути или идущей от камня границы? По своим размерам (18 × 19 см) он почти равен княжескому знаку (17 × 17 см), что указывает на не менее важное значение этого креста.[4]

Мы оставляем без объяснения углубление в виде ступни, которое, как говорилось, может иметь естественное происхождение. Впрочем, если камень имел и путевое значение, изображение ноги могло связываться с этим.

---

[1] Н. Н. Воронин. Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI—XIII вв., М., 1945, рис. 22.

[2] Может быть, тверской аналогией нашему знаку является камень с изображением «подковы», найденной в с. Кузнецово, б. Бежецкого уезда. (Плетнев. Ук. соч., стр. 449, 457—458). Возможно, более развитой знак был на камне из с. Хитиц (б. Осташковского уезда), на котором были изображения креста, «лосиного рога и медвежей лапы», сложный знак мог быть понят как «лосиный рог» (Плетнев, стр. 28). Знаки на камне из с. Замошья (б. Осташковского уезда) «наподобие кочережек, вил, костылей с крюками наверху, трезубцев и серпов» могли быть какими-либо «знаменами» местного древнего населения (там же, стр. 43).

[3] М. И. Михайлов. Памятники русской вещевой палеографии. СПб., 1913, стр. 22—24. Второй камень с таким же рисунком был найден в с. Тутань (б. Тверского уезда). Плетнев. Ук. соч., стр. 208—209.

[1] Н. Н. Воронин. Новые памятники русской эпиграфики XII в. Сов. археол., 1940, т. VI, стр. 314—315.

[1] П. В. Голубовский. История Смоленской земли. Киев, 1895, Карта.

[2] Н. Н. Воронин. Ук. соч. стр. 309—315.

[3] А. Сапунов. Двинские, или Борисовы камни. Витебск, 1890.

[4] Кресты могли иметь отношение и к межевым знакам. Так, на земле с. Пречистая Каменка (б. Новоторжского уезда) стояло 12 каменных крестов, «ныне осталось 11... двенадцатый же, находившийся за р. Каменкой на земле соседних крестьян, говорят, ими срыт из опасения, чтобы не послужил крестьянам с. Каменки доказательством на принадлежность им той же земли...». Плетнев. Ук. соч., стр. 396.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА
Вып. XVII 1947 год

V. ХРОНИКА

А. П. СМИРНОВ

ОБЗОР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РСФСР В 1945 г.

Летний сезон 1945 г. непосредственно за окончанием войны охарактеризовался оживленной археологической работой. Местные и центральные научно-исследовательские учреждения приступили к продолжению прерванной войной археологической деятельности.

Достаточно указать, что вновь организованный при ИИМК АН СССР им. Марра комитет полевых исследований выдал 42 открытых листа на право производства археологических исследований. Правда, часть этих листов не была использована, и работы не производились, но все же более чем в тридцати пунктах исследования были произведены и дали интересные результаты. Изученные памятники относятся к различному времени. Стоянки эпохи неолита исследованы в Горьковской, Вологодской, Ивановской, Костромской обл. и в Якутской АССР; стоянки и могильники эпохи бронзы — в Красноярском крае и Саратовской обл.; раннего железа — в Красноярском крае и Томской обл.; возобновились прерванные войной работы в Керчи и Херсонесе; на Кубани раскапывались сарматские могильники.

Широко развернулись исследования в области изучения памятников средневековья. Работы велись в Новгороде, Пскове, Владимире, Старой Рязани, Переяславле Рязанском и Великих Болгарах. Изучались мордовские селища, городища Комикрая; чудские могильники Владимирской и Ивановской обл. Из памятников позднего времени XVII—XVIII вв. раскопки коснулись мордовских могильников, Симонова монастыря в Москве и острова Фаддея, где изучалась стоянка русских мореплавателей.

Во Владимирской обл. работала экспедиция Ивановского гос. пед. ин-та под руководством А. Ф. Дубынина. Были продолжены раскопки Малышевского могильника, открытого в 1938 г. в Селивановском р-не. В текущем году раскрыты 21 погребение. Захоронения совершались в прямоугольных с закругленными углами ямах. Покойников клали вытянутыми на спине, головой в северном направлении. В числе открытых погребений пять оказались трупосожжениями.

Большое число находок позволило проверить дату, которая, по мнению А. Ф. Дубынина, определяется VII—XI вв. н. э. Все материалы подтвердили принадлежность могильников к племени Мурома.

Помимо раскопок, было произведено обследование окрестностей с. Малышева, в результате которого было открыто несколько селищ позднего времени, а в районе Трех Прудов — поселение времени могильника, существовавшее до XVII в. Там найдена грубая лепная и гончарная керамика и поздняя лощеная черного цвета.

В 5—7 км от Малышева было обследовано урочище Городок, расположенное на высоком берегу р. Юшны. Овальная площадь ограничена крутыми скатами, а с напольной стороны — рвом и валом. Заложенные шурфы показали отсутствие культурного слоя. Отдельные находки керамики сходны с посудой Малышевского могильника. Было найдено три фрагмента сетчатой керамики. В центре урочища обнаружены остатки жертвенного костра, несколько возвышающегося над поверхностью.

Последнее обстоятельство позволило исследователю высказать мнение, что урочище являлось жертвенным местом, священной рощей жившей здесь Муромы.

Во Владимире под руководством Н. Н. Воронина были проведены разведочные раскопки с целью выяснения кладок угловых башнеобразных пристроек у Дмитровского собора, сломанных в XIX в. Раскопки установили, что башни у западных углов собора были выстроены в 90-х годах XII в.

В Вологодской обл. продолжались работы по исследованию Чарозерского свайного поселения и стоянки на Вшивой Тони. А. Я. Брюсов открыл остатки деревянных сооружений. Наиболее интересной находкой 1945 г. явились четыре семени льна, два из которых при посадке в землю стали расти. Из других находок заслуживает упоминания часть прялки и кремневая фигурка уточки.

В Горьковской обл. директор Дзержинского краеведческого музея В. А. Сафонов производил разведку в Дзержинском р-не. Открыты стоянки, расположенные на первой надпойменной террасе р. Оки, датируемые временем неолита и бронзы.

Кроме экспедиции Дзержинского музея, в Горьковской обл. работала экспедиция Гос. историч. музея под руководством И. К. Цветковой. В ее задачу входило изучение Гавриловской стоянки, открытой В. А. Сафоновым в 1943 г. Заложенные раскопки привели к открытию землянок формы неправильного круга 2.5 × 2 м, глубиной от поверхности 1 м. На дне их были найдены фрагменты керамики и кремневые орудия.

В землянках и рядом с ними были обнаружены шесть погребений. При покойниках не было найдено никаких вещей. По мнению И. К. Цветковой, погребения относятся по времени стоянки к неолитической эпохе.

В Ивановской обл. производились раскопки Ивановским музеем под руководством А. Ф. Дубынина. Были продолжены исследования Хотимльского могильника, открытого в 1926 г. Из открытых 14 погребений два были трупосожжениями, а 12 — трупоположениями. Могильные ямы — прямоугольные или подквадратной формы, с закругленными углами. Плохая сохранность костей затруднила выяснение обряда погребения. Отдельные сохранившиеся костяки лежали на спине, вытянуто, головой на восток.

Вещественный инвентарь подтвердил высказанную ранее точку зрения об отнесении могильника к VII—XI вв. н. э. На позднюю дату указывает наличие довольно значительного числа керамики с линейным орнаментом и вещей курганных типов. По мнению автора, Хотимльский могильник отличен от Муромского и стоит ближе к мерянским и черемисским памятникам.

Кроме раскопок, были произведены разведки в окрестностях пос. Сокольского на Волге, где в лесу на дюнном холме было исследовано несколько неолитических стоянок, давших большое число ямочно-гребенчатой керамики и каменных орудий. Среди них наконечник копья листовидной формы; стрелы ромбической формы, небольшие долотца с желобчатым рабочим конусом, проколка и два скребка.

Ближайшей аналогией открытым стоянкам является Балахнинская стоянка.

Вновь возобновились работы в Керчи, где вела исследование экспедиция ИИМК АН СССР совместно с Гос. музеем изобр. искусств им. Пушкина под руководством В. Д. Блаватского. План работы экспедиции диктовался необходимостью уточнить границы археологического заповедника и обследовать места, где во время войны проводились земляные работы. Для решения этих задач экспедиция произвела исследования южного склона Долгой скалы, восточной покатости Митридата и северного склона той же горы, недалеко от Эспланадной улицы. Были обследованы немецкие траншеи, изрезавшие гору Митридат по всем направлениям на протяжении от Первого Кресла до Золотого Кургана. Обследование немецких траншей было произведено в 25 пунктах. Зачисткой стен немецких траншей в районе Первого Кресла обнаружены остатки богатых городских напластований римского времени. Эти слои становились более тощими, а затем постепенно исчезли в районе между Вторым Креслом и «Сахарной Головой». Этот район в древнее время был занят могильником, который простирался на запад на значительном протяжении.

Вверху северной покатости горы Митридат, на восток от Второго Кресла, была вскрыта значительная площадь, давшая возможность изучить стратиграфию культурных напластований. I слой — с остатками III в. н. э., II слой — с остатками дома I в. н. э. Хорошо прослежены остатки I слоя, относящиеся к III в. н. э. и развалины дома I в. н. э. во II слое.

Основные работы велись на восточном и северном склонах горы Митридат, где в числе других вещей были найдены детали колонны ионийского ордера. Верхний культурный слой в этой части датируется римским временем, ниже его шел позднеэллинистический слой, под которым залегала невысокая кладка из трех рядов блоков. Здесь же была найдена часть ионийского архитрава.

Интересный материал получен и в следующем раскопе, расположенном на склоне горы выше здания музея. Открытая здесь стена I в. до н. э. по характеру кладки несколько напоминает архаическую.

Культурные напластования в этой части относятся к VII—II вв. до н. э. Среди большого материала, полученного раскопками, исследователь отмечает значительное количество керамики, относящейся к очень ранней эпохе — первой половине VI в. до н. э. Это позволяет отодвинуть дату возникновения Пантикапея к началу VI в. до н. э. и считать Пантикапей древнейшим из эллинских городов, основанных на обоих берегах Керченского пролива. Раскопки на северном склоне Митридата открыли семь культурных напластований от II в. до IV в. н. э. Здесь были исследованы зерновые ямы, по размерам и очертаниям напоминающие пифосы.

Из других находок заслуживают быть отмеченными два больших мраморных блока, один из которых украшен резным орнаментом, крестообразным меандром и двумя розетками, а второй, со сложной профилировкой, представлял верхнюю часть постамента статуи. На его лицевой стороне вырезана частично сохранившаяся надпись, в которой упоминается имя боспорского царя Тиберия Юлия. На верхней поверхности облома заметно место прикрепления правой ноги статуи.

В Коми АССР производил исследования

археологический отряд экспедиции Ин-та этнографии АН СССР под руководством А. В. Збруевой. Были обследованы окрестности Сыктывкара, Визинга, Кибра, Пылдин, Палауз, Грива, Ужга, Койгородок и берега Сысолы до устья Визинги, где отмечено 30 археологических памятников, в их числе 4 городища, 5 могильников, 3 жертвенных места, 1 древний рудник, 13 «чудских» ям-землянок. Кроме того, была открыта древняя стоянка конца бронзовой эпохи. Небольшие раскопки производились на могильнике близ дер. Рай-Сысольского р-на, где было исследовано погребение подростка, сопровождавшееся обломками глиняного сосуда без орнамента. На городище Карил и в районе чудских ям установлено, что последние — остатки селищ древнего населения.

В Костромской обл. экспедиция Гос. историч. музея и Моск. гор. пед. ин-та под руководством М. Е. Фосс произвела обследования берегов Галичского озера у села Быки и близ дома отдыха «Умиление», по имени которых и были названы раскопанные стоянки. На второй стоянке открыты очаги землянки, получены каменные орудия и керамика, позволившая М. Е. Фосс отнести памятники ко второй стадии галичской культуры, с преобладанием, по сравнению с первой, сетчатой керамики.

Исследование первого памятника стоянки Быки дало кости домашних животных и сетчатую керамику с веревочным орнаментом. Исследователь относит стоянку к VIII—VII вв. до н. э.

В Краснодарском крае производила исследования экспедиция Краевого музея под руководством Н. В. Анфимова. Раскапывался могильник в станице Ладожской, и обследовалась правая терраса р. Кубани.

Кроме того, проводился текущий надзор за археологическими памятниками станицы Пашковской, было обследовано место находки античного надгробия на Таманском полуострове и район между хутором Зисерман и станцией Гейманов ской Тбилисского р-на.

Исследованный могильник расположен у рва городища № 5 ст. Ладожской, у колодезного яра. Территория могильника находится под усадьбами колхозников, и только небольшая площадь остается свободной. Могильник был открыт в 1944 г. Н. В. Анфимовым. В отвесном обрыве могильника обнаружились человеческие кости и керамика. Исследование места находки привело к открытию большого земляного склепа с пятью скелетами, сопровождавшимися большим количеством инвентаря, в числе которого и глиняные сосуды, оружие, украшения: золотые браслеты и серьги. Н. В. Анфимов отнес склеп ко II в. до н. э. Раскоп 1945 г. был заложен на месте находки жителями родосской амфоры. На площади 50 м^2 было открыто 8 погребений на глубине 1.50—2.40 м. Костяки лежали на спине, вытянуто с неопределенной ориентировкой, чаще всего в восточном направлении: сопровождались погребениями лошадей, собак, запасами мяса и вещами: посудой и украшениями. Особенно интересной оказалась могила № 2, в которой в ряд лежало шесть лошадей в уздечном уборе, убитых ударами в лобную часть. На их спинах были найдены рога косули, спиленные вместе с частью черепа. Исследователи полагают, что лошади были покрыты шкурами косуль, служившими попонами. С краю ряда лошадей был положен скелет собаки, а сверху — большое количество разрубленных туш лошади, коровы и почти целая тушка барана. Вещественный материал состоял из керамики гончарной и лепной работы, черной и серой глины, мелких стеклянных бус темного цвета. Исследованные погребения Н. В. Анфимов относит к III—II вв. до н. э. и считает их одновременными скелету, открытому в 1944 г. Характерной чертой является довольно частое нахождение костей собаки.

Обследование правой террасы р. Кубани явилось продолжением работ 1944 г. На протяжении от станции Тбилисской до г. Кропоткина было обнаружено шесть ранее неизвестных городищ и два грунтовых могильника. Наиболее крупным является городище, известное под именем «Кадушкино», в 8 км от станицы Казанской.

Небольшие рекогносцировочные раскопки могильника у станицы Казанской привели к открытиям восьми могил. Костяки лежали вытянуто на спине, головой в восточном или северном направлении, в сопровождении костей лошади и сероглиняной сарматской керамики.

По мнению руководителя экспедиции Н. В. Анфимова, городища относятся к сарматской эпохе и датируются временем от II в. до н. э. по III в. н. э. Эта датировка установлена по случайным находкам с верхних слоев городища, время же возникновения этих памятников может относиться и к более раннему времени, на что указывает находка фрагментов скифской керамики на одном из городищ у станицы Казанской.

Экспедиция Минусинского музея производила исследования в Красноярском крае по правому берегу Енисея. Около с. Быстрого было исследовано одно погребение карасукской культуры, давшее несколько бронзовых вещей. В гор. Абакане в разрушенном кургане раскрыта могила татарского времени. С погребенным ребенком были найдены сосуд баночной формы, бронзовый стержень и костяной гребешок. Эта же экспедиция произвела раскопки Таштыкского могильника на берегу сухого озера в Луговском сельсовете. Интересный материал был получен при исследовании Андроновского могильника в гор. Абакане.

В числе вещей заслуживает внимания костяная пластинка с изображением человеческого лица.

Разведки в северо-западной части Минусинского р-на привели к открытию много-

численных курганов карасукской, тагарской и таштыкской культур, ряда стоянок и — около сел. Потрошилова — писаниц, высеченных на скале. Изображения занимают площадь 0.5 м высотой и 2.7 м длиной. Рисунки передают образы лошадей, оленя, козла, лисиц, или собак, стилизованных птиц и крестообразную фигуру. Всего зарегистрировано 30 разных памятников.

В том же Минусинском р-не проводил археологическое обследование геолог П. Г. Чернявский. Им открыты стоянки и могильники культур карасукской, тагарской, таштыкской и чааты. Всего зарегистрировано 43 памятника.

В Мордовской АССР исследования вела экспедиция Научно-исследовательского ин-та языка, литературы и истории под руководством П. Д. Степанова. Пройдя маршрут около 300 км в пределах Атешевского, Дубенского и Березниковского р-нов, экспедиция зарегистрировала 63 различных памятника. Древнейшим из них является Марьяновская дюнная стоянка, относящаяся к бронзовой эпохе, и курганы срубной культуры. Особое внимание уделено городищам и селищам по материалу, разбивающемуся на две группы, северную и южную. Первая, отличающаяся деталями керамики и устройством укреплений, представлена городищами: Чиндяновским, Моргинским, Сайнинским и Налитовским; вторая — двумя Николаевскими, двумя Енгалычевскими, Явлейским и Симкинским.

Установлено сочетание укрепленных городищ и открытых селищ.

Исследователь связывает городища и селища с древне-мордовскими племенами. Открытые могильники относятся к XVII—XVIII вв. Вещевой материал, обнаруженный в погребениях могильников «Пиге-Алкс» и «Калмо-Пандо-Пря», позволяет отнести памятники к мордве-эрзе, а монеты Петра I — к началу XVIII в.

В Москве археологические раскопки на территории бывшего Симонова монастыря производились А. Л. Монгайтом, по поручению Сектора истории русской архитектуры, Ин-та истории и теории архитектуры Академии Архитектуры СССР. Масштабы работы и ее цель были очень скромными. Архитектор Р. А. Кацнельсон, работающая над исследованием и реконструкцией трапезной, пришла к выводу, что здание имело в XVII в. наружную галлерею. Раскоп, заложенный у северной стенки трапезной на расстоянии 2 м к востоку от современного крыльца, и траншея параллельно стенам трапезной, открыли основание галлереи, построенной в первой половине XVII в. одновременно со зданием трапезной. Эти фундаменты находятся в непотревоженном виде и характеризуются керамикой XVI—XVII вв.

Галлерея шириной 3.3 м находилась на столбах, расстояние между которыми 2.5 м.

В Московской обл. студенты Моск. ун-та под руководством проф. А. В. Арциховского раскопали 11 вятичских курганов.

Проводившиеся до войны в Новгороде интенсивные археологические исследования снова возобновились после четырехлетнего перерыва. На этот раз раскопки, проводившиеся А. Л. Монгайтом, связаны с исследованием Софийского собора, проводимым Н. И. Бруновым. Раскоп был заложен у контрфорса, находящегося против лопатки со знаменитой фреской Константина и Елены. Были прослежены слои строительных остатков, позволяющих восстановить историю собора. На глубине 2.2 м был открыт древнейший пол XI в.

Во Пскове работы велись с целью изучения культурных напластований города. Руководитель экспедиции ИИМК АН СССР С. А. Тараканова выбрала участок на территории «Довмонтова города», примыкающий с юга к Псковскому кремлю. Раскопки выявили следующую стратиграфию: первый слой XX—XIX вв. с двумя горизонтами: верхним, с большой примесью строительного мусора, и нижним, отличавшимся преобладанием песка. Второй слой состоял из строительного мусора, а в нижних частях — с примесью черной земли. Здесь были найдены монеты первой половины XIX в., кафельные плиты XVIII в., фарфор и фаянс XVIII—XIX вв. С. А. Тараканова установила, что данный слой является строительным мусором от реставрационных работ южной крепостной стены Кремля, произведенных в XIX в. Третий слой представлял остаток строительного мусора, образовавшегося от разборки стоявшей здесь в 30-х годах XIX в. церкви. Нижележащий четвертый слой состоял из гумуса с примесью плитняка, керамики и железных гвоздей. Пятый слой содержал остатки строительного мусора от постройки церкви в XVI в.; его мощность 40—65 см. Шестой слой дал славянскую керамику и вещи X—XII вв., а седьмой, состоявший из гумуса без примеси строительных остатков, дал лепную славянскую керамику, аналогичную керамике длинных курганов. Последние находки дают основание утверждать, что Кривическое поселение занимало не только территорию Кремля, но и «Довмонтова города», следовательно, было весьма обширным.

Эти раскопки открыли часть оборонительного рва, окружавшего Псковский кремль с южной стороны.

После долгого перерыва возобновились раскопки Старой Рязани, начатые экспедицией Рязанского областного музея, под руководством А. Л. Монгайта. Заложенные два раскопа — один близ Борисоглебского храма и второй у крутого спуска к берегу Оки, напротив обрыва, отделяющего набережную от храма, позволили выявить степень заселенности этих частей города. Два следующих раскопа — один на северной стороне вала у Новых Пронских ворот и напротив Шатрищенской школы — выявили

конструкции вала. Открытые срубы, связанные в обло, представляют остатки деревянных стен города.

В Саратовской обл. производились исследования под руководством И. В. Синицына. В районах р. Камышлей и Медведицы открыты группы курганов и два поселения бронзовой эпохи. Случайно найдены две человеческие статуэтки, сделанные из мергеля.

Вторым маршрутом разведки явились окрестности с. Теликовки по левому берегу Волги, где открыты две стоянки, давшие с керамикой и микролитические орудия.

В Свердловской обл., на берегу р. Полуденки близ города Н. Тагила, под руководством О. Н. Бадера была исследована стоянка, на площади которой открыты две землянки, окруженные оградой. Землянки прямоугольной формы глубиной 30 см, как полагает исследователь, имели невысокие бревенчатые стенки.

В Татарской АССР производилось обследование р. Казанки, от ее устья до верховьев и левого притока р. Кисмега, проводившееся под руководством Н. Д. Калинина.

Были осмотрены места стоянок, известных по литературе, и установлено, что в результате земляных и строительных работ многие из этих памятников исчезли. Наряду с этим открыты стоянки, неизвестные прежде. Кроме стоянок, осмотрены городища, селища и татарские кладбища с рядом старинных надгробий, среди которых зарегистрирован ряд новых, неизвестных ранее.

Начатые в 1938 г. исследования болгарского городища возобновились в 1945 г. под руководством А. Н. Смирнова. Изучался район Греческой Палаты, где были исследованы остатки палаты, оказавшейся развалинами христианского храма. Раскопанные погребения дали в большей части арменоидные черепа. Весь памятник датируется XIV в. Вторым пунктом явились раскопки в западной части городища у Британкина озера, где открыты остатки построек и мастерской.

В Томской обл. работала экспедиция, организованная Томским ун-том и Пед. ин-том под руководством К. Э. Гриневича. Были продолжены исследования курганов и городища в урочище Басандайка близ Томска. 16 раскопанных курганов полушарной формы диаметром в среднем 12—15 м и высотой 1.5—3 м содержали по нескольку погребений, захороненных или по обряду трупоположения, или сожжения. Наиболее ранние из них могут быть отнесены к VII—X вв., вторые несколько поздней — к XIII—XIV вв., и, наконец, впускные к XVI—XVII вв.

В 1945 г. были продолжены и раскопки городища. Наиболее ранние наслоения, открытые в одном пункте, содержат кремневые поделки и, повидимому, восходят к неолиту. Второй слой значительной мощности в нижней своей части относится к эпохе бронзы, а в основном — ко времени татарской культуры. Верхний первый слой датируется более поздними стадиями железной эпохи.

Н. В. Пятышевой были исследованы в Херсонесе 4 скорченных погребения, сопровождавшиеся греческой и таврской керамикой. В одной могиле найдены обломки терракот со следами окраски. Открытые погребения датируются IV—III вв. до н. э.

А. П. Окладниковым произведены работы по низовьям р. Хатанги, где были открыты стоянки неолита, бронзы и раннего железа. Найденный богатый материал позволил исследователю притти к заключению о родстве неолита Хатанги с неолитической культурой Якутии. Вторым пунктом были исследования на острове Фаддея и в заливе Симса, где сохранились зимовья русских мореходов XVII в.

В результате детального изучения обнаруженных остатков удалось воссоздать картину катастрофического события — гибели от голода русских промышленников.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЗГНИИ — Азербайджанский государственный научно-исследовательский институт
ВДИ — Вестник древней истории.
ГИМ — Государственный исторический музей
МАО — Московское археологическое общество
ESA — Evrasia Septentrionalia Antiqua
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
Изв. Зап.-Сиб. РГО — Известия Западно-сибирского отд. российского географического общества
Изв. РАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры
IosPE — Inscriptiones orae septentrionalis Pontem Euxinum
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
ТОВ — Труды Отдела Востока Эрмитажа
Тр. АС — Труды археологического съезда

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

С. П. Толстов. Городища с жилыми стенами . . . . . .
А. Н. Бернштам. Берккаринская пряжка 3
А. Н. Бернштам. Фрагмент селадонового блюда с китайской надписью 12
М. М. Герасимов. Портрет Тамерлана (опыт скульптурного воспроизведения на краниологической основе) 1
В. Ф. Гайдукевич. Некоторые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартакидов 22
А. Л. Монгайт. Древнерусские деревянные укрепления по раскопкам в Старой Рязани 28
Л. И. Якунина. Новгородская обувь XIII—XIV веков 38
В. К. Лукомский. Герб как исторический источник 49

II. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Я. Брюсов. Краткий отчет о работах Северной археологической экспедиции в 1945 г.
М. Е. Фосс. Новые памятники в районе Галичской культуры 61
И. Т. Цветкова. Гавриловская неолитическая стоянка с могильником 70
В. Н. Чернецов. Результаты археологической разведки в Омской области . . 79
О. А. Кривцова-Гракова. Абашевский могильник . . 92
Е. И. Крупнов. Северокавказская археологическая экспедиция. 99
В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1945 г. 105
А. И. Тереножкин. Археологическая разведка на городище Афрасиаб в 1945 г. 116
И. И. Ляпушкин. Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы 122
С. А. Тараканова. Раскопки в Пскове 132
А. М. Ефимова, Н. Ф. Калинин и А. П. Смирнов. Раскопки городища «Великие Болгары» в 1945 г. 139
Н. Н. Воронин. К архитектурной истории Димитриевского собора во Владимире 150

III. ТЕЗИСЫ ДИССЕРТАЦИЙ, ЗАЩИЩЕННЫХ в 1944—1946 гг.

Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов 158
Л. И. Якунина. История жемчуга в русской одежде 161
Г. Б. Федоров. Русские монеты удельного периода . . . 163

IV. ИНФОРМАЦИЯ

И. А. Талицкая. Археологические памятники р. Кувы 166
С. А. Тараканова. Находка из Городни на Волге 170
И. И. Никишин. Некоторые соображения о земледельческом назначении каменной находки из Городни на Волге 172
И. В. Синицын. Археологические работы в Саратовской области в 1945 г. . . 173
В. А. Сафонов. Археологические работы Дзержинского краеведческого музея в 1940—1944 гг. 176
С. Н. Ильин. Новый эпиграфический памятник XII в. в верховьях Волги 179

V. ХРОНИКА

А. П. Смирнов. Обзор археологических исследований в РСФСР в 1945 г. 182

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Редактор *С. Т. Попова* Технический редактор *О. В. Залышкина* Корректор *М. И. Бабасинова.*

РИСО АН № 2612. А-10468 Издат. № 1053 Тип. заказ 2798. Подп. к печ. 3/XI 1947 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆ Печ. л. 11³/₄ Уч.-издат. л. 18. Тираж 3000.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
18	4 св.	есть	кость
19	17 сн.	Середина скуловой	Середина скуловой..
23	12 сн.	больвийскую	Ольвийскую
29	11 сн.	В. С. Сизов.	В. И. Сизов.
29	2 сн.	1944 1947	1934 1937
43	Подп. 3 св.	Ковалено	Ковалево
43	То же 4 св.	мовастырь	монастырь
46	5 сн.	exhidition	exhibition
186	Левый столб. 7 сн.	А. Н. Смирнова	А. П. Смирнова